

ЛУДОВИКО АРИОСТО

НЕИСТОВЫЙ
РОЛАНД

Песни XXVI—XLVI

Перевод свободным стихом
М. Л. ГАСПАРОВА

Издание подготовили
М. Л. АНДРЕЕВ, Р. М. ГОРОХОВА,
Н. П. ПОДЗЕМСКАЯ

МОСКВА «НАУКА» 1993

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Благородны были прежние дамы,
Любя доблесть пуще златой корысти,
Ибо нынешним
Редко что любезнее прибыли.
А какие от высокой души
Воспрезрели те скаредные обычаи,—
Тем да сбудется счастливая жизнь,
А по смерти — бессмертная слава.

Вступление.

Вековечная хвала Брадаманте,
Возлюбившей не золото и не трон,
А дух, а доблесть,
А Руджьерово благородное сердце;
И поистине тем она достойна
Столь высокой паладиновой любви,
Подвизавшей ристателя на подвиги,
Дивные в веках.

Вот и мною сказано, как Руджьер,
А с ним двое из клермонтского рода,
Сиречь Альдигьер и Рикардет,
Вышли в помощь двум узным братьям;
И еще мною сказано, как предстал
Гордый перед ними рыцарь,
А в зеленом щите его — чудо-птица,
Вечно юная и единственная под солнцем.

*К Руджьеру
с товарища-
ми присоеди-
няется Мар-
физа.*

Как завидел встречный
Трех стоявших наготове разить,
Пожелалось ему испытать,
Таковы ли они духом, как видом?
«Не найдется ли,— кричит он,— меж вас,
Кто отважится со мною померяться,
Чей меч быстрее и копьё острее,
Пока кто-то кого-то да не опешит?»

«Я готов,— в ответ Альдигьер,—
И мечом кружить и копьём разить,

Но другое нынче над нами дело,
И такое (подожди—и увидишь),
Что не то что на бой, а и на толк с тобой
Нам негоже тратить нужное время,—
Сюда будут сотен пять или шесть,
С ними-то и быть нам помужествовать,

- 6 Потому что честь и любовь
Велят вырвать у них двух наших
И поведывает, для каких они причин
Здесь явились конно и оружно.
«Таково благороден ваш ответ,—
Молвит встречный,—что боле я ни слова,
Ибо верно вижу:
Мало в рыцарстве рыцарей, как вы.
- 7 Я хотел переведаться булатом,
Чтобы вызнать, каков в вас дух;
Но как нынче у вас иной показ,—
Я доволен и отрекаюсь вызова,
А прошу лишь принять в ваш строй
Мой щит, мой шлем,
И надеюсь, что и я покажусь
Быть достоин такого сдружества».
- 8 Всякому, наверно, охота
Знать по имени, кто же был таков
Сей приставший к Руджьеру и
Сопоборником в столь отважный час?
То была (не хочу сказать: то был),
То была Марфиза—та, которая
Так недавно злосчастному Зербину
Горе-спутницу всадила в седло,
- 9 Разудалый Руджьер и два клермонтских
Рады видеть друга с собой к плечу,
Полагая в нем заведомого рыцаря,
А не рыцаршу, какова она есть.
А по малом времени
Смотрит Альдигьер и кажет друзьям
Вдали знамя, веемое ветром,
А под знаменем многих ратный люд.
- 10 Как явились они ближе
И узнался их маврский наряд,
Стало зримо, что они—сарацины,
И меж ними несомненные два
Узных узника на убогих клячах,
И ждут майнцского золота в промен.
Говорит Марфиза: «Они здесь:
Не пора ли нам к балу-карнавалу?»

*Они нападают
на пленителей
Малагиса и
Вивиана.*

- 11 А Руджьер: «Еще съехались не все
Званые к балу-карнавалу,
А бал не мал,
А нам править его чин по чину.
Так помедлим: оно уже недолго».
Говорят и видят:
Показались и майнцские изменники —
Стало, впрямь пора пускаться в пляс.
- 12 Вот съехались майнцские изменники,
За которыми целый караван
Злата, платий и пышных сбруй,
И два пленника,
Среди копий, мечей и стрел
Страждущие, видя, что вот их ждут,
И уже заклятый их Бертолагий
В перемолвке с сарацинским вождем.
- 13 Ни Амонов сын, ни Бовы
Не стерпели пред майнцским супостатом:
Каждый вскачь,
Каждый бьет копьем вперевес,
И один—напробой седла и панциря,
А другой—сквозь шлем и в лицо.—
Так да сгинут все злобные неистовцы,
Как под копьями кончился Бертолагий!
- 14 А Руджьер, а Марфиза,
Как по знаку, не ждав иной трубы,
С места в битву, и ломаются их копыя,
Вырвав жизнь одному, двоим, троим.
Руджьерову острию
Подстать сам басурманский воевода,
А и он дух вон,
И за ним два других отходят к праотцам.
- 15 Под ударами в растерянных смятение,
А в смятении — крайняя погибель.
Майнцским мнится,
Что на них—сарацинская измена;
Мавры мечутся
И кричат про убийство и разбой;
И пошел меж ними бой — луки в руки,
Копья вперевес, клинки наголо.
- 16 Налетит Руджьер то на тех, то на этих,
Что ни скок, то десять с ног, что ни взмах,
то двадцать в прах;
А не менее того и красавица
Рубит вправо и губит влево.
Скольких тронет сталь,
Стольким ввек уже не встать:
Пред мечами их что шлемы, что панцири —
Как сушняк пред лесным огнем.

*Подвиги
Руджьера и
Марфизы.*

- 17 Кто видывал,
Кто слыхивал,
Как в бортном рое встает раздор,
И пчелы на пчел вылетают в бой,
Но насвистнет несытая касатка
Бить, губить, глотать тех и этих
Без числа,—
Тот узнает Руджьера и Марфизу.
- 18 А Рикардет и его двоюродный
По-иному пляшут меж двух племен:
Небрегут язычеством,
Держат глаз лишь на майнцской стороне.
Недаром у Ринальдова брата
Каков дух, такова и мощь,
А от майнцской ненависти
Еще вдвойне.
- 19 И с того же вражества
Сын Бовы, как яростный лев,
Не ленясь мечом,
Дробит шлемы, как яичные скорлупы.
А и всякий рад
Изъявить себя новым Гектором,
Если рядом — Марфиза и Руджьер,
Цвет и сила истого рыцарства.
- 20 Рубится Марфиза,
Озирается на товарища,
И в уме верстает их силою,
И каждый—диво, каждому—хвала,
Но превыше хвал Руджьерова доблесть:
Мнится он несравненен,
Верится, не сам ли то Марс
Сшел на битву с пятого неба?
- 21 Диво—его удары,
Диво — не знающие промаха;
Рубится его меч Бализарда,
Сечет сталь, как бумажный лист,
ВскальЫвает шлемы и панцири,
Рассекает всадников до седла —
Валятся на траву
На-пол справа и на-пол слева;
- 22 Одним взмахом
Сокрушает седока и коня;
Голова за головой летят с плеч,
Грудь за грудью валятся с туловищ;
Пятерых он разит единым разом —
А кабы поболее было веры
В ту истину, похожую на ложь,
Я начел бы и более, да нельзя:

- 23   Добрый наш Турпин без обмана
          Гласит правду, а там хоть верь, хоть нет;
          Но такое он молвит о Руджье-
          Что послушавши, всяк объявит: лжет!
          А равно и перед Марфизою
          Что ни воин, то как лед перед пламенем;
          Как она с Руджьеровой доблести,
          Так и он с нее не сводит глаз.
- 24   И как он ей — Марс,
          Так она ему мнилась бы Беллона,
          Ежели бы ведал он вопреки
          Виду, что не ратник она, а ратница,
          И едва ли не впереспор
          Они били тот подлый люд,
          Чья и плоть, и кость, и кровь, и жиль
          Изъявляли, кто способнее рубит.
- 25   Столько духа и столько доблести
          В четырех бойцах,
          Что они сокрушили и тех и этих,
          Что уже бегущим ничто не впрок,
          Кроме пят и копыт, —
          Хорошо, у кого есть конь
          Не в рысь, а в скачь,
          А не то несручно биться пешему.
- 26   Ни кольчужника в поле, ни погонщика,
          Бегут вправо — мавр, влево — Майнц,
          Те бросая пленников, эти — выкуп,
          Всё — тем, чей верх.
          С Малагиса и Вивиана узы — прочь,
          В лицах — радость, а в сердцах — вдвое,
          Расторопные слуги
          Тащат тюки — наземь и на возы.
- 27   Вдоволь там нашлось серебра
          Славного сосудного чекана,
          Вдоволь платий
          Лучшего и тончайшего шитья,
          И ковров для королевских палат,
          Тканых фландрским шелком и золотом,
          И другие богатства и роскошества,
          Но еще и вино, и хлеб, и снедь.
- 28   Сняли рыцари шлемы и увидели,
          Что споборником их была девица,
          Ибо явлены золотые кудри
          И нежное из-под забрала лицо.
          Ей поклон и честь
          И прошенье не утаить свое имя;
          А она, меж друзей всегда учтивая,
          Не замедлила сказ о себе.
- Освобожде-
те пленни-
ков.*

- 29 Видевши, какова она в битве,
 Все глядят на нее во все глаза,
 А она—на единого Руджьера:
 Все слова—г* нему, остальные ей ничто.
 Но уже зовут их служители
 К пиршественному роскошеству
 Под горою, защитою от зноя,
 Где был ключ, а над ключом водоем.
- Отдых
у Мерлинова
водоема*
- 30 То Мерлинов ключ,
 Каковых четыре по целой Франции,
 А под ним—водоем,
 Беломраморен, глажен и блестящ.
 А по ободу того водоема
 Резана кудесником дивная резьба:
 Что ни образ, то словно дышит,
 Весь как жив и едва не говорит.
- 31 В той резьбе являлся очам чудовищный
 Лесной зверь, видом гнусен, зол и лют,
 Волчий зуб, волчий лоб,
 Впалый бок от жадного голода,
 Когти львиные, а уши ослиные,
 А всем прочим туловом как лиса;
 И он рыщет по Франции, Англии, Италии,
 Испании,
 По Европе, по Азии, по конец земель,
- с иносказа-
тельным
изображени-
ем Алчно-
сти.*
- 32 Всех язвит, всех губит,
 Кто убог, кто высок,
 А тлетворнейше—
 Кто король, кто князь, владетель,
 наместник;
 Пуще же всего,
 Осквернив пречистый Петров престол,
 Оно выжрало пап и кардиналов,
 Заронивши соблазн в святую веру.
- 33 Не выстоит перед чудищем
 Ни единая вставшая стена,
 Никакой не защищен город,
 Все оплоты, все ворота—вразлет.
 Словно ширится оно в божество,
 Словно впрямь оно — бог для суеверящих,
 И уже налагает длань поять
 Ключи неба и ключи ада.
- 34 А над чудищем видится паладин,
 Кудри венчаны державными лаврами,
 С ним три юных
 В золотых лилиях по царским нарядам,
 И под тем же знаменьем некий лев,
 Вышед вместе, бьется с чудовищем,

- И над всеми писаны имена,
Чьи над теменем, чьи по краю платий.
- 35 Первым вбил по крайнюю рукоять
Свой булат в брюхо скаредному хищнику
Тот, чье имя Франциск французский;
Вслед ему — австрийский Максимилиан
И Карл Пятый, державный император,
Прободающий пикою злую пасть;
А стрелою разящий в грудь
Назван Генрихом Восьмым из Британии.
- 36 И у Льва
Значится на спине: Десятый,
И тот лев вгрызся в уши злому зверю,
Измозжив его для приспевших ратников.
Словно свеян страх,—
Так стекаются смуть грехи отцов
Немногие те, но лучшие,
Кем из чудища исторгается жизнь.
- 37 Три рыцаря и Марфиза
Долго медлили перед теми ликами,
В жажде знать, от кого повержен хищник,
Черным ядом сквернивший столько стран.
Хоть и значились в камне имена,
Но неведомые,—
И пытали воители меж собою,
Кто что знает, дабы сказать другим.
- 38 Только Малагис молчал да слушал,
И тогда-то молвил ему Вивиан:
«Ты, как видно, о зрелище небессведущ,
Твой и сказ:
Кто
Здесь копьем, мечом, стрелой свергает
чудище?»
Малагис в ответ:
«Это повесть, досель еще не памятная.
- Малагис над
ним пророче-
ствует об
итальянских
войнах.*
- 39 Знайте:
все, чьи здесь ни резаны имена,
Никогда не хаживали по свету,
А взойдут через семь веков
К вящей славе грядущего поколения.
Мудрый волхв британский Мерлин
При царе Артуре,
Велев скласть водоемные каменя,
Велел врезать в них деянья потомков.
- Это чудище изверглось из недр
Ада о ту древнюю пору,

Как настали у людей мера, вес, закон и суд,
И поля всполосовались межами.
Но не вмиг полонило оно мир,
Тех и этих обошед стороною;
И досель, уже повсеместное,
Разит только подлый люд и черную чернь.

- 41 От начальных пор до наших дней
Росши и выросши,
Так оно и впредь
Взрастает выше и круче всех чудовищ,—
Сам Пифон,
Писанный для нас в старинных хартиях,
Вполовину не был таков
Бешен, страшен, гнусен и лют.
- 42 Тут и быть от него великому поеду —
Всем извод, погубление и скверна:
Здесь на белом камне
Малая лишь малость тех черных бед.
И когда не станет сил звать о помощи,—
Эти,
Чьи на камне имена ярче пламени,
Придут вызволить свет из злой невзгоды.
- 43 Первым рушителем хищного зверя
Станет сей французский Франциск,—
Немногие с ним к плечу
И никто впереди:
В королевском блеске, в рыцарской доблести
Он затмит
Многих, прежде слывших столь славными:
Так светила меркнут пред вставшим Фебом.
- 44 В первый год счастливого королевствования,
Не упрочивши еще венца на челе,
Он ударит с Альп,
Прорвав ковы, замкнувшие тропу,
Движим гневом, благородным и праведным,
Что доселе не отмщены
Те обиды, которыми на французоз
Яро грянул стадный скотопас.
- 45 С лучшим цветом Франции
Он ниспустится в ломбардские нивы
И разметет Гельвецию, которая
Больше ввек не воздымет гордый рог.
А в позор и срам
Флорентийцу, Риму и испанскому воинству
Он скруглит твердыню,
Мнимую дотоль необорной.

- 46 И к тому-то сокрушению
Паче всякого иного оружия
Ему будет тот меч, которым он
Вырвет жизнь развратительного чудища:
Всякий стяг
Перед тем мечом иль вспять иль в прах,
И ни ров, ни вал, ни тын, ни камень
Никакому городу не укров.
- 47 Просияет сей государь
Всем величьем счастливых воевателей —
Душой Кесаря, зоркостью ума,
Явленного над Тразименой и Треббией,
И удачею Александра,
Без которой все замыслы — туман и дым.
А в щедротах
Ему нет ни примера, ни подобия.
- 48 Таковым своим сказом Малагис
Заронил в сердца рыцарей желание
Знать по имени
Всех убийц убийственного чудища.
И меж первыми был прочтен Бернард,
О ком сказано в Мерлиновой похвале,
Что его Бибиена им возвысится,
Как Сиена и смежная Флоренция.
- 49 Никому не стать впереди
Сйгизмунда, Иоанна, Людовика
Из Тонзагов, из Сальвиатов, из Арагонцев,
Трех заклятых врагов исчадью ада.
Вот Франциск Гонзаг,
За которым — Фредерик, его отпрыск,
А с ним зять его и с ним свойственник его,
Тот урбинский, этот феррарский.
- 50 При урбинском его сын Гвидобальд
Ни отцу и никому не уступит доблестью;
Два Фиеска, Синибальд и Оттобон,
Травят лютую тварь, и каждый быстр;
Граф Газольский
В жарком звере разогрел острие
Царь-стрелы, ибо лук его — от Феба,
А от Марса — меч.
- 51 Два Геракла, два Ипполита,
И еще Геракл, и еще Ипполит,
Тот Гонзаго, а этот Медичи,
Гонят чудище, травят и томят;
Не отстанут
Ни за сыном Юлиан, ни за братом
Фердинанд;
Андрей Дориа быстр и остр,
Франциск Сфорца никому не попустит.

*Похвала
современни-
кам автора.*

Но лишь в срам и поношение женщинам.—
А напрасно,
Ибо, право, на две ли, три ли злых
Между ними надо быть сотне добрых.

123 Правда, скольких я ни любил,
Ни одна не явила себя верною,
Но не положу я хулы на всех,
А скажу: такова уж моя недоля.
Много есть, а пуще было таких,
О которых никто не молвит худа,
Но что делать — знать судьба: будь и в
стах
Одна злая, так ей-то я и надобен.

124 А хотелось бы,
Пока я не сед и не мертв,
Отыскать такую, чтобы воскликнуть:
Вот она, благоверная даже мне!
Ежели чудо сбудется
(А надежда на то во мне жива) —
Неустанно стану слагать ей славу
Устно и книжно, прозою и стихом!

125 А не меньше, чем против дамы,
Кипя гневом на своего короля,
Сарацин хулою на ту и этого
Равно рвется разумом из берегов:
Жаждет видеть,
Чтоб на царство его грянула злая буря,
Чтоб по Африке—ни камня на камне,
В каждом доме — смерть,

126 Чтоб, низвергнувшись, король Аграмант
Влачил жизнь тщетно, скудно, скорбно,
слезно,
И чтоб он, Родомонт,
Вернул честь ему, воссадил на престоле,
Явил плод своей вечной верности,
И тогда увидится: честный друг
Вправе быть поддержан в добре и в худе,
Даже ежели он один против всех.

127 Так-то пышучи сарацин
Буйным сердцем на государя и даму,
Скачет долгий день за долгим днем,
Сам не спит и Фронтину не даст прохлады
На второй или третий Перегон,
Глядь, а он уже и у Соны,
Потому что держал на юг,
Чтоб из лукоморья отчалить в Африку.

*Родомонт
останавлива-
ется
на постоя-
лом дворе.*

Видит: Соны от берега до берега
Вся в плотах, расшивах, ладьях,

Сквозь вздохи, но громким голосом,
Чтоб услышал близстоявший Руджьер.

- 58 Говорит она: «Я вела в поводу,
Как то велено было твоей сестрицею,
Ее дивного, славного и любимого
Коня, имя которому Фронтин,
А вела я его к городу Марселю,
Где сулилась она в немного дней
Быть сама, а мне приказала
Доспеть раньше и ждать ее с конем.
- 59 Я была отважна в том мнении,
Что никто не найдетсся здрав
Посягнуть на коня, о коем сказано,
Что он хаживал под Ринальдовой сестрой.
Но тщетно —
Не отъехала я и на тридцать миль,
Как отъял того коня сарацин,
Не смотря, что он Фронтин, и кто наездница.
- 60 Умоляла я его день, умоляла я его другой,
А не взяв ни мольбами, ни угрозами,
Я с худою хулою
Бросила его невдали,
Где он нынче трудит себя и с лошадыю,
Упражняясь с мечом в руке
Против столь неленивого поединщика,
Что хоть сей бы за меня отомстил!»
- 61 Чуть дослышав такие слова,
Руджьер скок с ковра, и к Рикардету:
За услугу
(Говорит он, просит и умоляет)
В воздаяние, награду и мзду
Пусть позволится ему вслед за дамою
Одному сыскать того сарацина
И расчесться с ним за такого скакуна.
- 62 Рикардет,
Хоть и мнилось ему нестаточным
Возложить на друга свой долг,
Уступил Руджьеровой воле,
И, простившись тот с добрыми товарищами,
Удалился за Иппалкою вслед,
Их оставив изрядно недоуметь,
Удивляясь его поспешливой доблести.
- 63 Как отъехали они прочь,
Не умедлила Иппалка поведать
Все, с чем послана
Тою, в чьем сердце навек его печать.
Без потайки и вымысла
Молвит, что ей вверено госпожою,

*Руджьер
вызывается
отомстить,*

А что прежде сказано-де не так,
То для глаза и слуха Рикардета.

- 64 Молвит и о том,
Кто отбил у нее коня
Со спесивою речью: «Коль он—Руджьеров,
То угоднее мне вдвойне;
Буде же Руджьеру охота вздорить,
Объяви:
Имя мне—Родомонт,
А дела мои блещут по всей вселенной».
- 65 Руджьер слышит, и в груди его пышет
Жар неистовства, зримый по очам,—
Оттого ли, что Фронтин ему люб,
Оттого ли, что он дар его дарительницы,
Оттого ль, что похитчик столь
презрителен,—
Но ему и обида и позор,
Ежели не вырвет коня у взявшего
И не выметит Родомонту достойной мздой.
- 66 Едет рыцарь, путеводясь красавицею,
Соступиться с басурманом лицо к лицу,
И доехали они до распутия,
Где путь низом и где путь верхом;
И хоть оба ведут в тот самый дол,
Где Иппалка покинула похитчика,
Но нагорный краток и крут,
А долинный долог, но прост и ровен.
- 67 Жарким разжигаясь желанием
Отбить коня и отмстить за себя,
Обращает она рыцаря в гору,
Где прямой тропа,—
Между тем, как алджирский богатырь
И татарин, и с ними их красавица
Свой держали путь по легкой низине
И поэтому с Руджьером разминулись.
- 68 Вам памятно,
Что они отдали свой раздор
До подмоги королю Аграманту,
И вина раздора при них сам-третья —
Доралиса.
Уведайте же теперь,
Что приспели они напрямик к тому ключу,
Где Марфиза, Рикардет, Малагис, Вивиан
И Альдигьер расположились для отдыха.
- 69 Марфиза, уступив увещающим,
Взяла женственный наряд и убор
Из казны, которую для Ланфузы
Майнцские назначили изменники;

*но размино-
вываается с
Родомонтом.*

И хоть редко показывалась очам
Без шелома и доброго доспеха,
Но теперь, совлёкшись брони,
Была зрима как истинная дама.

- 70 И такую ее завидевши,
Вдруг взомнилось татарскому королю
Залучить ее и вручить
Родомонту в замену Доралисы,—
Неразумный! словно любовь
Такова, что любовницу любовник
Потерявши ли, променявши ли,
Приутешится ласками иной!

*Мандрикард
нападает на
Рикардета с
товарищами.*

- 71 Себе уберечь девицу,
А сопернику доставить другую,
Словно вмиг мила
И желанна непрежня, как прежняя,—
С тем кладет он взор на Марфизу,
Чья краса и прелесть любому в честь,
А всех рыцарей, которые с ней,
Зычно кличет к копыю и в поле.

- 72 Малагис и Вивиан,
Двое наготове за всех,
Тотчас с места и тотчас в бой,
Оба
Чаяв двух себе супостатов,
Но стоял перед ними лишь один —
Ни на шаг, ни на взмах не дрогнул
Африканский царь. к поприщу

- 73 Вивиан с отвагою первый
К сшибке вскачь, и копые наперевес,
А испытанный сарацин
Мчит сугубою мощью ему навстречу.
Оба метят,
Где бы легче вскрыть броню:
Бьет француз язычника в шлем—тщетно!
Тот не пал и даже не дрогнул.

- 74 А язычник во всю тяжесть копья
Дробит в дребезги щит, как хрупкий лед,
И бросает Вивиана из седла в траву,
В нежные муравьиные объятия.
Порывается Малагис
Ко мгновенной мести за падшего,
Но и вмиг лег вслед,
Не отмстив, а сходяствуя в доле брату.

Родной брат впереди двоюродных —
Грудь в доспех, стопы в стремяна,

- Конь в опор
И отважно навстречу сарацину.
В гулкий шлем гремит острие
Под затвор басурманова забрала —
И копьё вразлет на четыре части,
А язычнику в седле хоть бы что.
- 76 А язычник из седла во всю мощь
Справа влево с такою силою
Ударяет, что щит и бронь
Всколоты, как скорлупы,
И проходит злая сталь через белое плечо,
И шатается Альдигьер в бок и набок,
И ложится навзничь в цветы и травы,
Бледен лик, а доспех кровав.
- 77 А уже налетает Рикардет,
На скаку настораживает копьё,
Да такое,
Что воочью борец достоин Франции;
И на том потерпел бы Мандрикард,
Будь они равны на чашах жребия —
Но нет:
Конь с копыт, а его виной седок с седла.
- 78 Ни единого паладина пред собой
Не имея сарацин ревнователем,
Помышляет он деву своей добычею
И въезжает к Мерлинову ключу,
Воскликая: «Дама,
Вы—моя,
Ибо встать за вас на брань уже некому
Не перечтёте: таков обычай в воинстве».
- 79 Вскинув гордый лик,
Отвечает Марфиза: «Ты ошибся:
Впрямь бы я—твоя по праву воинства,
Будь мне паладином и повелителем
Хоть единый из сверженных тобой.
А я не их, я ничья, я сама своя —
И кто хочет,
Тот отбей меня у меня.
- 80 Я привычна и к щиту и к копьё,
И ссадила немало поединщиков!»
И велит подать ей коня и бронь,
И проворные стремянные послушливы.
Сняла юбку, осталась в куртке,
Явив стан, которого стать
В каждом члене была подобна Марсовой,
А девичество сияло в лице.
- 81 Поверх лат опоясывает меч,
Легким взлетом вскакивает в седло,
- Он
сражается
с Марфизою.*

Шпорит раз, шпорит два
И бросает коня то вбок, то вкруг,
А потом
Копье к бою и вскачь на сарацина,
Как под Троей на фтийского Ахилла
Пенфесилея.

82 Как стекло,
Древки вдребезг по самые рукояти,
А не дрогнули ни всадник, ни всадница
Ни на перст.
Попытать желая Марфиза,
Тот ли будет бой
Грудь в грудь,
Налетает на ярого с клинком в руке.

83 Не сломив басурман соперницы,
Изрыгает хулу в твердь и в сушь и в хлябь,
И соперница, не сразив разимого,
Мечет в небо не меньше злую брань.
У того и у той в руках мечи
Ходят стуком по заговорным латам —
На обоих заговорные латы,
И в такой это день всего нужней.

84 Таков панцирь, такова кольчуга,
Что никому не взять острию,
И секлась бы сеча
День и два,
Не вступишь промежду них Родомонт,
Укоряя соперника задержкою:
«Бой так бой:
Хочешь драться—дерись сперва со мною.

*Родомонт
разнимает
бьющихся,
и Марфиза
едет с ними.*

85 Не затем ли мы с тобой перемиривались,
Чтобы вызволить из бедствия нашу рать,
А дотоле
Не затевать иных битв и браней?» —
И засим, учтиво оборотясь,
Показал Марфизе спутного вестника
И поведал, что он от короля
И велит им спешить к нему на помощь:

86 А Марфизе не станет ли угоднее,
Отменив или отдалив борьбу,
Вместе с ними
На подмогу встать Троянову трону,
Отчего и чище и выше
Ее слава возлетит до небес,
Чем пустою сварою
Препинать столь достойный подвиг?

87 В давней жадности
Испытать Марфиза Карловых паладинов

И ни с чем иным
Из дальнейших земель явсь во Францию,
Как увериться, в правду или в ложь
Вьется слава об их имени,
Тотчас вняв Аграмантову невзгоду,
Тотчас обок спутников правит в путь.

- 88 А меж тем'
Вслед Иппалке Руджьер по горным тропам
Тщетно рыскавши, наконец достиг
Родомонтова поворота,
И по свежему копытному следу
Быстрой рысью
К Мерлинову устремляется ключу,
Рассудив, что недолго уж до обидчика.
- 89 А Иппалке он велит воротиться
В Монтальбан,
До которого день пути,
А отвлекшись к Мерлину, станет долее.
А о том, чтоб отбить коня Фронтина,
Пусть не будет никакого сомнения —
В Монтальбане ли, в ином ли краю,
Вскорости оно услышится.
- 90 И дает ей грамотку, писанную в Агрисмонте,
И с тех пор носимую на груди,
А изустно твердит иное многое
В оправдание всякой своей вины.
Впечатлевши сказанное и откланявшись,
Оборачивает Иппалка коня
И не дальше, как ввечеру,
Взъехала к Монтальбану.
- 91 Скачет Руджьер за сарацином
По свежему копытному следу
И достиг его у Мерлинова ключа
Вкупе с Мандрикардом,
Обещавшихся во всем их пути
Не чинить друг другу недоброго,
Пока помощью не приспеют в стан,
Угрызаемый угрозой от Карла.
- 92 Узнает Руджьер скакуна Фронтина,
Узнает на нем седока,
И вскруглась хребтом над копьем,
Выкликает соперника громким кликом,—
Но как Иов,
Так безропотен в тот день Родомонт,
Укротивши обычайную ярость
И отвергши, чего искал и искал.
- 93 Это в первый и это в последний раз
Царь Алджирский отверг свой бой,

*Тем
временем
Руджьер,
отослав
Иппалку,*

*настигает
Родомонта.*

Но такая в нем пламенела страсть
С честью вызволить своего государя,
Что считай он Руджьера в своих когтях
Крепче зайца у проворного парда,
Он и то не замедлил бы свой путь
Ни на взмах, ни на два булатом.

94 Он знал,
Что соперник, ревнующий о Фронтине,—
Тот Руджьер, которому нет
Равных витязей в рыцарственной славе,
Тот, которого жаждал он давно
Попытать молву заведомой сталью,—
А не стал:
Тяготила его царская осада.

95 Будь не так—
Он сыскал бы спорника на крае света;
Но теперь, хоть вызови сам Ахилл,
Он не стал бы иным, чем вам поведено:
Таково в нем нынче гневные пламена
Спят под пеплом.
Он гласит Руджьеру свою причину
И зовет Руджьера на тот же подвиг,

96 Каковой его подвиг будет долг
Верного господину паладина;
А свершив,
Им достанет воли доспорить.
А Руджьер: «Готов
Я домедлить поединком, покуда
Мы не вызволим Аграманта из-под Карла,
Но сперва отдай мне коня.

*Руджьер
зовет к бою
Родомонта
за коня,*

97 Хочешь ли дождать, чтоб весь стан и двор
Стал свидетелем моему доказу,
Что не славно и что не честно
Ты похитил у дамы моего коня,—
Прочь с Фронтина и отдай его мне,
А не то —
Ни отбою тебе, ни перебою
Ни на малый час».

98 Но покуда Руджьер твердит алджирскому
«Или конь, или брань!»,
А тот вдолге сулит и того и ту,
А немедля ни того и ни этой,—
Подступает к рыцарю Мандрикард
С новым спросом,
Ибо взвился ему на Руджьеровом щите
Орел, царь птиц:

*а Мандрикард
Руджьера
за герб.*

99 На лазоревом поле белый орел,
Славный герб старинных троянцев,

Потому что Руджьеров род
Был от племени всеильного Гектора.
Но того не зная, Мандрикард
Нетерпимую почитал обидою,
Что иной, как он,
Держит щит с белой Гекторовой птицею.

- 100 Тот орел, идейского хищник Ганимеда,
Украшал и Мандрикардов доспех,—
А какою победною наградою
Он стяжался близ Опасных Твердынь,
И вручился рыцарю чародеицею
В тех оружьях, которые Вулкан
Исковал для троянского героя,—
Это, верно, вам памятно между прочего;
- 101 И о том, как Руджьер и Мандрикард
Уж однажды схаживались на бой
За того орла, и чем разъялись,
Я ни слова—об этом знает всяк.
С той поры и до сей поры
Не сводила их судьба,
и теперь,
Взвидев щит, Мандрикард грозитя
с зычной яростью:
«К бою!
- 102 Ты украл мой герб—
Мы за это сходимся не впервые:
Снес я раз—неужели ждешь,
Что снесу второй, наглец ты безмозглый?
Но когда ни угрозою, ни укрою
Из тебя не вымести этот бред,
Берегись узнать,
Что уж лучше бы ты смирился сразу!»
- 103 Как сухое полено на огне
Вспыхивает от малого дыма,
Так при первом слышанном слове
Огнем гнева брызжет Руджьер:
«Ты на том ли затеял меня взять,
Что со мной тягается твой споспешник?
Берегись—меня станет отъять у каждого
И Фронтина, и Гекторова орла!
- 104 За тот щит я однажды с тобою схватывался,
И тому невеликий срок,
Но тогда миновался ты погибелью,
Потому что был не при мече;
Но что было сказано, будет сделано,
И не в радость тебе тот белый орел,
Древний знак моего знатного рода,
По закону мой, по захвату твой».

105 «По захвату—твой!»—
Выкрикнул Мандрикард, выхватил тот клинок,
Тот клинок, который
Бросил в чаще неистовый Роланд.
Нет Руджьеру иных законов,
Кроме рыцарских — видя, что у недруга
Меч в руке,
Он отбрасывает копье свое прочь,

106 Сжал щит, взмел меч,
Добрый меч, преславную Бализарду,
Но меж них бросает коня
Родомонт, за Родомонтом Марфиза,
Он теснит одного, она другого,
Оба честью просят: «Назад!»
Родомонт на Мандрикарда в досаде,
Что и раз и два он нарушил уговор-

*Марфиза
тщетно их
разнимает.*

107 Давеча, польстясь на Марфизу,
Он пять крат грянул сталь о сталь,
Нынче же за Руджьеров герб
Въявь забыл про короля Аграманта.
«Ежели таков твой черед,—
Родомонт кричит,— то доспорь со мною:
Наш спор
Дольше прочих и больше прочих.

108 Лишь на том и положен между нами
Замирительный уговор;
А как кончим счеты —
Я отвечу вот этому за коня,
Ты — за щит,
Ежели останешься жив;
Но я чаю с тобою счесться так,
Что тебе уж станет не до Руджьера».

109 «Не по-твоему выйдет счет,—
Отзывается Мандрикард Родомонту,—
Ты с меня получишь больше, чем ждешь,
Попотевши от темени до пят,
А меня еще достанет,
Как бездонно бьющего ключа,
На Руджьера, и тысячу Руджьеров,
И на целый свет, кому жизни не жаль!»

110 Жарче гнев, горше брань
Разгорается отселе и отголе:
Разом с Руджьером, разом с Родомонтом
Ищет сшибки отчаянный Мандрикард;
А Руджьер не привык к обидам,
И ему бы не мир, а раздор и спор.
Мечется Марфиза меж тем и этими,
Но одной не сладить.

- 111 Так мужик, когда в водополье
Река ломится на новый простор,
Впопыхах не хочет ее пустить
Ни в зеленый луг, ни в житную ниву,
Замкнет здесь, загородит там,
Где-то выправит, глядь, а где-то
Подается мягкая глина,
И вода точит токи сквозь запруды,—
- 112 Так Марфиза,
Над Руджьером, Мандрикардом, Родомонтом
(Каждый—удалец напоказ,
Каждый рвется перевысить соперников)
Бьется их унять,
Но впустую тратит труд и время:
Оттяни она одного,
Два другие, глядь, бешенствуют снова.
- 113 Тщетно их усилившись примирить,
«Государи мои,—кричит она,—слушайтесь!
Отложите спор,
Пока станет Аграмант безопасен!
Ежели же каждому лишь свое,
То и я хочу счастья с Мандрикардом
И увидеть, таков ли он в оружии,
Чтобы взять меня у меня?
- 114 А коль в помощь Аграманту — то в путь,
И конец раздорам!»
А Руджьер: «Не за мною остановка,
Лишь верни он моего коня!
А немногими говоря словами,—
Конь иль бой:
Или мертв здесь полягу, или
Стану в стан на своем скакуне».
- 115 Родомонт в ответ:
«Одно просто, другое не гораздо!
А мое тебе слово:
Коли худо будет нашему государю,
То виною—ты,
Ибо я ни на час не прочь от должного».
Но Руджьеру то слово нипочем —
Он выхватывает ярый клинок,
- 116 Он, как вепрь, рушится на Алджирского,
Бьет щитом, теснит плечом,
Растерявши того и помутив
Столь, что выронил он стопою стремя.
Но Мандрикард — в крик:
«Хочешь биться, Руджьер,— бейся со мною!»
И, самого себя злее и коварнее,
Он шеломит Руджьера клинком в шелом.
- Начинается
схватка
вчетвером.*

- 117 Пал Руджьер грудью к конской гриве,
Хочет распрямиться — невмочь,
Потому что вторым в него ударом
Улиенов гремит Родомонт,
И кабы не алмазный закал,
Быть бы шлему разрублену по щеки.
Распростер Руджьер бессильные длани,
И роняет узду, и роняет меч.
- 118 Скакун скачет с седоком в чисто поле,
Бализарда лежит в пыли;
Вспыхнула Марфиза,
Что один меж двух
Бит недавний спутник ее оружия,
И по славному своему веледушию,
Налетев,
Рушит меч о Мандрикардово темя.
- 119 А Родомонт за Руджьером вслед:
Лишь ударь, и взял бы Фронтина,—
Но воспрянув Рикардет с Вивианом
Преграждают путь меж этим и тем:
Один бьет Родомонта вперехват,
Отпирая теснящего от Руджьера,
А другой — то был Вивиан—
Вложил меч в длань очнувшегося рыцаря.
- 120 Чуть опамятовавшись
И в руке с Вивиановым клинком
Мчит Руджьер немедлящей мезтью
На Алджирского короля,—
Как лев,
Взят быком на рога, не чует боли,
Но порыв, но гнев, но ярость
Его силят довершить свою мезть.
- 121 Руджьер рушится на мавра, как гром:
Будь в его руке
Бализарда, в том начальном бою
Выбитая сказанным коварством,—
Верю, что и шлем
Не упас бы Родомонтова лба—
Шлем, который Немврод Вавилонянин
Выковал для вызова небесам.
- 122 Тут и Распря,
Рассудив, что ссор и свар не избыть,
И ни миру не стать, ни перемирию,
Говорит Гордыне, своей сестре,
Что уже пригожая им пора
Бестревожно вернуться к своим
монашесствам.
Добрый путь им; а мы останемся здесь,
Где Руджьер ошеломил Родомонта:

- 123 Ошеломил с такою силою,
Что сотрясшись в шлеме и в стальной
скорлупе,
Панцирную спиною
Распростерся Родомонт на Фронтиновом
крестце.
Трижды, четырежды, вправо, влево
Клонится, валится долу головой,
Изронивши бы и меч из руки,
Не случись он прикован к рукавице.
- 124 А меж тем пред Марфизою Мандрикард
В многом поте лица и тела
И ее поневолил попотеть,
Но столь истовы были их доспехи,
Что не вскрылась ни единая щель,
И досель оба ратовали вровень,
Как вдруг,
изворачиваясь, Марфизин скакун
Приневолил вступиться и Руджьера.
- 125 Изворачиваясь, Марфизин скакун,
Выгнув бег свой по нетвердому лугу,
Оскользнулся, и не смог уберечься,
Чтоб не рухнуть на правый бок;
А вспешая встать,
Был он сбит грудь в грудь конем
Златоуздом,
С не по-рыцарски басурманским ездоком,
И полег вновь.
- 126 Руджьер, видя воительницын урон,
Не помедлил Помощью:
Вольною рукой,
Оглушившей уносимого Родомонта,
Он татарина бьет в шлем,
И рассек бы и голову и тулово,
Будь в его руке — Бализарда,
А на Мандрикарде — иной шишак.
- 127 Родомонт, опомнясь,
Озирается, а пред ним — Рикардет;
Вспамятовал царь, каково ему пришлось
От сего Руджьерова вспомогателя,
Мчит к нему
Злою мздою благому делу,—
Но
Пересек его умысел Малагис.
- 128 Малагис,
немалый в могучей магии,
Хоть и не был при черной книге,
Чьею силою останавливал солнце,
Малагис
колдовством
прерывает
бой.

Но держав в уме
Заклинание, властенное над демонами,
Вмиг вогнал взъяряющего нечистого
В Доралисина жеребца.

129 В жеребца нерослого и усадистого
С Стордилановой дочерью на хребте
Вмолвил Вивианов брат
Такового преисподнего ангела,
Что умевший быть
Лишь красавицыной послушен руке,
Взмелся
На шестнадцать локтей ввысь и на тридцать
локтей вбок.

130 Взмелся,
Но красавицы не сронил с седла;
Вскрикнула она в выси,
Почитаючи себя погибшею,—
А скакун, коснувшись земли,
Движим дьяволом,
Мчится под кричащею прочь
С такой прытью, что стрелой не настичь.

131 С первым звоном ее голоса
Улиенов Родомонт позабыл разить
И летит помочь
Вслед невестиной неистойой скачке.
А за ним Мандрикард,
Ни Руджьера не тронувши, ни Марфизы,
Ни спросив и ни сказав замирения,
Мчит вдогон и ему и Доралисе.

132 А Марфиза, взнявшись с земли,
Вся пылая стыдом и гневом,
Рвется мстить—не может,
Видя недруга в тщетном далеке:
И Руджьер по таком исходе брани
Исторгает, как лев, не взрыд, а взрык,
Ибо знает, что никаким коням
Не поспеть за Фронтином и Златоуздом.

*Доралиса,
Родомонт и
Мандрикард,
а за ними
Руджьер
и Марфиза
скачут
к Парижу.*

133 Ни Руджьер без отбитого скакуна
Не желает отстать от царя Алджирского
Ни Марфиза не уволит татарина,
Не явив ему себя во всю статью;
Ни тому, ни той
Не достойно бросить спор в полуспоре,
И решаются оба, как один,
По пятам преследовать изобидчиков.

134 А коли не взять на ходу,
То доскакать и до сарацинского стана,

Куда лег их путь
К вспоможенью от Карловой осады.
Где надежда, туда дорога,
Но не вдруг,
Ибо вежество Руджьеру велит
Перемолвиться с прежними товарищами.

135 Отъезжает паладин
Отдать честь брату милой повелительницы,
Изъявляет дружбу по гроб
Во всякой его взгоде и невзгоде
И отменно учтиво просит
Снести привет и благородной сестрице —
Так учтиво,
Что ни в ком малого подозрения;

135 Отдает пристойный поклон
Вивиану, Малагису и раненому
Альдигьеру, а они в ответ,
Долг за долг, готовы к его услугам.
А Марфиза так буйно рвалась в Париж,
Что и не подъехала к остававшимся,
И лишь издали отдали ей привет
Вивиан, Малагис, Рикардет,

137 Но в невольном лежал простерт бессили
Альдигьер.
Поскакали храбрые на Париж,
Двое впереди, остальные следом, —
А какие от этих и от тех
Небывалые содеялись подвиги
К вящей пагубе государевым людям,
О том речь моя в следующей песне.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

/   Что затеет женщина, то выходит   *Вступление.*
Часто лучше бездумно, чем подумавши:
Уж таков один из неисчетных
Даров им от всевышнего неба.
А мужчинам, увы, гораздо хуже:
Ежели они не успеют
Помедлить да посудить да
   поразмыслить,
То и губят зря и время и силы.

2 Малагисова, о которой сказано,
Всем казалась бы хороша затея,
Вызволив из великой беды
Двоюродного его Рикардета,—
Ан нет,
Ибо сгнавши Родомонта и
Мандрикарда,
Не взгадал он, что они устремятся
К пушей пагубе всем Христовым
верным.

3 Пораздумай он малый миг,
И уж верно
Уберег бы он брата
Без урона крещеному народу,
Повелевши одержашему бесу
Умчать деву
На такой Восток или Запад,
Чтоб о ней уж не видано и не слыхано:

4 Наши бы за нею влюбленные
Поскакали на край света, как в Париж;
Но увы! в безвременье Малагис
Не предусмотрел предусмотримого,—
И вот злоба, изгнанница небес,
В вечной жажде крови, огня и сечи,
Взяла путь к государевой большой беде,
Ибо ей иного не указано.

Всев в коня,
Бес помчал захоловушую всадницу
Через реки, рвы, дубравы, болота,
Кручи, пропасти,
Сквозь британский стан и французский стан
И все сонмище Христовых поборников
До шатров
Короля Гранады, ее родителя.

*Доралиса
возвращает-
ся к отцу.*

Родомонт же и Агриканов сын
В первый день
Поспевали издали за маячившей,
А потом уж пропал и вид,
И они лишь по горячему следу,
Как псы,
Жадные до зайца или серны,
Доспешив, узнали, что она—при отце.

Берегись, Карл:
На тебя неминучая встала буря—
Подступают к стану неистовые,
А за ними царь Градасс и царь Сакрипант,—
Между тем как для вящей твоей беды
Похитила у тебя злая судьбина

*Ринальд
уезжает
от Карла
искать
Анджелику.*

Оба светоча разума и могучести,
Чтобы стал ты незряч во тьме.

- 8 Те два светоча—Роланд и Ринальд,
Один—впрямь безумен и неистов,
В дождь, в ясь, в снег, в зной
Рыщет голый через горы и доли,
А другой—ни на мало не разумнее,
Обездолит в беде тебя собой,
Устремясь из Парижа прочь
В поиск за несысканной Анджеликою.
- 9 С того дня, как коварный старый волхв,
О котором мною давно поведано,
Ввел его в нестаточный обман,
Будто граф Роланд умкнул
Анжелику,—
Вспала ему в сердце ревность,
Не всякому любящему вмочь,
И он бросился в Париж, а оттоле
Ему выпало в путь в британский край,
- 10 Ныне же,
Славной битвой сбив врагов под осаду,
Он опять в Париж, обыскал
Все дома, и палаты, и обители,—
В каменной стене
Не укрылась бы красавица от влюбленного;
Но вотще: ни ее и ни Роланда,
И тоска неволит его им вслед.
- 11 Взмыслилось ему, что Роланд
С нею нежится в Браве или в Англанте;
Рыщет, ищет он,
А ее ни тут и ни там;
Он опять в Париж,
Полагая такому паладину
Не в хвалу
Долго быть вдалеке от битв;
- 12 Ждет в Париже и день и два и три,
А Роланда нет;
Снова он в Англанд, снова в Браву,
Ловит вести,
Скачет днем и ночью,
В знойный жар и в росный рассвет
Под луной и солнцем
Двести раз перемеривши те дороги.
- 13 А меж тем вековечный враг,
В оны дни подвигший Еву к запретному
Яблоку, улучил его отъезд,
Взвел мертвящий взор на ратного Карла,

- Взвидел, какова
Здесь способна пасть на крещеных пагуба,
И сколь было в свете сарацинской силы,
Грянул в брань.
- Сатана
торопит
помощь
к Аграманту.*
- 14 Он вложил в душу
Славному Градассу и лихому Сакрипанту,
Вместе вызволенным
Из Атлантовых призрачных хором,
Ополчиться в сокрушение Карлу
И в подмогу Аграмантову табору —
И по чуждым землям
Он соблюл их и выстелил им путь;
- 15 А другому своему повелел
Уторапливать Родомонта и Мандрикарда
По следам, где третий
Горячил Доралисина коня;
А четвертого отрядил не давать
Отдыха Марфизе и Руджьеру,
Но чуть крепче напрягая узду,
Чтобы им доспелось не вместе с первыми.
- 16 Славная чета
Оттого умедлилась получасьем,
Что угадывал ангел черных сил,
Поборая на Христовых заступников:
Быть бы вновь
Замедлительной распре о знатном скакуне,
Кабы встретились на общей мете
Родомонт с Руджьером.
- 17 Доспевают четверо
До межи, откуда видны
Осажденный вал и осадный вал,
А над ними всемы знамена;
И по малом сговоре
Положили грянуть
Поперек великому Карлу
В вызволенье теснимого вождя.
- Родомонт,
Руджьер,
Мандрикард
и Марфиза
вторгаются
в Карлов
стан.*
- 18 Плечом к плечу
Вторгшись в сердце христианского стана,
Кличут клич: «Испания! Африка!»,
Изъявляя басурманскую мощь.
Стан вскипает: «К оружию! к оружию!»,
Но крута ему бранная рука,
И уже весь тыл
Прежде боя рассыпается в бег.
- 19 В смуте крещеное воинство
Полошится, не поняв, кто о ком:

Песнь XXVII
Нападение сарацинов на Карлов стан.
На первом плане—Доралиса, за которой следуют Градасс и Сакрипант;
далее —Родомонт, одиноко скачущий влево

Лудовико Ариосто, т. II

Не гвасконцы ли, не швейцарцы ли
Обычайный нацелили набег?
Торопливо несведущие толпятся
Полк к полку, язык к языку,
Кто на трубный гуд, кто на барабанный бой;
Гул встает и раскатывается в небо.

- 20 Выезжает великий государь,
Весь в броне, а голова напоказ,
А за ним — отменные паладины;
Вопрошает, отколе такой разор;
Угрожает, укрощает бегущих;
Видит сверженных, кто в грудь, кто в лицо,
Кому взрублено горло, кому темя,
Кто без рук по кисть, кто по локоть.
- 21 Едет дальше, а кругом на земле
В красной влаге стоячей крови
Страшно топлены
Те, кому уж ни лекаря, ни знахаря;
Грозен вид —
Лежат срублены руки, ноги, плечи, головы,
И от ближнего до дальнего вала
Что ни шаг, то труп.
- 22 Где проскачет
Невеликий взвод о великой славе,
Там и полоса
Скорбным знаком людскому незабвенью.
Едет Карл, дивясь на злую резню
С гневом и досадою,
Словно в двор к кому ударила молния,
И тот взором следит ее следы.
- 23 Не успела та первая подмога
Достичь стана Ливийского царя,
Как с другого края спешит вторая —
То Марфиза и отважный Руджьер.
Славная чета,
Вскинув очи, взмеряет путь короче
К осажденному государю, —
и вперед.
- 24 Так в подкопный взрыв
Длинной нитью черного пороха
Прихотливый пробегает огонь,
За которым и взору не уметиться,
И вдруг грянет ввысь
Толщей стен и скальными осколками, —
Как предстали Марфиза и Руджьер
И явили себя в мгновенной сече.
- 25 Тут-то вдоль, тут-то поперек
Руки напрочь, головы пополам

- Всем, кто слаб
 Отстраниться с просекаемой просеки.
 Видывал ли кто ураган,
 Мчащийся по склонам иль мчащий
 долом,
 Круша справа и минуя слева,—
 Тот представь этих двух меж стольких
 толп.
- 26 Многие,
 Уклонясь Родомонта и тех, кто с ним,
 До поры благодарствовали Богу,
 Что быстра нога и ловка стопа,—
 А- потом грудь о грудь, лоб в лоб
 Набежав на Марфизу и на Руджьера,
 Видели врасплох,
 Что ни в стать, ни в бег, а судьбы
 не минуть,
- 27 Не в огне, так в полыме,
 А не минет должного ни плоть, ни кость:
 Так опасливо лиса с лисенятами
 Ждет спастись, а встречает песью
 пасть,
 Когда ловчий с логова
 Ее вздымет огнем и Дымом
 И берет дурманную
 Там, отколе не чаяно беды.
- 28 Въезжают Марфиза и Руджьер
 Спасителями в сарацинскую ограду:
 Всюду очи ввысь,
 Всюду в добрый час славят Вышнего,
 Ни в ком страха пред франкскими
 паладинами,
 Каждый раб готов хоть один против ста,
 И у всех в уме
 Тотчас вновь обогреть лихое поле.
- 29 Грозно грянули
 Роги, трубы, турецкие тулумбасы,
 Вьются в ветре
 Каждый стяг и каждая хоругвь;
 А насупротив Карловы вожди
 Строят швабов к швабам, бриттов к
 бриттам,
 Строят Францию, Италию, Англию,—
 И жестокая заваривается брань.
- 30 Страшный Родомонт,
 Яростный Мандрикард,
 И Руджьер, цвет рыцарской доблести,
 И Градасс, чьей славою полон свет,
- Карл
 с уроном
 отступает
 в Париж.*

И с бестрепетным Марфиза челом,
И черкесский царь, ни пред кем не худший,
Всею мощью клонят франкского Карла
Взмолиться к святым и укрыться в Париж.

- 31 Неборным жаром
Таковы те рыцари и та дама,
Что ни думою, государь мой, не сдумать,
Ни пером поведать.
То и мера,
Сколько пало в этот день перебито
И каков урон державному Карлу;
А у мавров ведь еще и Феррагус!
- 32 Не в подъем мостам,
Люди бьются в давке и тонут в Сене,
И мечтают об Икаровых крыльях,
Ибо смерть впереди и позади.
Паладины в плену до одного,
Кроме венского графа и датского
Оджьера—т
У Оджьера в черепе,
А у Оливьера пробой в плече.
- 33 Ежели бы и Брандимарт
Бросил стан вслед Ринальду и Роланду,
То не выстоять бы Карлу в Париже,
Лишь бы выйти из пламени живым.
Но что мог Брандимарт, то и сделал
Брандимарт,
А что нет, то и он оставил яростным.
Такова была усмешка Судьбины —
Вновь обстать Аграманту государя.
- 34 Стон и плач
Сирых старцев, чад и вдовиц
Возлетел из облачного надземья
К светлым высям, чтоб святой Михаил
Нисклонил архангельский взор
Ко Христовым верным
Франции, Британии, Алеманнии,
Волку в снедь и ворону выстелившим поля
- 35 И узрел, и зарделся триблажеЯный,
Что неладно послужил он Творцу,
Вдавшись
Вероломной Распре в подлый обман:
Велено было ей
Взжечь раздор между рыцарей язычества,
А она что и сделала, то сделала
Поперек.
- 36 И как верный служитель, крепкий
Больше сердцем, чем памятным умом,

*Архангел
Михаил
избивает
праздную
Распрю.*

Вдруг хватясь,
Что забыл завет, дорогой, как жизнь,
Мечется второпях
До хозяйского глаза сгладить грех;—
Так архангел не дерзает ко Господу,
Не воздавши долга, который взят.

37 Устремив крыло
К тем обителям, где видана Распря,
Он обрел ее в собрании чина
При избрании настоятельных лиц—
Любо ей смотреть,
Как брат брату мечет в головы требниками!
Ухватил ее ангел за волоса
И колотит руками и ногами.

38 А потом—крестом
По спине, да по рукам, да по темени;
В крик кричит злополучная,
Обымает ноги божьему вестнику,
А тот гонит ее в тычки,
Слома голову, к африканскому стану,
Приговаривая: «Поберегись:
Только встреться, где не след,— будет
хуже!»

39 Вся избитая по плечам И по хребту,
Ужасаясь вновь подпасть под побои,
Трепеща пред гневом,
Распря
Со всех ног бежит по кузнечные меха —
Оживить запаленные огни,
Запалить незапаленные
И раздуть в сердцах пожар до небес,

40 Восстает пожар
В Родомонтовой душе, в Руджьеровой,
в Мандрикардовой,
Да такой, что спешат они к государю
В добрый час, покуда Карл не теснит,
И поведывают ему свои раздоры,
И откуда и как они пошли,
И чтобы государь усмотрел,
Кому с кем причинно сражаться первому.

*Распря
возбуждает
Родомонта
и Мандри-
карда
к поединку.*

41 А Марфиза твердит и о своем — ,
Добороть борьбу
С королем Татарии:
Ради вызова его она здесь,
И своей чередою не поступится
Ни на день, ни на час,
А стоит на том,
Чтобы первой помериться с соперником.

- 42 Первым и Родомонт
Рвется счесться,
Потому что, начав, не кончил
Ради помощи африканскому стану;
И Руджьер бросает крепкое свое слово,
Что невмочь ему терпеть
Родомонта на своем скакуне,
Коли им не спрятаться прежде прочих;
- 43 А татарский на это Мандрикард
Поперек Руджьеру
Хочет боя за белокрылый герб,
Бел от ярости
До того, что готов один на троих
Сразу, ежели трое не уклонятся.
А те трое и не уклонились бы,
Не явись на них царский приговор.
- 44 Увещаньями ли, напоминовеньями ли
Гнул их к миру Аграмант, сколько мог,
Но уверившись,
Что ни миру им внять, ни перемирью,
Домогается по крайности,
Чтобы стало в них согласие, кто за кем,
И к тому концу
Назначает решить чреду их жребием.
- 45 Указует вверить четыре жребия,
И на первом писаны Родомонт и
Мандрикард,
На втором же Мандрикард и Руджьер,
А на третьем Руджьер и Родомонт,
И на четвертом Мандрикард и Марфиза.
Брошен жребий в волю зыбкому случаю;
Первым выпал
Черед биться алджирцу с Мандрикардом,
- 46 Второй жребий — Мандрикарду с
Руджьером,
Третий—Родомонту с Руджьером,
А Марфизин с Мандрикардом—на дне,
И Марфиза нахмуривает лоб,
И Руджьер не меньше того невесел,
Полагая, что тем первым двоим
Станет сил счесться крайним счетом,
Ничего не оставя ни Марфизе, ни ему.
- 47 Было близ Парижа урочище,
Шагов в тысячу в обход или менее,
А вокруг,
Как для зрелища, немалая насыпь.
Некогда то был замок,
Но огнем и мечом порушен в прах

*Подготовка
поединка.*

Таков вид
И у нас, как идешь из Пармы и Борго.

- 48 Огорожена здесь ограда,
Кол к колу, четыре угла,
Замкнута, как водится, отовсюду,
Только емкие ворота с двух сторон.
А как вышел день, когда царский суд
Велел быть большой битве паладинов,
Вскинулись пред теми двумя воротами
Два шатра.
- 49 В западном шатре
Исполином встал алджирский король,
Облекаемый в драконьи чешуи
Сакрипантом и жарким Феррагусом,—
Между тем, как Градасс и владетельный
Фальзирон
В восточном шатре
Возлагают Гекторовы доспехи
На преемника Агриканова престола.
- 50 На амвоне просторном и высоком
Восседал африканский государь,
С ним испанский, с ним Стордилан
И иные знатнейшие меж язычества.
Благо, кому верхний присест
Дали вал и деревья выше вала,—
Ибо густ народ и густы со всех сторон
Волны люда к великому побоищу.
- 51 Где воссела королева Кастилии —
Там вокруг нее вельможные дамы
Арагона, Севильи, Гранады,
И до самых Атлантовых столпов,
А меж ними—Стордиланова дочь,
У которой наряд — два покрывала,
Одно розово, а другое зелено,
Только розовое выцвело добела.
- 52 А Марфиза одета таково,
Как подобно быть даме и воительнице:
Верно, так блистала
Ипполита в челе фермодонтских войск.
А уж выехал и глашатай
С Аграмантовыми знаками на плаще,
Огласить уставы и запреты,
Чтоб ни духом, ни делом за них не сметь.
- 53 Битвы
Жаждет сбившийся народ и корит
Непоспешных паладинов,
как вдруг

Раздается из Мандрикардова шатра
Шум и крик, все громче и громче,—
Узнайте же, государь мой,
Что не кто иной, как сериканский удалец
Царь Градасс случился тому затейщиком.

*Градасс
ссорится
с Мандри-
кардом
за Ролан-
дов меч,*

- 54 Обряжая в бой
Сериканский царь царя татарского,
Возлагал тому к левому бедру
Меч, дотоле бывший Роландов,
И увидел на рукоятном яблоке
Имя Дурендаль и Альмонтов знак,—
Ибо юный отбил его Роланд
У злосчастливого над ручьем в Аспромонте.
- 55 Взвидевши, не стал он в сомнении,
Что пред ним тот самый англандский меч,,
Для которого
С самолучшею левантийскою ратью
Он недолге тому назад
Укротил Кастилию, поправ Францию,—
Но никак ему нынче невдогад,
Почему тот клинок в ножнах татарина.
- 56 Вопросает он, давно ль и отколь
Взялся меч, и добром или насильно?
И ему повествует Мандрикард,
Что с Роландом он бился великой битвою,
Пока граф не прикинулся помещай,
Ибо стыден ему был страх
Воевать со мной без конца и срока
За тот славный меч.
- 57 Так-де зверь бобер
Отгрызает себе свое пахучее,
За спиною заслышавши ловчий гон,
Ничего не взыскующий, кроме этого.
Недослушав,
Градасс крикнул: «Не быть ему твоим,
И ничьим, ибо он по чести—мой,
Ценой столького злата, труда и воинства!
- 58 Коли надобно, ищи себе новый,
А за этот я тебе не должник:
Я беру его, где нашел,
Будь Роланд умен или будь безумен!
Ты присвоил меч в пути, без
свидетельства,—
Я при всех вызываю тебя на суд,
Божий суд на рыцарском поле,
Где язык правоты моей — булат!

- 59 Отбей меч,
А потом выходи на Родомонта:
Таковы старинные наши свычай—
Заслужи оружие, а после—в бой!»
А татарин, вскидывая чело:
«Слаще слуху
Не бывает мне вызова на брань,—
Но дождись Родомонтова сожелания,
- 60 Но добейся себе первого боя,
Чтоб алджирец потерпел быть вторым,—
А я
Ни тебе, ни ему не спнусь ответом!»
Но Руджьер обоим: «Не смей
Рушить сговор и путать жребий!
Или быть Родрмонту первым,
Или быть вторым, но первым—мне;.
- 61 Если правду гласил Градасс,
«Прежде битвы умей стяжать оружие»,—
То не вздеть тебе лат о белокрылом орле,
Прежде, нежели не снимешь их с меня!
Но чего я хочу, о том сказал:
Будь по жребию,
Чтобы мне воевать вторым,
Если первым воюет царь алджирский;
- 62 Если же смешаете череду,
То и я помеха,
Чтоб не смей тебе быть с моим щитом,
Нынче же не померившись со мною!»
Отзывается Мандрикард в разъярении:
«Будь ты Марс, будь он Марс,
И тогда бы не положить вам запрет
Ни на знатный доспех, ни на отменный меч!»
- 63 И железный сжавши кулак,
В бешенстве
Так хватил он короля сериканского,
Что тот выронил из руки Дурендаль.
Не гадав Градасс
Таковой безрассудной дерзновенности,
В расплохе
Обнаружил себя обезоруженным.
- 64 За такую обиду стыдом и гневом
Пышучи, как огнем,
Пуще он терзается оттого,
Что такой с ним срам на виду у всех;
И, подавшись назад на малый шаг,
Кривую выхватывает саблю,
Рвется мстить, а Мандрикарду ничто
Ни его супостатство, ни Руджьерово:

- 65 «Выходите на меня хоть вдвоем,
Выводите на меня Родомонта,
Африку, Испанию, целый свет —
Ни пред кем не отворочу лица!» —
Так гремит бесстрашный,
И вращает Альмонтовым клинком,
И надменно выставил щит
Вперекор и Градассу и Руджьеру.
- 66 «Мне, — кричит Градасс, —
Дай образумить сумасброда!»
А Руджьер ему: «Нипочем:
Никому не уступлю мою битву!»
«Прочь!» — «Сам прочь!»
Оба в крик, и никто назад ни шагу.
Неслышанная затеялась бы потеха —
Бой втроем, —
- 67 Кабы ярости их наперехват
Не рванулись многие,
Не жалея на себе испытать,
Каково, губя себя, спасать ближнего;
Но и то ни в ком бы не стало удержи,
Не явись испанский король,
А за ним — державный сын Трояна,
Всеми чтимый, как не чтился никто.
- 68 Повелевши Аграмант доложить,
В чем причина столь новой распри,
Многотрудно увещевал Градасса
На единый хотя бы день
По-людски, по-рыцарски
Уступить Мандрикарду Гекторов клинок,
Пока спорится грозный спор
Мандрикарда и Родомонта.
- 69 Но меж тем, как государь Аграмант
Подступает унять того и этого,
Из другого гремит шатра
Новый спор —
Родомонта с Сакрипантом,
Потому что черкесский Сакрипант
С Феррагусом стоял при поединщике,
Облекая его вдвоем
В прародительский Немвродов доспех;
- 70 А как подошли они к жеребцу,
Пенно грызшему пышные узды,
К тому самому лихому Фронтину,
За которого буйствовал Руджьер,
И со тщанием всмотрелся черкес,
Ладно ль кован и ладно ль убран
- а Сакрипант
с Родо-
монтом
за Руджье-
рова коня.*

Тот скакун, которому выпало
Вымчать в поле такого седока,—

- 71 Он в упор,
Разглядевши тавро, черты и стати,
Узнает заведомо,
Что пред ним его же конь Белолоб,
Столь любимый,
В стольких схватках выстраданный скакун,
Что лишаась его, долго ходил он пеш
От большого горя.
- 72 А похитил из-под него коня
Памятный Брунель
При Альбракке в оный самый день,
Когда взял он у Анджелики перстень,
У Роланда Бализарду и рог,
У Марфизы—меч,
И коня с Бализардою вручил Руджьеру,
А Руджьер перезвал его Фронтином.
- 73 Вот, уверясь, что глаз не лжет,
Обратился черкесский царь к алджирскому:
«Знайте, сударь,
                        конь этот—мой,
Отлученный кражею при Альбракке.
Многие суть тому свидетели,
Но как нынче они далече,
То я сам и с мечом в руке
Докажу мою правду любому спорщику.
- 74 По товариществу,
Нас связавшему в недавние дни,
Я готов: пусть он нынче будет твой,
Ибо ты и впрямь без него не можешь,—
Но условившись тебе признавать,
Что он мой и от меня тебе дан;
А не то позабудь свои помышления
Или жди сразиться о нем со мной».
- 75 Родомонт, которого горделивей
При оружье не хаживал никто,
Родомонт, отважной могучестью
Перевысивший всякую старину,
Грянул:
«Сакрипант,
Лишь посмей кто иной такое вымолвить,—
Пожалел бы, что рожден с языком;
- 76 По товариществу ли,
Одержавшему нас нынче, как ты твердишь,
Но увижу я тебя и сдержусь,
Лишь сказав: помедли

Звать на бой, пока не взвидишь, каков
Сведу счет я с пышущим татаринном,
Потому что с такого ты примера
Сам попросишь, моля: владей конем.»

- 77 «Подлость тебе вежество! —
Бешенствует гневливый черкес,—
Но прямым тебе словом говорю:
Позабудь о моем скакуне!
Не быть ему твоим,
Покуда в руке моей меч,
А не станет меча—
Буду биться клыком и когтем!»
- 78 От слов к делу,
В крик, в брань, в бой—
Жжет быстрее, чем пламя в соломе,
В душах гнев.
Родомонт — в доспехе и шеломе,
Сакрипант—и кольчугою не прикрыт,
Но таков он ловок,
Словно меч ему заслон с всех сторон.
- 79 Сколько ни безмерны
Родомонтова мощь и пыл,
А не свыше зоркости и проворства,
Коими силен Сакрипант —
Не быстрее кружится
По зерну мукомольное колесо,
Чем рукой и чем ногой изворотлив
Черкесский царь.
- 80 Но бросаются сгоряча между ними,
Клинки вон, Феррагус и Серпентин,
А за ними Изольер и Грандоний
И иные многие из маврских мужей,—
Оттого-то шум.
Через поле долетевший к шатру,
Где стеклися тщетные примирители
Руджьера и Градасса с татарским царем.
- 81 Добегает заведомая весть
До державного Аграманта,
Что схватились за коня лютой схваткою
Сакрипант и Родомонт.
Сокрушенный столькими разладицами,
Говорит король Марсилию: «Будь
Здесь, чтоб эти два не сделали хуже,
А о тех двух вздорщиках сам досмотрю».
- 82 Пред своим королем и государем
Родомонт
- Аграмант
тщетно
пытается
их при-
мирить.*

Взнуздывает гнев, отступает на шаг,
И не меньше чтителен царь черкесский.
Властным зраком, важным гласом
Аграмант пытается, о чем их спор,
И дознавшись, гнетет их к замирению,—
Тщетно!

83 Черкесский царь
Не отдаст своего коня алджирскому,
Ежели алджирский не склонится
Произнести просительные слова;
А тот, надменный,
Отвечает: «Ни небо и ни ты
Не добьешься, чтоб я кому позволил
То, что мне по силе и по руке!»

84 Вопросает черкеса государь,
В чем его владенье и в чем утрата,
И черкес о том поведывает подряд,
А поведывая, краснеет от смуты,
Когда речь о том, как тонкий наглец
Застиг впавшего в томное мечтание
И подпер ему седло о четыре древка,
И увел коня прямо из подпруги.

85 Как слышала о той конской краже,
Меж иными представ на шум,
Марфиза,—
Помутилась в лице, припомянув,
Как в тот день лишилась она меча;
Узнает коня,
От нее летавшего, как на крыльях,
Узнает и славного Сакрипанта;

*Марфиза
узнает
Брунеля
и увозит
на расправу.*

86 Видит, как вокруг те и те,
Многажды слышавшие Брунелевы
Похвальбы, обращаются к Брунелю
С явным видом, что это он;
Заподозривает,
Вопрошает того, другого, третьего
И уверивается, что похитчик
Был Брунель;

87 И уведывает, что за покражу,
За которую быть бы ему в петле,
Небывалым он образом приял
В государский дар тингисское царство.
Старая вскипает обида,
Скорая вздумывается месть
За тот глум и посмех,
С каким хищник скалился, скравши меч.

- 88 Велит она стремянному
Подать шлем, а уж панцирь на груди—
Ибо бранную сбрасывать броню
Доводилось дерзкой за все свои дни
Десять раз и едва ли более,
Верь, не верь;
Вздвешелом, она восходит туда,
Где Брунель на верхних скамьях меж
лучшими,
- 89 И такого дает туза, ему в грудь,
Так вздирает его за космы в воздух,
Как орел,
Хищным когтем вцепившийся в дышло,—
И влечет туда, где суд и ряд
Тщится править державный сын Трояна;
А Брунель, в недоброй чужь руке,
Слезным визгом взывает о пощаде.
- 90 Сколько крика, шума и гама
Ни мятежилось над битвенным полем,
Но таков был слышен Брунель,
Вопиющий о пощаде и помощи,
Что на вопль его и на вой
Отовсюду сбегается народ;
А Марфиза пред африканским владыкою
Гласит, гордая, такие слова:
- 91 «Этого твоего мерзавца данника
Я хочу повесить в тугой петле,
Потому что, укравши коня у рыцаря,
В тот же день и у меня он похитил меч.
Ежели кто скажет, что нет,
Пусть он выступит и вымолвит,
И тогда пред твоим лицом
Докажу я его ложь и мое право.
- 92 А к тому, чтобы не было попрека,
Что-де мною выждан раздорный час,
Когда лучшие оружные паладины
Все попутаны преньями об ином,—
Три дня
Я помедлю его повешеньем:
Выручай его сам или не сам,
А не то о нем порадуются стервятники.
- 93 В трех часах пути
Стоит башня, а перед башней роща:
Там и жду я,
А при мне—лишь служанка и слуга.
Кто захочет отбить того мерзавца—
Приходи!»

Так сказала,
Повернулась, и в путь, не ждав ответа,

- 94 А Брунеля бросив, хватясь в волосья,
Жалким воплем
Выкликавшего чаемых заступников,
Пред собой поперек коня.
Смутен стоял Аграмант *Аграмант
колеблется,*
И не знал, как расплесть узлы с узлами:
В тяжкую было ему обиду,
Что похитился его человек.
- 95 Не любил он Брунеля и не чтил,
А питал лишь ненависть,
• Помышлявши и сам ему удавку,
Как остался тот без волшебного кольца;
Но что сделалось, то ему не в честь:
Стыд огнем в лице,
И он рвется сам вслед Марфизы
Отплатить бесчестье полною мздой.
- 96 Но разумный спутник король Собрин
Отвергает его от того помысла,
Не приличного-де
Государскому его величеству—
Побеждать, даже если побеждать
Предстоит и заведомо и верно,
То не во хвалу, а в хулу
Будет слава, что он осилил женщину;
- 97 Ас такою брань соперницею
Обернется едва ли не бедой.
А по крайней по Собриновой думе
Смертный столп Брунелю бы в самый раз,
И кабы мановением бровей
Мог он быть уволен от вислой казни,—
Пусть не дрогнет бровь,
Не переча свершиться правосудию.
- 98 «А к Марфизе,—молвит Собрин,—
Ты, пославшись, посулись быть судьей,
Пред которым плут не минует петли,
И мстящая будет удовлетворена.
А коли упрямая скажет „нет" —
Пусть сама с ним что хочет, то и делает:
Ибо ради дружбы ее с тобою
Мне не жаль ни Брунеля, ни иных шишей».
- 99 Скромному и разумному
Внял Собринову совету король,
Нё пустился Марфизе вслед,
Не пустил ей вслед своих рыцарей

Ни на бранный спор, ни на добрый уговор,
А взнуздал свою доблесть и смирился,
Чтобы пушью замирить вражду,
Буйным шумом вставшую в стане.

- 100 А неистовая о той вражде, *а Распря*
Ненавистница мира, ликует Распря, *ликует.*
Рыщет, радуясь, от шатра до шатра,
Ищет и не сыщет душе простора,
А за ней Гордыня
Пляшет вскачь, плещет пламя вблизи и
вдаль,
Победный вопль
Взвивши вестью в архангеловы уши.

- 101 Дрогнул Париж, замутилась Сена
На тот гласный крик, грозный зык;
Прокатился гул до Арденнских чаш,
Полоша зверей по темным логовам,
Дозвучал до Альп и Севенн,
До берегов Байонны, Руана, Арля,
Внемлют Рона, Сона, Гаронна, Рейн,
Матери детей прижимают к сердцу.

- 102 А те пятеро паладинов, *Доралиса*
Первыми ввязавшихся в смертный спор, *сама должна*
Таковы в нем заузили узлы, *сделать*
Что не расплесть и по Фебову вещению. *выбор;*
И тогда-то государь Аграмант
Порешил рассечь завязь первой распри
Меж алджирцем и королем Татарии
За прекрасную Стордиланову дочь.

- 103 Государь Аграмант,
И к тому и к этому вновь и вновь
Приступавшись повторными советами,
Братски добрыми, государски правыми,
Как уверился, что и этот и тот
Слухом глух, а духом враждебен
Обездолиться
Той красавицей, о которой спор,—

- 104 Изъявил он самолучший исход
Двум любовникам в равное изволье:
Пусть сама
Изберет себе угодного мужа,
А как скажет она то свое слово,
То с него уж ни назад и ни вперед.
Оба рады:
Каждый чаёт себе удачи.

- 105 Король Сарзы—ибо его любовь
Много древнее Мандрикардовой,

И к нему Доралисина всеми лось»—
Верх дозволения женскому целомудрию,
И поэтому он ждет для себя
Приговора, дарующего счастье,
И не только он,
А и с ним вся берберийская рать,

106 Ибо всякому знамениты его подвиги в ее
честь

На ристаньях, на турнирах, в войне,
А что есть за Мандрикардом подобные,
Это, всякому знамо, ложь.
Мандрикард же помнит
Много тайных раз по закате солнца,
Знает, что надежда крепка в руке,
И смеется над пустыми людскими толками.

707 • Вот славные оба притязателя,
Заручив уговор пред государем,
Подступают к обоюдной красавице,
И она, потупив стыдливый взор,
Объявляет: татарин ей милее.
Застывают в изумлении
Все; как громом грянутый, Родомонт
Не подымет сгорающего лица;

*она
избирает
Мандрь-
кард:*

108 А как сгнался багрец стыда
Свычным гневом,
Он кричит, что неправилен приговор,
Что мечом об этом поясе
Пред лицом короля и всех, кто здесь,
Он желает победы или бесчестия,
А не женским судом,
Для которого что недолжно, то и мило!

109 Мандрикард в ответ,
С новым пылом вскинувшись: «Будь
по-твоему!»

И тут быть бы вновь челноку
В дальнем плаванье до ближней пристани,
Не вспеняй Родомонту Аграмант,
Что ему-де уж неподстать
Вызывать к ответу царя-соперника;
Только тем челну и сбит парус ярости.

110 Видя дважды в единый день
Родомонт себя при всех опозоренного —
Государем, которого он без спору чтит,
И возлюбленную дамою,—
Не желает здесь больше ни ногой,
Забирает из великого своего полчища
Лишь двух слуг
И спешит вон из вражеского стана.

*Родолита,
поки-и . . .
сарацит н.
стан,*

- 111 Как тоскливый бык,
Уступив свою телицу сопернику,
Бредет прочь от привычных пажитей,
Ищет дальних рощ, берегов, песков,
Где мычать ему и полднем и полночью,
А любовного буйства не избыть,—
Так, смятенный скорбью,
Удаляется отверженный царь алджирский.
- 112 Было ринулся оружный Руджьер
Вслед врага и коня своего Фронтина,
Но как вспомнился,
Что обязан битвою и татарину,—
Повернул с Родомонтовой тропы,
Чтобы сведаться сталью с Мандрикардом
Прежде, чем приспееет король Градасс
О Роландовой ратовать Дурендали.
- 113 Тяжко ему зреть скакуна,
Уводимого зримо и безвредно,
И он крепкий зарек себе зарок,
Кончив начатое, отбить отъятого.
А черкесский между тем Сакрипант,
Не имел Руджьеровых помешательств
И о том же соревнуя коне,
Быстро прочь по Родомонтову следу;
- 114 И настиг бы, кого искал,
Не случись ему в пути дивный случай,
Сбив с тропы
И замедлив до закатного часа.
Он увидел
Даму, паъшуй^в сегаскую во5Ш^
Вмиг он в воду, выводит ее на сушу,
- 115 Но едва собрался опять в седло —
Глядь, коня его нет, как не было;
Он вдогон, и гонял его до вечера,
И настиг с немалым трудом,
А настигши, уже и сам не знал,
Как вернуться на путеводные тропы:
Двести миль
Избродил он, взыскуя Родомонта;
- 116 Где сыскал, как бился, как был побит
С превеликим себе уроном
И остался без коня и в плену,
О том скажется впереди;
а покуда
Моя повесть — о том, в каком пылу
Против дамы и государя

Отъезжал от стана Родомонт
И какими словами клял их, едучи.

- 117 Жгучие вздохи
Раскаляли ветер в его пути.
Эхо
С жалостию вторило из полых скал.
«О,^- стонал он,— женская душа,
Как изменчива, как ты переменчива!
О тоска, о горе, кто вверится тебе,
Верности не ведающая!
- 118 Ни служенье без срока, ни любовь без края,
Явленная стотысячекрат,
Не осилила тебя, не поволила
Устоять такой, какова была.
Не за то я тобой забыт,
Что помыслился хуже Мандрикарда:
Всем невздадам моим одна вина —
Твой женский пол:
- 119 Клятый пол,
Верно, созданный Природой и Господом
В взыск и в бремя мужскому роду,
Как гадючья поползь,
Как медведь, как волк,
Как в заразном воздухе
Мухи, комары, осы, оводы,
А меж сеяний плевел и овсюг!
- 120 Ах, почто благодатная Природа
Не судила рождаться мужам без жен,
Как рождает людской привой
Плод от груши, и яблони, и смоковницы!
Но и сам я знаю, почто,—
Звуча звуком твоего имени:
Ты, Природа,—женского рода,
Так какой в тебе разум или добро?
- 121 Из шипов рождаются розы,
А чистейшие лилии из гниющих трав,—
Не чваньтесь же, не кичитесь же,
Что дано вам рождать мужчин,
О женщины,
Дерзкие, мерзкие, злостные, несносные,
коварные, неблагодарные,
В ком ни веры, ни разума, ни любви,
А лишь пагуба веку и человеку!»
- 122 Таковыми и несчетными разными
Стенал стонами он во весь свой путь,
То вполголоса толкуя сам с собой,
- проклиная
женский
род.*

- Но лишь в срам и поношение женщинам,—
 А напрасно,
 Ибо, право, на две ли, три ли злых
 Между ними надо быть сотне добрых.
- 123 Правда, скольких я ни любил,
 Ни одна не явила себя верною,
 Но не положу я хулы на всех,
 А скажу: такова уж моя недоля.
 Много есть, а пуще было таких,
 О которых никто не молвит худа,
 Но что делать — знать судьба: будь и в
 стах
 Одна злая, так ей-то я и надобен.
- 124 А хотелось бы,
 Пока я не сед и не мертв,
 Отыскать такую, чтобы воскликнуть:
 Вот она, благоверная даже мне! •>
 Ежели чудо сбудется
 (А надежда на то во мне жива) —
 Неустанно стану слагать ей славу
 Устно и книжно, прозою и стихом!
- 125 А не меньше, чем против дамы,
 Кипя гневом на своего короля,
 Сарацин хулою на ту и этого
 Равно рвется разумом из берегов:
 Жаждет видеть,
 Чтоб на царство его грянула злая буря,
 Чтоб по Африке—ни камня на камне,
 В каждом доме—смерть,
- 126 Чтоб, низвергнувшись, король Аграмант
 Влачил жизнь тщетно, скудно, скорбно,
 слезно,
 И чтоб он, Родомонт,
 Вернул честь ему, воссадил на престоле,
 Явил плод своей вечной верности,
 И тогда увидится: честный Друг
 Вправе быть поддержан в добре и в хуле,
 Даже ежели он один против всех.
- 127 Так-то пышучи сарацин
 Буйным сердцем на государя и даму, '/
 Скачет долгий день за долгим днем,
 Сам не спит и Фронтину не даст прохлады.
 На второй или третий перегон,
 Глядь, а он уже и у Соны,
 Потому что держал на юг,
 Чтоб из лукоморья отчалить в Африку.
- Родомонт
 останавлива-
 ется
 на постоя-
 лом дворе.*
- 128 Видит: Сона от берега до берега
 Вся в плотах, расшивах, ладьях,

- Отовсюду правящих снедь и сыть
На потребу осадному ополчению,
Потому что от самого Парижа
И до Мертвых Вод и испанских гор
Вся земля, что направо по пути,
Полегла под басурманскую руку.
- 129 А где нету водного ходу,
Там поклажу сваливают на угор
И за людную охраною
Тянут далее вьючно и тележно.
Для того по всем берегам
Согнан крепкий скот со всей Франции,
А погонщики над рекою
В постоялых дворах справляют вечерю.
- 130 Как застигла здесь алджирского
Короля слепая черная ночь,
Зазывает его здешний гостиник,
И король невсхотно, а встал в постой.
Конь расседлан, выставлен стол,
Брашна, вина корские и грецкие,
Потому что сарацин, хоть и маврам мавр,
А пивал знатней всякого француза.
- 131 Добрым видом, добрым столом
Услужал хозяин славному гостю,
Ибо всякому Зрячему вдогад:
Славен гость и велик отменной доблестью.
Но как был Родомонт себе сам не свой,
И далече витало его сердце,
Не умев отстать от былой подруги,—
Он молчал.
- 132 Был гостиник проворен и умен,
Как немногие слыханы во Франции,
Уберегши добро и двор и дом
В стольком люде, пришло, чужом и
враждественном,
И созвал гостиник свою родню,
Чтобы всем быть наготове для рыцаря,—
Но и те стоят и молчат,
Видя паладина в глухом раздумье.
- 133 Долго сарацин в забытьи
Странствовал умом из думы в думу,
Взоры долу,
Никому не вздымая глаза в лицо;
А по многом молчанье и вздыханье,
Как проснувшийся из тяжкого сна,
Поднял брови, поднял очи
И обвел хозяина и весь круг.
- 134 И взломал безмолвие,
И смягчася повадкою и лицом,

Каждый, поглядев, восклицал: „Прекрасен!“,
Но тверже всех это знал он сам.

- 5 Меж всех он окрестных королей
Не тем почитал себя превыше,
Что велик саном,
Обилен народом, богат казною,
А тем, что свет
Громче всех прославлял его лик и облик.
Ликуя,
Он сладострастно внимал хвалы.
- 6 А был меж любимцами его двора
Фавст Латин, именитый римский рыцарь,
Тоже не раз и не два хваливший
Государев ясный лик и тонкость рук;
Его-то однажды и спросил король,
А видывал ли тот и в Италии и далее,
Кто был бы столь же
Одарен красою, как мнится он?
- 7 Отвечает ему Фавст: „По всему,
Что вижу я и слышу от каждого,
Немногие в свете с тобой сравнятся,
И этих немногих — всего один,
И этот один—мой брат Иоконд.
Из всех иных,
Точно так, никакой тебе не равен,—
Лишь он—как ты, и краше, чем ты“
- 8 Немыслимо это королю,
Надменному пресловутым первенством,
И крайнее возымел он желание
Хваленого красавца узреть в лицо:
Требует, чтобы Фавст
Брата своего и доставил и представил,
А тот твердит,
Что весьма оно не просто, и вот почему:
- 9 Брат его во всю его жизнь
Ни ногой не ступал из своего Рима,
А живет он покойно и досужно
Из тех средств, что дала ему судьбина,
Отцово наследное добро
Не умножив и не умалив,
И путь в королевскую Павию
Ему дальше, чем до скифского Дона.
- 10 А еще не легче того
Отлучить его от милой жены,
К которой он так уж страстен,
Что о чем она, о том и он.

*а еще
красивее
Иоконд,*

Однако ж, в угоду государю,
Фавст пойдет и сможет, что вмочь и
невмочь:

И впрямь королю не отказать
На просьбы, подарки и посулы.

- 11 Вот уехал он и приехал в Рим,
В отеческий дом,
И просил и упросил того брата
Пуститься с ним ко двору,
А немало положивши труда,
Убедил утихнуть и жену его,
Вразумив, сколь она его обяжет
И сколь много блага придет в их дом.
- 12 Уже выбрал Иоконд отъездный день,
Снарядил коней, скликнул слуг,
Собрал самые лучшие наряды —
Ведь где краше платье, краше и лицо, —
А жена его днем ему и ночью
С очами, полными плача,
Говорила, что не вынесет муки,
Что умрет в разлуке,
- 13 Что едва она о том лишь помыслит,
Как и сердце из груди вон;
А Иоконд ей: „Любовь моя, не плачь
(И сам плачет) —
Коли будет все подобру,
Ворочуся не дольше, как в два месяца,
Не замедлив днем,
Хоть сули мне король полкоролевства“.
- 14 А красавице ничто не утешно —
Долог срок,
И чудо,
Коли доживет она до поры,
И от горя день и ночь ей невмочь
Ни вкушать яств, ни смежать вежд, —
И уже раскаивался Иоконд,
Что подался на братнины искания.
- 15 Снимает жена с шеи цепочку,
На которой самоцветный крест,
А в кресте частицы мощей,
По далеким собранные местам
Святым чешским паломником, который
На возвратном пути из Ерусалима
Умер в доме ее отца,
Завещав святыню странноприимцу, —
- 16 И тот крест вручает она супругу,
Чтоб хранил и помнил ее любовь;

*как Иоконд
прощался
с женой,*

Тот берет, умилившись сердцем,—
Хоть и без подпор
Ни долгий срок, ни далекий путь,
Ни добрая доля, ни недобрая
Не порушили бы верной его памяти,
Что живей, чем жизнь, и сильнее, чем смерть

17 В ночь
Пред зарею, назначенной к расставанью,
Еле она не умерла
В объятьях отлучного Иоконда,
Не смежила вежд,
И лишь утром, когда Иоконд, с последним
Поцелуем все в седло, канул вдаль,
Она пала, изнеможенная, на ложе.

18 А Иоконд не миновал и двух миль,
Как хватился, что нет креста,— *как жена*
Ночью положил он его в изголовье, *Иоконда*
А поутру и не вспомнил о том. *изменила*
Говорит он: „Ах, *ему,*
Есть ли мне какое оправдание,
Чтоб не вздумалось моей милой жене,
Что безмерность любви моей умалилась?"

19 Думает он, думает и судит так,
Что ему и неладно и негодно
Посылать посланцев за тем крестом,
За которым надобен сам он.
Так решив, говорит он брату:
„Доезжай до Баккана и подожди;
А мне нужно вернуться в Рим,—
Не тревожься, догоню по дороге.

20 У меня такая нужда,
Что ее никому не препоручишь".
И сказавши „С богом!" —
Коня в рысь, и прочь, сам-един.
В час, как тьма бежит перед солнцем,
Он уже переехал Тибр,
Едет к дому, соступает из стремени,
И к постели, где крепко спит жена.

21 Не сказавши слова, отдернул полог,
Глядь — и что же?
Его верная, его любящая супруга
Почивает с хорошеньким дружкой.
Иоконд узнал его с мигу,
Потому что видел не в первый раз,—
Это был молодец из его челяди,
Им самим из ничтожества взятый в дом.

22 Каково он тут весь оцепенел,
И душе его стало совсем не радостно,—

Вы поверьте уж лучше с моих слов,
Чем самим вам страдать в таком искусе.
Одоленный гневом, хотел он
Вырвать меч и обоих истребить,
Но ему не попустила любовь,
Против воли все влекшая к изменнице.

23 Не дозволил прихотливый Амор
Очевидному своему служителю
Отлучить застигнутую с обидою
Даже в столь великой ее вине.
Вышел он неслышимо,
Сошел с лестницы, сел в седло,
Шпорясь страстью, шпорит коня,
И еще до ночи настигнул брата.

24. Всякий видит, что лица на нем нет,
Всякий чует, что сердце в нем не весело,
Но никто глубоко не смотрит,
Никому его тайна не вдогад.
Они думают, что ездил он в Рим,
А он ездил в рогатое Корнето.
Всем понятно, что виною любовь,
А в каком виде — непонятно.

*как он
мучился,*

25 Полагает брат его горе
В том, что он оставил жену одну,
А тот мучится, напротив, о том,
Что она осталась в нескучном обществе.
Лоб наморщен, губы надуты,
Едет, бедный, не подымая глаз;
Фавст его силится утешить,
Но без проку, ибо не знает, как.

26 Льет бальзам улелеять боль,
А она не тише, и только пуще:
Не смыкает рану, а рвет
Всякое воспоминание о супруге,
Нет покоя ни днем, ни ночью,
Сон бежит и век не смежит,
И лицо, столь блиставшее красою,
Отцветает и уж совсем не то.

27 Очи ввалились в череп,
Нос торчит меж иссохших щек,—
На что ни взглянешь —
Непригоже и в образчик не гоже.
А где горе, там хвори: он в горячке
Отлежал и у Арбии и у Арно,
И последки славленной красоты
Свянули, как сорванная роза.

28 Досадно Фавсту
Видеть брата в такой его судьбе,

- А того досаднее
Уличиться в обмане пред государем,
Что сулил-де красавца из красавцев,
А привез—как пугало,
Но что делать,—едет, везет, и вот
Они въехали в королевскую Павию.
- 29 А чтобы не вздумали по внезапности,,
Будто он-де без ума в голове,
Посылает он королю грамотку,
Что брат его здесь, но едва живой,
И что прелесть его лица
Так попортилась от скорбящего сердца,
А еще и от лютой лихорадки,
Что уже он не тот, что был.
- 30 Радуется король
Их приезду, как любезному дружеству,
Потому что желанней всего на свете
Ему видеть, каков собой Иоконд,
И в угоду ему, что гость
Красотой по нем второй, а не первый,
Хоть и видно, что кабы не недуг,
Был бы тот не хуже, а то и лучше.
- 31 Поселяет его король в своем дворце,
Видит повседневно, слушает повсечасно,
Печется о его роздыхе,
Всяческую оказывает честь.
А Иоконд все тает,
Все снедаясь черной думой о злой жене:
Ни от юных игр, ни от струнных
Ни на мало не молкнет его тоска.
- 32 Были его покои *как королю*
В самом верхнем жиле дворца, *изменила*
А насупротив—старинная горница. *его жена,*
Здесь, один,
Всех чуждаясь, провождал он часы,
Множа в сердце бремя горьких помыслов
И поверить ли?
Здесь ему и выпало исцеление.
- 33 В уголке той горницы, очень темной,
Потому что ставни держал он на затворе,
Он увидел щель меж стеной и полом,
Из которой лучом прорезался свет.
Приложился глазом и зрит такое,
Чему бы услышавши не поверил,
Да и въяве
Сам не склонен к своим очам.
- 34 Видит: пред ним опочивальня королевы,
Самая богатая, самая тайная,

Ни для кого никогда не вступная,
 Кроме самых доверенных особ.
 А в той опочивальне был мерзкий карлик
 Со своей королевой в затейливой борьбе,
 И так-то ловок и искусен,
 Что уж он-то все над ней, а она под ним.

- 35 В изумлении, в оцепенении
 Стал и стыл Иоконд, как во сне,
 А уразумевши, что сон не сон,
 Еле-еле сам себе верит:
 «Как! — говорит,—кривому горбуну
 Отдается женщина,
 Чей супруг меж всех царей любезней и
 краше?
 Ах, какая лакомость!»
- 36 И припомянулась ему его жена,
 Прежде столь хулимая
 За предательство тому юному холопу,—
 А теперь он готов ее простить:
 Не ее вина, а женского пола,
 Что один мужчина ей нипочем,
 И коль все одним дегтем мазаны,
 То у ней хоть любовник не урод.
- 37 В тот же час и на то же место
 Подошел он и в следующий день,
 Видит тот же срам
 Королю от королевы и карлика;
 И еще был день в трудах; и еще,
 И ни даже им субботнего отдыха,
 А всего странней
 Ее жалость, какой он к ней холодный.
- 38 А потом и такой случился день,
 Что была королева в тоске и смуте,
 Дважды звавши карлика,
 А карлика нет и нет;
 И на третий раз служанка докладывает,
 Что негодник занят иной игрой,
 Ставка в грош,
 Но из-за нее он сюда ни шагу.
- 39 От такого причудливого позорища
 Просветляет Иоконд чело и взор,
 Плач стал смех,
 Сам игрив подстать своему имени,
 Весел, толст
 И румян, как эдемский херувим.
 Царь и брат и двор лишь диву даются
 На такую быструю перемену.

*как Иоконд
 рассказал
 об этом
 королю,*

- 40 Хочет царь узнать,
Отчего настало ободрение;
Столь же хочет сам Иоконд
Повестить царя о его обиде;
Но не хочет, чтоб тот был строже
Ко своей жене, чем он сам к своей;
И желая рассказу быть безвредну,
Он велит присягнуть на святом причастии.
- 41 Он велит королю присягнуть,
Что какое бы ни узналось неугодное
Дело, хоть коснись оно даже
Самого государева величества,
Он ни нынче, ни после не встанет мстить,
Он смолчит,
Чтоб злодей не сведал ни сном, ни духом,
Как он уличен перед властителем.
- 42 Присягнул король,
Ожидая всякого, но не этого;
И тогда поведал ему Иоконд
Тайный корень столь долгой хвори:
Что застиг-де он неверную
Свою жену да с пошлым слугой,
И домучился бы до смертной тоски,
Не приспей ему утешное зрелище.
- 43 Во дворце его величества
Некий вид смягчил его стыд:
Если точно жена его порочна,
То хоть не одна такова,—
И подведши короля к известной скважине,
Предъявил ему гнусного седока,
Как он шпорит подседельную тварь,
А она резвей играет ногами.
- 44 Каково оно пришлось королю,
Вы поймете без долгих заверений:
Бледен, яр,
Готов биться лбом о все стены сразу,
Кричать криком, крушить присягу,—
А пришлось и ему замкнуть уста
И сглотнуть горячую ту обиду,
Ибо клятва была на святом причастии.
- 45 „Что делать мне? Брат, окажи совет,
Молвит он Иоконду,—
Коли ты не позволил мне утолить
Правый гнев жестокою мезтью!"
А Иоконд:
„Бросим наших, попытаем чужих,
Как чужие попытали наших:
Таковы ли податливы и те?
- как они
поехали
пытать
чужих
женщин,*

- 46 Мы оба молоды, оба пригожи,
Лучше нас—кого найдешь?
Ежели женщины беспротивны уродам,
То какая выстоит нас?
А коли не младость и не пригожесть,
То не пуст и кошелек,—
Итак, ни шагу вспять, пока
Не сорвем трофеи с тысячи красавиц!
- 47 Дальний путь, разность мест,
Новые и новые женщины
Свеют с сердца
Горькую любовную страсть".
Король рад,
и без дальних слов
В веселую снаряжился дорогу
С нашим рыцарем и двумя щитоносцами.
- 48 Переряжены, объезжают они
Италию, Францию, Фландрию, Англию,
И сколь ни было милых лиц,
Ни одно не случилось нелюбезно.
И они давали, и им давали,
И пустела мошна, но себе не во вред;
Льнули к многим,
А многие сами льнули к ним.
- 49 Месяц здесь, месяц там,
Так они увериваются опытом,
Что и чести женской и верности
Сколько есть в их женах, столько и во всех.
А потом припостылело друзьям
Гнаться гоном за новыми и новыми,
Потому что стучась в иные двери,
Этак можно и живым не уйти.
- 50 Лучше,—думают они,—заведем
Лишь одну, но по нраву нам обоим,
Чтоб была она общею утехою
И никто ни к кому не ревновал.
„В самом деле,—говорит король—
Отчего мне вдвоем с тобой привольнее?
Оттого, что из всех на свете женщин
Ни одной не довольно одного.
- как они
завели себе ',-
Пламету,
- 51 Итак,
Без надсады, а в меру естества
Будем жить ею в радости и сладости
И не ведать ни зависти, ни ссор.
Да и даме не придется жалеть:
Будь у каждой женщины по два мужа,
Им была б она вернее, чем одному,
И умолкли бы многие жалобы".

- 58 Ты уходишь, ты отдалась другим,
И мне горьки мои сладкие помыслы,
Что ужо я в поте своих трудов
Прикопив монет
От хозяйского ли жалования,
От щедрот ли даятельных гостей,
Ворочусь к твоему отцу в Валенцию,
И он даст мне тебя, и мы поженимся".
- 59 Девушка пожимает плечами,
Говорит, мол, слишком поздно; а Грек
Плачет, стонет и гнет свое:
„Ах, не дай мне умереть безотрадно!
Обойми меня, приласкай меня,
Дай мне изойти вождельем,
Ибо каждый передразлучный миг
Мне залог, что умру я удовлетворенный!"
- 60 Отвечает сострадательная девушка:
„Верь,
И во мне не меньше того желанье,—
Но здесь, при всех,
Нет для нас ни места, ни времени".
А молодой: „Люби ты меня хоть
в четверть —
Так нашла бы и место и эту ночь,
Чтобы вместе нам хоть малость
порадоваться".
- 61 „Как же так,—говорит подружка,—
Коли я всю ночь одна меж двоих,
И всегда в потехе
Или с тем, кто справа, или с тем, кто слева?"
А дружок: „Тебе нипочем
И из этой вызволиться неволи,
Стало бы охоты,
А охоты станет из сущей жалости".
- 62 Тут она, подумав, и говорит:
„Приходи, как увидишь, что все
задремлют",
И рассказывает,
Как ему и войти и выйти.
Вот дождался Грек урочного сна,
Тронул дверь, подается дверь,
Входит крадучись,
Мягкой поступью вщупываясь в путь,
- 63 Двигается длинными шагами,
На одну ногу встанет, другую вытянет,
Словно он идет по стеклу,
Словно под стопую хрупкие яйца.

Выдлиннивши руку,
На ходу нашаривает постель,
И где чувствует ноги спящих,
Туда вскальзывает молча, лицом вперед.

- 64 Меж двух ног
Навзничь распростертой Пламеты
Он достиг ее, и сжал ее, и уже
Не сходил с нее до самого поутрия:
Лихо всадничал,
Не меняя коня затем, что незачем,
А она попевала так уж в лад,
Что не надобно никакой разминки.
- 65 И король слышал, и Иоконд слышал
Такую возню, что тряслась кровать,
Но каждый думал,
Что с ним рядом усердствует его друг.
Грек доездил свою езду
И ушел, как пришел, той же дорогою;
Встало солнце, взметнув золотые стрелы,
Встала и Пламета, скликает слуг.
- 66 Говорит вполсмеха король товарищу *как обман*
„Долго же ты, братец, наездничал, *раскрылся,*
Всю ночь не сходил с коня,
Не пора ли теперь и отдохнуть?"
А Иоконд в ответ:
„Это ты мои говоришь слова:
Самому тебе надобна отдышка
После столькой ночной гоньбы!" ,
- 67 „Я и рад бы,—
Говорит король,— спустить мою гончую,
Кабы ты хоть на мало сошел с седла,
Чтобы мог я доправить мое дело".
А Иоконд: „Ты мой больший, я твой
меньший,
Ты нас сторг—тебе и расторгнуть:
Так зачем говорить обиняками?
Взял бы да приказал бы: слазь!"
- 68 То один кольнет, то другой,
Встает спор,
Начинаются обидные речи,
Никоторый не хочет быть дурачен,
Подзывают Пламету (а она
Невдали и дрожит, что все раскроется),
Чтоб сама им в лицо сказала: кто
Лжив из двух отпирающихся?
- 69 „Говори,— сурово гласит король,—
И не бойся ни меня, ни вот этого:

Кто был удалец,
Во всю ночь не делившийся с товарищем?"
Каждый ждет,
Что соперник уличится в обмане;
А Пламета, видя такое дело,
Бух им в ноги: не чаяв быть жива,

70 Молит милости,
Что склонил-де ее, слабую, на любовь
Некий юноша, и она,
Пожалев его страждущее сердце,
Нынче ночью впала-де в грех,
И так дале, не вымышляя ни слова,
Как она управлялась меж двоих,
Чтобы каждый подумал бы на соседа.

71 Смотрит король на Иоконда,
Смотрит Иоконд на короля,
И дивуются, онемелые,
Сроду не гадавши таких проказ.
А потом, сузив глаз, разинув рот,
Таким закатились хохотом,
Что, не в силах дух перевести,
Оба навзничь рухнули на подушки.

*и как
все тому
посмеялись.*

72 А отхохотавшись
До слез в глазах, до колотья в груди,
Говорят: „Да какая же могота
Устеречься от женского обмана,
Коли мы не устерегли ее здесь,
Каждый чуя ее собственным боком?
Будь хоть столько в муже глаз, сколь на
темени влас,
А и то не уследит он измены.

73 Мы пытали тысячу самых лучших —
Ни одна не стала нам в отпор;
Сколько дальше ни пытай — все едино:
Будь же эта проба делу конец.
Видимо и ведомо: наши жены
Не черней и не коварней других;
А коли так,
То воротимся к ним, себе на радость".

74 Так-то порешив,
Велят девке прикликнуть полюбовника
И при всех дают его ей в мужья,
Положив за ней доброе приданое.
А сами в седло,
И обратно, от запада к востоку,
К прежним женам,
Но уже без прежних о них забот».

- 75 На том кончил гостиник свою повесть,
Слушанную с превеликим вниманием,
И сам Родомонт
Не сказал ни слова по самый ее конец,
А потом изрек:
«Истинно несчетны коварства женщин:
Тысячную запечатлеть их часть
Недостало бы всех чернил на свете!»
- Один старик
тщетно
заступается
за женщин.*
- 76 А был меж присущими некий муж,
Зрел годами, здрав мыслью и пылок духом,
И не могши снести такой позор,
Причинимый всему женскому полу,
Обратясь он лицом к повествователю,
Вымолвил такие слова:
«Много нам доводится слышать вздор—
Таков и твой.
- 77 От кого бы ты это ни услышал,
Будь он свят, как евангелист,
Но в таком суде
Говорит в нем одно предубеждение.
Претерпев одну ли, двух ли недобрых,
Он бесчестно пышет злобой на всех,—
Но дай срок, сам услышишь: минет гнев,
И хула померкнет перед хвалою.
- 78 А хвале
Будет много вольнее, чем злословию,
Потому что на сотню достославных
Достохульна есть едва ли единая.
Не хулить, а охранять от хулы
Подобает нам столькие добродетели;
Если твой Валерий сказал иное—
Это он не от сердца, а в сердцах.
- 79 Молвите: меж многими вами
Хоть единый соблюл ли верность сам?
Кто посмеет уверять, что при случае
Он не сманит жену ближнего своего?
Хоть единый есть ли такой на свете?
Кто сказал, тот лжет; кто поверил, глуп.
А и то ведь женщина (не блудница и не
срамница)
Никогда не ступит первый шаг.
- 80 Ежели же всякий
Отвернется и от лучшей из жен,
Льстясь надеждою залучить чужую
Без потраты времени и труда,—
То каков же окажет он себя,
Коли дама или девица

Вдруг сама подступит зовом и золотом?
Да уж тут любой из кожи вон!

- 81 Коли женам постылеют мужья,
То не без причин,
Ибо видят, какая в них охота
От домашнего к чужому добру.
Хочешь быть любимым—люби:
Чем дается, тем и воздается.
А моя будь воля,
Я бы дал мужьям неспорный закон:
- 82 Закон: всякой жене, застигнутой в измене,
Смерть,—
Ежели нельзя доказать,
Что и муж хоть единожды ей изменник.
А докажет—и нет на ней вины,
И ни муж, ни суд не угроза.
Ибо велено Господом Христом:
Чего себе не хочешь, того другим не делай.
- 83 Что и можно им вменить, да и то не всем,—
Это невоздержие;
Но опять же кто из нас без пятна?
Ни единого не сыщешь мероимного.
А сколь многое и стыдней и срамней —
Плутни, лихоимство, разбой, кощунство,
Душегубство и прочее, ужаснейшее —
Почитай, что лишь мужчины и творят!»
- 84 К таковым-то доводам был готов
Честный старец примерить и примеры
Многих дам, ни думою и ни делом
Не пятнавших должную чистоту.
Но, враждуя истине, сарацин
Грозным взором
Наложил ему печать на уста
Но и тем не пременил его суждения.
- 85 Так уставив басурман конец прению,
Встал от стола
И в постель до поры, когда заря
Сгонит с неба ночную темень и сырость.
Но и ночь
Не ко сну была, а к вздохам о даме.
Восстает он с первым лучом
И велит снарядить насад для плавания.
- 86 А держа в любви и чести
Добрый рыцарь доброго коня,
Того доброго коня, за которого
Встал он в спор с Сакрипантом и
Руджьером,

*Родомонт
едет
на юг.*

И увидевши, что двухдневною ездою
Конь заезжен тягостней, чем достоин,
Он возводит бегучего на насад,
Ему в отдых, себе в поспешку.

- 87 Велит кормчему оттолкнуть ладью,
Весла на воду,
А ладья не велика, не тяжка,
И проворна по течению Соны.
Но от тяжкой думы
Не уйти Родомонту ни вскачь, ни вплавь:
На корме она с ним и на носу,
И за седлом примостится конским.
- 88 То она в уме, то она в груди,
Не приемлет никакого ободрения;
Нет поправки злополучному,
Ибо враг в его же земле,
И неведомо, отколе быть благу,
Если встали на него и свои,
Если денно и ночью его терзает
Тот, которому взять бы его под сень:
- 89 Плывет день, плывет ночь
Родомонт, угнетаясь душевным бременем,
А не может выкоренить из сердца
Ту обиду от дамы и государя.
Та же боль, та же скорбь,
Что была на седле, то и на палубе.
Он в воде, но огонь не угасим;
Он в езде, но от себя не уедет.
- 90 Как больной,
Изможденный терзающею горячкою,
То на правый ляжет бок, то на левый,
В тщетном чаянье обрести покой;
Но что справа, то слева
Все ему круто и трудно,—
Так язычнику от его недуга
Не защита ни земля, ни вода.
- 91 Невтерпеж плыть —
Родомонт пускает коня по суше,
Он минует Лион, Вьенну, Баланс,
Перед ним—авиньонский знатный мост,
Ибо земли и эти и иные,
Что от Роны и до испанских гор,
С Аграмантовых и Марсилиевых побед
Отдались под их высокую руку.
- 92 Держит вправо, в сторону Мертвых Вод,
Чтоб оттуда взять путь к своему Алджиру,

- 98 Как завидел сарацин столь прекрасную
 Пред собою даму—и вмиг
 Он забыл оуждать и опорочивать
 Нежный сонм, столь красящий свет,
 И он судит, что никто не милей,
 Чем она, быть второй его возлюбленной,
 Чтобы новою любовью исторгнуть
 прежнюю,
 Как клином клин.
- 99 Он спешит навстречу, он самым
 Кротким взором и добрым словом
 Вопросает, какая над ней беда,
 И она ему поведывает свою волю
 Бросить грешный мир,
 Стать любезной святым трудом
 Всевышнему;
 А язычник — в надменный смех:
 Ни закона ему, ни веры, ни бога.
- 100 Говорит, что такой-де помысел
 Глуп и ложен,
 И она-де возбранна, как скупец,
 Сокрывающий в землю свое богатство,
 Ни себе не в прок,
 Ни другим не в потребу;
 Будь в затворе медведь, и лев, и змий,
 Но не будь красота и непорочность!
- 101 Тут монах,
 почуявши, что неопытной
 Нужна помощь, чтоб не сбиться с пути,
 Мудрым кормчим сел у кормила,
 Щедро выставил для духовного пиროванья
 Изобилъе сладчайших яств и брашен;
 Но у басурмана отроду порчен вкус —
 Он воротит нос, не отведавши,
- 102 Прерывает вновь и вновь монахову речь,
 Понуждает его умолкнуть,
 И не смогши,
 рвет узду терпения
 И заносит на него ярую длань...
 Но сказавши больше,
 Я, пожалуй, скажу не в меру много;
 А не в меру говорливый чернец
 Мне урок здесь и кончить эту песню.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

- 1 Ах, мужские непостоянные души,
Как они увертливы в быстрых думах!
Всякой мысли своя отмена,
А пуще — той, что от любовного гнева.
Только что сарацинский рыцарь
Так уж кипел против женского пола,
Что я-то думал, такие страсти
Не то что не угаснут, но даже
не остынут!
- 2 Милые дамы!
За все его о вас неподобные речи
Теперь ему нет от меня прощенья,
Пока он бедою не выкупит обиды!
И тому порукою перо и чернила,
Что каждый скажет:
чем вас порочить,
Лучше б он молчал, закусивши губы!
- 3 Да уже и видно,
Каково он был несмыслен и глуп,
Замахнувшись мечом своего буйства
Без разбора на каждую и на всякую,—
Но едва он увидел Изабеллу,
И уже в нем душа не на том месте,
Желанье гонит желанье,
Он забыл, каков был.
- 4 Новою любовью томясь и мучаясь,
Мечет он бесплодные словеса,
Чтобы дрогнул дух,
Весь вперившийся в Господа Вседержителя.
Но пустынный ей как щит и как бронь:
Чтобы чистый не порушился помысел,
Он в заступу ей и в отпор врагу
Бьет на сильные речи троесильными.
- 5 Долго протерпел басурман
Неуемную монашью строптивость,
Многажды сказавши ему: «Ступай,
Коли хочешь, один в свою пустыню»,—
Но как тот разит его и разит,
Не желая ни мира, ни перемирия,—
Ярый рыцарь хватъ старика за бороду,
И уж сколько схватил, столько и вырвал.
- 6 Пуще осерчав,
Он впился, как клещами, тому в горло,
- Вступление.*
- Родомонт
расправляет
с отшель-
ником*

Раскружил по воздуху раз и два,
И бросает в дальнее море.
А что дальше — не знаю и не скажу,
О монахе молва неодногласная:
То ли грянулся он в скалы, да так,
Что не сыщешь, где ноги, а где череп,

7 То ли рухнул в зыбь
За три мили, а может быть, и далее,
И не смогши плыть, захлебнулся
С тщетными молитвами на устах,
То ли некий, сойдя в нему, святой
Зримой дланью извлек его на сушу,—
Понимай, кому как нравится,
А моей о нем повести конец.

8 От докучливого вызволясь болтуна,
Злобный Родомонт
Обратил просветлевшее чело
К нежной даме, горестной и смятенной,
И гласит ей любовные слова,
Что она-де душа его и сердце
И утеха и сладкая надежда,
И все прочее, что молвится подряд.

*и подступает
с любовью
к Изабелле.*

9 Он такой изъясляет нрав,
Что ни помысла-де в нем о насилии,
Что пресветлый милый лик
Угасил в нем заведомую гневливость,
Что держа он в руках заветный плод,
Не желает впиться в его подкожье,
Ибо хочет принять его по-доброму
В дар.

10 Так он чаял, по малости клоня,
Умолить Изабеллу себе в угоду;
Но она,
Как мышка перед кошкою,
Одинокая на чужой стороне,
Лучше заживо рада бы в огонь,
И лишь думает, нет ли где исхода
Беспорочной вынести женскую честь.

11 И она сокровенно замышляет
Прежде смерть приять от своей руки,
Чем злодей совершит свое желаемое
И понудит ее в великий грех
Против витязя, от жестокой судьбы
Испутившего дух в ее объятьях,
И которому свят ее обет
Вечной верности.

12 Она видит: слепая страсть
Все бурливее в басурманском царе,
И дрожит, и ждет худой управы,
На какую не станет противления.
Разное примеривая на ум,
Вот она изыскивает такое,
Чтоб во славе соблюсти чистоту,
А уж как — об этом сейчас расскажется.

*Изабелла
сулит Родо
монту
неуязвимое
зелье.*

13 Говорит она подступающему вновь
Уж без прежнего
Вежества в словах и делах
Сарацинскому домогателю:
«Ежели изъядется ваша воля,
Чтоб осталась без вреда моя честь,
То воздастся от меня некий дар,
Драгоценнейший моего бесчестия.

14 За недолгую такую усладу,
Каких по свету не исчислить,
Не взгнушайтесь благом
Прочным, истинным, лучшим меж иных.
Милovidных жен
Будет вам и сотня и тысяча,
Но такого, как я, не даст вам дара
Ни одна.

15 Ведома мне трава,
И она здесь растет и мною виделась,
И как ту траву в кипарисном огне
Отварить, сочетав с плющом и рутою,
И сцедивши отвар руками девственницы,—
Станет влага, в которой трижды
Омовенная недоступна плоть
Ни мечу, ни пламени.

16 Трижды, говорю я, омывшись,
Круглый месяц будешь неуязвим:
Что ни склянка, то месяц,
Ибо дольше зелью действия нет.
И я знаю его варить, и сварю,
И ты нынче же уверишься в моей правде,
И коли не лгу—
Это лучше, чем у ног вся Европа.

17 А в отдарок за этот дар
Поклянись же ты мне твоею верою,
Что ни словом худым, ни делом
Не уронишь мою девичью честь».
Таковая речь
Вновь вызывает Родомонта к учтивости:
Так-то хочет он стать неуязвим,
Что сулит и просимое и свыше:

18 Чтоб увидеть чудотворное зелье,
Он готов-де ее хранить и беречь,
И ни тенью
Не коснется красавицы насилие.
Но душа его словам не верна,
Ибо нет в нем ни любви, ни боязненности
Ни ко Господу, ни ко всем святым,
И во лжи он коварнее целой Африки.

19 Тысячу он крат
Заклинает красавицу не печалиться,
От ее трудов взыска зелья,
Чтобы сделаться, как Кикн и Ахилл.
И она по кручам и темным долам,
Одаль от людей и жилия
Бродит, тайные сыскивая травы,
А над ней неотступный сарацин.

*Изабелла
для мнимой
пробы*

20 Собрав вдоволь
Здесь и там, с корнями и без корней,
Возвращаются они о закате,
И всю ночь
Целомудренная подвижница
Пенит травы, бодрствуя над котлом,
Но при тайностях ее и при явностях —
Неотступный алджирский царь.

21 От соседства ее огня,
В необширной палимого пещере,
Он, всю ночь со слугами тешась в зернь,
Стал такую чувствовать жажду в горле,
Что по малу ли, по многу ли, опорожнил
Два бочонка греческого вина,
На большой дороге
Незадолго отбитых его людьми.

22 Родомонт не пивал вина,
Отреченного Магометовою верою,
А единожды отведавши,
Слышит сласть пуще нектара и манны.
Проклинает он басурманский закон,
Осушает чашки и фляжки,
Вкруговую идут добрые кубки,
И у пьющих голова колесом.

23 Тут красавица, зельный свой котел
Снявши с пламени,
Говорит Родомонту: «Чтобы ты
Не сказал, что слова мои—на ветер,
Я тебе такой явлю пример,
На каком и неуч научится
Усмотреть, где правда, где ложь,
И в пример даюсь сама, и немедля.

*подставляет
отсечь себе
голову*

- 24 Умудрись
В дивных свойствах благодетельной влаги,
Убедись,
Что она — не отравный яд:
Я омоюсь ею от самого
Темени по шею и грудь —
И тогда пытай на мне меч и руку,
И крепка ли та, и остер ли тот».
- 25 И она омылась,
И она с весельем в лице
Подставляет нагую шею варвару,
Обуянному необорным вином,—
И зверообразный
Верит, рубит крутым клинком сплеча,
И отъежится от былого тулова
Голова, обитель самой Любви.
- 26 Трижды переверотясь,
Внятным гласом гласит она Зербина,
Вслед которому дева столь нежданное
Изыскала бегство из вражьих рук.
О, блаженная, *к вечной*
Ты, кому дороже жизни и младости *своей*
Имя верности *славе.*
И забвенной меж нами чистоты,
- 27 Лети с миром, пресветлая душа!
Будь у слова сила,
Как бы я усиливался украсить
Мои строки изящностями художеств,
Чтобы тысячу и тысячу лет
Твое славное имя звенело миру!
Лети с миром ко престолу Творца
Стать всесветным примером святой
верности!
- 28 И с небесного престола Творец,
Канув взором к несравненному подвигу,
Возгласил: «Ты превыше той,
Чья погибель низвергла трон Тарквиния,
И за то в непреложных моих законах
Будь закон,
Нерушимый до скончанья веков,
В чем клянусь неприступными влагами:
- 29 Кто в грядущем будет крещен
Твоим именем, каждая да возвысится
Ликом, духом, разумением, вежеством
В запредельную добродетель и честь,
Каждая да будет певцам
Песней славы, заслуженной и истинной,
Чтоб вовек гремели Геликон, Парнас и Пинд
Изабеллы именем, Изабеллы!»

- 30 И на то всевышнее слово
 Усмирилось море, сияет высь,
 И восходит чистойшая душа
 В третье небо, в Зербиновы милые объятья.
 А внизу, в позоре и прахе,
 Остается нещадный новый Брусе,
 Избывая хмель
 И кляня свое пагубное блуждание.
- Родомонт
 воздвигает
 Изабелле
 гробницу*
- 31 Ищет он хоть малостью утолить
 Изабеллину блаженную душу:
 Если телу ее он в смерть,
 То хоть память жила бы вечной жизнью.
 И приискивает такой тому путь:
 Церковь, где жила она и погибнула,
 Обратить в гробницу,
 А уж как,— я сейчас перескажу.
- 32 Изо всех окрестных мест, добром и силою,
 Он сгоняет стройщиков,
 И когда их стало тысяч шесть,
 То велит им из горных скал
 Рубить глыбы, складывать мавзолей
 Снизу доверху локтей в девяносто,
 А внутри—церковь,
 И в той церкви два гроба двух любовников.
- 33 Мощен мавзолей,
 Как над Тибром строенный Адрианом;
 А при нем он велит поставить башню,
 Чтобы здесь задержаться на житье,
 А при башне над бегучей рекой—
 Узкий мост шириной в два локтя:
 Длинный,
 Но такой, что двум коням не пройти—
- 34 Двум коням не пройти бок о бок,
 Ни разминуться грудь в грудь,
 А по краю ни ограды, ни поручня,
 Куда хочешь, туда и падай.
 Будь ты рыцарь крещеный или язычный,
 А плати дорогой ценой,
 Ибо воля Родомонта—воздаты гробнице
 Тысячу трофеев своих добыч.
- и украшает
 ее трофеями
 с проходя-
 щих
 рыцарей.*
- 35 В десять дней
 Выстроился мост,
 Но медлительней высился мавзолей,
 И не доверху воздвигнулась башня,
 Хоть уже и встал
 На высоком дозоре человек,
 Чтоб о каждом подъезжающем рыцаре
 Гулкий рог подавал бы знак.

- 36 И тогда снаряжался Родомонт
И навстречу, на тот иль этот берег,
Чтоб откуда ни ехал рыцарь к башне,
А насупротив стал бы алжирский царь.
Мост им поле,
И какой оступится конь,
Тот и в реку, а река глубока:
Ввек не видано поприща ужаснее!
- 37 Чаял сарацин, что отваживаясь
Вновь и вновь ристать над рекой,
Пав в которую,
Неминучей испил бы он воды,
Той водой Он омоется и выйдет чист
От греха, причинного винной влагой,—
Словно бы вода, размывая хмель,
Омывает и хмельные деяния.
- 38 И прошло там в мало дней много рыцарей:
Кто попутно,
Ибо самый был торный путь
Той дорогой в Италию и Испанию,
А кто в жажде попытать свою мощь,
Ибо честь им лучше, чем жизнь;
Но который ни схватывался о первенстве,
Всяк терял доспехи, а то и жизнь.
- 39 Ежели побит басурман—
Родомонт лишь снимал с него оружие,
И надписывал, с кого оно снято,
И подвешивал на мраморный кров.
А кто был крещен, того в подземелье,
А потом (мне думается)— в Алджир.
И меж этих-то трудов вдруг является
Неистовый Роланд.
- 40 По нечаянности
Прилучился обезумевший граф
К той реке, над которой Родомонт
Строил башню, строил гробницу,
А достроил доселе только мост,
И за тем мостом
Предстоял всеоружно, взяв забрало,
В самый час, как приспел сюда Роланд.
- 41 Шпоримый неистовством,
Роланд прочь препону и скок на мост,—
Но навстречу издали,
Пеш под сенью высокой башни
И гнушаясь противостать булатом,
Гремит голосом мрачный Родомонт:
«Прочь с дороги, смерд,
Хам, нахал, наглец и дерзавец!
- Но является
неистовый
Роланд,*

- 42 Этот мост не для тебя, скотский лоб,
А для паладинов и рыцарей!»
Но Роланд в своей великой заботе
Слухом глух и бежит вперед.
«Надобно дурака проучить»,—
Говорит язычник, и в заносчивости
Выступает свалить его в стремнину,
Знать не зная, кто перед ним.
- 43 А в тот час
Подъезжает к реке и тому мосту
Юная красавица,
Светла ликом, пестра платьем, скромна
образом;
И была это (вспомните, государь!) *и Родомонт*
Та, искавшая милого своего Брандимарта *не может*
По всем местам, и только не там, *с ним*
Где он был за парижскими стенами. *справиться.*
- 44 Подъезжает и видит Флорделиза
(Так ее зовут),
Как с Роландом схватился Родомонт
И с моста его ладит сбросить в реку.
Знавши, узнает
Путешественница англандского графа
И стоит, полна изумления:
От какого безумства стал он наг?
- 45 Хочет досмотреть до конца
Эту ярость меж двух могучих;
А они, один и другой,
Всею силой ломают друг друга с моста.
«И откуда в дураке столько сил?»—
Цедит гордый басурман через зубы,
И в досаде, в обиде, в гнев
Так и смят охаживает врага.
- 46 То он правою рукою, то левою
Изловчит захват,
То он левую, то правую
Вдвинет ногу меж вражьих ног:
Как медведь
Тщетно тужится своротить колоду,
И не сладит, и пуще зол и глуп,—
Так и Родомонт вокруг Роланда.
- 47 А Роланд, чей ум
Выпал вон, и осталась только сила,
Только сила, которой равных
Нет иль мало същется под луной,—
Как стоял, так возьми да бух
С моста в реку, не выпуская недруга!
Оба вмиг ко дну,
Пена к небу, гул по округе.

- 48 Расцепившись они в воде,
 Кто куда: Роланд гол, плывет, как рыба,
 Руки вмах, ноги врозь,
 И на берег, а став на берегу,
 Бегом прочь,
 С честью, нет ли, на то и не оглядываясь.
 А язычник под гнетом лат
 Еле медленно выкарабкался на сушу.
- 49 Этим временем Флорделиза
 Без помехи минула мост,
 Обошла гробницу со всех сторон,
 Нет ли где Брандимартовой приметы:
 Но не видя ни меча, ни плаща,
 Едет далее в даль искать любезного.
 Мне же следует следовать Роланду
 По ту сторону моста и реки.
- 50 Безумство —
 Исчислять все Роландовы безумства,
 Ибо столько их, что невесть, где конец.
 Но продолжу, выбрав
 Важные, достойные песни
 И уместные к моему рассказу,—
 Стало быть, не смолчу и о том,
 Что пришлось в Пиренеях по-над
 Тулузою.
- 51 Многие миновавши места >
 И держась пустым лбом на запад солнца,
 Граф,
 гонимый яростным горем,
 Добежал до гор,
 Что меж франкской землей и терраконской;
 А в горах была узкая тропа
 Вдоль по круче над глубоким ущельем,
- В горах
 Роланд
 расправляет
 с дрово-
 рубами,*
- 52 И на самом ему перевале
 Вдруг навстречу два молодца,
 Дроворубы, с дровами на осле;
 Сразу видят по образу и подобию,
 Что бегущий — без царя в голове,
 И кричат, грозя голосом, чтобы он —
 Прочь с дороги,
 Хоть вспять, хоть в бок.
- 53 Но Роланд им в ответ ни слова,
 А как вздымет ногу,
 Да как двинет осла их прямо в грудь
 Всею силой сверх всякой силы:
 Тот взлетел,
 как птичка небесная,
 И обрушился на дальнем холме
 За версту по ту сторону долины.

- 54 А Роланд набегает на двух молодчиков:
Одному
    повезло не по уму
В страхе свергнуться с крутого откоса
Сверху донизу в шестьдесят локтей,
И на том сыпучем пути
Прокатиться сквозь колючий терновник,
Исцарапавши лицо свое в кровь,
Но оставшись вольным и неувечным;
- 55 А другой
Закарабкался на скалу и на отрог,
Чтобы выше утаиться от бешеного,
Но вотще—
Тот, нещадный,
Хватъ подпрыгнувшего за обе ноги
И, насколько стало развода рук,
Разорвал его на две половины—
- 56   Точь в точь,
Как расхватывают курицу или цаплю,
Чтобы бросить теплые потроха
Вдоволь ловчему соколу или ястребу.
Хорошо, кто остался жив,
А не сломал себе, скатываясь, шею!
Он поведал это диво соседям,
А они Турпину, а этот—нам.
- 57 И такого и всякого диковинного
Много вытворив на горном пути,
Вот спускается, наконец, заблудший,
Лицом в полдень, в испанскую страну,
А по ней—вдоль моря,
Терраконский лижущего песок:
И его надоумило безумие
В том песке завести себе приют,
- 58 Чтоб укрыться от солнечного паления.
Вот он сходит на сыпучую сушь,—
    Как вдруг
Наезжает почти что на него
С юным мужем красавица Анжелика,
Съехав с тех же (как рассказано) гор,
И, рукой подать, минует Роланда,
Потому что не может его узнать,
- 59 Потому что Роланд— как не Роланд,
Ничего в нем не осталось от прежнего:
С самых пор, как решился он рассудка,
Шел он гол и под солнцем и в ночи,
И родись он в египетской Сиене,
Или где гараманты чтут Аммона,
Или в кряжах, откуда брызжет Нил,—
Он и то бы не был так черен:

*а в Испании
встречает
Анжелику
и Медора..*

- 60 Очи впади в череп,
 Лицо высохло, как голая кость,
 Космы в клочьях, борода в комьях,
 Заскорузел, скорбен, страшен и груб.
 Как увидела его Анжелика—
 И дрожит и шарахается прочь,
 И визжит, оглушая небо криками,
 И бежит под Медорову скрыться длань.
- 61 А как взвидел Анжелику Роланд,—
 Вмиг неистовец на ноги и к ней:
 Такова в нем вспыхнула лакомость
 На ее пленительный лик.
 Ни следа в нем памяти,
 Что любил он ее и ей служил,—
 Мчит вдогон,
 Как собака за красной зверью.
- 62 Юный муж, видя бешеного вслед
 За красавицею,
 На него бросает коня,
 Улучает мечом его в загривок,
 Чаёт ссечь с плеч
 Голову, но нет—ибо Роландова
 Кожа крепче, чем кость и сталь,
 Отроду хранима благими чарами.
- 63 А Роланд, почуяв удар, *м п <*
 Повернулся и с поворота *-поа по*
 Сарацинскому коню во всю *иззиту*
 Кулаком *"чг! <<*
 Бьет в лоб,
 Череп вдребезги, как стекло,
 Конь в прах,
 А Роланд в тот же миг—за убегающей.
- 64 Анжелика гонит свою кобылу, *Анжелика*
 Не щадит ни шпорами, ни хлыстом, *спасается*
 Все ей мало, *волишебным*
 Хоть лети она стрелой с тетивы, *перстнем,*
 Тут-то ей и в ум, что при ней —
 Чудо-перстень; она хватъ его в рот
 И в спасительной прежней его силе
 Исчезает, как огонек под вздохом.
- 65 Но от страха ли,
 Но от взмаха ли неловкой руки,
 Оттого ли, что взбрыкнула кобыла,
 Я не знаю,
 а только в самый миг,
 Как взялось кольцо и сплылось лицо,
 Она вон из седла,
 Ноги кверху и навзничь на песок.

66 Упади она пядью ближе,
И не минул бы ее сумасброд,
А споткнулся бы, и не быть ей в живых;
Но судьба распорядилась по-доброму.
Лишь одна беда —
Нужно вновь искать лошадь под седло,
Потому что уже ей не видать
Той, которая пылит от Роланда.

67 Не печальтесь — она свое найдет;
А покамест поспешим за паладином,
Из которого пышет прежний пыл,
Хоть уже не видно прекрасной дамы.
Он бежит за лошадью по песку,
Ближе, ближе,
Вот догонит, вот схватил за гриву,
Вот схватил за узду, и вот стоят.

*а Роланд
бежит
по Испании.*

68 Радуется рыцарь,
Словно не коня залучил, а девушку,
Оправляет поводья и узду,
А потом прыжок, и в седле,—
И вскачь,
Не считая верст, вправо, влево,
Ноги в стремени, конь в узде,
Ни себе вздохнуть, ни ему глотнуть.

69 Пожелавши он прыгнуть через ров,
Вдруг и рухнул в ров вместе с лошадью;
Сам вскочил и ничего не почувствовал,
А она под ним чуть жива.
Смотрит глупый, как с нею быть,
И не знает, и взваливает на плечи,
И бредет под такую ношею
На три выстрела лучною стрелой.

70 А когда уже стало невподъем —
Ставит наземь и тянет за узду;
Лошадь тащится медленно и хромко,
Он ей: «Ну же! ну!» — а все не в толк;
Да она бы и в галоп
Не поспела за бешеною волею!
Тут он стаскивает с нее узду,
Вяжет поводом за правую ногу

71 И волочит за собою вслед,
Приговаривая: «Так-то тебе легче!»
А дорога вся в злых камнях,
Иной колет, иной ранит, иной свежует:
От такого хода
В малом времени тварь уже мертва,—
А Роланд бежит и бежит,
Ничего не видя и не зная.

- 72 Он бежит к закату,
 Тащит мертвую тушу за узду,
 А захочет есть —
 Разоряет города и деревни,
 Рвет плоды, и мясо, и хлеб,
 И пощады от него — никому:
 Кто убит, а кто покалечен,
 Все вперед, и покоя ни на миг.
- 73 Попадись бы на том пути его дама —
 Тут бы ей и конец,
 Потому что он любил и губил,
 Не деля ни черного, ни белого.
 Ах, проклятый перстень,
 Ах, проклятый рыцарь, его даритель!
 Будь не он — и отомстил бы Роланд
 За себя и за тысячи влюбленных!
- 74 И не ей одной,
 А и всех бы дам на ту же расправу —
 Все они вероломны,
 Ни в одной из них чести ни на грош!
 Впрочем,
 Пока струны еще в лад моей песне,
 Лучше я помедлю ее звенеть,
 Чтобы слушавшим не навеялась
 скука.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

- 1 Ах, когда рассудок *Вступление.*
 Уступает гневливому порыву,
 И слепая ярость
 Жжет к обиде руку или язык, —
 То потом уже беды не поправишь.
 Хоть тоскуй, хоть плачься:
 Таково напрасно плачусь и я
 За сердитое слово в прошлой песне.
- 2 Как недужный,
 Исстрадавшись,
 Не находит более сил к терпенью
 И клянет все направо и налево,
 Но проходит боль, проходит страсть,
 Исторгавшая хулящее слово,
 Он опомнился, кается, горюет,
 Но что сказано, того не вернуть.

Лишь по вашей, красавицы, любезности
Льщусь надеждою быть от вас прощен:
Попустите мне вздорную ту речь,
Обуянную жестокою страстью,
А взвините мою врагиню—ту,
О ком стражду, и ропщу, и раскаиваюсь:
Бог судья ей,
А она-то знает, как я ее люблю.

Я уж сам не свой, как Роланд,
И не меньше достоин снисхождения,
Чем Роланд, который
По испанским взгорьям и взморьям
Много дней волок за собою лошадь,
Давно мертвую, а ему хоть бы что.
Но пришлось ему околелую бросить,
Как пришел он к устью большой реки.

*Роланд,
истреблял
людей
и лошадей,*

Плавал он, как выдра:
Мигом в воду, и вылез на тот берег,
А на том берегу у водопоя
Стадо, а над стадом конный пастух.
Он стоит и не сторонится,
Видючи, что встречник один и гол.
А рехнувшийся Роланд ему: «Эй!
Дай коня в промен на мою лошадь!

Моя лошади— вон на том берегу,
Посмотри — увидишь и отселева;
Она мертвая, в том лишь и беда;
Если хочешь — справь ее в леченье.
А сам сядь со своей и отдай ее добром
И с прибавкою, на то моя воля!»
Пастух—в смех,
Отвернулся и прочь к своему броду.

«Я хочу твою лошадь—слышишь?» —
Подступая, свирепеет Роланд.
Взял пастух узловатую свою дубину,
Размахнулся по нему, да и хватить!
Ярость
Хлынула по графу превыше мер:
Кулаком он пастуха по башке,
Череп вдребезги, тот падает мертв;

А Роланд—в седло,
В сто дорог, и на всех крушит,
А коню—ни овса, ни сена,
Два-три дня—и безумец без коня.
Но Роланду все нипочем:
Пеш не ходит,
Сколько встретит лошадей—все его,
А хозяева лежат перебиты.

9 Так доходит он до самой Малаги,
И уж там-то, как нигде,
Стер в прах
Край и люд
Так, что тем и в год не опомниться:
Столько изгубил сумасброд,
Столько снес и сжег домов и хижин,
Что и нет как нет полугорода.

10 Идет дальше, и вот земля Зизеры
Смотрит на пролив
Гибралтарский, он же — Зибельтерский,
Хочешь — зови так, хочешь — так.
А от берега отчаливает
Емкий челн, а в нем досужий народ:
Освежиться
Нежным бризом над безмятежным морем

*переправ-
ляется
из Испании
в Африку;*

11 Сумасброд им: «Стой!» —
Потому что хочет плыть с ними вместе;
Но такого им спутника не надобно,
Он кричит и вопит, а толку нет:
Мчит ладья,
как перелетная ласточка.
Роланд бьет коня палкою и пяtkою,
Загоняет с берега в море.

12 Конь упрямится, но силы не те:
Соступает он с суши в воду,
По колени, по брюхо, по хребет,
Вот уже и голову еле видно,
А ни шагу вспять:
Так охаживает его прут меж глаз.
Бедный!
Или смерть ему, или плыть до самой
Африки.

13 Не видать уже Роланду челна,
За которым Он неволился в хлябь —
Скрылся зыбью от низового взора;
Но все гонит он коня ему вслед,
Хочет в Африку поперек пролива, —
Конь захлестывается,
В нем воды все больше, души все меньше,
И приходит ему конец —

14 Пошел ко дну, потянул седока;
Но Роланд выпрастывает руки,
Движет ноги, загребает ладонями,
Тяжко дышит, расталкивает волну, —
А кругом безветрие,
Воздух свеж, в море тишь,

- 20 Но ни Руджьер в тех латах его не пустит
 На другого спорщика, ни Градасс
 Не желает Роландову мечу
 Ни с которым скреститься, кроме
 собственного;
 «Полно!—им гласит Аграмант,—
 Прочь слова, пусть решит раздоры жребий:
 Поглядим, как предусмотрит судьбина —
 За кого она, того и верх.
- 21 Мне в угоду, себе в почет
 Бросьте жребий, кому выйти на бой,
 Но условившись:
 На ком участь,
 тот спорит оба спора,
 Победивший за себя победит
 И за друга, а выронивший победу—
 И чужую выронит и свою.
- 22 Друг подобны другу
 В доблести Руджьер и Градасс:
 Кто ни выйдет биться,
 Тот заведомо явит себя героем.
 Кому верх —
 То укажет божие провидение;
 А кому пасть—и то не в укор,
 Ибо все доверяются судьбине.»
- 23 На такие Аграмантовы речи
 Оба паладина—ни слова,
 Соглашенные,
 Кто ни выйдет, тот выйдет за двоих.
 Вот уже начертаны
 На двух схожих жребиях два их имени,
 Брошены в сосудец,
 Сотрясены, смешались,—
- 24 Малый отрок опустил руку в урну,
 Извлекает писаное — и вот
 Оглашается Руджьерово имя,
 А Градассово покоится на дне.
 Нет слов,
 Как ликует Руджьер о таком выборе,
 И горюет сериканский Градасс;
 Но что небо велит, того не минуть.
- 25 Всю страсть, весь пыл
 Обращает сериканский король
 В толк и благо Руджьеровой победе:
 Что где в пользу, где щит, а где клинок,
 Какой верен удар, какой неверен,
 В чем пытаться удачу, а в чем не след,—
 От своей бывалости
 Сказ за сказом взводит ему на ум.
- Руджьер
 выходит
 на Мандри-
 карда
 за себя и за
 Градасса.*

- 26 До заката уговорного того дня
Обступали советные товарищи
И того поединщика и этого,
Как то водится меж добрых бойцов;
А народ
Вперевод, жадный видеть бой,
Рвался к зрелищным местам вокруг
поприща,
Наготове прободрствовать хоть всю ночь.
- 27 Ждет тупая чернь,
Чтоб два витязя померялись силами,
Не загадывая умом
Дальше куцега своего погляденья.
Но король Собрин и король Марсилией
И любой, кому вдомек зло и благо,
Порицают спор
И его дозволицика Аграманта.
- 28 На уме у них великий урон
Сарацинскому воинству и народу
От погубительной судьбы,
Все равно, татарина ли, Руджьера ли:
Тот и сей
Надобнее на Пипинова Карла,
Чем хоть десять тысяч иных,
Меж которыми не сыщешь достойного.
- 29 Аграмант на их правду не перечит,
Но обещанного не воротить:
Просит он Руджьера и Мандрикарда
Уступить, в чем он уступил,
Потому что спор их—из-за безделицы,
И не стоит он божьего суда,
А коли невмочь им отказ,
То хотя б изволили перемедлить —
- 30 Перемедлить схваткою
Только месяцев пять иль шесть,
Чтоб изгнать короля Карла из Франции,
Отбив скиптр его, багряницу и венец.
Но тверд паладин и упряма другой,
Хоть и оба рады служить властителю:
Каждому
Мнится в стыд согласиться первым.
- 31 Но и пуще государя и всех
Тщетных Мандрикардовых убеждателей
Просит, молит, сетует, стонет
Стордиланова прекрасная дочь:
Молит волею совпасть с общей волею
И желанием африканского царя,
Сетует и стонет,
Ибо в ней о нем тревога и страх.
- Ропот
разум-
нейших.*
- Жалобы
Доралисы.*

- 32 «Торе! — она тоскует,—
 Быть ли в моем сердце покою,
 Если новые и новые страсти
 Вас бросают в железо и на брань?
 Велика ли радость,
 Что погасла ваша прежняя битва
 С тем, другим,
 Если жаждется вам новая, пушья?
- 33 Надо ли мне было гордиться,
 Что столь сильный рыцарь, столь славный
царь
 За меня отважился
 На опасность, на ярость, на бой, на смерть,
 Ежели за малую малость
 Вы пускаетесь на ту же беду?
 Не любовь,
 А природная вас неволит злоба!
- 34 Ежели же воистину
 Изъявляли вы свою мне любовь,
 То молю вас той самою любовью,
 Заклинаю той болью, мне бьющей в душу:
 Не пылайте
 О той белой птице в щите Руджьера —
 В том ли польза и в том ли вред,
 У кого она есть, у кого ее нет?
- 35 Мала прибыль, грозна погибель
 В том бою, к которому ваша страсть:
 Отобьете ль Руджьерова орла—
 Невелик улов от великих трудов;
 А коли не ухваченная за прядь
 Повернется к вам судьбина затылком —
 Взмерит ваш урон
 Лишь мое перетерзанное сердце.
- 36 Если ваша не дорога вам жизнь,
 А милее рисованная птица,
 То по дорожите моею,
 Ибо после вас мне не быть!
 И не смерть тяжка,
 Ибо с вами я взялась в жизнь и в гибель,
 А печаль,
 Что умру я не первая, а за вами».
- 37 Таковые и подобные речи,
 Таковые с ними вздохи и слезы
 Расточала молящая во всю ночь,
 Побуждая любовника к замирению.
 А он,
 Осушая сладкий плач в влажных взорах,
 И впивая сладкий стон с алых губ,
 Сам в слезах, отвечает увещанием:

Похвальба |
Мандрикардей |
 I
 I
 I
 ]
 ]
 |

- 38 «Ах, жизнь моя,
Ради Господа,
Не жальтесь пустыми страхами!
Да восстань на меня на одного
Карл и мавр со всей Францией и Африкой,
То и тут беспричинна бы вам печаль:
Мало же вы меня знаете,
Коли в страх вам единственный Руджьер!
- 39 Мне ли вам напаять, как один,
Без меча и без ятагана,
Лишь куском я копья скрушил с пути
Целый полк оружного рыцарства?
Сам Градасс, коли спросишь, то и скажет,
Скажет с болью и со стыдом,
Как он в Сирии был моею добычею,—
А Градасс не чета Руджьеру в славе.
- 40 Истинно скажу: ни Градасс,
Ни ваш родич Изольер не оспорит,
Ни черкесский царь Сакрипант,
Ни всеславный Грифон, ни Аквилан,
Ни иные, которых больше сотни,
Что они, некрещеные и крещеные,
На единой тропе попали в плен,
А из плена все вызволены мною.
- 41 Грянь в тот знатный день на меня
Совокупно и Франция и Ливия—
Не было бы громче мне славы,
Нежели тогда и от них.
Так незрелый ли Руджьер
Стал один на один в урон и в срам
Ныне мне—
С Дурендалью и в Гекторовых латах?
- 42 Ах, зачем
Я поял вас, не ставши на бой?
Взвидевши мое богатырство,
Вы прозрели бы и Руджьеров удел.
Осушите же ваши слезы,
Не печальте себя вещей тоскою:
Движет мною честь,
А не белая птица на щите».
- 43 Так он молвил;
но слезная красавица
Много лучшего молвила в ответ,
И слова ее подвигнули бы столб,
А не только паладинову душу.
Хоть она в шелку, а он в стали,
Но победа ее быстра:
Коли царь взмолвит вновь о воссогласии,
Мандрикард сулит сказать: я готов.
- Неудача
замирения.*

- 44 Так и стало бы; но когда поутру
Под Авророй, предшественницей Солнца,
Мужественный Руджьер,
Ради прав своих на орлие знаки
Не терпя отлагательных слов и дел
Скорому суду,
Взъехал в поле, обспевшееся людом,
В латах грудь, в губах рог,—
- 45 Лишь слышал горделивый татарин
Звон, надменно звавший на брань,
И уже в нем ни думы о воссогласии,
Вмиг с одра, в крик к мечу, лик таков,
Что сама и Доралиса не смеет
Ни о мире молить, ни о полумирье:
Неминучий
Наступает рыцарский бой.
- 46 Вскидывает Мандрикард доспех,
Торопя непроторных щитоносцев,
Разом взмелся на лихого коня,
Под парижским ходившего паладином,
И скорей к тому урочному поприщу,
Где булат — конец перекорам.
В тот же час там и царь и двор:
Медлить не с руки.
- 47 Блещущие шеломы
Вздеты и приряжены;
Копья—в руках; труба
Быстрым гулом бросает в бледность
Сотни лиц; и с древками вперевес,
Шпоря скакунов,
Бойцы сшиблись с такою мощью,
Словно небо оземь, земля вразлет.
- 48 У того и у другого в щите—
Белокрылый летун царя Юпитера,
Как когда-то, по-иному пернат,
Он не раз являлся в фессальских бранях.
Какова в героях сила и гнев,
Кажет тяжесть копий, а пуще —
Как и в сшибке каждый несокрушим,
Что утес в прибое и башня в буре.
- 49 Древки—в дребезги, дребезги — в высь;
И Турпин не заблуждается, пишучи,
Что иные воротились в огне,
Взвившись в сферу поднебесного пламени.
Рыцари — за мечи,
И с неистовостью
Секут в сталь, удар на удар,
С первых взмахов целясь разить в забрало.

*Поединок
Мандрикара
и Руджьера*

- 50 С первых взмахов целясь в забрало,
 А отнюдь
 Не в коня, чтобы свалить седока,
 Ибо конь в бою не участник.
 Кто решит, что таков был уговор,
 Тот неправ, сам не зная древних правил,
 Ибо и без уговора
 Бить в коня—стыд, позор и вечный
 срам.
- 57 Бьют в забрала, а забрала—двойные,
 Но и то еле держатся под клинком.
 Яр удар, скор другой, част, как град,
 Бьющий ветви, листья, зерна, колосья,
 Пустив прахом чаемый урожай.
 Не безведомо вам,
 Как разят Дурендаль и Бализарда,
 И с чьего разят они плеча!
- 52 Но и тот и другой настороже,
 И разят еще не в полную славу.
 Первый был урон
 По Руджьеру от руки Мандрикарда,
 С богатырского знаменитого взмаха
 Раскроившей ему надвое щит,
 Всекшей панцирь злым мечом до белого
 тела
 Чуть не насмерть.
- 53 Дрогнуло и застыло сердце
 Вкруг- стоящих о рыцаревой беде,
 Ибо мало, если не все
 О Руджьеровой болели победе;
 И кабы судьбина
 Повершала общую волю,
 Был бы Мандрикарду или плен или гроб—
 Так удар его горек видевшим.
- 54 Не иначе, как некий вышний ангел
 Тот удар отвел от бойца,
 Ибо грозный, как никогда,
 Вмиг Руджьер отвесил меру за меру:
 Бьет булатом свысока прямо в шлем,
 Но с такою неистовою поспешностью,
 Что не мне его винить,
 Коли пал удар не навзруб, а вplashь.
- 55 Порази он недруга острием—
 Тщетны бы все чары о шлеме Гектора!
 Но и так ошеломленный Мандрикард,
 Уронив поводья,
 Трижды
 Пошатнулся пасть, стремя голову,

Но с такою речью в устах
Он и взведал всю ярость Дурендали,
Ибо легче бы
Рухнула бы в лоб ему каменная гора.

62 Рухнула, раскромсало забрало,
И добро, что не раскромсало лицо;
Просекла седло,
Две оковки которому не защита;
В сталь, как в воск,
Врезалась, дорезалась до бедра
И такую впечатывается раню,
От которой долгая Руджьеру страда.

63 У того и у другого бойца
Кровь по латам в две красные струи,—
Посмотрев, не скажешь,
Чья забота легче, чья круче.
Но о том оповещает Руджьер
Острием многомстящего меча,
Вметивши крушащий удар
В левый бок, коль щит не защита.

*Руджьер
убивает
Мандрикар-
да.*

64 Острие,
Пробив панцирь, вбивает в бок на пядь
Тропу к сердцу,—
И пришло Мандрикарду позабыть
Белокрылую ли ту птицу,
Знаменитый ли тот клинок,
Милую ли жизнь,
Что дороже даже, чем щит и меч.

65 Но не вовсе он умер без отмщения—
В тот последний миг
Он сотряс свой меч, уж не свой,
И заведомо
Он Руджьеру бы и лоб пополам,
Кабы тот не осек его крепь и мощь,
Его крепь и мощь
Тем ударом под правую руку.

66 Расставаясь с жизнью,
Так ударил Руджьера Мандрикард,
Что и толстый обод и железный шишак
Всколоты, булат
Пресекает кожу и кость,
На два пальца врезаясь в череп,
И Руджьер рухнул в прах, как труп,
Хлынув кровью из взрубленного темени.

67 Первым рухнул наземь Руджьер,
А второй еще держался в седле,

- И уже у всех на уме,
 Что победа и прибыль—Мандрикардовы,
 И уже в общей смуте Доралиса,
 Столько раз бросавшись из смеха в плач,
 Руки ввысь, благодарит небеса
 О желанном исходе ратоборства.
- 68 Но когда несомненно стало явлено,
 Что кто жив, тот жив, а кто мертв, тот
 мертв,—
 Скорбь и ликование
 Посменялись в соревнующих душах:
 Король, графы, князья, лучшие рыцари, *Общее*
 Радуюсь наперебой, *ликование.*
 Изнемогшего обмывают Руджьера,
 Величая его славу и честь.
- 69 Каждый рад Руджьеровой радостью,
 И что в сердце, то и на языке;
 Лишь Градасс
 Одно молвит, а иное мыслит,
 Ликом светел, но в тайнике души
 Томясь завистью о знатной удаче
 И кляня тот случай и ту судьбу,
 Что Руджьеру выпала с добрым жребием.
- 70 Можно ли рассказать,
 С каким сердцем, пылом, любовью,
 милостью
 Прилежал Аграмант к тому Руджьеру,
 Без которого ни взвить знамена,
 Ни ступить из Африки,
 Ни среди стольких полчищ он не был тверд?
 Нынче же он дорог ему пред всеми,
 Истребив Агриканов татарский род.
- 71 И не только рыцари
 Таковы о Руджьере, но и дамы,
 В свите войска из Африки и Испании
 До французской dospевшие земли.
 И сама
 Доралиса в слезах над бледно-белым
 Милым, может быть, была бы, как все,
 Кабы не был женский стыд ей уздою.
- 72 Говорю я «может быть»,
 Но и вправду, почему бы и нет,
 По такой Руджьеровой красоте,
 И нравах, и доблестях, и подвигах?
 Сколько мы с Доралисою
 познакомилены,
 Столько знаем переменчивость ее
 чувств,

- Вместных и Руджьеру,
Лишь бы сердцу праздно не пустовать.
- 73 Мандрикард ей прекрасен, покуда жив,
Но велик ли прок от усопшего?
И не надобнее ль ее печалям
Молодой и удалой бодрец?
А меж тем
Не умедлил к Руджьеру и самолучший
Царский лекарь, досматривает раны,
И уже он изъят из грозной смерти.
- 74 С превеликою заботою
Аграмант Руджьера приняв под сень,
День и ночь пребывал с ним безразлучен
От приязни своей и попечительности,
А у ложа его сложил
Мандрикардов щит, доспех и оружие,
Все оружие, кроме лишь меча
Дурендали, Градассовой угоды.
- 75 И не только оружие, а и вся
Мандрикардова снасть идет к Руджьеру,
И меж прочего—Златоузд,
Знатный конь сумасбродного Роланда;
Но его передарил паладин
Государю, завидев его охоту...
Впрочем, полно: пора нам от Руджьера
К той, которая томится о нем.
- 76 Страстную тоску
Ожидающей расскажу Брадаманты,
До которой в Монтальбан
Донесла Иппалка весть о любезном:
Как коня Фронтиня
У нее отбил Родомонт,
Как сыскался у водоема Руджьер
С Рикардетом и Агрисмонтскими братьями,
- 77 Как она отправилась вместе с ним,
Уповая доследить сарацина,
Дабы конский вор
Поплатился, что избидел даму,
Как с тропы
Сбился рыцарь и не сбился их умысел,
И какая тому причина,
Что доселе не поспел он в Монтальбан.
- 78 Она молвила от слова до слова
Все, что молвил, оправдываясь, Руджьер,
Она вынула с белой своей груди
Грамотку, им писанную к возлюбленной;
Брадаманта, взявши ее, прочла
Взором, больше смутным, чем светлым,

*Тем
временем •
Брадаманта
в Монталь-
бане*

*получает
письмо от
Руджьера,*

- А была бы радостнее,
Не мечтай она о Руджьере вживе:
- 79 Ожидавши она Руджьера вживе,
Обрела Руджьерово лишь письмо,
И с того-то смутился ее взор
И тревогою, и досадою, и обидою.
От души, порывающейся к милому,
Лобызает она грамотку в двадцать крат,
И кабы не слезный поток,
То сгореть бы той во пламенных вздохах.
- 80 И четыре раза и шесть
Перечитывает она рукописание,
И четыре раза и шесть
Хочет слышать от вестницы устные слова —
Вся в слезах,
И ни малого бы ей утешения,
Ежели бы не надежда
Вскорости узреть своего Руджьера.
- 81 Положил Руджьер себе время
Пятнадцать дней или двадцать,
Клятвенно посуливши Иппалке,
Что отнюдь он долее не промедлит.
Брадаманта сетует: «Ах,
Кто порукою, что не встанут случайности, *тоскует*
Вечно сущие, а в войне еще пущие, *о нем*
На помеху Руджьерову возврату?»
- 82 Ах, Руджьер,
Я любила тебя больше себя,
А ты любишь больше меня
То заведомо враждебное племя?
Тем, кому помочь бы, ты враг,
А кому врагом бы, ты в помощь:
Ладно ли
Столь не ведать, кого бить, кого миловать?
- 83 Если ты не знаешь, то знают камни:
От Трояна принял смерть твой отец —
Так тебе ли от Троянова сына
Отвращать и срам его и урон его?
Это ли твоя месть?
А кто истинно мстит твоим злодеям,
Тем награда от тебя такова,
Что я гибну, кровь от их крови!»
- 84 Таковые и иные слова
Не раз, не два
Изливала она заочному Руджьеру,
А Иппалка твердила ей, бодря,
Что Руджьер неколебим в своей верности,
И что надобно его наживать

До урочного возвратного дня,
Ибо больше поделать ей и нечего.

- 85 Наперсницыны утешества
• И надежда, спутница всех влюбленных,
Угашая страх,
Останавливают повсечасные слезы
И велят Брадаманте пребывать
В Монтальбане до заветного срока,—
До заветного уговорного срока,—
Но Руджьер того срока не соблюл.
- 86 Да не станет ему в укор,
Что порушил он верную присягу,
Ибо многие приключились причины,
Понуждавшие прочь от бывших клятв,
Ибо месяц и долее, чем месяц,
В полусмерти
Он лежал, как пласт, на одре,
Мучась раной татариновой сечи.
- 87 Весь урочный срок
Нажидала его страстная красавица —
Тщетно!
Хоть узнала она от Иппалки и от брата,
Как Руджьер оружием вызволил
И его, и Малагиса, и Вивиана,—
Но и та
Была радость ей отравлена горечью:
- 88 Ибо ей поведала эта весть
О Марфизе, красе ее и доблести,
И как вкупе с нею
Отъезжал Руджьер,
Собираясь туда, где злополучный
Был тесним от недругов Аграмант.
Рада, но не весела
Наша дева столь достойной споспешнице:
- 89 Пригнетает ее тяжкая дума,
Что коли Марфиза и впрямь
Так прекрасна, как славится молвой,
То в столь долгом Руджьер сопутствии
Чудо, ежели в нее не влюблен.
Страшно верить, трудно надеяться:
Ждет несчастная рокового дня,
Вся в слезах, и ни на шаг из Монтальбана.
- 90 Здесь-то в ее бытность
Князь, владетель, первейший в ее братьях
(Не по возрасту, а по чести,
Ибо двое годами были старше),
Ринальд,
Чья меж ними слава, как солнце меж звезд,

*и ревнует
его
к Марфизе.*

*В Мон-
тальбан
приезжает
Ринальд*

Предстал в замок в один прекрасный
полдень,
А с ним паж и более никого.

91 Дело было в том, что из Бравы
Ворочаючись однажды в Париж
(Как он ездил, сказал я, день за днем,
Анджеликина взыскивая следа),
Он уведал недобрую весть
О своих Малагисе и Вивиане,
Что грозит им майнцкий полон,—
И немедля поворотил к Агрисмонту.

92 Там услышал, что они спасены,
А враги их погублены и разметаны,
И тому причиною
Удальство Марфизы и Руджьера,
И что все родные его и двоюродные
В Монтальбанских уже стенах,—
Он ни часу не хочет ждать, пока
Не обымет своих единокровных.

93 Предстает Ринальд в Монтальбан,
Обымает мать, жену, детей, братьев
И двоюродных, вызволенных из плена,—
Посмотреть на него меж них,
и молвишь:
Это ласточка с кормом в клювике
Меж изголодавшихся птенцов,—
А помедливши день ли, два ли,
Уезжает, и с ним его родня:

94 Алард, Рикард, Рикардет
И Гвискард, меж сынов Амона старший;
Малагис и Вивиан
Дружно и оружно спешат за доблестным
Единая Брадаманта,
Ожидая многожеланного дня,
Молвилась недужною
И не стала осьмою с семью братьями.

*и с братьями
отправляется
к Парижу.*

95 А недужна была она и впрямь,
Но не плотскою горячкою,
А палила ей жаждушую душу
Переменная любовь.
Вот Ринальд покидает Монтальбан
С лучшим цветом своего рода,—
А как выручили они Карла и Париж,
О том скажется в следующей песне.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Что блаженней, что усладительней,
Нежели удел влюбленной души?
Не было бы сладостнее житья,
Нежели Аморово служение,
Ежели бы не жалило сердец
Черное подозрение,
Страх, мученье, отчаянье, безумство —
Ревность.

Сколько прочей горечи
Ни вмешается в желанную сласть —
Не в ущерб это ей, а в умножение,
Чтобы тоньше почувствовалась любовь.
Как вода после жажды и еда
После голода вкусней и дороже,
И как только изведавший войну
Радуется миру,—

Так и любящий готов претерпеть,
Что очами не видит того, что видит
Сердцем, ибо чем дальше его даль,
Тем живительней потом его близость:
А служить без мзды,
Но не без надежды —
Не в обузу, ибо за добрый труд,
Хоть нескорая, а дастся награда.

Все обиды, досады, горести,
Все мучения, все казни любви
Западают в память,
Приправляя вкус грядущего блага;
Но когда проникнет в недужный дух
Язва яда, дыханье ада,
То какому счастью потом ни быть,
А оно уж влюбленному не в радость.

Такова та отравленная рана,
Где ни в помощь ни бальзам, ни припарки,
Ни колдуньин воск, ни ведь мин пришепт,
Ни дозор за благовсходными звездами,
Ни какие там еще волхвованья
Заповедал знающим Зороастр,—
Злая рана

Мучит раненых, пока не умрут.

Неисцельная,
Как она врезается прямо в грудь
Вслед неложному ли, ложному ли
сомнению,
Отчаивающая,

Помрачающая разум и смысл,
Как она выворачивает все лица,
О ревность,
Брадамантин похитившая покой!

- 7 Не о той я тревоге, которую
Заронили в душу ей Иппалка и брат,
А о вести, которая через несколько
Дней ей круто грянула в грудь,
Пред которой прежняя — как ничто;
А какая весть, об этом — не сразу,
Ибо нынче забота моя—Ринальд,
С всеми братьями скачущий к Парижу.

- 8 Скачут день, скачут два, и вдруг
Им навстречу—
Рыцарь с дамою, черен плащ, черен щит,
Лишь по черному — белая полоса.
Наезжает и вызывает на бой
Первоскачущего удальца Рикардета.
Тот готов:
Отпустил поводья, берет разбег;

*Черный
рыцарь
поражает
Ринальдовых
братьев,*

- 9 Не назвавшись, не молвив лишних слов,
Мчатся двое один на один,
А Ринальд с товарищи
Отъезжают посмотреть, что же станется.
«Усидеть бы мне по-моему, по-умелому,
И он мигом выбьется из седла»,—
Думает Рикардет;
Но не так приключилось, как подумалось.

- 10 Незнакомец рыцарь
Так уметил под самое забрало,
Что и сшиб Рикардета и отшиб
На два древка в сторону, распростертого.
Наказать обидчика
Незамедлительно наезжает Алард,
Но и он ошеломлен и распластан,
А от сшибки щит пополам.

- 11 Гвискард, видя, что два родные свержены,
Навостряет копьё наперевес,
А Ринальд кричит ему: «Стой!
Третий бой — он мой!» —
Но еще не завязал он шлема,
Как Гвискард уже на скаку,—
- Но и он не удачливее прежних:
Сбит, пал в прах.

- 12 Рвутся вперебой в бой
Вивиан, Малагис, Рикард—
Но Ринальд унимает перекоры,
Всеоружно выехавши вперед

Со словами: «Пора в Париж,—
Слишком долго,
Если стану я дожидать, покуда
Вас побросят одного за одним».

- 13 Так сказал он, но про себя, неслышимо,
Чтобы не было срамов и обид.
Поединщики уже на скаку,
Сшиблись —
И Ринальд как сидел, так усидел,
Ибо был один сильнее всех спутников.
Копья — в дребезги, как стекло,
А два рыцаря не дрогнули ни На перст.
- бьется
с Ринальдом*
- 14 Только худо двум скакунам —
Оба навзничь и оба наземь.
Баярд вмиг встал прям,
Из бега готовый в бег,
Но другому пришлось не по добру - -
Он сломал себе плечи и хребет.
Видит встречный, конь его мертв,—
Вырвал ноги из стремян, встал пеш.
- 15 Говорит он Амонову сыну,
Без копья в руке вставшему над ним:
«Государь мой, ты лишил меня этого
Скакуна, который мне лучше всех,
И велит мне долг
Эту смерть не оставить неотмщенною.
Соберись же с силою,
Ибо быть меж нами большому бою».
- 16 Отвечает ему Ринальд: «Коли ты
За коня, а не за кого другого
Рвешься в бой, возьми из моих коней:
Верь, они не хуже!»
А соперник: «Ты, видно, бестолков,
Коли думаешь, что речь о коне;
Что ж, для непонятливого
Объясню тебе, как по писанному, так.
- 17 Я так мыслю, что тебе не к лицу,
Коли мы не сведаемся булатом,
Попытав,
Кто кого здесь лучше или не лучше?
ДЛЯ такой игры,
Хочешь, будь в седле, хочешь, пеш,
Лишь бы руки не оставались праздны:
Мой клинок покажет тебе меня!»
- 18 На такие слова Ринальд не медлит,
Говорит: «Хочешь боя — будет бой,

А чтобы твою
Не смущали отвагу мои спутники,
Я велю им отъехать и обождать,
А со мною
Лишь останется мальчик держать коня»,—
И он крикнул, чтобы прочие отъехали.

- 19 По душе незнакомому
Вежество удалого паладина;
Вот и спешился Ринальд, и Баярдовы
Коноводцу отдает повода;
А как, вволю отъехав, скрылся из виду
Братский его взвод,—
Вздел он щит, обнажил он меч
И зовет поединщика к сражению.
- 20 И сражение завелось таково,
Что на свете не видывано жарче!
По началу ни этот и ни тот
Долгой доблести не ждет от соперника;
А потом, как посравились в бою,
То не в радость и не в досаду
Забывают и гордыню и гнев,
А берутся за боевую науку.
- 21 С грозным грохотом,
Круто и нещадно
То удары их скосят тяжкий щит,
То урубят панцирь, всекут кольчугу.
Но не столько им забота разить,
Сколько отражать,
Ибо самый малый промах меж равными
Одному из них—смертная беда.
- 22 Бились час, бились полтора,—
Уж и солнце опускается в волны,
• Наплывая сумеречной прохлагою
С окоема во все концы земли,
А ярим ударам
Ни затишья, ни перетишья,
Ибо движет витязями
Не злость, не страсть, а рыцарственная
честь.
- 23 И подумывает Ринальд:
Ведь и впрямь таков силен неведомец,
Что не только выстаивает цел и смел,
А и держит его в волосе от гибели,
И в такой уж вгоняет жар и пот,
Что не гадаю, чем кончится сеча;
И он рад бы ту игру не доигрывать,
Лишь бы воинской чести не в ущерб.

*ночь их
разнимает.*

24 А неведомый паладин,
Сам не ведая,
Что его меченосный супостат,
С ним сошедшийся в невраждебном бою,
Есть тот самый владетель Монтальбана,
Чья немолчна слава на бранном поле,—
Тоже видит, что перед ним
Муж превыше всех оружным опытом,

25 И он тоже сыт
Своим помыслом отмстить за коня,
И он прочь бы от опасной игры,
Кабы не грозила дурная слава.
А уже повсюду темень и мрак,
Все удары ложатся мимо—г
Тщетен как напор, так отпор,
Если даже меча в руке не видимо.

26 Монтальбанец первый заводит речь,
Что негоже-де ратовать в потемках,
А верней помедлить,
Пока вымерит небо неспешный Арктур;
Так не лучше ли укрыться под сень,
Где ни в чем не будет ему опасности,
А забота и услуга и честь
Как повсюду, где бы его ни приняли.

27 Долгие не надобны были просьбы,
И любезный гость принял зов.
Они вместе пускаются туда,
Где стояли монтальбанские подзнаменные;
А Ринальд у стремянного берет
Славного коня в пышной сбруе,
И к копыю привычного и к мечу,
И подводит в Дар отважному встречному.

28 Едучи,
Распознал тот встречный, что с ним —
Ринальд,
Ибо довелось паладину
По пути к привалу назваться вСлух.
А как были они друг другу братья,
То такая вступила в них любовь,
Такой негой тронула сердце,
Что от радости у них слезы из глаз.

*Это
оказывается
Лесной
Гвидон.*

29 Впрямь тот рыцарь
Был ни кто, как Лесной Гвидон,
Чьи уже поведал я странствия
С Сансонетом, Марфизой и Оливьеровыми
сынами.
А что раньше не случилось им встреч,
В том виною негодный Пинабель,

Их державший в плену и под присягою
Соблюдать его неистовый устав.

- 30 И услышав, что Ринальд есть Ринальд,
Славный меж славными,
Пуще жданный, чем солнце для слепца,
Гвидон молвит с превеликою радостью:
«Государь мой,
Неужели жестокая судьба
Лоневолила меня воевать
С тем, кто всех мне любимее и чтимее?»
- 31 Я рожден от Констанции на Эвксинском
Дальнем бреге, а зовусь Гвидон,
Как и вы,
Отпрыск семени знаменитого Амона;
Я приплыл
Лишь затем, чтобы видеть вас и наших;
И желая воздать вам честь,
Я ли встал супостатом и обидчиком?
- 32 О прощении прошу, о прощении,
Что не понял в лицо ни вас, ни их:
Ежели что можно изгладить —
Только молвите, я ни в чем поперек!»
И за многими объятьями и лобзаньями
С той ли, с этой ли стороны
Отвечает ему Ринальд: «Не в печаль
Будь тебе минувшая сеча,
- 33 Ибо нет тому тверже заверения,
Что ты поросль от нашего ствола,
Нежели твоя
Столь воочию явленная доблесть.
Будь в тебе покойнее нрав,
Мы бы сделали к тебе недоверенней:
Не от лани—лев,
Не от горлинки.— орлы или кречеты!»
- 34 'Едучи ли так, беседуя,
Ехали они, беседовали
И достигли Ринальдовых шатров,
Где и молвил Ринальд своим товарищам,
Что пред ними не иной, как Гвидон,
Жданный и желанный;
И на то была немалая радость,
Ибо-всем он явился схож с родителем.
- 35 Не перескажу,
Каковы здесь были речи и встречи
От Аларда, от Рикардета,
Вивиана, Альдиггера, Малагиса

И от прочих и родных и двоюродных,
И от каждого господина и рыцаря;
Лишь скажу,
Что от всех ему был почет и ласка.

Милым братьям мил их Гвидон
И всегда бы,
а пуще того нынче,
Пред большим их делом:
И едва из-за океана солнце
Лучезарным высветилось венцом,
Как Гвидон встал в строй
Под знамя своих братьев и родичей.

*Он присоеди-
няется
к отряду,
а за ним
Трифон,
Аквилант
и Сансонет.*

Едут день, едут два,
И уже в десяти они верстах
От ворот осажденного Парижа
Выезжают к сенскому берегу, а там
Добрый случай их сводит с двумя рыцарями:
То Грифон и то Аквилант,
Один черный, другой белый,
Оба—чада Оливьера с Гисмондою.

И с обоими беседует дама,
Не простая с виду:
На ней платье белоснежного шелка,
Оторочено шитым золотом,
Тонок стан, кроток лик,
Только взор печален и плачевен;
А по облику и по мановению
У нее к ним немалый разговор.

Узнает их Гвидон, а они Гвидона,
Потому что незадолго расстались,
И сказал Гвидон Ринальду, что вот
Двое доблестных, меж лучшими лучших,
И пойдь они с нами на Париж—
Никаким бы сарацинам не выстоять.
И сказал Ринальд Гвидону вослед,
Что они и впрямь отменные витязи:

Он признал их по знатному убранству
И по ведомым плащам поверх лат,
Черному
и белому,
А они признали, взглянув,
И Гвидона, и Ринальда, и братьев,
И приветили их, и обнялись,
Отложивши старинные раздоры.

А какие в Труфальдинову пору
Были у них свары и обиды,—

Долго бы говорить;
Но теперь—гнев забыт, и все как братья.
А потом подъезжает Сансонет,
И Ринальд, оборотясь к запоздавшему,
Воздает ему достойный привет,
О его наслышанный громкой доблести.

- 42 А красавица,
Изблизы увидевши Ринальда
И узнав его, ибо знала всех
Паладинов, подходит к нему с вестью
И заводит речь: «Государь,
Твой двоюродный, знаменитый Роланд,
Столп державы и оплот святой церкви,
Ныне рыщет, став из мудрого сущеглуп:
- 43 Отчего причинилась такая странность,
Мне безведомо,
Но я видела меч его и доспех,
По дубравной разметанные поляне,
И я видела вежественного витязя,
Бережно сбиравшего их отсель и оттоль,
А потом взмолившего на дерево,
Словно славный и прекрасный трофей.
- 44 Только меч
Вмиг был схищен Агрикановым сыном,
А тебе ли не достоверно,
Сколь грозна всему крещеному миру
Дурендаль,
Вновь явившись в языческие руки?
А еще им залучен неприкаянный
Вкруг доспехов бродивший Златоузд.
- 45 А потом я увидела: Роланд
Несся, голый,
С криком, с ревом, без стыда и без смысла,
Истинно неистовствуя,
И кабы не собственный глаз,
Не поверить бы столь горькому горю»,—
И она поведывает про тот
Мост, с какого он рухнул с Родомонтом.
- 46 «А слывущим Роландовым друзьям,—
Говорит она,— сколь о том ни молвлено,
Ни единый,
Сострадавая такой крутой невзгоде,
Не пустился сыскать друга и пронять ему ум,
Взяв в Париж или в иное доброе место.
Ах, я знаю- кабы знал Брандимарт,
Он бы ринулся на любые страсти!»

*Флорделиза
рассказы-
вает им
о безумии
Роланда.*

- 47 Та красавица была Флорделиза,
Драгоценная Брандимартовой душе
И к нему искавшая путь в Париж;
А Роландов, говорит она, меч,
Быв предметом спора и вздора
Меж татаринном и меж сериканцем,
По гатаринновой гибели
Ныне блещет в Градассовой руке.
- 48 Сокрушается Ринальд, не щадясь,
О такой о нечаянной печали,
И в груди его тает ретивое,
Как под солнцем—лед.
Непреложно
Порешил он за Роландом пойти, найти,
А нашедши,
Уповает изъять его из ярости.
- 49 Но как волей Господа или случая
Под его рукой уже свелся взвод,
Он желает сначала отринуть
Вражий стан от парижских стен,
Но не вдруг,
А дождавшись пополуночной тьмы
О четвертой или о третьей страже,
Когда сон брызнет в очи влагой Леты.
- 50 До скончанья дня
Он укрылся со своими в лесу,
А как солнце склонилось к древней влаге,
Простирая за собою потемки,
И незримые под его лучами
В пополуночном вызвездились небе
Агнцы, овны, львы, безжалые скорпии,—
Ринальд молча поднял свой полк.
- 57 С ним Гвидон, Грифон, Алард, Аквилант,
Вивиан, Сансонет,—
Едут за версту впереди,
Ни стука, ни звука.
В Аграмантовом стане—сон.
Он ударил на дремлющую охрану,—
Все порублены, никто не ушел;
А потом — впереполох на сонных ратников.
- 52 С первого приступа—
Вкруг нечаявшего воинства
Все — покойники,
Ни единого пленного.
А как стража сломлена,—
Сарацинам солоно:
Сонные, устрашенные,
Безоружны они отбить прибой.

*Ринальд с
товарищами
нападает на
сарацинский
стан*

- 53 А Ринальд велит
Пушего ради ужаса
Дунуть в трубы, грянуть в роги
И до звезд вскрикнуть клик: «Ринальд!»
А сам шпорит ретивого Баярда,—
И вмах чрез вал:
Грудью в конных, копытом в пешех,
Крушит кущи, топчет шатры.
- 54 Не было меж нехристей смельчака,
У которого не встали бы волосы,
Когда грянул в воздухе
Грозный зов: «Ринальд! Монтальбан!»
Побросав, что схвачено,
Бежит Африка, рушится Испания,
Не желая ждать
В стольких столах изведенного пыла.
- 55 А за ним, и не слабее — Гвидон,
Не слабее и Оливьеровы чада,
И Алард, и Рикардет, и иные,
И сечет себе просеку Сансонет,
Альдигьер и Вивиан
Друг пред другом красуются ударами;
Что ни воин под Клермонтским стягом,
То храбрец.
- 56 Было у Ринальда семь сот
Монтальбанских и окрестных,
Свичных к бою в холод и зной,
Не слабее Ахиллесовых мирмидонян:
Каждый в деле таков,
Что не дрогнет сотнею перед тысячею,
И меж всеми прочими под луною
Не сыскать им никакого сравнимого.
- 57 И хотя Ринальд не обилен
Ни землею, ни золотою казною,
Но таков он взором добр, словом прост,
И во всем повсечасно вместе с воинством,
Что из них его никто никогда
Не покинет ни за многие прибыли.
И кабы не крайняя надоба,
Их не вывел бы он из Монтальбана;
- 58 Ныне же он всех, кроме считанных,
Вел их в помощь властному Карлу,
И они, его славные подзнаменные,
Грянули на окаянный стан,
Как на рунное стадо над фалантским
Галезом

Лютый волк
Или на брадатое кинифийское—
Лев.

- 59 Карл, уведомясь,
Что Ринальд подступает под Париж,
И намерен ночью врасплох на помощь,
Изготовился
И в потребный миг
Ударяет навстречу с паладинами,
А при них—сын щедрого Моноданта,
Флорделизин умный и верный друг,
- 60 Тот, которого столько дней и верст
Она тщетно искала по целой Франции,
Ныне же издали угадала
По доспеху и ведомому гербу.
А ее усмотревши, Брандимарт
Забыл биться, вмиг стал нежен и вежествен,
Подъезжает, обымает, лобзает
Тысячу и сверх тысячи раз.
- 61 Дивная в те давние времена
Была вера к дамам и девам,
Что без спутников отваживались они
По горам и долам в чужие край,
А вернувшись, были всем хороши
И ничьим не тронуты подозрением!
Тут и молвила Флорделиза милому,
Что Роланд Английский спятил с ума.
- 62 Столь неладной вести и столь нелепой
Ни из чьих бы не поверил он уст,
Но поверил из Флорделизиных,
Ибо верил ей и в ином, поважней,—
А она говорила не с чуждых слов,
Но о том лишь, что видела воочию,
И когда, и где,
Знав и ведав Роланда пуще прочих.
- 63 Рассказала она, как Родомонтов
Узок мост,
Над которым блистательная гробница,
Вся в отбитых доспехах и плащах,
Рассказала страшные на нем чудеса
От неистового Роланда,
Как он свергся с язычником в стремнину
С превеликою опасностью утонуть.
- 64 Брандимарт, любя графа всей душой
Пуще сына, брата и друга,
Положил его искать и сыскать,
Не пугаясь ни трудов, ни опасностей,

*Флорделиза
встречает
Брандимар-
та.*

*Брандим
едет спа
Роланда, --*

И унять его буйную беду
Врачеваниями ли, заклинаниями ли;
Всел в седло
И с красавицею пустился в дорогу.

65 А дорога взялась в тот край,
Где был видан красавицею безумец,
И вот
Привела их к Родомонтову мосту.
Стража кличет алджирского короля,
Набегают быстрые щитonosцы,
И когда Брандимарт подъехал к башне,
Родомонт уже в латах и на коне,

66 И кричит
Криком, свичным его надменной дерзости:
«Кто б ты ни был
И пришел сюда сбившись или назло,—
Прочь с коня, вон из лат,
И сложи доспех пред гробницею,
А не то падешь жертвой милой тени,
И тогда моей пощады не жди».

67 Не желает Брандимарт гордецу
Отвечать по-иному, как булатом,—
Шпорит знатного скакуна Батольда
И вперед, сломя голову,
Изъявляя по всеувиденью,
Что никто ему не ровня в бранном пыли.
А по узкому вскачь на него мосту—
Родомонт, и копье наперевес.

*бьется
с Родомонтом*

68 Родомонтов конь,
Свичный в скачке сбивать других и третьих,
Слома голову, с высоты,
Мчался к битве уверенною поступью,
А другой, смутясь непривычностью,
Шел нетвердо, и робко, и дрожа.
Дрожал и мост,
Чуть не падая, узкий и без поручней.

69 Двое рыцарей, славные в поединках,
Двумя копьями, как лесные стволы,
Не шутя
Грянули удар на удар,
И от тяжелой мощи двух сшибшихся
Дали маху ретивые два коня,
Оба на мосту рухнули,
Каждый с всадником в железном седле.

70 Рвавшимся им встать
Так, как нудили их шпорные шипья,

А потом выволакивает полумертвого
И уводит в башню с иными пленными.

- 76 Вся угасла в красавице радость,
Как увидела, что милый в плену;
Но и то ведь лучше,
Чем увидеть его мертвым в реке.
И горюя не о нем, а о себе,
Что она причиной его похода,
Рассказавши, как на страшном мосту
Была зрительницей Роландова дела,—
- 77 Вот ояа пускается прочь,
Чтоб сыскать знаменитого Ринальда,
Сансонета, Лесного Гвидона
Иль еще кого от Пипинова двора,
На сухом пути и водном пути
Сильного противостать сарацину
Не смелее, так удачливее, нежели
Брандимарт.
- 78 Много она ехала дней,
Чая встретить рыцаря, чей бы вид
Дозволял уповать, что он осилит
Сарацина и вызволит возлюбленного.
Долго рыскала, ищучи, и вдруг
Ей навстречу боец подстать,
Златошитый плащ поверх лат,
По кайме — кипарисовые листья;
- 79 Кто он был, о том в другой раз,
А теперь я поспешен быть в Париже
И поведать о великом побоище
Маврских толп от Ринальда и Малагиса.
Сколько тут бежало и сколько
Отлетело, пав, к стигийскому берегу,—
Мне не счесть, а Турпин пытался
счесть,
Да не смог: слишком темно было
в воздухе.
- 80 Первым сном спал в царской сени
Аграмант, и вдруг он разбужен вестью,
Что не миновать ему плена,
Если тотчас не ударится в бег.
Озирается государь—
Всюду смута, все бегут, кто куда,
Побросав щиты, потеряв голову,
Безоружные, полуголые.
- 81 Сам не свой,
Поспешает он облечься в доспех,

*Аграмант
отступает
от Парижа
в Арль.*

А к нему бросаются Фальзирон,
Его брат Балугант и сын Грандоний
С верным словом, что быть большой беде,
Коли здесь ему плен или погибель,
И что благо,
Коли выйдет отсюда цел.

- 82 А за ним Марсиль, а за ними Собрин,
А за ними прочие в общем голосе,
Что чем ближе Ринальд,
Тем ближе конец,
И приспей сюда паладин
С лютым сердцем и людным войском,
То заведомо и царю и ближним
Стыть во прахе или страдать в цепях;
- 83 Так не лучше ли с теми, кто не дрогнул,
Отойти в Нарбон или в Арль,
Оба места хорошие и крепкие,
Годные надолго продлить войну:
Быть бы живу,
И оплатит государь за позор,
Вмиг собравши новую рать
К всеконечному Карлову сокрушению.
- 84 Хоть обиден и досаден уход—
Аграмант не ослушался советующих:
И летит, как на крыльях, верным следом
В Арль.
Благо ему было,
Что пути его скрыла ночь!
Двадцать тысяч с ним сарацинства
Из Ринальдовых вырвались сетей.
- 85 А сколь многих поверг Ринальд,
Его братья и сыны Оливьеровы,
Сколько пало, изведавши напор
Семи сот Ринальдовых подзнаменных,
Скольким вынул душу Сансонет,
Сколькие, спасаясь, тонули в Сене,—
Кто сочтет, сочти
Вешний цвет, сев Фавония и Флоры!
- 86 Сказывают: и Малагис
Был немалым дольщиком в том полнощном
Одолении, но не потому,
Что кровавил поля и крушил панцири,
А исторгши чернокнижную силою
Из геенских тартаров
Столько полчищ, щетинящихся копьями,
Что и двум бы Франциям не вместить;

Но с той самой поры король Градасс
Мнил отменного паладина низким
трусом.

93 Оттого и возликовал он, уведав,
Что Ринальд сам нагрязнул в черный стан;
Вздевши латы, всевши в седло
На альфанскую свою кобылицу,
Рыщет, ищет,
Кого встретит во тьме — всех в прах,
И в смятении Ливия и Франция,
Что равно их крушит его копье.

94 Ищет, кличет
Зычным голосом там и тут,
Кличет пуще, где павших гуще;
И нашлись ойи, и сошлись,
И состукнулись клинок о клинок,
А их копыа тысячей дребезгов
Взвились в высь,
К звездной колеснице царицы Ночи.

95 Не по латным знакам,
А по страшным взмахам
И по знатному коню, царю боя
Угадал Градасс лихого Ринальда,
И не медлил криком
Попрекнуть его нерыцарским делом,
Что в урочный ой день и час
Уклонился от битвенного берега.

*и вызывает
его на бой
за коня
Баярда.*

96 «Ты,— кричит,—хотел
Скрыться,
Чтоб ввек с тобою мы не свиделись;
Но смотри: я здесь,
И сокройся ты хоть в небо, хоть в недро,
Где струится Стикс,—
Я тебя настигну с твоим конем
В горнем свете и в преисподнем мраке!

97 Ежели в тебе
Недостало духа со мной померяться
И достало ума понять, что слаб,
И дороже тебе жизнь, а не честь,—
То сочтись со мной без опаски,
Отдав миром твоего скакуна,
И живи, коли живется, но только пеш,
Не срамя собою конного рыцарства».

98 На такую речь
хватать за меч
Рикардет и Гвидон, Лесной Воитель —
Проучить сериканского гордеца;

Но Ринальд им вмиг поперек
И претит обидеть обидчика:
«Я ли
Не управлюсь расчестья и без вас?»

99 А потом, оборотясь к басурману,
Говорит: «Выслушай и услышь
В ясном слове,
Что и я был на должном берегу,
А порукою
Моей правде мой добрый меч,
Чтобы ты облыжно не голосил,
Будто слаб я рыцарственным духом».

100 Потому прошу:
Прежде битвы
Выслушай мою праведную правду,
Отступишь от порочащих слов;
А потом, как прежде,
Мы поспорим пешие о Баярде
В одиноком месте, лицом к лицу,
Как тобою было даве назначено».

101 Вежествен сериканский король,
Как то свойственно благородным душам,
И готов он внять
Паладинову честному оправданию.
Они спешиваются на речном берегу,
И Ринальд в прямодушной своей повести
Раскрывает скрытое,
Призывает в свидетели небеса,

102 А еще призывает Малагиса,
Малагиса, сведущего пуще всех,
И поведывает Малагис свои чары
Слово за слово, ничего не утая.
А потом Ринальд говорит:
«Что тебе доказано глазовидцем,
То желаю подтвердить и мечом,
Здесь ли, нынче ли, как тебе угодно».

103 Не желая король Градасс
Новым спором спутывать старый,
Принимает Ринальдовы оправдания,
А на веру ли, нет ли, о том молчит.
Решено ими нынче единоборствовать
Не на зыбком берегу у Барселоны,
А сойтись поутру
У недалежного ручья,

104 И Ринальду иметь с собой коня,
Чтобы он стоял от обоих одаль:

Одолеет ли Ринальда Градасс —
И по праву уведет скакуна,
А падет Градасс
В замогильный хлад
Или сдастся без сил,—
И Ринальд уйдет с Роландовой Дурендалью.

105 Ибо мной уж вам поведано,
Как от милой Флорделизы Ринальд
Странную услышал и страшную
Весть о том, что Роланд, его
двоюродный,
Выжил из ума,
И что был о его оружии спор,
И что за Градассом остался меч,
Столько лавров стяжавший Роланду.

106 Сговорясь,
Возвращается Градасс к своим присным,
Хоть и увещал его паладин
Разделить с ним его ночную сень.
А как встал рассвет,
Воружились Ринальд и сарацин
И предстали к сказанному ручью
Посражаться о Баярде и Дурендали.

*Оба
готовятся
к поединку.*

107 О Ринальдовом воеборстве
С таким рыцарем один на один
Все в тревоге его друзья и товарищи,
И великую являют печаль:
Мощь, пыл, ум,—
Всё в Градассе; а ныне, возымев
Меч великого Милонова сына,
Всех он выбелил страхом за Ринальда.

108 Пуще прочих в волнении и сомнении
Вивианов волхвовательный брат:
Он бы рад,
Чтобы схватка осталась без исхода,
Но боится, вступясь, не миновать
Монтальбанского великого гнева,
Как навлек он его и в прежний раз,
Умкнув витязя в челне из опасности.

109 Но пока они в смуте, в горе, в страхе,
Ринальд бодр и рад,
Что сейчас он свергнет хулу,
Столько времени давившую сердце,
И заставит замолкнуть злую речь
От Понтъера и от Высокого Листвия.
С верой и отвагой
Выезжает он искать торжества.

- 110 Встретились два соперника и приветились
У прозрачного ручья поутру,
Час в час,
Таково и любезны и приятны,
Словно кровью и любовью един
Род клермонтский и король сериканский.
А каков у них сбился бой,
О том речь моя в следующей песне.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

- 1 Обещавши и запомнвши,
Нынче вспомнил я, что должен был
петь,
Как запало тяжкое подозрение
В душу дамы, страдавшей о Руджьере:
Горше горького, злее злого,
Ядовитее змеиного зуба,
А запало оно и грызло грудь
От нечаянного Рикардета сказа.
- 2 Должен был я петь,
А запел по-иному, потому что
Встал Ринальд на моем пути,
А потом Гвидон и его заботы;
Так, от одного к одному,
И отстал я думой от Брадаманты.
Нынче всё я вспомнил, и нынче
Подождут меня Ринальд и Градасс,
- Но сперва мне нужен
Аграмант,
о котором я сказал,
Что увел он в Арль
Всех, кто спасся из ночного побоища,
Ибо там их всего наиудобнее
И собрать, и умножить, и снабдить:
Африка впереди, Испания вправо,
Из речного устья повсюду путь.
- А в Испании Марсилией кликают в войско
Пеших и конных, кто силен, кто слаб;
Волею и неволею снастятся к бою
Бывшие и пришлые в Барселону корабли;
Аграмант не жалеет ни сил, ни денег,
Что ни день у него совет;
- Вступление.*
- Аграмант
собирает
силы
в Арле.*

Под поборами и данями
Страждут африканские города.

Родомонту
Он сулит, но тщетно сулит
Дочь Альмонта, свою двоюродную,
А в приданое — оранский престол,—
Но не в силах отозвать гордеца
От того замостья,
Где унижена гробница со всех сторон
Латами и седлами от побитых.

А Марфиза была' не такова:
Лишь заслышав
Аграмантов от Карла ночной разгром,
Смерть, и плен, и раны застигнутых,
И уход его с немногими в Арль,—
Тотчас в путь,
И без зова в подмогу королю
Предлагает добро свое и руку.

А у стремени ее — Брунель,
Невредимый, в вольный дар королю,
Десять дней и десять ночей
Протерзавшийся, вздернут или не вздернут;
Но никто ни добром, ни недобром
Не истребовал его под защиту,
И она, не марая низкою кровью гордых рук,
Вывела его из темницы,

*Казнь
Брунеля.*

Отпустила все давние обиды
И свела к Аграманту в город Арль.
Но уж здесь король,
То-то радуясь Марфизиною помощи,
Сам вменил себе в благодарный долг
Оказать ей себя судьбой Брунеля:
Угадал, что хотела она его
Вздернуть, и поступил по намеренью:

Палач бросил его в дикую глушь
На поживу коршунам и воронам,
А Руджьер, который уже единожды
Спас его по изволению Божию,
Был недужен и бессилен помочь,
А когда узнал, было поздно:
Так Брунель и встретил судьбу один.

10 А тем временем
Брадаманте мнятся бесконечны
Двадцать дней, по миновении коих
К верной ждущей обещался Руджьер.
Не так медленно длятся дни
Для острожника или для изгнанника,

*Тем
временем
Брадамс
ждет
Руджьер*

До желанной воли
И до милой и родной стороны.

- 11 Тревожится она, уж не хромы ли
Кони Солнца Эт и Пирозй,
Невредимо ли колесо,
Слишком медленно вращаясь к закату;
Каждый день ей дольше, чем тот,
Когда Божий иудей препнул солнце,
Каждая ночь —
Дольше, чем зачавшая Геркулеса.
- 12 Сколько раз вставала в ней зависть
К медведям, и соням, и барсукам!
Как она бы проспала эти дни,
Ничего не чуяв,
До желанного дня, когда Руджьер
Ее взбудит из ленивой дремоты!
Но тщетно:
Во всю ночь ей и часу не проспать.
- 13 Справа мнет перину и слева,
А покоя нет.
Вновь и вновь отворяет ставни
Посмотреть, не Тифонова ли супруга
Рассыпает пред рассветной звездой
Белые лилии и алые розы;
А дождется дня—
Жаждет вновь видеть небо в звездном
блеске.
- 14 За четыре или за пять
Дней до срока уже она всечасно
Ждет
Милой вести; едет Руджьер!
Каждый день она на высокой башне
И оттуда смотрит на густые
Рощи, светлые поля и дорогу
Из далекой Франции в Монтальбан.
- 15 Чуть завидится издали
Латный блеск или некто на коне,
У нее просветляется лоб и взоры
Упованьем, что это сам Руджьер;
Если кто без лат или пеш,
Она чает, что это его посланец;
А обманется и в том и в другом—
Снова ловит новые обольщения.
- 16 То сама она—в латы и в седло
И в дорогу, ему навстречу,
То, не встретив, решает, что уже
Он другой дорогою в Монтальбане,

И как мчалась прочь,
Мчит обратно, и все напрасно:
Милого не видно ни там, ни тут,
А уж сроки подходят и проходят.

- 17 Прощел день, прошло два,
И еще три, шесть, и восемь, и двадцать,
А не видно милого и не слышно;
И тогда начинает она рыдать
Так, что тронулись бы жалостью
Змеевласые фурии в преисподней тьме,
И разит руками ясные очи,
Золотые кудри, белую грудь.
- 18 Молвит: «Мне ли
Гнаться вслед тому, кто бежит?
Гнаться за гнушающимся?
Молить безответного?
Предаваться ненавидящему?
Столь влюбленному в самого себя,
Что сойди богиня с небес,
Он и ею не зажжет свою душу!
- 19 Гордец знает, как я его люблю,
А не хочет ни любви, ни служения.
Злодей знает, что о нем моя смерть,
Но подаст мне руку не раньше смерти.
Чтобы повесть моих мук
Не согнула его дерзкую волю,
Он скрывается от меня, как черный змий,
Не желающий слышать чарных песен.
- 20 О, Любовь,
Удержи убегающего,
Или вновь вороти меня в ту жизнь,
Где ни ты и никто мной не тиранствовал!
Ах, тщетное мое чаянье
Пробудить в тебе, Любовь, искру жалости!
Верно, нет тебе, Любовь, большей радости,
Чем точить нам из очей реки слезные!
- 21 Ах, на что и сетовать,
Как не на безумную страсть!
Она вскинула мою душу в высь,
Прямо к солнцу, вспаляющему крылья,
И покинула меня на весу,
И я рухнула, но и то не конец:
Она вновь меня вскидывает и жжет,
И я падаю вечно и без удерж.
- 22 Только сетовать ли на страсть,
Если я сама ей раскрыла сердце,

*Жалобы
Брадаманты.*

- И она ссадила с престола ум,
И ничем уже мне ее не выгнать,
Никакою не обуздать уздою,
Только жечься в полымя из огня
И ждать гибели,
Ибо зло с каждым часом злей и злей?
- 23 Но и сетовать ли мне на себя?
Чем виновна я? Тем, что полюбила!
Диво ли,
Что любовь сильнее женских чувств?
Есть ли щит и есть ли заслон, - , , <
Чтобы душу не поранили
Ясный лик, знатный вид, разумный толк?
Ах! горе, кто не смеет смотреть на солнце.
- 24 А еще ввели меня в обман
Благовестные речи
Посулившие высшее блаженство
Увенчанием той любви.
Ежели, увы!
Это ложь, и завет Мерлина—вздор,;—
Стыд Мерлину,
Но избыть ли Руджьера из души?
- 25 Стыд Мерлину, стыд Мелиссе,
Из-за них моей муке нет конца,
Из-за них, изведших из преисподней'
Духов,
Мнимых отпрысков от моих стеблей,
Чтобы взять меня в рабство обольщением—
Не завидуя ли
Моей сладостной сердцу беспечальности?»
- 26 Гнуло ее горе,
Не давало вольно вздохнуть,
Но всему наперекор
В недра сердца вкрадывалась надежда,
Обновляясь воспоминаньями
О Руджьеровых предразлучных словах
И веля вопреки уму и чувству ;
Ждать и ждать его вновь и вновь.
- 27 С этою надеждою,
Облегчавшей угнетенную душу, . i
Протерпела она сверх двадцати
Дней еще и двадцать и тридцать,
Как вдруг,
Вновь пустившись на Руджьерову встречу,
Узнает злополучная ту весть,
От которой все надежды покончились.
- 28 Едет ей навстречу гвасконский рыцарь
Прямиком из африканского стана,
- Она узнает
о Марфизе.*

Где он был в плену
С той великой баталии при Париже.
Много молвивши ему добрых слов,
Вот дошла она до желанного спроса
О Руджье́ре,
И уж больше ни слова о чем другом.

- 29 Близко видевши басурманский двор,
Повествует ей рыцарь все подробности,
Как Руджье́р
С Мандрикардом рубился грудь в грудь,
Как побил его он насмерть, и как
Целый месяц смертно мучился раною.
Кабы тут его повести и конец—
Нет Руджье́ру честнейшего оправдания.
- 30 Но еще он говорит, что была
В стане рыцарша, именем Марфиза,
Красавица,
Смелая и умелая во всякой сече,
И ее Руджье́р, а она Руджье́ра
Любят так, что их и не видят врозь,
И ни в ком сомнения,
Что они заручены и помолвлены,
- 31 И как минется Руджье́рова боль—
Быть их свадьбе,
И о том заранее радостны
Басурманские короли и князья,
Потому что и в том и в той
Доблесть выше доблести,
И возрастет от них
Небывалая рыцарская порода.
- 32 Что гвасконец думал, то и болтал,
Ибо впрямь в африканском целом войске
Повселюдно
Такова была дума, и вера, и молва.
Где один к другому явно хорош,
Там и слухи,
А уж вылетевши из уст,
Власть растет молва и злая и добрая.
- 33 Началось с того,
Что пришли они вместе в подмогу маврам
И нигде не являлись друг без друга;
Укрепилось тем,
Что покинувши сарацинский стан
(И с Брунелем за седлом, как я сказал),
Она вновь без зова
Приспевает, чтоб увидеть Руджье́ра,
- 34 Приспевает в стан навестить
Тяжко раненного,

Что тебя согнет,
Ежели не тягостно вероломство?
Как казнишь вражду,
Коли так терзаешь мою любовь?
Если нет для тебя возмездия—
Нет и правды в небесах!

- 41 Нечестива злая неблагодарственность
Пуще всякого иного греха,
За нее и лучший из ангелов
Свергся с неба в черную пустоту;
А за тяжкий грех—тяжкий бич,
Если сердце не омоется раскаяньем.
Ты, неблагодарный и нераскаянный,
Берегись бича!
- 42 Ты не только мне безжалостный пытчик,
Ты еще и тать,
И не только укравши мое сердце
(В этом будь прощен!),
А предавши мне себя самого
И похитивши в укор справедливости:
Вороти же мне этого себя,
Ибо не простится, кто держит краденое!
- 43 Ты, Руджьер, меня покинул, а я
Не хочу, и хотевши не могла бы,
Но хочу я и могу
Умереть, чтоб избыть тоску и муку.
Только больно, что умру не в любви:
Ежели бы дали всевышние
Умереть, пока была я любима,—
Не было бы слаще, чем эта смерть».
- 44 Таковой исполнясь решимости,
Вся в жару, она с ложа скок
И вперяет свой клинок в левый бок,
И тогда лишь видит, что вся в железе.
Тут ее осеняет лучший дух,
И она говорит себе: «О женщина,
Твой ли знатный род
Хочешь ты запятнать такой кончиною?
- 45 Не достойней ли поспешить во стан,
Где всегда открыта славная смерть?
Может быть, Руджьер,
Увидав твою гибель, еще впечатлится;
А быть может, он сам тебя пронзит,
И тогда чего желать тебе более?
От кого тебе стала жизнь не в жизнь,
Тот ее и взымет.
- 46 А и то быть может, пока жива,
Ты отмстишь Марфизе,

*Брадаманта
едет
умирать
и мстить.*

- 52 От Забвенного острова[^]—Исландии
 Этот щит
 Королева, одаренная Господом
 Красотою превьше красоты,
 Державному посылает Карлу
 С уговорною просьбою,
 Пораскинув умом, его вручить
 Наилучшему из нынешних рыцарей.
- 53 Полагая себя, и не спроста,
 Наилучшею красавицею на свете,
 Она хочет себе подстать
 Сыскать рыцаря всесильного и всесмелого,
 Ибо воля ее тверда
 И ни тысячей споров не колеблема:
 Лишь тому, кто превьше всех оружием,
 Вверить в дар свое сердце и себя.
- 54 И такого-то паладина, которого
 Дух и длань испытаны стократ,
 Упывает она обрести
 При державном дворе славного Карла.
 А те трое, которые при ней,—
 Короли,
 Один готский, другой свейский, третий
 норский,
 И подобных им мало или нет.
- 55 Из земель не ближних, но и не дальних
 К оному Забвенному острову,
 Прозываемому так оттого,
 Что немногие к нему дерзают плователи,
 Влюблены они в королеву
 И желают каждый себе женой,
 А для этого рады на подвиги,
 Неумолчные до скончания небес.
- 56 Но ни их и ни иного кого
 Не угодно ей признать первейшими;
 Говорит она: «Велика ли честь
 Оказать себя по здешним окрестностям?
 Если даже меж вами меж троими
 И пересияет единый двух,—
 То и славно, но то и не довольно,
 Чтобы слыть наилучшим меж всех, кто есть.
- 57 К великому Карлу,
 Чтимейшему и мудрейшему из владык,
 Я пошлю золотой мой щит
 С уговорной просьбою
 Его вверить паладину, который
 Славен быть превьше всех удалством;
 Будь он в Карловой службе или в иной,
 Мне вождем—государево суждение.

- 58 А как примет государь этот щит
И вручит его тому храбрецу,
Какового не отыщется жарче
Ни при франкском, ни при ином дворе,—
То который из вас своею доблестью
Этот щит воротит ко мне,
Тому дастся моя любовь и страсть
Как супругу и господину».
- 59 С таковых-то слов
И явились три короля из-за дальнего
Моря, чтоб отбить ее щит
Или пасть от руки его стяжавшего». *Она ищет*
Таковой поведавши сказ *ночлега*
Чутко внемлющей дочери Амона,
Латник шпорит коня
И вдогон за отъехавшими спутниками.
- 60 А она ему не вслед ни в рысь, ни в мах:
Медленно
Едет по тропе, размышляя,
Что тут может статья, и какой
Быть надежде, раздору и розни
В франкском рыцарстве, ежели государь
Впрямь захочет
Обличить и одарить в нем сильнейшего.
- 61 Тяжела ее сердцу дума,
Но тяжеле прежняя,
О Руджьере, которого любовь
Отнялась и передалась Марфизе.
В этой мысли погребена душой,
Не следит она дороги, не знает,
Куда едет и где найдет
В эту ночь пристойное пристанище.
- 62 Как ладья,
Сорванная ветром и валом,
Без кормила и кормчего
Праздно рыщет по воле пучин,—
Так и юная влюбленная,
Обратясь всею думою к любезному,
Держит путь по Рабиканову нраву,
И рука от поводьев как за сто верст.
- 63 А вздымает очи и видит: солнце
Миновало Бокховы города
И нырком легло
В лоно волн по ту сторону Марокко.
А не дело
Ждать ночлега под ветками в лесу:
Ветер хладен и воздух влажен,
И дождем и снегом грозитя мрак.

- 70 Отвечает приворотник: уже
Занят замок рыцарями и дамами,
И уже они у огня
Ждут, когда пожалует ужин.
«Коли ужин, то не для них,—
Говорит воительница,—
Ступай, я жду,
Ваш обычай мне ведом и выгоден».
- 71 Приворотник спешит к досужим рыцарям
С вестью,
Нежеланною, ибо кому охота
Выходить в непогожий холод
Под наставший ливень?
Но встают, снаряжаются кое-как,
И которые встали, те идут,
Не спеша* к ожидающейся ратнице.
- 72 А то были те самые три рыцаря,
Каковым лишь немногие подстать,
Те три рыцаря, незадолго виденные
При посланнице из-за дальних морей,
Поклялись которые воротить
Светлый щит из Франции в Исландию:
Попришпоривши,
Они раньше приспели, чем Амонова дочь.
- 73 Немногие им подстать,
Но она — одна из тех немногих,
И невзгодно ей
В холоде и голоде ночевать свою ночь.
В башне
Все столпились у окон и бойниц
Посмотреть на бой под луной,
Брезжущей сквозь мокрые тучи.
- 74 Как ликует пылающий любовник,
В ожиданье укрادчивых услад
Наконец
Слыша ключ в осторожном повороте,—
Так рвущаяся
Испытать своих встречных Брадаманта
Слышит и ликует:
Вскрылся вход, спущен мост, и едут рыцари.
- 75 Только соступили они с моста,
В ряд ли, друг за другом ли,—
И она выезжает на удар
И пускает коня во весь опор
И наводит Астольфово копьё—
То, которое
Хоть и Марса
Как коснется, так валит с седла.

- 76 Первый скачет свейский король —
Первый и распластывается навзничь,
Таковохватило его в шишак
То копьё, не умеющее промаха.
За ним готский
Вмиг с коня и шпорами вверх;
А потом, перевернувшись, и третий
Головою ныряет в хлябь и грязь.
- 77 Разбросав в три удара трех бойцов—
Пятки вверх, темя вниз—
Подъезжает она к гостинной башне
С клятвою
Выйти вновь на любой зов в любой спор.
Принимает ее башенник,
По увиденному
Оказав ей по доблести и честь.
- 78 Привечает ее и дама,
Тех вчерашних спутница королей,
Как я сказывал, ехавшая с Забвенного
Острова ко франкскому государю:
На учтивый Брадамантин поклон
Так она мила и любезна,
Что встает навстречу и с ясным взором
Берет за руку и ведет к очагу.
- 79 Отлагает воительница щит,
Съемлет шлем,
А со шлемом и золотой наголовник,
Одержатель девических ее волос.
Пали кудри,
Окутали плечи
И являют взорам красавицу,
Чья не меньше доблести красота.
- 80 ' Как раскроется занавес,
И очам в свете тысячи светцов
Встанут своды, встанут дворцы
В золоте, и в росписях, и в ваяньях,
Или как изъявится из-за тучи
Солнцев ясный и яркий лик,—
Так, сняв шлем,
Разверзает она райскую прелесть.
- 81 Исцелительно выстриженные мнихом,
Стали кудри хоть и не те, что были,
Но уже такой долготы,
Что невмочь им быть узлом на затылке.
Узнает воительницу
Видывавший ее в деле не раз
Башенник,
И еще к ней любезнее и почтительнее.
- Она
занимает
замок.*

- 82 Сели при очаге
И питают слух приятной беседою,
Между тем как для телесных потреб
Не замедливает и прочее питание.
Спрашивает гостя гостиника,
Давний или новый,
И с кого здесь пошел такой обычай?
А хозяин повел такую повесть.
- 83 Во властвование короля Фарамонда
Была у королевича Клодиона
Красавица, нежностью и вежественностью
Несравненная в оные времена.
Так он к ней был страстен,
Что не оставлял ее взглядом,
Словно Аргус, блюдущий Ио—
Какова любовь, такова ревность.
- 84 Он держал ее в этом отчем замке,
Из которого—ни ногой,
А при нем было десять рыцарей,
Самолучших во французской земле.
Здесь и принял он славного паладина
Тристана, сопутствуемого дамою,
Им отбитой у злого великана,
Ее влекшего силою в полон.
- 85 Тристан прибыл в час, когда солнце
Уже минуло берега Севильи,
И просил себе входа и приема,
Ибо нет иного на двадцать верст.
Клодион же, многолюбивый
И многоревнивый, ответил,
Что пока здесь красавица, ни единому
Пришлецу сюда входа нет.
- 86 Долгими повторными уговорами
Не сумевши рыцарь снискать пристанище,
Говорит: «Чего не хочешь охотою,
Сделаешь неволею!»
И сурово бросает вызов
Клодиону с его десятерыми,
Посулив ему копьем и мечом
Обличить его низменное невежество,—
- 87 С уговором: ежели королевич
С его присными будет бит,
А Тристан усидит в седле,—
Быть Тристану в башне, а им на холоде.
Не стерпевши такового позора,
Королевич идет на смертный бой:
Свержен сам и свержены десять рыцарей,
Тристан—в башню, ворота—на запор.

- 88 Вошел в башню, видит красавицу,
 Столь любезную прежнему господину,—
 Ту, которой нещедрая Природа
 Несравненных не пожалела красот,[^]-
 И вступает с ней в добрую беседу,
 Между тем как изгнанный страждет
страстью,
 Горит горем и взывает к победителю
 Снизойти к мольбе—вернуть даму.
- 89 Хоть Тристану она не дорога,
 А мила лишь Изольда, кроме коей
 Не велит ему колдовской напиток
 Ни любить кого, ни ласкать,—
 Но чтобы воздать Клодиону
 За его злоумышленную грубость,
 Говорит он: «А было бы неладно
 Столь прелестную выдать из этих стен!
- 90 Если же Клодиону тоска
 Спать под небом одному, без подруги,
 То со мною есть другая дама,
 Хоть не столь, а тоже хороша;
 Я ее готов
 Отпустить на полную его волю,
 Но красивейшая
 По закону и праву будь с сильнейшим».
- 91 Отлученный, огорченный, осмеянный,
 Клодион промаялся до зари,
 Как на страже
 Вокруг замка, где вольно спал осиливший,
 И томясь не от ветра и от стужи,
 А в тоске по отъявшейся подруге.
 На заре Тристан
 Воротил ненадобную красавицу
- 92 И унял его тоску заверением,
 Что какою взял, такую и отдал,
 Удовольствуясь тем, что королевич
 Проскучал под звездами всю ту ночь,
 Хоть его недостаточное невежество
 Заслужило и худшего позора;
 Не в зачет ему и то, что причиною
 Таковых поступков была Любовь,
- 93 Ибо долг Любви—претворять
 Грубость в вежество, а не в грубость
вежество.
 С тем Тристан и в путь,
 Клодион же скорей из башни вон,
 Поручивши ее ближнему рыцарю
 С уговором на будущие времена:

- Кто придет под кров,
С тем отныне такому быть обычаю:
- 94 Какой рыцарь сильнее и какая
Дама краше, тем и приют,
А кто будет побит, тот прочь
Из покоя и ночуй в чистом поле.
Оттого и пошел обычай,
И вы видите: так и по сей день».
А пока башенник вел свой сказ,
Стольник стелет обильный стол,
- 95 Стелет стол в просторной палате,
Краше той палаты не видывано,
И вот входят девушки,- в руках—¹ факелы, *Улланию
хотят
выгнать из
замка,*
И ведут Брадаманту в трапезную сень.
Как вошла она об руку со спутницею —
У обеих разбежались глаза:
Таково все крутые стены
Крыты сплошь отменною росписью.
- 96 Такова краса всех сторон,
Что в забаву глазам, в забвенью брашням,
Хоть усталая дневными трудами
И взыскует подкрепления плоть.
Скорбно столинику, скорбно повару,
Что стоит и простывает снедь,
И сказали они так: «А не лучше ли
Напитать прежде глад, а после—глаз?»
- 97 Сели,
Простирают к яствам персты,
Как вдруг башенник видит, что нельзя
В одной башне быть двум прекрасным *дамам:*
Кто краше—спи всю ночь, кто некраше—
В хлещущий ливень и свищущий ветер! *ступай прочь*
Делать нечего: коль не вместе прибыли,
То одна другую гони с гнезда!
- 98 Зовет двух стариков
И зовет бывалых домашних женщин,
Все глядят на одну и на другую
И равняют, и мерят красоту,
А потом гласят,
Что заведомо краше дочь Амонова,
И победна в споре красы,
Как была победна в споре доблести.
- 99 А исландской посланнице,
Предстоявшей с немалою тревогою,
Говорит хозяин: «Госпожа,
Не корите нас верностью обычаю,

По которому должно гнать вас прочь,
Ибо всем нам видимо, что другая,
Хоть и не в наряде,
Но лицом и обликом краше вас».

100 Как мгновенно темное
Облако из влажного дола
Встанет в небо и сумрачный покров
Навлечет на сияющее солнце—
Так на строгий тот приговор,
Обрекающий на холод и ливень,
Изменилась красавица лицом
И не так уже мила и прекрасна.

101 Изменилась и побледнела лицом,
Ибо слышать такой суд ей не в радость;
Но по чести своей и по добру
Брадаманта, не желая гонительства,
Мудро молвит:
«А как я посмотрю —
И неладен такой суд и неправеден,
Где не выслушано ни против, ни за,
И не взвешено, которое полновесней.

*но Брада-
манта
за нее
заступается.*

102 Я приемлю защиту на себя
И скажу вам: краше ли я, не краше ли,
А пришла я сюда не для красы
И мерюсь не красавицыными мерами.
Такова ли я, как она, или нет,—
Кто сравнит, не снявши с меня доспеха?
А о чем не знаешь, о том молчи,
А чтоб никому во вред, молчи вдвое.

103 Мало ли у кого
Кудри длинны, а сам отнюдь не дева?
Как рыцарь ли я, как дама ли
Здесь явилась, видит всяк, кто не слеп!
Если каждый мой взмах—мужской,
Для чего же величать меня женщиною?
А у вас закон—изгонять
Даме—даму, а не рыцарю—даму.

104 Для примера,
Пусть я женщина (хоть и спорю, что нет),
Но не столь красавица, как она,—
Неужели
За нехватку пригожести в лице
Вы отымете добычу моей доблести?
Что стяжалось отвагою и мечом,
То не след терять по нелицелепию.

105 Стало быть, такой ваш обычай—
«Кто некраше, та и прочь»—
Не принудит меня уйти,

- Гоже ли мне к уходу, нет ли..
Посему неравен
Спор меж мною и этою красавицею,
Ибо и проспоров в красе,
Я останусь при прежней своей выгоде.
- 106 А где выгода невыгоде не равна,
Там и суд не в суд:
От расчета ли, от щедроты ли,
А для гостыи незапретен ее приют!
И отважься кто сказать,
Что решила я нездорово и неправо,—
Я готова
Показать, кто прав, а кто нет!»
- 107 Так-то вышло, что Амонова дочь,
Сжалившись над нежною дамою,
Столь негоже гонимою под дождь,
Где ни кровя, ни навеса, ни сени,
Убедила башенника отстать —
Умной мыслью, тонким словом,
А пуще последнею угрозою;
И он сделался понятлив и тих.
- 108 Как под летним зноем,
Когда жаждет иссохшая трава,
Цветок,
Изнемогший без целительной влаги,
Оживает, впивая милый дождь,—
Так посланница,
Увидавшись под столь крепкой защитою,
Вновь, как прежде, мила и весела.
- 109 Тут приступлено к усладительным яствам,
Столько времени стывшим праздно,
И уже никакой заезжий рыцарь
Не являлся к ним новым докучателем.
Все довольны, и одной Брадаманте
Не избыть привычной грусти и скорби:
Вечен страх ревнивого сердца,
И не слышат вкуса ее уста.
- ПО Отужинав
И спеша развлечь не вкус, а взор,
Брадаманта встала,
А за нею встала посланница,
И хозяин единому из слуг
Подав знак засветить повсюду свечи;
Озарила горница со всех сторон,
И увиделось, о чем сейчас поведаю.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- 1 Тимагор, Полигнот, Паррасий,
Протоген, Аполлодор, Тиманф,
Апеллес, между всеми знаменитейший,
И ты, Зевксис, и прочие былые,
Чьи дела и тела
Извела нещадная Парка,
Но чья слава жива в страницах книг,
Пока есть кому и читать и слушать;
- 2 И все бывшие и сущие при нас—
Леонардо, Мантенья, Джанбеллино,
Бастиян, Тициан, Рафаэль,
Честь Кадора, Урбино и Венеции,
Двое Досси и ты, Микель—
Ангел, а не смертный, резцом и кистью,
Чьи творения—перед нашими взорами,
Как былые —в нашей вере и молве;
- 3 Ныне зримые
И гремевшие в двух тысячах лет,
Ваша кисть на дщицах и на стенницах
Нам явила чудеса;
Но ни вдаве слыхано и ни внове видано,
Чтобы живопись вскрывала грядущее.
И однако знаема
Быль, что писана раньше, чем сбылась!
- 4 Но такое дело не в хвалу
Ни старинному, ни днешнему зографу,
А лишь чарам,
Пред которыми в трепете духи ада.
Ту палату, что пета в прежней песни,
Расписали демоны в одну ночь
По Мерлиновой черной книге
Из Аверна или Нурсийского грота.
- 5 Позабылось в новые дни
Это диво, несомненное в древних;
И теперь, обратясь к той росписи,
Пред которой, верно, уже я ждусь,
Я скажу:

Вступление.

служителю подан знак
Зажечь свечи, откатывается ночь,
Разгоняемая сиянием,
Всюду свет, как днем,

*Хозяин
замка
расска-
зывает,*

- 6 И хозяин говорит: «Да будет ведомо —
Здесь представлены бранные дела,
Из которых виданы лишь немногие,
Но и те прежде писаны, чем деланы,

Прежде гаданы, чем писаны.
Кто воззрит — прозрит
Все грядущие победы и беды
Нашим воинствам в италийской земле.

Все походы, предсущие французам
И к добру и к худу с Альпийских гор,
Здесь представил впредь на тысячу лет
Вещий Мерлин
В поучение от британского Артура
Фарамонду, Маркомирову сыну;
А к чему и тот труд, и тот урок,
Я открою вам самым быстрым словом.

*как Мерлин
предсказал
неудачи
французов
в Италии*

Франкский Фарамонд,
Из-за Рейна первый поправший Галлию,
Возымел мечту
Обуздать и невступную Италию,
Ибо видел, что римская держава
Час за часом ближе к концу,
И позвал в союз Артура Британского,
А они друг другу были сверстны.

Но Артур,
Ничего не вершивший без Мерлина,
Без Мерлина, без демонова сына,
Прозиравшего дальние века,
От Мерлина уведал и поведал
Фарамонду, сколь много бед
Ждет его народ в Апеннинской
Стороне меж моря и Альп.

- 10 И открыл Мерлин королю:
Кто ни примет его французский скиптр,
Всяк узрит свою рать в погибели
От меча, от глада, от мора:
Будут кратки радости, долги горести,
Будут скудны прибыли, скверны убыли
Им в Италии, ибо не дано
Франкским лилиям корня в этих почвах.
- 11 Не безверен был Фарамонд
И повел знамена в иные земли;
А Мерлин,
Видя будущий день, как прошлый,
По великой Фарамондовой просьбе
Чародейно расписал сей чертог
Всеми оными франкскими деяниями,
Явив взору грядущее, как сущее.
- 12 Пусть поймет потомок,
Что победа и слава суждена
Всеми, кто примет Италию под щит
Против буйного варварского напора;

Песнь XXXIII

*В Тристановом замке Брадаманте показывают картины
будущих Итальянских войн.
На дальнем плане — побитые ею северные короли со свитою*

Если же кто спустится с гор
Гнуть ее под гнет и гонение,—
Да уразумеет,
Что найдет за горами верный гроб».

- 13 Так промолвивши,
Он подводит их к началу той росписи,
Где король ополчается Сигиберт,
Льстясь на золото кесаря Маврикия.
Вот он сходит с Юпитеровых гор
На равнину меж Тицином и Амбром,
А навстречу—Автарий, и с Автарием—
Отпор, битва, погром, побег.
- 14 Вот Клодовой
Через горы ведет Свои сто тысяч;
Вот и беневентский
Князь с неравной ратью ему в отпор.
Вот он мнимо оставил стан,—
И как рыба в сеть
Впали франки, спеша к ломбардским винам
На позор и погибель.
- 15 Вот нашествует Хильдеберт
С пущей силой и с лучшими вождями,
Но и он в Ломбардии
Не добудет ни славы, ни добыч,
Ибо грянет небесный меч,
Встанет смертный зной и поносный мор,
По путям и полям полягут павшие,
И вернется из десяти один.
- 16 Зрятся далее и Пипин и Карл,
Друг за другом нисшедшие в Италию —
Оба для счастливых удач,
Ибо оба явились не с обидою,
А один—ради пастыря Стефана,
И другой—для Адриана и Льва,
Чтоб смирить Айстульфа, пленить преемника
И восставить святой престол,
- 17 А близ них молодой Пипин
Простер воинство
От Тесин до Палестринского берега,
Не жалея трудов и трат,
Чтобы вытянуть мост от Маламокко
До Рнальто, и биться на мосту,
И бежать, растеряв своих в пучине,
Когда море бурейо смыло мост.
- 18 Вот Людовик следует
Из Бургундии на разгром и в плен,
И пленившему клятвенно сулит,
Что не вздымет уж на него оружия;

*при Меровингах
и Каролингах,*

Но все клятвы ему—ничто,
Вновь он рвется, вновь он бьется в силках,
И теряет очи, как крот,
И друзья уносят его за Альпы.

19 Вот и арльский гонит Гугон
Из Италии двоих Беренгариев,
А они опять берут верх,
То баварами ставлены, то гуннами.
Только силою понужденный к миру,
Он недолго жил,
И недолго за ним его наследник,
А Италия сделалась Беренгариевой.

20 Новый Карл для нового пастыря
Внес в Италию огонь и меч,
Двумя битвами побив двух державцев
По прозваньям Манфред и Конрадин;
Но невдолге весь его люд,
Тяжкой мукой налегший на подвластных,
Под вечерний звон
По всем градам перерезан намертво.

*при Анжуй-
цах,*

21 А засим являет вам роспись—
Но не тотчас, а после многих лет,—
Как спускается новый гальский вождь
С бранным вызовом светлому Висконти,
Как он пешими своими и конными
Облагает Александрийскую твердь,—
А владетель, оставив полк в отпоре,
По округе раскидывает свою сеть,

22 И завав в западню,
Злополучное французское племя,
Предводимое на свою беду
Рьяною дружиной Арманиака,
Полегло в полях
И пленилось в Александровой крепости,
И разбухнув кровавою влагою,
Стали красны и Танар и По».

23 Показавши одного за другим
Трех Анжуйских и четвертого Маркского,
Говорит показыватель: «Гнул их гнет
Давнов, марсов, салентинцев и бруттиев,
Но ни франкская помощь, ни латинская
Им не впрок:
Каждый как придет, так уйдет,
Изгоняем Альфонсом и Фердинандом.

24 Вот Восьмой перед вами Карл
Сходит с Альп в пышном цвете целой Франции
И, не тронув ни меча, ни копья,
Забирает королевство за Лирисом,

*при
Карле VIII,*

Кроме той скалы,
Подминающей Тифеево тулово,
Для которой обороною встал
Иник Вастский из Авалова рода».

- 25 И хозяин башни,
Продолжая Брадаманте свой сказ,
Показал ей на Искию и молвил:
«Прежде, чем смотреть впереди,
Я перескажу,
Что не раз пересказывал мне, отроку,
Црадед,
А ему — его отец,
- 26 А его отцу — отец или дед,
И так вдаль,
До того, кто узнал обо всем об этом
От волхва, явившего здесь без красок
Роспись алую, синюю и белую;
А тот волхв, показывая государю
Эту сень на этой скале,
Так поведал то, что я поведываю:
- 27 Он вещал, что в этих местах
От того их доблестного защитника,
Чьей отваге ничто — пожар
От окрестных берегов и до Сицилии,
В эту пору или на малость позже
(Были названы год и день)
Будет сын,
Первый между первыми в Божьем мире.
- 28 Не таков хорош собою Нирей,
Ахилл — мощью, Улисс — отвагою,
Быстротою — Лад, а умом —
Нестор, столько живший и столько
знавший,
Не таков милосерд и щедр
Юлий Цезарь в старинной славе,
Каков этот, родящийся на Искии,
Пред которым примолкнут их хвалы.
- 29 Горд Крит,
Что родил всевышнего внука Неба,
Рады Фивы Геркулесом и Бахусом,
Счастлив Делос близнецом и близницею;
Так и этому дастся острову
Перевысить славою небеса,
Когда явится на нем тот великий
Князь, на коем все милости богов.
- 30 Говорил Мерлин, повторял Мерлин:
Бережется его рождение до века,

Когда гнет пригнет властвующий Рим,
Чтобы он воротил свободу Риму.
Но не стану упреждать мою повесть,
Ибо в ней еще встанут его дела»,—
Так он молвив, вновь
Обратился к славным Карловым подвигам.

- 31 «Вот,— он молвил,—страждет Людовик Мор,
Что раскрыл врата Италии Карлу,
Пожелав лишь унять, но не изгнать
Его давнего испанского соперника;
Вот он вкупе с венецианами
Переппнул королю обратный путь,
Но отважный, взяв копье на удар,
Прорывается, презрев преграждающих.
- 32 А не такова была доля
Тех полков, что остались в новом царстве,
Потому что Фердинанд с мантуанскою
Силой так нагрянул на них,
Что за малые месяцы ни на суше,
Ни на море не оставил живой души.
И была бы в радость ему победа,
Кабы не погубленный кознию вождь».
- 33 И, представив образ
Славного Альфонса Пескарского,
Молвит: «В тысяче изъязвившись подвигов
Ярче камня, который огнеок,
Вот он впал в ту сеть,
Дволичным разброшенную эфиопом,
И пронзен стрелой,—
Лучший рыцарь грядущего столетия».
- 34 А затем он показывает, как
С италийцем Двенадцатый Людовик,
Сшедши с Альпов и выкоренивши Мора,
Сеет Лилии в висконтийскую землю;
Но потом он по Карловым следам
Ведет воинство к Гарильянским гатям,
А там перед ним в упор
Оно бито, рассеяно и топлено.
- 35 И таков же и разгром и разгон
Франкской силе в апулийской округе,
Где завлек ее дважды в сеть испанский
Фердинанд Гонзальв.
Но как здесь мрачна,
Так сиятельна предстала Удача
Королю в долинях По
Между Альп, Апеннин и шума Адрии».
- 36 И при сих словах
Вспомнив неупомненное,

*при Людо-
вике XII,*

Обращается он показом вспять
к, И к тому, кто предал вверенный замок,
И к тому вероломному швейцарину,
Кто, наемный, взял наемщика в плен,—
А и тем и другим безбитвенно
Далась победа французскому королю.

- 37 И показывает, как милостью того короля
Цезарь Борджий стал грозен по Италии,
Как он гнал в изгнание
Всех подвластных, всех владельцев Рима,
И как тот король из болонских стен
Вывел Пилы, а ввел Желуди
И как генуэзский бунт
Им разметан и брошен под ярмо,
- 38 И примолвил: «Видите: мертвецы
Устилают поля при Джарададе,
Град за градом распахивает врата,
И единая еле держится Венеция,
И первосвященнику не дано,
Перешед пределы Романии,
Отбить Модену у феррарского князя
И оттоле искать новых добыч:
- 39 Нет, у папы отобрана Болонья,
И в Болонью вновь входят Бентиволии;
Вот французский стан
Стал под Брешией, и Брешии нет;
В тот же миг
Государь спешит спасти Фельзину,
Римский стан в разгроме, и вот
Обе рати сошлись в низинах Кьясси.
- 40 Слева Франция, Испания справа,
Грозен бой,
  в том строю и в этом
Рушатся полки, багрова землю,
Рвы полны по край людскою кровью,
Марс не знает, к кому склонить победу,
Но Альфонсовой доблестью решено:
Устоял француз, уступил испанец.
- 41 Равенна в руинах,
Папа в горе кусает губы,
И лавиною
Рушит с гор германскую ярость,
Чтоб оттоль до Альп
Ни единого не стало француза
И чтоб отпрыск Мора процвел
В вертограде, опустелом от Лилий.
- 42 И вернулся француз, и вновь разбит
Тем же вероломным гальветом,

Коим предан и продан был юношин отец,
И кому отважно вверился юноша.
Но уже пред вами
Из-под тяжести Фортунина колеса
Воздвиг новый король новое войско,
Чтоб отмстить новарский позор,

*при Фран-
циске I.*

- 43 И грядет, овеваемый Удачею —
Вот, у войск в челе, французский Франциск,
Так сломивший швейцарству рог,
Что едва осталось живо их племя,
И уже мужланам не в спесь
Красоваться неподобною славою
Усмирителей государям
И хранителей Христову престолу.
- 44 Посмотрите, он взял Милан,
Он вступает в согласие с юным Сфорцею;
Посмотрите: бережет Бурбон
Его город от тевтонского буйства;
Но смотрите: пока храбрый король
Вдалеке ищет новых подвигов,
Оставляя город под гордый гнет,—
Он лишается своего захвата.
- 45 Вот иной, и не французский Франциск,
Именем и доблестью схожий с дедом,
Милостию святого Престола,
Изгнав галлов, вновь властвует в отечестве.
Вновь приходит Франция, но уже
Не летит налетом, а встала, взнудана,
Над Тицином, где мантуанский князь
Прекратил ей путь, преградил ей тропы:
- 46 Мантуанский князь Фредерик
В первом цвете юношеской свежести
Приобщил себя вековечной славе
И булатом, и умом, и усердством.
Вот Павия охранена от Франции,
Вот смирён в своих замыслах Лев Морей,
И смотрите, пред вами два героя,
Ужас франкам и слава италийцев,
- 47 Одной крови, из одного гнезда:
Первый—сын того маркграфа Альфонса,
Чьею кровью багровилась земля,
Когда впал он в эфиопские ковы:
Не его ли ум
Вновь и вновь гонит франков из Италии?
А другой, столь и светлый и
приветливый,
Сам зовется Альфонс и правит Вастом.

- 48 Это я о нем, храбреце,
Возвестил вам, указуя на Искию,
Что еще от Мерлина Фарамонду
Вещим словом предречено
Быть его рождению назначену
О ту пору, когда надобнее всего
Для Италии, для Державы, для Церкви
Его помощь от варварских обид.
- 49 Со своим Пескарским двоюродным
Под знаменами Проспера Столпа
Посмотрите, как дорого он взял
При Бикокке с француза и с гельвета!
Но опять
Ладит Франция навестать неладное,
И король двумя ратями грядет
Сам — в Ломбардию, а там — на Неаполь.
- 50 Но судьба играет людьми
Словно ветер — прахом:
Миг — взовьет до небес, и миг —
Вновь повыстелит пылью в прежнем поле.
И судьба сулила, чтобы король,
Меря войску прибыль и убыль
Не по ратям, а по тратам, взомнил
Под Павиею собрать целых сто тысяч.
- 51 Но король был вверчив и добр,
А служители короля были скаредны,
И немногие были вокруг знамен,
Когда грянула ночная тревога,
Что идет на приступ
Тот испанец, тот хитрец, для которого
Вслед за Вастским и за Пескарским братьями
Безопасны пути хоть в рай, хоть в ад.
- 52 Посмотрите: иссякает в бою
Лучший цвет французского рыцарства,
Посмотрите, в кольце клинков и копий
Отбивается отважный король;
Мертв конь,
А король не сдастся и не поддастся,
Хоть и все враги — на него,
А ему на подмогу — ни единый.
- 53 Король яро отбивается, пеш,
С головы до ног покрыт вражьей кровью;
Но и доблесть клонится перед силою —
Вот он схвачен, вот в испанском плену,
И за тот разгром
И за плен великого короля
Величаются первыми венками
Неразлучные Пескарский и Вастский.

54 Как павийская рать сокрушена,
Так другая, в трудном пути к Неаполю,
Остается, как огонек,
Вкруг которого — ни масла, ни воска.
Вот, оставив испанцам сыновей,
Возвращается король в королевство,
И несет в Италию новый пожар,
А враги несут пожар во Францию.

55 Вот раззор и вот резня
Повсеместно по рушащемуся Риму,
Вот позор и вот пожар
Пожирают мирское и священное;
А союзный сонм,
Видя зарево, слыша стон и крик,
Устремляется не впрямь, а вспять,
Оставляя врагу Петрова пастыря.

56 Король шлет с Лотрекром новую рать —
Не для подвигов в Ломбардии,
А затем, чтобы и главу и члены
Святой Церкви изъять из мерзких рук;
Но уже первосвященник на воле
До прихода неспешного вождя,—
И француз облегает город
Над Сирениным гробом и рыщет вкруг.

57 Государев флот
Снялся в помощь обложенному городу,
А его Филипп перед вами Дориа
Окружает, жжет, топит и дробит.
Но Судьбина меняется в лице —
И французы, досель благоволимые,
Без меча погибают злою горячкою,
И из тысячи единый вернется жив».

58 Много по чертогу
Было писано пестро и красно,
Долго бы пересказывать,
Чем пленялись две красавицы, поглядев.
Дважды, трижды
Обошед, не умели они уйти.
И под каждым чудным образом
Золотые перечитывали письма.

*Брадаманта
тоскует по
Руджьеру.*

59 Так взирающих, так толкующих
Двух красавиц и всех, кто был им вслед,
Приглашает, наконец, на покой
Попечительный их гостеприимец.
И уже все спят,
Лишь единая не спит Брадаманта:
Как ни ляжет то туда, то сюда,—
Ни на правом нет ей сна, ни на левом.

- 60 Чуть сомкнула очи перед зарей—
А в очах Руджьер,
И Руджьер говорит: «Почто терзаешься,
Почто веришь тому, чего и нет?
Раньше реки ринутся вспять,
Чем к другой красавице мои помыслы:
Я тебя люблю,
Как зеницу ока и душу сердца».
- 61 И еще говорит: «Я здесь,
Чтоб исполнить обет, приняв крещение,
А замедлил, потому что во мне
Не любовная рана, а иная».
Отлетает сон,
Нет Руджьера,
И опять она льет горькие слезы,
И опять твердит сама себе так:
- 62 «Ах, моя отрада—неверный сон,
А мое мученье—верное бдение!
Быстрым призраком истаяло счастье,
А страда моя крута и не призрачна.
Отчего я не вижу и не слышу
То, что видела и слышала сонная?
Почему вы, очи мои, лишь зрите,
Как закроетесь—свет, а как
раскроетесь - беду?»
- 63 Сладок сон мой, сулитель мира,
Горько бденье, грозящее на брань;
Сладок сон мой, но ах, обманен,
Горько бденье, и увы, оно не ложь.
Если правда — в тягость, а лживость — в
сласть,—
Не зная бы мне вовек правды-истины!
Если сон мне—в радость, а бденье—в гнет,—
Век бы спать мне, не зная просыпа!
- 64 Благо зверю, который, как уснет,
По полгода не размыкает веки!
Я не верю, будто такой
Сон подобен смерти, а бденье—жизни;
Для меня в моей судьбе всё не так:
Сон мне—жизнь, бденье—смерть,
Если же доподлинно смерть есть сон—
Смерть, приди и навек закрой мне очи!»
- 65 А уже из-за окоема
Алым цветом вставал солнечный край,
И развеялись туманы, и новый
День казался непохож на былой,—
И встает Брадаманта с одра,
Грудь — в сталь, путь—в даль,—

*Она еще раз
побивает
трех
королей.*

Не забывши, однако, поблагодарствовать
Доброму башеннику за приют и честь.

- 66 Выезжает и видит, что посланница
С щитоносцами и девичьей Свитой
Уже выехала из башни туда,
Где ее дожидаются трое рыцарей —
Трое рыцарей, которых вчера
Золотое копьё посбило с седел,
И которые простирали ночь
Под ненастным небом, дождем и ветром.
- 67 А вдобавок
Пусто брюхо у них и у коней,
Стучат зубы, ноги топчут грязь,
Но всего того им досаднее,
И досаднее им и тяжелей,
Что посланница оповестит госпожу,
Как от первого же они франкского копья
Биты.
- 68 И, пылая умереть иль отмстить
Одним разом за три обиды,
Чтобы вестница, которая звалась
(Я забыл об этом сказать) Уллания,
Пременила к лучшему
Свой худой приговор об их отваге,—
Чуть завидев на тропе Амонову дочь,
Шлют ей вызов.
- 69 Шлют ей вызов, не зная, что она—
Дева, ибо статью она не дева;
А она не хочет его принять,
Потому что спешит и не тратит времени;
Но когда они стали наседать
Так, что не уйти без позора,—
Что ж, копьё на удар, и два, и три,
Те с копыт, и вот конец поединку.
- 70 Брадаманта, не снизойдя ни взглядом,
Повернулась и прочь из глаз;
А они, из заморских далей
Приспешившие с золотым щитом,
Еле вставши на ноги,
Растрепавши весь былой задор,
Стыли в диве, не зная молвить слова
И не смея вскинуть взор на Улланию —
- 71 На Улланию, которой сто раз
Похвалялись они путем-дорогою,
Что из них троих
Самый слабый сладит с славнейшим
рыцарем.
А Уллания, видя, как они

Едут, сбавив пыл, глаза в землю,
Им еще сказала, что из седла
Их повышиб и не рыцарь, а женщина.

- 72 «А коли побила нас женщина—
Говорит она,— то чего и ждать,
Встреться вам Ринальд или Роланд,
Незадаром прославленные почестями!
Дайся щит одному из них —
Неужели выстояли бы вы тверже,
Чем пред женскою рукой?
Я не верю, да ведь и вы не верите!
- 73 Так оно и будь:
Не пытайте уж более вашу доблесть!
А кому из вас взбалмошно помыслится
И во Франции искать новых встреч,
Тот умножит уроном свой позор,
Свой позор и вчерашний и сегодняшний,
Если только ему не лестно пасть
От руки такого противоборца!»
- 74 Как уверились три рыцаря,
Что и впрямь они ратовали с дамою,
И молва о том чернее, чем смоль,
Ляжет на их доброе имя,—
И как за Улланией вслед
Десять дев подтвердили ее правду,—
Они в горести и ярости
Чуть не бросились на свои мечи,
- 75 А потом, в негодовательном неистовстве
Поснимали доспехи с своих плеч,
Не оставили ни клинка на боку
И все бросили в ров, что возле башни,
Давши клятву: коли женскою рукой
Они биты и пометаны в пыль,
То чтобы очиститься от позора,
Они целый год не взденут лат,
- 76 Будут странствовать лишь пешком,
По равнине ли, в гору ли или под гору,
И покуда не выйдут сроки,
Ни один не всядет в броне в седло,
А потом пусть и броню и коня
Вновь добудет себе битвенным мужеством.
И пошли бесконно и безоружно,
А за ними свита, и вся верхом.
- 77 Брадаманта же ввечеру
В некоем замке на Парижской дороге
Слышит весть, что король Аграмант
Разбит Карлом и братом ее Ринальдом.

*Побитые
налагают
на себя
покаяние.*

В этом замке был ей и стол и дом,
Но ни стол, ни дом ей не в радость—
Еле ест, еле спит
И нигде не находит себе места.

- 78 Но еще не тот о ней сказ,
Чтобы я не воротил мою повесть
К тем двум рыцарям,
на бреге ручья
Привязавшим своих коней бок о бок
Ради битвы, которая была
Не за царство и государство,
А за то, чтоб храбрейшему разить
Дурендалью и ристать на Баярде.
- 79 Не было ни трубы,
Ни иного гласа или гласителя,
Чтоб условить им удар и отпор,
Чтобы вжалить в сердце бранную ярость.
Оба разом рвут мечи из ножен,
Взмахами проворными и умелыми,
И пошли греметь клинок о клинок,
И пошли пылать гневливые души.
- 80 Никакие два другие меча
Не нашлись бы столь тверды и калены,
Чтобы трижды
Так состукнувшись, уцелеть в руках,
Но такой был у них закал,
Но такой искус в таких бранях,
Что сшибались острие в острие
И не разлетались на сто осколков.
- 81 Вправо, влево
Умным шагом ловко шагнув,
Уклонялся Ринальд от Дурендали,
' Чей он знал удар и разруб.
Не жалел размахов король Градасс,
Но размахи сеялись в ветер,
А коли и задевали—
Задевали легко и не вреда.
- 82 А его противоборёц
Метче метил, грозя его руке,
Или в бок,
Или в щель между лат и шлема.
Но доспех был тверд, как алмаз,
Ни единая чешуйка не треснула,—
Оттого так тверд,
Что он кован колдовскими чарами.
- 83 Не передохнув,
Бились столько и бились так,

*Тем временем
бой
Ринальда
и Градасса*

Что ни взгляда в сторону,—
Лишь друг другу в свирепое лицо,—
Как вдруг
Разнимает их пыл иная схватка:
Оборачиваются лбами на шум,
Глядь —

Баярд в превеликой опасности.

*прерван
чудовищною
птицею.*

- 84 Глядь — Баярд дерется с чудовищем,
А оно—как птица, и больше, чем он:
Клюв—в три локтя,
Голова и тело—нетопыря,
Перья черные, как чернила,
Коготь длинный, острый и злой,
В очах пламя, во взоре лютость,
Два крыла за плечами, как два паруса.
- 85 Коли это птица,
То не знаю, где такие живут:
Не видал я таких ни в жизни, ни в книгах,
Лишь один и пишет о ней Турпин.
Оттого и мнится,
Что была эта птица—адский дух,
В этом облике призванный Малагисом,
Чтобы битве положился конец.
- 86 Таково же рассудил и Ринальд,
И куда как круто словом и делом
Подступился он потом к Малагису,
Но отперся Малагис от вины
И поклялся светом, живящим солнце,
Что перед Ринальдом он чист как чист.
Так или не так,
Но насело чудище на Баярда.
- 87 Разом рвет ременные
Конь поводья, в буйной борьбе
Метит в чудище зубом и копытом,
А оно взлетит и опять
Колким когтем
Вцепится то в спину, то в бок, то в бок.
Смят Баярд, и не зная обороны—
Вскачь и прочь.
- 88 Скачет в ближний лес,
Ищет чашу гуще,
А за ним и над ним вдогон крылатое
Держит взор по его следам.
Скакун в дебрь, скакун в глушь,
Там пещера, он кроется под своды,
А чудовище, потеряв гонимого,
Взмыло ввысь и ищет новых добыч.

- Если надобен Ринальду Баярд—
Пусть, как я к нему, придет ко мне в Индию:
- 95 Сериканская для него земля
Не страшнее, чем дважды мне французская!»
Так сказал, и прямым путем
Правит к Арлю, а в Арле—корабли,
И с Баярдом в поводу, с Дурендалью на
бедре
На смоленом челне плавает он в Африку.
, Но о том — в другой раз,
А теперь покину я их и Францию.
- 96 И теперь поведу рассказ
Вслед Астольфу,
который своего гиппогрифа
Так привадил к поводьям и к седлу,
Что летал быстрее орла и сокола.
Пролетев поперек и вдоль
Всю он Францию от моря до моря,
Повернул коня
К тем горам, что на Пиренейском западе.
- 97 Над Наваррой, над Арагоном
Он летит, на потеху земных зевак;
Слева от него Терракон,
Справа — Бискайя, впереди — Кастилия,
Вдалеке — Галисия и Лиссабон.
Правит он к Кордове и Севилье,
Не минуя ни единого города
Ни в приморском, ни в пригорском краю;
- 98 Видит Кадикс, видит столпы
Геркулеса, предел для первоплавателей,
И приходит ему на ум
Просечь Африку от Атланта до Египта.
Перед ним — Ивиса,
В Балеарских славная островах,
А потом он натягивает узду,
И—к Арзилле, за испанское море.
- 99 Видит Фец, Марокко, Оран, Гишон,
И Алджир, и Бузею, и премногие
Города, гордящиеся венцом
Золотым, а не зеленым и листовным;
Шпорит вдаль, на Бизерту и Тунис,
Видит Капсу, видит остров Альзербу,
Береникин город и Птолемеюв,
Вплоть до нильских семи уст и до Азии.
- 100 Все пересмотрел он места
Между взморьем и лесистым Атлантом,

*Тем
временем
Астольф на
гиппогрифе
летит
в Эфиопию*

- А потом, поворотившись спиной
К каменной Карене,
Устремился над сыпучею степью
К Альбойаде, в нумидийский предел
Позади оставив и Баттов гроб
И Аммонова развалины храма.
- 101 Достигает второго Тремизена,
Где живут по Магометову жезлу,
И летит со всех крыл
Через Нил, к эфиопам верной веры.
Его путь — по воздушной меже
Меж нубийскою Добадою и Коалою:
Там слывят христиане, а там нехристи,
И меж теми и меж этими брань.
- 102 В Эфиопии царствует царь Сенап,
У которого крест наместо скиптра,
А под ним — народы, грады и руды
Золотые вдаль до Красного моря.
Он блюдет такую веру, как наша,
Спасительную от злобной геенны,
И единственно, ежели не обманываюсь,
Здесь крещаются не водою, а огнем.
- 103 Князь Астольф снижает коня
Над Сенаповым широким двором,
А дворец эфиопского государя
Крепко строен, а пуще пышен:
Крючья и затворы,
Мостовые цепи, вратные цепи,
Все, что мы куем
Из железа, здесь ковано из золота.
- 104 Пламенного золота
Здесь так много, а все оно в цене;
Высятся палатные своды
На колоннах ясного хрусталя;
Поверх стен горят полосой
Белизна, багрец, лазурь, желть и зелень,
А меж ними, поровну друг от друга,
Яхонт и сапфир, топаз и смарагд.
- 105 В плитах пола^ в стенах и в сводах
Блещут знатные камни и жемчуги;
Здесь родится благовонный бальзам,
Малой долей дарясь Иерусалиму;
Мускус
Наш отсюда, и амбра лишь отсюда;
Словом, все, что у нас столь драгоценно,
Лишь отсюда плывет ко всем брегам.
- 106 Говорят, сам египетский султан
Платит дань эфиопу и покорствуует,

Ибо тот своеволен отвести
Плодотворный Нил в стороннее ложе,
И тогда поразится голодом
И Каир и Каирова округа.
Свои люди зовут его—Сенап,
Наши люди — Иоанн-Первосвященник.

- 107 Сколько было эфиопских царей,
Всех он больше и всех богаче,
Но несчастен и с мощью и с казною,
Ибо слеп;
А еще того худшее мучение
Горше сердцу и тягостнее телу,—
То, что он, хоть и славится богат,
Страждет голодом.
- 108 Пожелает ли он есть или пить,
Побуждаясь жестокою потребою,—
Тотчас адская налетит
Стая гарпий, лютых и беспощадных,
Хищным клювом, хватким когтем
Бьющих блюда, рвущих пищу,
А чего утробою не вместят,
То оставят поганое и зловонное.
- 109 Было так, что в пылкие свои дни,
В царственной своей доле,
Быв не только превыше всех казною,
Но и дерзостнее всех и отважнее,
Стал он горд, как бес,
И замыслил встать войной на Всевышнего:
Он всхотел взойти на ту гору гор,
Из которой льется великий Нил,
- 110 Ибо не на той ли горе,
Выше туч вознесшейся в небеса,
Слывет быть тот земной Эдем,
В коем древле блюлись Адам и Ева.
Со слонами, с верблюдами и с пешим
Воинством горделивец дерзнул,
Ежели там есть кто живой,
Покорить его под свои законы.
- 111 Но Всесильный покарал его спесь,
Ниспослав к его полчищам архангела,
Положившего замертво тысяч сто,
А царю затмившего очи ночью.
Тут-то и приспели к нему
Адских бездн ужасные чудища:
Что не вырвут, то запятнают,
Не оставят ни поесть, ни попить.

*пресле-
дуемому
гарпиями.*

- 112 И его отчаянью нет конца,
Потому что было ему провещано,
Что его столу не избыть
Хищной хватки и злобной вони,
Коль не явится в вышине
Некий всадник на крылатом коне;
А как мнилось ему сие немислимо,
Он оставил надежду навсегда.
- 113 Но как взвидел изумленный народ
Выше крыши, выше стен, выше башен
Всадника в небесах,—
Вмиг бегут с дивной вестью к государю,
А у государя уже в уме
Вещее пророчество, и от радости
Забыв посох, простерши руки,
Шатким шагом он спешит к низлетающему.
- 114 Астольф выкружил в небе круг да круг
И спускается на дворцовый двор,
А к нему уже ведут короля;
Пал король, к ладони ладонь,
И взывает: «Мессия! ангел божий!
Знаю, нет прощенья моим грехам;
Но не наш ли удел людской—грешить,
И не вам ли дано прощать нас, кающихся?»
- 115 За мою вину
Не дерзаю просить бывшего зренья,
Хоть и верю, сие в воле твоей,
Ибо ты — светлый дух, любезный Господу;
Будь мне казнью не зреть твой лик,
Но да минется мой всечасный голод:
Отгони
Душных гарпий, хищников моей снеди!
- 116 И тогда по обету моему
Тебе встанет над дворцом храм из мрамора,
Золот вход, золот свод,
Самоцветы и внутри и снаружи,
Наречется он святым твоим именем
И твое в нем изваяется сие чудо».
Так сказал незрячий король,
Порываясь припасть к стопам
Астольфовым.
- 117 Отвечает ему Астольф:
«Я не ангел, не с неба и не Мессия—
Смертен я и грешен,
И ничуть не достоин твоей хвалы.
Что смогу, то сделаю,
Чтоб побить и прогнать твоих чудовищ,

*Астольф
является
к царю,*

Но хвали не меня за то, а Господа,
В твой удел поведшего мой полет.

118 Будь же к Господу твой обет,
Твои храмы и твои алтари!»
Так он молвил, и пошли они в горницы,
А за ними—вельможная толпа.
И приказывает король поварам .
Править пир, ставить стол,
В крепком уповании,
Что на сей раз он не минет куска.

119 В золотом чертоге
Снаряжается отменное пиршество,
Пред Сенапом воссел Астольф,
Несут кушанья;
И вот в воздухе
Слышен сильный свист страшных крыл,
И слетают с неба на запах снеди
Гнусные и грязные гарпии.

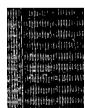
*Астольф
бьется
с гарпиями*

120 В стае их было семь:
Лица женские, выцветшие, бледные,
Ссохшиеся и сморщившиеся голодом—
Как посмотришь, так лучше умереть;
Крылья тяжкие, широкие, темные,
Лапы цепки и когти кривы,
Брюхо вспухшее пахуче, а хвост
Длинный, как змеиный, и вьется кольцами.

121 Не успели послышаться,
Как уже и увиделись на столе:
Когтят снесь, крушат снасть
И такой испускают кал,
Что не вынесешь, не занявши носа,
Столько смрада.
Увлекаемый благородною яростью,
Обнажает Астольф на хищных меч,

122 Бьет в грудь, бьет в зад,
Кого в шею, а кого под крыло,—
Только попусту:
Все удары как будто по мякине.
А чудовища меж кубков и чаш
Ни одной не минули,
И не прежде взвиваются и прочь,
Чем все яства расхищены и измараны.

123 В превеликой быв надежде король,
Что избавится герцогом от мучительниц,
Плачет
И стенает в безнадежном отчаянии.

И тогда-то герцог вспомнил про свой
спасительный

Рог,
И догадывается: в нем
Самолучшая на чудищ управа.

- 124 Он приказывает королю и князьям
Заложить себе уши перетопленным
Воском, чтоб на грянувший гул ; *и прогоняет*
Не бежать им стремглав куда попало; *их волшебным*
Берет повод, вскакивает в седло *рогом.*
Гиппогрифово, рог наизготове,
И велит дворецкому
Вновь выставить и стол и снедь.
- 125 Под открытым выставляются небом
Новый стол и новая снедь,
И вот гарпии вновь при своем свычае,
И Астольф берется за рог.
Птичий слух не заперт —
Звук не в мочь, и они несутся прочь,
Уже в ужасе не думая -
Ни о пище и ни о чем.
- 126 Паладин им вслед
Шпорит скакуна в открытое небо
Из дворца, из города,
Гулким не умолкая рогом,
Вьет погоню в воздухе в высь,
А они от него к знойному полдню,
К той горе из гор, на которой,
Если где, то начинается Нил.
- 127 А под каменным корнем той горы
Глубью разверзается подземелье,
Чрез которое заведомый вход
В преисподние гееннские бездны.
Здесь
Сокрывается хищная станица,
И к Коциту и за Коцит
В глубь и глубь от грозного гула.
- 128 Пред кромешною адовою пастью,
Где тропа из света во тьму,
Славный герцог смолк страшным рогом
И крылатого обуздал скакуна.
Но пока я не повел его далее,
Я хочу соблюсти мой обычай:
Лист исписан с лица и с оборота,
Пора кончить песню и отдохнуть.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- ' О, Гарпии,
Жадные, всеядные, беспощадные,
Вышней Правдой насланные к всем
столам
Ослепленной многогрешницы Италии!
Умирают голодом
Добрые матери и невинные дети,
Видя чудишей, в едином пиру
Пожирающих пищу всей их жизни.
- ? ' Худо сделал тот, кто отверз
Долго, долго замкнутые провалы,
Из которых алчба и смрад
Смертным мором хлынули на Италию.
Закатилась ясная жизнь,
Кончился покой,
И уже его в войнах, в бедствах,
в скудостях
Долго не было, и нет, и не будет.
- ? ' И Не будет до самого того дня,
Когда вскинет она волосы праздным
чадам
И прогонит забытье, кликнув:
«Где же новые Зет и Калаид,
Кто избавит пиршество
От зловонья и от хищных когтей,
Как те двое спасли Финея и как
Храбрый рыцарь спас царя
эфиопского?»
- ' Храбрый рыцарь со страшным рогом
Гнал проклятых гарпий и в ход и в лет
До подножия той горы,
Где они ввились в подземелье.
Паладин прилагает ухо к устью
И внемлет
Стоны, вопли и вечный плач —
Верный знак, что здесь-то и недра ада.
- i Коли так, Астольф желает войти
Посмотреть на отлученных от света
И проникнуть в преисподние пропасти
До самой середины земли.
«И чего бояться,-[^]
Говорит он,— если рог мой при мне?
Отшатну им трехгортанного пса,
Прогоню Плутона и Вельзевула!»
- | Сходит он с крылатого скакуна,
Вяжет его к гнущему дереву,

*Вступление.**Вслед
за гарпиями]
Астольф
спускается
в ад.*

И спускается в черную пещеру—
 Рог в руке, в роге жизнь его и смерть.
 Только сделал он несколько шагов —

Дым

бьет в нос, бьет в глаз,
 Гуще серы, черней смолы,—
 Но и это Астольфу не преграда.

Что ни шаг, то гуще мрак, круче дым,
 И уже

Мнится, что вперед он не в силах
 И пора выручаться вспять.

Вдруг он видит: >

Что-то движется над его головою,

Как на виселице труп на ветру, .

Много: дней дождем мытый, солнцем
 сушенный.

Так бессветно, почти черно
 Было в дымном подземельном ущелье,
 Что не видно и не внятно Астольфу,
 Кто над ним проносится в вышине.

Хочет он доведать его мечом

И раз и два, -

Но сие, должно быть, бесплотный дух: <

Меч как будто рубит по воздуху.

И вдруг слышится скорбный глас:

«Ах, идущий-, иди, но не вреди!

Слишком тяжек и этот черный дым,

Все пронявший здесь от адского пламени».

Изумленный герцог

Встал и молвит: «Коли Господь всемилостиво

Обескрылит душачий тебя дым,—

Дай мне весть о том, кто ты есть;

10 А желаешь ли о себе уведомить

Белый свет,— я готов служить!»

Тень отвечает:

«Мне любезно ожить в людской молве,

И такая во мне к тому охота,

Что исторгну я рассказ из души

И поведаю мое имя и быль,

Хоть и больно мне от каждого слова.

11 Государь, я—Лидия,

Дочь большого лидийского царя,

Приговором правосудного Господа

Обреченная на дымную казнь,

Потому что к верному любовнику моему

Я не знала ни жалости, ни милости.

Здесь без счету таких, как я,—

Каков грех, такова и кара.

- 12 Еще глубже, где гуще дым и хуже,
Здесь терзается злая Анаксарета:
Ее плоть каменеет на земле,
А душа принимает муки,
Потому что удрученного ею
Допустила влюбленного до петли.
Рядом Дафна горюет, что не в меру
Истомила Аполлона гоньбою;
- 13 Но не в мочь
Исчислять мне их каждую за каждой,
Ибо свыше всякого счета
Здесь томится неблагодарных жен;
Но еще того более—мужчин,
За такую же страждущих вину,
Но в страшной наказуемых бездне,
Где слепит их дым и палит их огонь.
- 14 Женский пол мужского доверчивее,
Оттого и тяжелейшая казнь
Их злодеям: здесь Тесей и Ясон,
Здесь смутитель Латинова паренья,
Здесь и тот, чьей кровью
Стыд Фамари омыл Авессалом;
И еще они, и еще оне,
Обманув те супруг, а те супругов.
- 75 Но мой сказ не о них, а обо мне
И о той вине, какою мучусь.
Я была так прекрасна и горда,
Что никто не краше и не надменнее;
И что я не сказала бы сама,
Красоты во мне больше ли, гордыни ли,
Потому что краса, пленяя взоры,
И родит в душе гордыню и спесь.
- 16 А в то время во Фракии был рыцарь,
Слывший лучшим на свете меж воителей,
И от верных слышавший самовидцев
О моей несравненной красе и прелести.
И пришло ему в ум
Мне единой вверить свою любовь,
Полагая славною своею доблестью
Стать любезну моей душе.
- 77 Пришел в Лидию, увидел меня
И пленился пленом еще безвыходнейшим;
Вчелся в рыцари отчего двора,
Процвел славою,—
Долго бы мне сказывать, каковы
Многоразные явлены и дивные
Доблести в неисчетных его подвигах
Пред неблагодарным королем.
- как воевал
для нее
Альцест,*

- 18 Карию, Памфилию, Киликию
Он повергнул отчому скипетру,—
Без него ни на кого никакого
Войска и не сылывал государь.
А когда подумалось молодцу,
Что уже заслуги к тому довольны,
Он пришел к королю за те победы
Испросить в награду—моей руки.
- 19 Тут его король и отверг,
Назначавший меня к большому браку,
А не для того, у которого,
Кроме доблести, ничего и нет.
Ибо скардность и корысть,
В коих корни всяческого порока,
Так глушили отчий дух, что к достоинству
Он невнятлив, словно к лире осел.
- 20 Альцест
(Таково было имя того рыцаря)
От благодетельствованного увидевшись
Оскорблен, отъезжает прочь,
Угрожая, что немало раскается
Мой отец, поскупившись на меня.
А отъехал он к царю Армянскому,
Моего отца сопернику и врагу,
- 21 И того армянского царя
Он взбивает на брань против лидийского,
А за всюду славные свои подвиги
Сам встает в челе его полков.
Он сулит
Все плоды всех побед царю Армении,
А единую мою красоту—
В дар себе.
- 22 Не сказать, не смерить,
Сколько было урону в той войне:
Он разбил четыре воинства,
Он в год
Не оставил отцу ни пяди царства,
Кроме только замка
На утесе неприступной скалы,
Где тот скрылся с сокровищами и с
ближними.
- 23 Здесь осев осадю,
Он в такое привел отца отчаяние,
Что уже отец готов
Дать меня ему в жены и в невольницы
И за мной полцарства,
Лишь бы остальную избыть беду,
Потому что уже ему приходится
И паденье, и плен, и смерть.

А пока не пал,
Он пытается всякое средство
И меня, причину его невзгод,
С той скалы отсылает во стан Альцеста.
Я иду,
Чтоб предаться ему в добычу
И молить за то сменить гнев на милость
И оставить отцу отцово царство.

•
*как она
обнадежила
его ложною
любовью,*

Как слышал Альцест про мой приход,
Выбегает бледен и трепетен,
Будто он и не победитель,
А разбит и в плену.
Видя его жар,
Завожу я речь не так, как задумывала,
А по выдавшемуся случаю:
Какова его страсть, такова и моя мысль.

Начинаю бранить его любовь
И жестокость, от которой столь стражду,
Потому что у моего отца
Столь он круто требовал меня силою,—
А улыбчивее был бы успех
В считанные дни,
Если бы, начавши, он и продолжил бы,
Как любезно и королю и всем.

И хоть с первых слов мой отец
Отказал ему в заслуженной чести,
Ибо такова уж его природа,
Что на первый спрос он не скажет «да»,—
Это не предлог
Вдаться в гнев и расстаться с службою;
Быв усерден за часом час,
Он скорее бы достиг желанной цели.

А и откажи мой отец,
Я умела бы его умолить,
Чтобы стал мой влюбленный моим мужем;
А и окажись он упрямым,
Я сыскала бы тайные пути,
И Альцест не остался бы в обиде;
Но Альцест иное взобрал на ум,
И моя любовь навеки несбыточна.

А что я — пред ним,
Двигнутая любовью к отцу,
То да ведомо ему будет: отнюдь
Не на сласть ему мое лицемерие,
Ибо тотчас обагрится земля,
Ежели кривое свое желание
Утолит он мною,
Не претясь заведомым насилием.

- 30 Таковою и подобною речью
В таковую мою ввергся он власть,
Что казнился, каясь,
Пуще всякого святого отшельника:
Пал к ногам, рвет с пояса нож,
Простирает в мои ладони,
Молит
Смертной мздою воздать ему за грех.
- 31 Усмотревши его в такой тоске,
Умышляю довершить мою победу
И пристойную подаю надежду
Вновь предстать достойным меня,
Ежели изгладит вину,
Возратив отцу исконное царство
И меня домогаясь впредь
Услуженьем, любовью, но не силою.
- 32 С клятвенными его уверениями
Ухожу чиста, как пришла,
Не понесши ни малого лобзания,—
Таково он согнулся под ярмо,
Таково он тронут страстной раной,
Что Любви не надобно новых стрел.
Он идет к армянскому королю,
Для которого — все его победы,
- 33 И словами самыми лучшими
Умоляет воротить моему отцу
Все, что взято, пусто и выжжено,
И довольствоваться прежнею Армениею. *понудила
к новым
тщетным
подвигам*
Но король,
Вспыхнув гневом о две щеки,
Говорит Альцесту: «О том забудь:
Я воюю его до смертной пяди!
- 34 Ежели ты стал сам не свой
Бабьим словом — тебе же хуже!
Не упросишь ты меня потерять,
Что стяжалось трудом целого года». *понудила
к новым
тщетным
подвигам*
Альцест молит,
Альцест гневен, что мольбы его втуне,
И грозитя
Не добром, так силою, а взять свое.
- 35 Гнев все круче,
Слова злы, дела еще злей:
Обнажает Альцест на короля
Меч
И меж тысячи присных его закалывает,
А потом, еще солнце не зашло,
С киликийцами своими и фракийцами
Расточил армянские полки.

36 Вслед победе,
Щедрой платою не с отца, а отцу,
Он в полмесяца воротил ему все царство,
А потом, воздавая за злой урон,
Сверх иных добыч
Изоброчил ему великою данью
И Армению и каппадокийцев,
А войсками прористал до Гирканских вод.

37 Воротился, а вместо торжества
Мы замыслили предать его смерти—
А коли не предали,
То страшась отплат от больших друзей.
Я притворно его люблю,
Тешу чаяньем взять меня жейою,
Но сначала повелеваю явить
Свою доблесть на наших неприятелях.

38 Одного ли, с немногими ли спутниками
Шлю его на страшные дела,
Где ему и погибнуть бы сто раз,
А ему во всем победа и одоление:
Возвращается со славою,
С кем ни бился из чудищ и врагов —
То с гигантами, а то с лестригонами,
Разорителями отческих мест.

39 Ни от мачехи, ни от Еврисфея
Так не мучился и оный Алкид
В Лерне, в Немее, в Аркадии, во Фракии,
Над Ибером, над Тибром, над Ахелоем,
В Нумидийских степях, везде, везде,—
Как любовник,
Мнимым словом моим и смертным умыслом
Обрекаемый лишиться меня.

40 Не сломивши его с первого подступа,
Подступаюсь вторым —
Обращаю его на всех, кто близок,
Чтобы встать меж ним и ними вражде.
У Альцеста
Нет желаний, кроме моих:
Готов к брани по единому знаку,
Не отсмотрит друга от недруга.

*и, отрек-
шись,
довела
до гибели.*

41 А когда таковым-то образом
Пали все враги моего отца,
И когда Альцест
Оказался без последнего друга,—
Я срываю притворное лицо,
Раскрываю сокровенное,
Объявляю, каков он мне постыл,
И как я желаю его гибели.

- 42 Но предать его погибели не с руки,
Потому что не миновать бесчестья
И жестоких слов
Он всех ведавших, сколь он нам спасителен.
Посему мне довольно, чтобы он
Скрылся с глаз,
Чтобы его я не видела и не слышала,
Чтобы не было ни письма, ни слова.
- 43 По толикой моей неблагодарности
Его дух надломляется от скорбных мук,
И взывавшего тщетно о милости
Постигает хворь, а за хворью смерть.
И за тот мой грех
Мои очи в слезах, а лик в дыму
Во веки веков,
Ибо адовым мукам нет скончания».
- 44 Смолкла Лидия;
Герцог дальше стремится пыливый шаг,
Но все гуще
Черный мрак, наказующий предательства,
И уже ему далее ни на пядь,
И уже он вспять, и уже,
Коли жизнь мила,
Должен в прыть поспешать от злого дыма
- 45 Шевелит он железными ногами
Так, что скажешь: не в шаг, не в рысь, а в бег;
Всходит выше,
Уже виден пещерный вход и выход,
И уже под дневным лучом
Тает черный удушающий мрак,
И уже он с надсадою и досадою
Выбирается из дыма под светлый свод.
- 46 А чтобы не стало того пути
Для возврата чудищ о жадном чреве,
Он сгребает скалы, он рубит
Дерева, в коих перец и амом,
И сколь сил в руках,
Громоздит горою ограду
Перед тем пещерным зевом, да так,
Что уж гарпиям ни входу, ни выходу.
- 47 А как черный дым адских смол
В тех кромешных подземельных провалах
Запятнал ему не только наряд,
Но и вьелся сквозь латы и сквозь платя,
То пустился он изыскать воды
И нашел
Бьющий ключ из лесного камня,
И омылся от головы до ног.

*Астольф
запирает
гартий
в аду*

- 48 А потом—на крылатого и в воздух,
 Чтобы взвиться до гребня той горы,
 Чей предел в молве
 Превозносится до лунного круга.
 Таков в витязе любопытный пыл,
 Что не смотрит он в землю, а смотрит в небо, *и взлетает*
 Выше, выше— *на гору*
 И уже он на горной спине. *земного рая.*
- 49 Как топаз, рубин, сапфир, жемчуг, золото,
 Хризолит, гиацинт, диамант,-
 Были здесь цветы, распещренные
 Добрым ветром по радостным холмам.
 Зелень трав
 Зеленея была земного смарагда,
 Зелень трав
 Красовалась в вечных цветах и плодах.
- 50 Меж цветами пели певчие птицы —
 Синие, зеленые, белые, желтые, красные,
 Лепетали ручьи, светились заводи,
 Как кристалл.
 Нежный ветер, несменный в нежном веянье,
 Зыбкой зыбью
 Колебал надгорную свежесть,
 Умеряя истомляющий полдень.
- 51 Нежный ветер
     с цветов, плодов и зелени
 Свеивал и смешивал
 Сладкие ароматы, целительные душе.
 А на ровном месте стоял дворец,
 Весь как из живого огня,
 Блеск и свет
 Разливавший превыше смертных зрений.
- 52 Астольф правит крылатого скакуна
 Медленно и плавно
 Ко дворцу, раскинутому на тридцать миль,
 И дивится направо и налево,
 И как Взглянет—низкой, мерзкой и душной
 Ему помнится человечья земля,
 Словно бог и природа ею гнушаются,—
 Таково здесь все ясно и прекрасно.
- 53 Как приблизился к лучистому крову,—
 Занялся в нем дух,
 Ибо видит: стена из цельного яхонта,
 Ярче и жарче, чем камень огнеок.
 О знатное зодчество, Дедал Дедалов!
 Что в подлунной с тобой сравнится?
 СТЫДНО . . .
 Даже вспомнить семь чуд земного света!

- 54 Из сияющей сени святого дома
Выступает к герцогу старец,
Риза белая, алый плащ,
Та как млеко, тот как багрец,
Белы кудри, бела брада,
Низвивающаяся густо до пояса,
А достолюбезный лик
Знаменует небесного избранника.
- 55 Светел взором, привечает он рыцаря,
Благочестно сшедшего с седла,
И гласит: «Не без Господнего промысла,
О барон, ты обрелся в земном раю:
Твоего тебе желания
Ни причина тебе не ведома, ни цель,
Но уверуй: в том высокая тайна,
Что приспел ты из присеверных сфер.
- 56 Как помочь державному Карлу,
Как отвести грозу от Христовой веры,—
Вот к какой ты думе,
Сам не думав, летел ко мне так долго.
Не твоим умом, не твоей доблестью,
Сын мой, велся ты в праведный предел,
И без вышней воли
Тщетны были бы и конь твой и рог.
- 57 Но ужо на досуге будет речь,
К каковым уготоваться деяниям,
А покамест подкрепи твое тело,—
Долгий пост тебе не в прок». —
Так сказав,
Изумляет старец доброго герцога,
Объявив о себе, что он есть тот,
Кто святое писал благовествование,—
- 58 Иоани, любезнейший Искупителю,
И о коем меж братьев была молва,
Что не смертью замкнутся его годы,
Ибо Сын Господень сказал Петру:
«Что тебе за дело,
Если сей пребудет, пока приду?»
Не сказал он: «Сей не умрет»,
Но заведомо имел сие в помысле.
- 59 Оттого и восторгнут он сюда,
Где уже обитель
Праотца Еноха и пророка Илии,
Не узревших последнего своего солнца:
Здесь, вдали от земного тлена,
Они радуются вечной весне,
Пока грянет архангелова труба,
И Господь Христос сойдет в белом облаке.

*Его
встречает
апостол
Иоани.*

- 60 Сии Божьи мужи с приветной ласкою
 Паладину назначают его покой,
 А другой—коню,
 Вдоволь полный отборного овса.
 Угощается гость плодами райскими,
 И такой в них вкус,
 Что ему простителен мнится грех
 Соблазненных плодом первоослушников.
- 61 Славный герцог, любитель всех
 нечаянностей,
 Удоволил плоть
 Щедрой пищею и достойным сном;
 А воспрянув в утренний час,
 Когда юная вставала Заря
 С ложа мужа, доселе, не постылого,—
 Зрит вновь
 Иоанна, возлюбленного Господом.
- 62 Сей, подав ему десницу, повел
 Речь о многом, достойном здесь молчания,
 А потом и говорит ему:— «Сын мой,
 Ты не знаешь, что деется во Франции —
 Знай же: ваш Роланд,
 Сбившись с верного пути своих подвигов,
 Страждет Божией карою,—ибо
 Бог суров, коли правый стал неправ.
- 63 Ваш Роланд,
 При рождении приявший от Господа
 Вышний пыл и вышнюю силу,
 И бессмертную неязвимость пред мечом,
 А сие затем,
 Чтобы стал он оплотом правой веры,
 Как на филистимлян Самсон,
 Поборатель избранного народа,—
- 64 Ваш Роланд ко Господу своему
 За все блага воздал худым воздаянием,
 Обездолив помощью
 Ему вверенный христианский люд;
 Слепясь грешной страстию к язычнице,
 Дважды и не дважды
 Он уже выходил на злобный бой
 С добрым своим братом,—
- 65 И Господь за сие судил
 Обнажить ему грудь и бок и чрево,
 А рассудок обуять и отъять,
 Чтоб не помнил он ни себя, ни ближнего.
 Сказано в Писании: так казнился
 Царь Навуходоносор,
 Обезумленный Господом на семь лет,
 Будто бык, кормиться травой и сеном.

*Он
 рассказывает
 Астольфу
 судьбу
 Роланда.*

- 66 Но как был паладинов грех
 Много менее Навуходоносорова,
 То ему к очищению Божий срок
 Ставлен в три недолгие месяца.
 А уж как потом его опамятовать,—
 О том знать
                                 верный сказ наших уст
 В сию высь ты и впущен Искупителем.
- 67 Велен тебе путь
 Вкупе с нами
 Прочь от сей земли—
 В лунный круг, к нам ближайший
   из небесных,
 Ибо средство образумить Роланда-
 Там, в Луне;
 И как ночью взойдет она над нами,
 В путь!»
- 68 Таковые и подобные речи
 Изливал апостол целый день;
 А как солнце омылось в Океане
 И луна явила небесный рог,—
 Снаряжается
 Колесница, ристательница небес,
 Та, которая с иудейских гор
 Илию Пророка восторгла к высям;
- Астольф
 с апостола
 летят
 на Луну.*
- 69 Четырех красноогненных коней
 Впряг в ярмо вестователь слова Божия,
 Воссадил Астольфа рядом с собой
 И повел поводьями в вышину,
 И колеса закружились по воздуху
 К средостению вечного огня,—
 Но апостоловым чудом
 Миновали они его, не вспыхнувши.
- 70 А прошел сквозь огненное кольцо
 И приблизясь к лунному царству,—
 Видят:
 Вся луна—как из безупречной стали
 И такая же или чуть поменее,
 Чем земельный шар,
 Этот шар с морями и сушами,
 Влагою оплавленный со всех сторон.
- 71 Удивляется Астольф вдвое,
 Что таков велик этот мир,
 Малою лишь круглостью
 Из земного видимый окоема,
 И что надобно отсель принащуриваться,
 Чтоб земные разглядеть сушь и хлябь,
 Ибо, не светимые своим светом,
 Их черты не брезжуются в высоту.

- 72 На луне — не то, что у нас:
Не те реки, не те поля, озера,
Не те горы, холмы и доли,
А меж них и замки и города,
А дома в них уж такие большие,
Каких отроду не видывал паладин,
А леса пространные и дремучие,
Где охочи нимфы гонять зверей.
- 73 Некогда герцогу засматриваться—
Не затем он сюда взнесен,
И ведет его святой апостол
В узкий дол меж двух крутых гор —
Диво! —
Где отсюда собрайо во одно
Все, что теряно нами в нашем свете,
От беды ли, от давности ли, от глупости ли
- 74 И не только здесь царства и богатства,
Вечные жертвы Фортунина колеса,
А и то, чего даже судьбе-изменнице
Ни дать, ни взять.
Здесь слава,
Как червями точимая долгим временем,
Здесь несчетные мольбы и обеты,
Нами, грешными, возносимые к Господу;
- 75 Здесь влюбленные стоны и слезы,
Время, праздно траченное в игре,
Лень глупцов,
Тщетные и несбыточные умыслы,
А уж вздорные желания и мечты
Громоздятся горами по всей долине:
Словом, все,
Что внизу терялось, вверху отыщется.
- 76 Паладин пробирается от груди к груди,
Вопрошает вожатого о той, о сей;
Видит: куча надутых пузырей,
А внутри их—шум и кипение;
Слышит: это царственные венцы
Древней Лидии, Ассирии, Персии, Греции,
Прежде славных,
А теперь вся их слава—напрасный звук.
- 77 Золотые и серебряные крюки,
Крюк к крюку, суть ничто, как подношения
Государям, князьям и покровителям
В тщетном чаянии ответных даров.
Вот венки, а под венками— удавки;
Спросив, слышит: сие—лесты льстецов;
А цикады, которые надтреснуты—
Образ песен в хвалу земных владык.

*Лунный дол
земных
потерь.*

- 78 Золотые узы, алмазные столбы
Зрелись знаками любовного злополучия;
Орлие когти
Были властью, вверенной от князей
Своим ближним; одышливые меха—
Это милость, которая—как дым,
Государей ко своим ганимедам,
Преходящая с быстрым цветом лет.
- 79 Города и замки,
Полны золота, стояли в развалинах;
Он спросил и слышит:
Это—тщетные договоры и заговоры.
Ползли змеи с девическими лицами—
Труд мошенников и ложномонетчиков;
В сто кусков разбившись, лежали чаши —
Услужение нещедрым дворам;
- 80 Опрокинутые варева в прах —
«Что такое?»—спросил рыцарь наставника,
И ответ ему: «Это—благостыня,
Завещаемая на помины души».
Крутой грудюю
Ароматные цветы рассыпались в гниль —
Это был Константинов дар
(Дар не в дар!) папе римскому Сильвестру.
- 81 Здесь и прутья в птичьем клею —
Это, милые красавицы, ваши прелести;
Но невмочь мне стих за стихом
Исчислять, что предстало паладину,—
Хоть начти я тысячу, будет мало:
Здесь всё,
Кроме, разве что, нашего безумства:
Оно с нами, и от нас ни на шаг.
- 82 Здесь нашел он и собственные свои   *Астольф[^]*
И дела и дни, канувшие втуне,—   *находит*
Да и тех не признал бы без толкователя.   *сосуд*
Наконец, пришел он к тому добру,   *с Рол*
О котором мы и не молим Господа,   *умом.*
Слишком веря, что оно-то при нас:
Это здравый смысл,
Здесь гора его больше всего прочего.
- 83 Он—как влага, тонкая и летучая,
Не замкнешь, так истает в пар,
И позамкнут в нарочитых сосудах,
Тот поболее, а иной поменее;
А который поболее всех иных,
В том и есть великий разум Англандского
Сумасшедшего графа, и на нем
Так и писано: «Роландов рассудок».

- 84 **И на прочих**
Тоже писано, в котором чей ум.
Здесь лихой паладин сыскал изрядную
Часть и собственных мозгов,—но не то
Ему в диво, а то, что рядом —
Умы тех, у кого во лбу
Никакого не заподозрить ущерба,—
А оказывается, вот где их толк!
- 85 **Кого спятило любострастие, кого**
Любочестие, кого любокорыстие,
Кого тщетное упование на вельмож,
А кого колдовательные вздоры,
Кого знатные камци, кого живопись,
Кого что;
Здесь мозги пустых мудрецов,
Звездочетов, а пуще стихоплётов.
- 86 **С дозволения патмосского провидца**
Астольф поднял с земли свой добрыц ум,
Взнес сосудец к носу
И вдохнул и стал не то, что был:
Турпин сказывает,
Что отныне он жил куда умней,
Пока вновь не сбился с пути
И опять не запятил ум за разум.
- 87 **А еще берет Астольф**
тот сосуд,
Самый емкий, самый полный, самый
- тяжкий,
В коем всё, чем мудр Англандский граф.
А пред тем, как низлететь ему вспять
С светоносной сферы в дольные сферы,
Приводит его святой апостол
Ко дворцу, близ которого — река.
- 88 **В том дворце сто покоев, и все полны**
Пряжею — *Дворец*
Льняной, шерстной, шелковой, хлопчатой, *людских*
Толще, тоньше, краше, лучше и хуже. *судеб.*
А над ними седая с веретеном
Сидит пряжа и вывивает нити,
Как в деревне летом,
Обобрав и отмочив шелковичный сбор.
- 89 **А как кончит одну кудель —**
Подают ей вместо конченной новую,
А те нити берет другая женщина,
Делит лучшие к лучшим, худые к худшим.
«Что у них за дело?» —
Вопрошает рыцарь апостола;
И апостол в ответ: «Сии суть Парки,
Выпрядающие нити ваших жизней.

- 90 Сколько длится прядь,
 Столько длится человеческий срок,
 А Природа и с Природою Смерть
 Назначают, где рваться той и этому.
 А забота о лучших и о худших
 Надобна для того,
 Чтоб из лучших сплелось убранство рая,
 А из худших—пути для адских грешников».
- 91 И для всех тех прях,
 В витых нитях ждущих избранной участи,
 На железных, золотых и серебряных
 Листках писаны должные имена,
 И листки громоздятся в кучи,
 Из которых носит их прочь и прочь
 Некий старец без отдыха и устали.
- 92 Старец прыток, старец ловок,
 Старец отроду легок на ходу,
 И в широкой он пазухе плаща
 Несет прочь имена за именами,
 А куда несет и зачем,
 О том речь моя в следующей песни,
 Ежели, как прежде,
 Склонен слух и угоден сказ.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

- 1 Государыня вы моя, *Вступление*
 Кто вернет мне с неба мой прежний
разум?
 С той поры, как пронзилась моя душа
 Вашим взором,— час от часу я безумнее.
 Не о ране жалуясь,
 А молюсь, чтоб она была, как есть,
 Ибо ежели пойдет она вширь,
 То и я случусь не лучше Роланда..
- 2 Чтобы вновь обрести мой толк,
 Мне не надобно и рваться по воздуху
 Ни к земному раю, ни к лунному,—
 Не в такую даль его занесло,—
 А на вашем, государыня моя, светлом
 Лике, в ясных очах, на белоснежной
 Он блуждает груди, и до потерянного
 Доискались бы вот эти мои уста.

- 3 Под просторными дворцовыми кровами
Шел наш рыцарь между будущих жизней,
Миновав те, которые уже
На сужденные навились веретена,—
Как вдруг
Замечает кудель светлее золота;
Будь дроблён и дражайший бы алмаз,—
Из него не свить бы сравнимой пряди.
- 4 Удивительна
Его взору чудесная кудель,
И безмерно его желание
Знать, кому такая жизнь и когда.
И поведал ему благовествующий,
Что родится сей за двадцать лет
До того, как настанет год Господень,
Значен знаками «тысяча» и «пятьсот».
- 5 И как эта пряжа
Бесподобна блеском и красотою,
Так проблещет великолепный век
Того мужа, который отселе явится,
Потому что вся громкая и редкая
Благодать, какую дарит
Человека природа и судьба,
Ему дастся бессменно и безобманно.
- 6 «Меж ветвистых устьей царицы рек
(Так сказал он) есть малое селение,
Перед ним—широкая По,
Позади—болото с туманным зевом;
И сие-то место в течение лет
Воссияет меж градами Италии—
Не столь дворцами и твердынями,
Сколь красотою нравов и светом наук.
- 7 Не случайна была и не слепа
Судьба, взнесши сей взлет в такую высь,
Но служила Господней воле,
Чтобы град был достоин сего мужа.
Так, чтобы взрастить лучший плод,
Трижды зорек садовник над привоем;
Так и златодел не жалеет злата,
Чтоб оплавить дорогой самоцвет.
- 8 Под покровом лучше сего и краше
Не жила ни единая душа,
А из здешних сфер
Ни в прошедшем не сходил, ни в грядущем
Столь высокий дух,
Сколь творивший Ипполита из Эсте.
Ипполит из Эсте—
Будет зваться сей Божий благоизбранный:

*Пророчество
об Ипполите
Эсте.*

- 9 Все красы, расточенные между многими,
Малой частью каждому в честь,
Соберутся в украшение сему единому
Мужу, о котором твой спрос.
Велик мудростью, велик доблестью,
А уж чем еще он велик —
Коли я начну рассказ, то Роланду
Не дожидаться ввек своего ума».
- 10 В таковой беседе
Провождал христолюбец лихого герцога,
А обшедши все покои дворца,
Где прямились человеческие жизни,
Вот они выходят к речному берегу,
Где водна мутится и бьет песок,
И находят над-рекой старика,
У которого имена за пазухою.
- // Помните ли вы, не помните ли,
А в конце моей прежней песни
Я сказал вам о ходоке, который
Лицом стар, а телом быстр, как олень,
У него полон плащ людских имен,
Он их носит из неисчерпной груди,
И бросает драгоценные в реку,
А реке название—Лета.
- 12 Я сказа'д: как он встанет над волной,
Так и вытрясет из складок плаща
Имена, чеканенные в металле,
Не жалея ни серебра, ни золота.
Без числа их кружится вглубь,
Никому от них ни малого проку:
На сто тысяч легших в донный песок
Хорошо, коли выплывет единое.
- 13 А над той рекою и вокруг реки
Вьются вороны, вьются коршуны,
Вьются жадные галки, и шумят
Разногласным криком, карком и граяньем;
Как увидят сыплющееся золото —
Налетают стаями на добро,
Кто ухватит клювом, кто когтем,
Но никто, ухватив, не унесет:
- 14 Как ни бьет крыло по воздуху —
А не в мочь с такой тяготою в полет,
И нисходит в Лету
Достопамятство драгоценных имен.
Между всеми птицами лишь два лебедя,
— Белоснежные, как герб вашей милости,—
Возлетают радостно, взвивши в клюв
Всякое угодное имя.

*Старец
Время
над рекою
Забвения.*

- 15 Так-то некоторых
Сберегают благодатные птицы
От топительных умыслов старика,
А все прочие пожраны забвением.
То в лет, то в плавь,
Но минуют те два святые лебедя
Злую реку, а на том берегу
Перед ними высятся холм и храм.
- 16 Сие место свято Бессмертию,
И из этого храма на холме
К той окраине летейской купели
Сходит нимфа,
Из лебязьих уст берет имена,
Пригвождает в храме
Вкруг кумира на срединном столпе,
И отсель они зримы во веки вечные.
- 17 Кто таков старик,
Для чего он топит попусту славные.
Имена, и о птицах, и о храме,
Светлая из коего сходит нимфа,
В чем их тайна и сокровенный смысл,—
Пылок паладин
Знать, и обращает свой спрос к святителю,
И таков ему на это ответ:
- 18 «Знай:
Там, у вас, не дрогнет и лист,
Здесь, у нас не подав об этом знака.
Все, что в небе, и все, что на земле,
Меж собою разнovidно, но соответственно.
Этот старец, долгобрадый и быстробежный,
Здесь творит, что у вас творит
Время.
- 19 Как совется тут нить на колесо,
Так прервется там век у человека,
И останется там—слава, здесь—имя:
Навсегда бы,
Кабы не было хищниками на них
На луне—косматого старца,
Под луною—Времени:
Этот топит в реке, а та—в забвении.
- 20 И как здесь
Эти коршуны, вороны и галки
И все прочие рвутся выхватить из волн
Имена, которые покрасивее,—
Так внизу
Все шуты, плуты, льстецы, блудни,
ябедники,
Все, которые при княжьих дворах
Лучше честных и желаннее добрых,—

*Хвала
поэзии,
спасаюи
от забве*

- 21 Все, слывающие тонкими за то,
Что живут по-свиному и по-ослиному,—
Лишь обрежется их хозяину жизнь
Паркою, а пуще Вакхом с Венерою,
Все они, ленивые и подлые,
Лишь и знающии набивать живот,
Носятся с его именем на устах
День, два, три, а потом ничего не помнят.
- 22 Но как лебеди вносят в храм с певчей
радостью
Те спасенные чеканные имена,—
Так поэты охраняют достойных
От забвения, злейшего, чем смерть.
О, владыки умные и разумные,
С древнего Цезаря бравшие пример,
Благо вам наречь друзьями поэтов —
С ними вам и воды Леты не в страх!
- 23 Редки лебеди, редки и певцы —
Те певцы, над кем не ложная слава;
Потому что не терпят в небесах
Преизбытка в сонмах увековеченных,
А еще по скарденности князей,
Из-за коих вдохновение нищенствует,
Доблесть попрана, торжествует порок
И забвенны благородные знания.
- 24 Истинно, сам Господь
Помрачил их ум, отемнил их взор,
Ибо обездоливши себя песнями,
Обреклись они на полную смерть:
Злой нрав
Их не выдаст из-под гробной плиты,
А умей они дружить с певчим племенем,
Слаще нарда была бы о них молва.
- 25 Ни благочестивый Эней,
Ни отважный Ахилл, ни гордый Гектор
Не бывали такими, какими помнятся,—
Тысячи и тысячи были лучше.
Но потомки их, не жалея в дар
Ни дворцов, ни великих имений,
Вознесли их в несравненную честь,
Оказавши честь перу сочинителей.
- 26 Не так свят, не так благ
Был и Август, сколь протрубил
Вергилий,—
Но любил он хорошие стихи,
И за то ему простились проскрипции.
Злой Нерон
Небесами отвергнутый и землею
Уравнялся бы, верно, славою с лучшими,
Кабы знал дружить с писчими людьми.

- 27 Чрез Гомера Агамемнон победоносен,
А троянцы биты, и поделом,
И примерная Пенелопа ради мужа
Терпит сто обид от женихов.
Но коли сказать тебе истину,
То на деле было совсем не так:
Греки биты, троянцы победительны,
А Пенелопа — блудница из блудниц;
- 28 И напротив того — о целомудренной
Карфагенской королеве Элиссе
Не худая ли носится молва
Оттого лишь, что Марон к ней немилостив?
А что я о том и прям и пространен,—
Не дивись,
Потому что писателей я люблю,
Ибо сам в земной жизни был писателем.
- 29 И того, что я стяжал надо всеми,
Не отымет ни время и ни смерть,
В какой судьбе мне порукою
Всепрославленный мною Иисус Христос.
Оттого мне и больно, что пред пишущими
Ныне вежество замкнуло врата,
И они стучат, днем, ночью, бледные,
тощие,—
Тщетно!
- 30 Что сказал я, то и скажу:
Стали редки и писцы и ученые,
Ибо где ни корма, ни логова,
Там и дикому зверю не житье». —
Так прорек боговещий старец,
Просверкав ярим пламенем в очах,
А потом обратил к Астольфу
Умудренною улыбкою просветленный лик.
- 31 Но хочу я оставить их вдвоем —
Удалого герцога и апостола,
Ибо с неба пора мне и на землю:
Мои крылья не держат в такой выси.
Я спущусь к прекрасной даме, чей дух
Осажден жестоким приступом ревности;
Я ее покинул, когда она
Трех царей разбила недолгим боем.
- 32 А потом на пути к Парижу
В тот же вечер, в попутном замке
Вдруг узнала, что Аграмант разбит
Ее братом и спасается в Арль,
По наслышке преследуемый Карлом.
Полагая, что при царе и Руджьер,

С той поры, как положила несчастная,
Что без милого Руджьера ей жизнь не в
жизнь.

- 39 Говорит Брадаманта: «Такому подвигу
Рада вся моя и сила и доблесть
Для твоей молодой любви,
Для других причин, тебе ненадобных,
А превыше всех причин—для того,
Что сказала ты о нем небывалое,
Будто друг твой верен в любовной службе,
Я же думала, что уж верных и нет».
- 40 И при сих последних словах
Испустила вздох из самой души
И сказала: «Пойдем!»—
и, минув день,
Подступила к ужасной переправе.
Сметливая стража
Громким рогом трубит о них владельцу,
Сарацин облачается в доспехи
И является над мостом на холме.
- 41 Взвидевши воительницу,
Угрожает он скорою ей погибелью,
Ежели она и коня и лат
Не обяжет той ведомой гробнице.
Брадаманта,
Знавши истину Изабеллиной участи,
Ей поведанную от Флорделизы,
Отвечает горделивому так:
- 42 «Зверственная душа, почему
За твой грех должны каяться невинные?
Здесь твоя уместней над гробом кровь,
Ибо ты здесь убийца, и заведомый!
Здесь желанней всех
Лат и сбруй от поверженных тобою
Будет жертвой и будет приношением,
Если я отмщу, тебя убив!»
- 43 И еще мой дар усопшей угоднее
Оттого, что я женщина, как она,
И предстала сюда с единым помыслом
Мстить!
Но намеряюсь меряться доблестью,
Между нами надобен уговор:
Ежели побьешь ты меня—
Мне да будет все, что и прежним пленным,
- 44 Если же (я что уповаю),
Я тебя побью,—
Ты отдашь мне и скакуна и латы
И обяжешь этой самой гробнице,

А все прочие поснимешь с камней,
И отпустишь на волю всех невольников». —
Отвечает Родомонт: «Ты права,
Но невольники мои не при мне —

45 Они сосланы мною в мою Африку,
Но тебе я обещаю и клянусь:
Ежели случите* такое диво,
Что ты высидишь в седле, а я нет —
Быть невольным вольными
В стольком времени, в скольком мой гонец
Повестит им спешную мою волю —
Если подлинно я буду побит.

46 Если же повержена будешь ты
(А я знаю, что так тому и быть),
То не надобно мне с тебя ни лат,
Ни на латах побежденного имени,—
Но твое лицо, кудри, очи,
Ярко дышащие любовью и радостью,
Мне да будут победным даром,
Чтобы ненависть твоя прешла в любовь.

47 А что пасть предо мною не позор,
Тому знаменьем сила моя и удаль!»
Ничего не ответила воительница,
Только искривила губы
Горьким смехом,
Отошла ко входу узкого мостика
И пришпорила с золотым копьём
Грянуть в гордого мавра.

48 Родомонт пускает коня в разбег,
Гулким гулом раскатывается мост,
Поражая слух в далекую даль,
Он мчится к бою;
Но золотое копьё как било, так бьет—
И язычник, доселе столь воительный,
Снят с седла, повисает в воздухе
И воткнулся в мост головою вниз.

*Брадаманта
побивает
Родомонта.*

49 Проезжая мимо него,
Еле было пути коню красавицы,—
В малом волосе от беды
Он ее не сбросил в речную пену.
Но так легок чудесный Рабикан,
Зачатый от ветра и пламени,
Что пронес ее по самому краю,
Как пронес бы по острию меча.

50 Повернувшись к поверженному язычнику,
Говорит она легкие слова:
«Видишь,
Кто побит и кто высидел в седле?»

Сарацин, без смысла, без слов,
Не умея понять, что пал от женщины,
И не волен и не мочен откликнуться,
Как оцепенев.

- 57 Молчалив и мрачен,
Встал, отходит на четыре шага,
Рвет с плеч, бьет оземь
Щит и шлем и прочий доспех,
И торопится прочь, один и пеш,
Но не упустив повеления
Щитоносцу: дать волю пленным узникам,
Как о том условлено.
- 52 Он ушел, и только о нем и слышано,
Что сокрылся он в темные пещеры.
Между тем Брадаманта ко гробнице
Пригвоздила и латы и шлем и щит,
И велела, прочтя написанное,
Снять доспехи всех рыцарей, о коих
Ведомо, что те из Карлова стана,
А других добыч отнюдь не снимать.
- 53 Здесь оставил латы и Монодантов
Брандимарт, и Сансонет, и Оливьер,
Все повышедши на Роландов поиск
И пришедши прямой тропой сюда,
К собственному плену,
А отселе в сарацинскую даль.
Их-то латы воительница велит
Снять с гробницы и замкнуть в подземелье.
- 54 Но осталось на каменной стене
Все, что добыто с басурманских витязей,
А меж ними—и доспех короля,
Тщетно рыскающего за конем
Белолобом-
Короля черкесского,
Приблуждавшего сюда, с холма в дол,
Чтоб лишиться и второго коня
И уйти налегке и без оружия.
- 55 Он ушел налегке и без оружия
От того погибельного моста,
Потому что единовец Родомонт
Отпускал на все четыре стороны^
Но прегррдому рыцарю не в охоту
Казать нос в сарацинский стан,
Ибо после великой похвальбы
Ему срам возвращаться в таком образе;
- 56 А взяло его желание вновь сыскать
Анджелику, к которой о» единой

*Сакрипан
уезжает
искать
Анджелику*

Чувствен, и о коей прослышал
(От кого — не знаю),
Что она воротилась-де в свой Катай;
И он тотчас помчался ей вослед
Под стрекалом страсти,—
Я же вновь вернусь к Амоновой
дочери.

Надписавши надпись,
Как она освободила сей мост,
Обернулась она благоприязненно
К Флорделизе,
Томной сердцем, грустной ликом, слезной
взором,
И спросила, куда она держит путь.- -
Флорделиза, в ответ: «Мой путь —
Прямо к Арлю и в сарацинский стан;

*Брадаманта
с Флордели-
зою едут
в Арль.*

58 Там я чаю корабля с корабельщиками,
Чтобы плыть до заморских берегов,
Ибо нет мне покоя до той поры,
Что найду я супруга и господина.
Чтобы выволить его из узилища,
Постою не раз и еще не раз,
А обманет Родомонтов обет -
Попытаю снова и снова».

59 Брадаманта говорит: «Я хочу
Разделить твой путь
До поры, до города Арля;
А в том Арле, ради меня,
Отыщи при Аграманте Руджьера,
Чья наполнила слава целый свет,
И вручи ему этого скакуна,
С коего низвергла я басурмана,

60 И вручая, ты скажи ему так:
«Некий рыцарь надеется всенародно
Показать и доказать,
Что пред ним ты истинный ломщик
верности.

Будь же наготове:
Вот скакун, его сам тебе он шлет,
Облачись в кольчугу и панцирь,
Жди, и скоро дождешься поединщика».

Так ему и скажи; а коли спросит,
Кто я есть, отвечай, что знать не знаешь».
Отвечает Флорделиза учтиво:
«За твое добро
Рада я тебе услужить
Не словами, а самой моею жизнью!»
Брадаманта говорит: «Благодарствуй!»
И вручает ей Фронтинovu узду.

- 62 Вдоль реки перегон за перегонем
Едут рядом две прекрасные странницы;
Вот завидели они Арль,
Вот слышали за устьями море;
За предместьями городскими и слободами
Удержала Брадаманта коня,
Чтобы стало времени Флорделизе
Довести до Руджьера веденный дар. *Брадаманты
посылает
вызов
Руджьеру.*
- 63 Вступает Флорделиза
И в предместье, и на мост, и в ворота,
И находит там себе провожатого.
До подворья, где бывал Руджьер.
Делает посольское свое дело.
Отдает ему верного Фронтину
И, не ждав ответа,
Спешит прочь вершить то, за чем пришла.
- 64 В замешательстве Руджьеровы мысли:
Не понять и не решить,
От какого он вызван супостата,
От кого ему угроза и услуга.
Сколь ни вздумает, сколь ни передумает,
Кто бы звал его или мог бы звать
Вероломцем,— не видит никого,
А уж Брадаманты и заведомо.
- 65 Он готов поверить,
Что сие не иной, как Родомонт,
Но с какой тут стати такие речи —
В толк не взять.
А уж кроме Родомонта и вовсе
У него ни с кем ни вражды, ни спора,—
Так он думает,
а дордонская дама
Уже кличет к бою и трубит в рог.
- 66 Летит весть к Аграманту и Марсилию
Некий рыцарь зовет трубой на бой!
А у них в шатре сидел Серпентин,
Он как вскинется облачиться в панцирь
Посулившись проучить гордеца.
Народ валом валит на арльский вал,
Не сидится ни малому, ни старому,
Всем охота посмотреть, кто кого. *Она
побивает
Серпентина
и Грандони^.*
- 67 Выезжает Серпентин, Звездный Рыцарь,
В дивных латах, в пышном плаще,—
Только сшиблись, и он уже в пыли,
А скакун его — прочь, давай бог ноги.
Брадаманта поймала скакуна
И любезно подводит к сарацину
Со словами: «Встань, сядь и объяви,
Чтобы выслали кого поспособнее».

- 68 Африканский король, со всею свитою
Надзиравший бой с крутых стен,
Изумлен учтивостью
Поединщицы к сверженному врагу;
И толкует сарацинский народ:
«Ведь могла бы обобратить, а не хочет!»
Предстает им Серпентин,
И гласит, как велено, вызов лучшему.
- 69 Яростный вольтернский Грандоний,
Торделивейший меж испанских рыцарей,
Домогается быть вторым
И с угрозою выезжает в поле:
«Не спасешься вежеством,—
Ежели случисься побит,
То предстанешь пред моим королем,
А еще того верней — ляжешь мертвым!»
- 70 А воительница в ответ:
«Твоя злость не в ущерб моему вежеству,
Оттого я повторяю: вернись,
Пока оземь не грянулся всеми латами!
Воротись и объяви королю,
Что такие, каков ты, мне не надобны:
Я пришла искать
Боя с воином повыше ценой!»
- 71 Едкая и колкая речь
Сеет пламень в сарациново сердце:
С гневом, с пылом, не в силах молвить
слова,
Поворачивает коня,
Поворачивает и поединщица
Рабикана и копье в гордеца;
Чуть ударило золотое в щит —
Рыцарь вон из седла и вверх кувыркою.
- 72 А великодушная,
Подведя к нему коня, говорит:
«Я ли не сказала тебе: не лучше ли
Быть послом, чем биться бойцом?
Вот теперь и объяви королю,
Чтобы выслал рыцаря ровень в ровень:
Не с руки мне тратиться силою
На несвычных ни к мечу, ни к копыю!»
- 73 А народ на валу, не ведая,
Кто сей всадник, столь упорный в седле,
Прибирает знатные имена,
От которых и в зной мороз по коже:
У одних в устах Брандимарт,
А другие поминают Ринальда;
Вспомнили бы и о Роланде,
Да уже всевестна его беда.

- 74   Феррагус, сын Ланфузы,
Рвется к третьему бою, говоря: *побивает*
«Пусть паду — *Феррагуса.*
Всё хоть меньше сраму имут предпавшие!»
Облекается во всеоружие
И из сотни конюшенных коней
Избирает избранного,
Быстрого и ловкого на скаку.
- 75   Выезжает на красавицу,
Но сперва ей поклон, и она поклон.
Говорит красавица: «Окажите
Мне любезность, откройте мне себя!»
Феррагус именует ей себя,
Не в его обычае быть безведому;
А она: «Для вас не в отказ,
Но другой бы супостат мне желаннее».
- 76   Он ей: «Кто?»—а она ему: «Руджьер»,—
И лишь выговорила —
Розовый румянец
Озарил ее светлое лицо.
И спешит добавить: «Его молва
Меня манит попытать славу силою:
Никого другого мне не надобно,
Лишь хочу узнать, каков он в бою».
- 77   Речь проста,
Но, быть может, иному и сомнительна.
Отвечает Феррагус: «Наперед
Друг мы с другом смеримся, кто *воинственной;*
И коли со мной
Приключится то, что с теми,— беду
Выедет поправить тот славный рыцарь,
До которого тебе такая охота».
- 78   Во все время разговора девица
Предстояла, взняв забрало с лица,
И глядясь в ее чудную красоту,
Феррагус, вполонину побежденный,
Молча говорит:
«То не ангел ли Господнего рая?
Не задевшись копьем, уж я сражен
Светлым взором».
- 79   Сшиблись,
И взлетает Феррагус из седла.
Брадаманта, сдержав его коня,
Говорит: «Ступай и сделай, как сказано!»
Со стыдом удаляется Феррагус
И отыскивает при государе Руджьера
И поведывает ему,
Что его-то и ждет наезжий рыцарь.

- 80 Хоть Руджьеру и неведомо, •
Кто зовет его к Божьему суду,
• Но заране веселится победою:
Облекается в панцирь и кольчугу,
Не страшится сердцем
Никаких ударов, грозных предбившимся,—
А уж как он вышел, да что с ним вышло,
О том речь моя в следующей песне.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

- 1 Так уж водится: *Вступление.*
В ком высокий дух, тот всегда таков,
Потому что природа и привычка
Не умеют вдаваться в перемены.,
Так уж водится:
Низкий дух всегда во всем напоказ,—
Коли склонится природа во зло,
То уже не избыть сего злосклонства.
- 2 Благородства и вежества
Многи суть примеры в ратной
древности
И немноги ныне,— а злобы
Вдоволь видено, вдоволь слышано
В той войне, о мой Ипполит,
От которой вражьими ты знаменами
Разубрал родные храмы, а вражий флот
Пригнал, пленный, к отчему берегу.
- 3 Не бывало столько злодейств
От татар, от турков, от мавров,
Сколько в той войне от преступных рук
Платных латников, жалуемых
Венециею.
Хоть бы и стократ
Их наемщики слыли справедливыми—
Мимо воли их
Жглись пожарами милые места:
- 4 Недостойнейшая месть!—ибо ведомо,
Что не кто, как ты,
Сжав при кесаре осадю Падую,
Не единожды
Преинал пред нею порыв огня,
А и где занималось, унимал,
В хижине ли, в храме ли,—
Таково твое высокое вежество.

- 5 Но ни слова ни о том, ни о многом
 Столь же черном, злобном, лютом,
свирепом;
 О едином лишь скажу,
 Что исторгло бы слезы и из камня,—
 Это было в день,
 Когда ринул ты своих храбрецов
 На тот берег, где замыкались в крепость
 С кораблей злополучные враги.
- 6 Как Эней, как Гектор
 Рвались в воду жечь эллинские суда,
 Так пред нами
 Некий Геркулес и некий Александр,
 Обуянные, горячили коней,
 Гнав гонимых в такую даль,
 Что один из-под вражьих стен едва
 Воротился, а другой не воротился.
- 7 Воротился Ферруфин, взят Кантельм,—
 О родитель, о герцог Соры,
 Что ты чувствовал сердцем и умом,
 Когда сын твой меж тысячи мечей
 Схвачен, скручен, обесшеломлен,
 И с высокой корабельной кормы
 Покатилась голова его? Ужель
 Не погиб ты от взгляда, как он от стали?
- 8 Злой склавон! где учился ты войне?
 В какой Скифии
 Ты привык казнить тех, кто взят
 И обезоружен и беззащитен?
 Смерть ли вместна поборнику
отечества?
 О солнце,
 Не сиять бы тебе над страшным веком
 Сих Танталов, Атреев и Фиестов!
- 9 Обезглавлен
 От жестокого варвара самый лучший
 Между юных, чьей хвалой полон мир
 От морей до морей, от полдня
к полночи!
 Полифем и Антропофаг
 Пожалели бы красу его и юность,
 Но не ты,
 Злей и круче киклопов и лестригонов!
- 10 Я не верю, что такое бывало
 Меж старинных рыцарей, в ком цвело
 Благородство и вежество:
 Победив, они сделывались добры.
 Брадаманта не свирепствовала,
 Ссадив встречных касанием копья,

Но сама
Подвела им коней, чтоб всели в седла:

11 Я уже сказал, как она,
Сколь прекрасная, столь и доблестная,
Опрокинула Звездного Серпентина,
И Трандония, и сам-третьего Феррагуса,
И сама вернула каждому коня;
А еще я сказал, как сей последний
Ею послан от рыцарского имени
Бросить вызов никому, как Руджьеру.

12 Снаряжается Руджьер,
Веселясь отвагою,
А пред ним государевы господа
Спорят снова и спорят снова,
Кто сей удалец,
Столь искусный разительным копьем?
И пытаются они у Феррагуса,
Не признал ли он своего собеседника?

*Руджьер
собирается
на бой.*

13 Отвечает Феррагус: «Он заведомо
Не из тех, о ком толкуете вы:
Как предстал он без забрала, мне одумалось,
Не Ринальдов ли это младший брат;
Но как сведал я его мощь,
И была эта мощь не Рикардетова,
То почаялось: а не их ли сестра,
Ибо молвит молва: они похожи.

14 Говорят, она не слабей
Ни Ринальда, ни всякого паладина;
А уж как я сам погляжу,
То сильней и родного и двоюродного».
А Руджьер, услыша такую речь,
Заалел,
Как алеет заря перед восходом,
Дрогнул сердцем и не знает, что делать.

15 Страстным острием
Уколола эта весть его душу,
Он почувствовал в костях жар и хлад
От великого страха,
От великого страха, что ненавистью
Ныне в деве соделалась любовь.
В таковом смятении он стал, не зная,
То ли быть ему биться, то ли нет?

16 А Марфиза уже как тут,
Пышет жаром сразиться в поединке,
Вся в оружии, потому что в оружии
Повседневна она и повсенощно:
Чуть она послышала, что Руджьер
Снаряжается, тотчас ей вдомек,

*Марфиза
первой
выезжает на
Брадаманту
и трижды
побита.*

Что лишь выйди он, ему и победа;
И спешит переять большую честь.

- 17 В седло скок, коню шпоры в бок,
И вперед в боевое поле,
Где Амонова дочь,
Замирая, ждет Руджьера под копьё и в плен,
И одним тревожится:
Куда бить, чтоб нечаянно не ранить.
Выезжает Марфиза из ворот,
А на шлеме у нее птица Феникс,
- 18 Потому ли птица Феникс, что мнит
Себя гордая единственной в свете,
Потому ли, что воля ее чиста
Никому не быть женой, ни подругою,
Но глядит на нее Амонова дочь
И, не могши признать черты возлюбленного,
Вопрошает об имени и слышит
Имя той, что похитила его сердце.
- 19 Имя той, что мнилась
Быть похитчицей Руджьерова сердца,
Той, к которой бушует столько, ненависти,
Что милей умереть, чем не отмстить!
Поворачивает Брадаманта коня
И несется не только сбросить в прах,
Но пронзить врагиню в самую грудь,
Чтобы легче сделалось душе.
- 20 И пришлось Марфизе,
Тотчас сведать, жестко ли на земле;
А она к тому была непривычна,
И в такое взмечается неистовство,
Что вскочила, меч наголо,
И стремится мстить за крушение.
Ей Амонова дочь с коня кричит:
«Как ты смеешь? ты мне добыча!
- 21 Пусть к иным была я вежественна,
Но с тобою, Марфиза, не хочу,
Потому что слышала,
Сколько есть в тебе подлости и спеси!»
На такую брань
Зашумела Марфиза, как прибой меж скал,
Но слова от ярости сперлись в горле,
И кричит, а не выкричит ответа.
- 22 Меч в руке,
Не во всадницу, так в коня, в грудь
и в брюхо,
А Брадаманта скакуна за узду,
Махом в бок,

Вся кипя обидой и гневом;
Вперевес—копье:
Чуть оно задело Марфизу—
И Марфиза снова свержена в пыль.

23 Чуть упала—и опять на ногах,
И опять мечом взыскует недоброго;
В третий раз Брадаманта бьет копьем,
В третий раз Марфиза простерта навзничь;
Хоть сильна Амонова дочь,
А едва ли она бы так управилась,
Чтобы что ни удар—то в прах;
Но уж так ее копье зачаровано.

24 А случилось так,
Что явились между станом и станом
(Между коими мили полторы)
Близ того их ратного поприща
Рыцари,
Наши рыцари,
И увидели, как лих в поединке
Хоть не вемо, кто, а видно, что свой

*Начинается
сражение.*

25 Как заметил их приспешающих
Государь Троянов сын с арльских стен,
Не желая он застичься в расплох
Никакою бедою, ни напастью,
Дает знак
Всем к оружию и вон из-за стен,
А меж всеми—и Руджьеру, которого
Упредила Марфиза к тому бою.

26 Сей влюбленный
Трепетал, взирая на эту брань,
За свою за любезную красавицу,
Ибо крепко зная Марфизину руку;
Трепетал, когда та и эта
Яро сшиблись лицо в лицо,
Но оторопел,
Как увидел, какова была схватка.

27 А как спор их, не в пример другим,
Не соспорился с единого раза,
Он взирал тревожнее и тревожнее
На невиданный поединный бой.
Ибо он обеим желал добра,
Но любовь любви—
Рознь: к одной пылал он безумным
пламенем,
А к другой был добрый читатель и друг.

28 Он и рад бы их разнять,
Кабы это мыслимо было с честью;

Но уже его соратники,
Опасаясь, что одолеет Карл,
И одолевая, уже осиливает,
Напустились на христианский стан,
А навстречу — Христовы рыцари,
И ударились, и зашлась резня.

29 И над теми и над этими
Гремит зычный привычный клич: к оружию!
Кто пеш — к коню, кто без лат — в броню,
И всяк под свой стяг!
Трубят трубы
Гулким воем к ближнему бою,
Зовут конных,
А тимпаны и барабаны — пеших.

30 *Ярая* и кровавая
Заварилась брань —
Ни сказать, ни описать.
Доблестная дама Дордонская
Гневным сердцем негодуя о том,
Что Марфиза ушла от жданной кары,
Рыщет, ищет,
Нет ли где Руджьера, ее заботы?

*Брадаманта
ищет боя
с Руджьером.*

31 И признала она юного
По серебряному орлу
На лазоревом щите,
И вперила страстные очи,
Видит грудь и плечи и стройный стан
И летучий взмах, а потом
Как подумала, что их нежит другая, —
Обуялась яростью и молвит так:

32 «Эти губы, прекраснейшие и сладчайшие,
Целовать ли кому-то, а не мне?
Да не будет!
Если ты не мой — то ничей.
Я не раньше умру в моем отчаянье,
Чем и ты умрешь от моей руки:
Погублю тебя,
Но в аду ты будешь мой, и навеки!

33 Ты меня убил —
Дай отмстить!
Так велят и законы и обычаи:
Кто убил, тому смерть.
Ведь и в смерти неравен наш удел:
Ты по праву казнишься, я неправо —
Я казню того, кто мне ищет смерти,
Ты — меня, в чьем сердце к тебе любовь.

34 О рука, почему ты не крепка
Разрезать булатом злобное сердце?

Уж не он ли мне столько крат
Рушил душу в любовной безмятежности?
Он готов отъять мою жизнь,
Он не знает жалости к моей боли,—
Укрепись же, мой дух, на нечестивца,
Убей смертью за сто моих смертей!»

35 И прищорила коня, но сперва
«Берегись,—кричит,— Руджьер-вероломец!
Не уйдешь,
Взяв добычей гордое сердце девы!»
Как услышал Руджьер, так понял,
Что впрямь перед ним его владычица,
Ибо голос ее носил он в памяти
И узнал бы его меж тысяч;

36 То и понял,
Что гласят ее тяжкие слова,
Что вменяет она ему в вину
Преступление обоюдного их завета;
И дает он знак
К объясненью; но, не своя от горя,
Она мчит, лик в забрале, чтобы недруга
Бросить наземь и даже не на песок.

37 Как увидел Руджьер ее задор,—
Крепче встал в стремя, напрягся в лагах,
Выставил копьё —
Но лишь так, чтоб ни в чем ее не ранить.
А и дама,
Мчавшись с умыслом ранить и разить,
Подоспев, не имела духа
Ни повергнуть, ниже нанести удар.

38 И остались два их копьё
Праздны —
Лишь Любовь при них третьим
поединщиком
В оба сердца била копьём любви.
А не преуспев
Посрамить Руджьера, воительница
Обращает страсть на большую рать
И творит, что навеки стало сказкою:

39 Триста и более, чем триста,
Пали враз под златым ее копьём —
Ей одной была победа в тот день,
Ей одной далось бросить мавров в бег!
А Руджьер озирается и рыщет,
Пробивается и кличет: «Умру,
Ежели не смолвимся мы! за что
Ты бежишь? ах! выслушай, ради Господа!»

Они сходятся у Атлантовой гробницы.

- 40 Как ветром полдня,
Жарким вздохом веющим из-за моря,
Расточаются в токи снег и лед,
Незадолго столь твердые и упорные,—
Так на краткие те просьбы и жалобы
Дрогнув сердце Ринальдовой сестры,
Гневом окаменелое,
Сразу сделалось нежно и любовно.
- 41 Отвечать не может или не хочет,
Но пришпорив в сторону Рабикана,
Удаляется от воинства прочь
И дает Руджьеру зовущий знак.
А поодаль от битвенного поприща
Там была долина, а в ней —
Малая поляна, а в середине —
Купа кипарисов, все как один.
- 42 А под теми кипарисами белокаменная
Новозданная вносила гробница;
Кто в ней спал —
Любознатель прочел бы в краткой надписи;
Но не до писем
Приспешающей было Брадаманте,
А за нею горячил коня Руджьер,
Достигая им дубравы и девы.
- 43 Но воротимся
И к Марфизе, которая той порой,
Вновь воспрянув в седло, искала счастья
С той, от коей трижды сшиблена в прах.
И увидев, что взяла она вкось,
А за ней—Руджьер,
Не подумала, что виною любовь,
А что им охота сравнять обиды.
- 44 Тотчас шпоры в скакуна, и вперед,
Чтоб доспеть до роши не позже первых.
Какова доука двоим от третьей,—
Кто любил, тот поймет и без меня.
А еще того Брадаманте досаднее,
Что пред ней виновница ее зла:
Из ума нейдет,
Будто движет Марфизою любовь
Руджьерова.
- 45 Снова ей Руджьер вероломен:
«Вероломный! — она кричит,—
Или мало, что твое вероломство
Бьет мне в слух, а желаешь, чтоб и в глаз?
Вижу: хочешь ты прогнать меня прочь!
Будь по-твоему, по бесчестно-гнусному:
Я умру, но я добьюсь,
Чтоб со мной умерла моя губительница!»
- Марфиза
вновь
схватывается
с Брадамантой,*

- 46 Изострясь злее злой змеи.
Устремляется она на Марфизу
И копьем улучает в щит,
И Марфиза рушится навзничь,
До полшлема врывшись челом в песок.
Не в расплохе,
А рвалась она в сечу всею силою,
Но вотще: пала в землю головой.
- 47 Дочь Амонова, положив
Умереть или умертвить врагиню,
Опаляет душу единой думою —
Не копьем ее свергнуть вновь и вновь,
А от плеч отринуть голову,
По полшлема воткнутую в песок.
Золотое копье отброшено,
Меч в ладони, и спрыгивает с коня,
- 48 Но поздно:
Уж Марфиза — против, и так уж зла,
Коль и дважды, как единожды,
Из седла она выметнулась в прах,
Что Руджьеру
Не разнять их ни мольбами, ни криками:
Обе обуянные
Рвутся в битву, голову очертя.
- 49 Не успели и выхватить мечи,
Как уже от бешенства
Сшиблись бронь о бронь —
Только им и биться, что рукопашно.
Два булата,
Бесполезные, вон из рук;
Ищут новых ударов, а Руджьер
Тщетно просит их и молит разняться.
- 50 А как видит он, что просьбы — тщета,
Пристывает силою,
У обеих рвет кинжалы из рук
И швыряет под взножье кипариса,
К обезвреженным
Вновь взывает слезно и угрозно, —
Все напрасно! без мечей и ножей
Бьются дамы вручную и вножную.
- 51 А Руджьеру нейдется: то одну,
То другую, то за пясть, то за локоть
Тянет прочь; пока
Небывало не вспылила Марфиза.
Ее нраву все нипочем,
Ни Руджьерово даже дружество —
Оторвавшись от соперницы,
Она хватать за меч и прямо к нему:

*а потом —
с разли-
мающим
Руджьером.*

- 52 «Ты невежа и грубиян,
Коль мешаешь, мешаясь, чужому делу;
Только это тебе не в прок,
Ибо станет меня и на вас обоих!»
Кроткими словами
Руджьер ищет ее унять; но она
Так неистова,
Что о чем ей ни тверди — все впустую.
- 53 Разъярясь и он,
Обнажает меч,—
Ах, нигде, никогда и никому,
Ни в старинном Риме, ни в давних греках
Не виделось зрелища
Столь отрадного, ладного, ненаглядного,
Сколько это — ревнительнице Брадаманте,
Ибо в нем ее терзаньям — конец.
- 54 Подымает с земли свой меч,
Отошла и смотрит,
И Руджьер ей зрится, как бранный бог,
Во всеильстве своем и всеискусстве;
А коли он — Марс,
То Марфиза — исторгшаяся фурия.
Но отважный молодец до поры
Биться бьется, да бьется в четверть силы:
- 55 Ему ведом его клинок,
Столько крат испытанный:
Где он тронет,
Гам пред ним все заклятья — как ничто.
Оттого Руджьер и метится
Не колоть, не сечь, а биться вплашмя.
Долго блюлся,
Но на всякое терпение есть конец:
- 56 Грянула Марфиза,
Грозя голову разом пополам;
Руджьер вскинул над головою щит,
Пал удар в того белого орла,
Только чары уберегли металл,
Но рука не устояла не дрогнуть;
А не будь сии щит и латы — Гекторовы,
То не сносить бы ему руки,
- 57 То и быть бы ему взрублену надвое,
Как уметала лютая Марфиза.
Едва движучи левою рукою,
Едва в силах держать орлиный щит,
Забывает Руджьер всякую жаль,
Очи его пышут, как светочи,
Он кружит острие во весь размах —
Берегись, Марфиза, коли заденешься!

- 58 Я не знаю, как такое случилось:
Такова кругом густа была роща,
Что клинок вразился в кипарисный ствол,
Вошел в древо и на пядь и на две,—
И тогда-то
Холм и дол сотряслись великим трясом,
И взгремел из той дубравной гробницы
Голос громче человеческого голоса:
- 59 «Да престанет,— грянуло,— брань,
Ибо нечестиво и несправедно,
Если брат сестру
Или если сестра повергнет брата!
Ты, о мой Руджьер, ты, о моя Марфиза,
Верьте вещему слову:
От единой вы утробы, от единого
Сева, и в единый родились час.
- 60 Ваш зачателъ — Руджьер Второй,
А родительница — Галациелла,
Чьи два брата
Умертвили злосчастного отца,
А сестру свою, хоть и несшую во чреве
Вас, двух отпрысков от их же корней,
На захлестывающую смерть
Попустили в море на утлой лодке.
- 61 Но судьбина,
До рожденья вас назначивши к славным
подвигам,
Безопасно привезла ваш челнок
Через Сирт к неживому берегу,
Где, явивши вас на свет,
Отошла избранница в кущи райские,
А по воле Бога и рока
Я случился в этот час подле вас.
- 62 Погребением почтив вашу мать,
Сколь могло быть почету в той пустыне,
Я окутал вас бережным плащом
И унес в мои Каренские горы,
Где и повелев
Укрощенной львице оставить львенышей,
Дважды десять месяцев
Вас я вскармливал от ее сосцов.
- 63 Но как в некоторый день
Довелось мне покинуть обиталище,
Вдруг нагрянула орава арабов
(Может быть, и вам оно памятно)
И тебя, Марфиза, схватила в беге,
А тебя, быстрейшего, не могла настичь.
О тебе, Марфиза, в тоске,
Стал Руджьеру я пестуном из пестунов:

*Атлант
из гробницы
открывает,
что Руджьер и Мар-
физа—
брат и
сестра.*

- 64 Сам и ведаешь,
Сколько блюл тебя Атлант, пока жил.
Но предначертано было в недвижных
звездах
Пасть тебе изменою меж крешеных;
Чтобы свести тебя с недоброй стези,
Я трудился держать тебя поодаль,
Но не пересилив твою
Волю, изнемог и умер в горести.
- 65 В предконечный же
Час, провидя здесь твой с Марфизой бой,
Повелел я адским моим пособникам
Здесь сложить гробницу из тяжких глыб,
А к Харону воззвал кричащим голосом:
«Как умру,
Да пребудет дух мой под сею сенью,
Пока здесь не спрянутся Руджьер с сестрой!»
- 66 Много дней
Вас я ждал и дождался в должной роще;
Посему не омрачай подозрением,
Брадаманта, твоей любви!
Но приспел мой час
Из-под света сойти в селенья теней».
Смолк,—
И дивятся Марфиза, Руджьер и дочь
Амонова.
- 67 С превеликою отрадою
Признает Руджьер сестру, она — брата;
Обнялись
Без обиды Руджьеровой влюбленной
И пошли припоминать оны дни:
«Я сказал», «я была», «я делал»,—
И уже никакого в них сомнения,
Что поведал им дух святую правду.
- Они узнают
друг друга.
- 68 Открывает Руджьер сестре,
Столь тверда в его сердце Брадаманта,
Повествует страстную повесть,
Сколь он ей обязан всем во всем,
Достигает, чтоб недавняя распря
Обратилась в великую любовь
И чтоб ныне обе
Обнялись в полюбовном примирении.
- 69 Начинает Марфиза свой расспрос:
Кто отец их, из какого он рода,
Кем убит,
Как убит, в поединке или в сече,
И на ком вина, что несчастная
В злое море была брошена мать?

Что она и слышала в малолетстве,
То забылось, едва оставя след.

- 70 Отвечает Руджьер: *Руджьер
расска-
зывает
об их отце
и матери.*
их древний род —
От троянского Гекторова корня,
Ибо Гекторов сын Астианакт
Ускользнул из тенет и рук Улисса,
Подменившись сверстным дитятею,—
И покинув Трою,
Долго странствовал в пучинах, пока
Не пришел владеть Мессиной в
Сицилии.
- 77 А потомки его простерли власть
Через Сциллу и Харибду по всем
Калабрам
И, не раз сменив сынами отцов,
Утвердились даже в Марсовом городе,
Где от них над Римом и миром
Не единый был царь и государь
От старинных Константа и
Константина
До Пипинова до Карла Великого.
- 72 Между ними — Старший Руджьер,
Гамбарон, Бовон, Рамбальд, и
последний —
Тот Руджьер Второй, от которого,
Как нам молвлено, понесла наша мать.
Полон свет
Славных сказов о родительских
подвигах,—
И Руджьер повел повесть, как король
Аголант явился в сию их землю
- 73 С сыновьями Альмонтом и Трояном
И с воительницею дочерью,
Многих рыцарей выбившей из седла;
И как стала в ней такая любовь
к Руджьеру,
Что она пошла супротив отца,
И крестилась, и повенчалась с милым,
Но Руджьеров изменник брат Бельтрам
Воспылал к невестке нечистой страстью
- 74 И в надежде ее достичь
Предал братьев, и отца, и отечество
На великие им муки из мук,
Отворил ворота Регия недругам,
И тогда-то
Аголант и злые его сыны
Талациеллу на шестом ее месяце •
Без весла пустили в зимние бури.

- 75 С ясным взором
Братнюю Марфиза внимала речь
И гордилась проистечь из истоков,
Из которых столько великих рек:
Она ведала,
Что отселе и Монгран и Клермонт,
Две породы, сияющие в веках,
Чьим мужам — ни подобья, ни сравненья
- 76 Но когда договорил ее брат,
Как отец Аграмантов, дед и дядя
Вероломно умертвили Руджьера
И злой участи предали их мать,—
Не желая она более слушать,
Перебила его и крикнула: «Брат!
Милуй тебя Бог,
Но неправ ты, не отмстив за родителя!
- 77 Если не достичь
До Альмонта и Трояна, покойников,—
Кровь на их сынах:
Ты в живых, но как в живых Аграмант?
Вот пятно, которого не омыть:
После столькой тебе обиды
Ты не только не умертвил короля,
Но живешь и служишь его знаменам?
- 78 Присягаю пред истинным Христом
(Будь мне истинным богом бог отеческий!),
Что не совлекусь моих лат
Прежде мести за мать и за родителя.
Горе мне,
Ежели увижу тебя меж войск
Аграмантовых или иного мавра
Не на их отмстительную погибель!»
- 79 О как вскинула чело, как возрадовалась
На сии слова славная Брадаманта!
Побуждает Руджьера и бодрит
Повестись по Марфизину увещанью
И предстать и назвать себя пред Карлом,
Ибо Карл о родителе-Руджьере
Столь ревнует честью, хвалою и славою,
Что поселе не знает ему равных.
- 80 Отвечает Руджьер непрекословно,
Что и впрямь изначален этот долг,
Но затем промедлен платеж,
Что не сразу он узнал то, что знает;
Ныне же,
Прияв рыцарский меч из Аграмантовых рук,
Худо бы он и вероломно бы
Встал бы смертью на своего старейшего.
- Марфиза
зовет его
отомстить
за отца
Аграманту.*
- Но Руджьер
вынужден
помедлить.*

- 81 Но уже он обещал Брадаманте,
Обещает вновь и сестре,
Что не минет он ни малого случая
Небесчестно уйти от короля,
А что он досель не ушел,
В том вина не его, а Мандрикардова,
Ибо бившись с тартарийским царем,
Каков вышел он победен — всеведомо.
- 82 А тем паче ведомо ей,
Повседневно бывшей у его ложа.
На такой в ответ на ответ
Не молчали и знатные две воительницы;
И порешено
Воротиться Руджьеру под стяг старейшего,
Но лишь до причины
С должным правом отъехать в Карлов стан.
- 83 «Не страшись о нем, а положиись
На меня,— говорит Марфиза
Брадаманте,—и в считанные дни
Уж не быть ему под тем Аграмантом».
Так она промолвила,
Но о чем помыслила — ни гугу.
Поклонясь,
Повернул Руджьер коня в свою сторону,—
- 84 Как вдруг
Слышен крик из ближнего дола,
Будто женщина взывает и плачет;
Все насторожили слух,—
Но довольно вам доселе поведенного,
Здесь пора моей песне принять конец,
Ибо много у меня лучшего впереди,
Если вам благоугодно дослушать.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Если бы
Достойные дамы,
Как о всяком ином небезусильном
Даре от матери-Природы,
Денно, ночью, упорно и преусердно,
А с того и небесчестно и небесплодно
Ревновали об искусствах, которые
Предают добродетель грядущим дням,

Вступление.

- 2 И сумели сами бы
В людской памяти спеть себе хвалу,
Чем искать ее от скудных писак,
Чья душа, терзаясь, грызется завистью,
И что знает доброго, о том молчит,
А что злого, о том трубит по свету,—
Ежели бы так —
Женский род слыл бы славен превыше
мужеского.
- 3 Мало им, надсаживаясь,
Величать хвалою певец певца,—
Они только и рады, что гласить
Все худое, им ведомое о дамах:
Топчут в прах, не желают вскинуть взор,
Словно в страхе,
Что затмят их дамы, как тучи день:
Таковы, говорю я вам, все древние.
- 4 Но какую намеренною силою
Ни умалить благо, ни взмучить зло,—
Всё не в силах ни рука, ни язык
Ни пером, ни криком
Угасить
Славу женского рода до ничтожества:
Всё хоть часть останется незатменна —
Хоть и малая часть, и меньше малой.
- 5 Не едина была Гарпалика,
Не едина Томирида, ни та,
Что сражалась за Турна, что за Гектора,
Ни приведшая тирийцев в заморский
край,
Ни Зиновия, ни та, что согнула
Ассириян, персов и индов,—
Но они единые и немногие
Бранной славы достойны во все века;
- 6 И не только в Риме и в Греции
Жены чисты, верны, умны, сильны,
А повсюду, где солнце сеет свет
На бегу от Ганга до Гесперидского
Сада,— но безместна их честь,
Разве что вестима одна из тысячи,
А лишь потому, что о них
Все писцы злы, коварны и завистливы.
- 7 Но да не смутит вас, красавицы,
На стезе добра никакая тень,
Да не отвратит
Страх забвенности от высокой цели!
Ежели не вечно доброе —
То ведь и не вечно дурное;

Ежели досель вам чернил и перьев
Не было,— то днесь их не счесть:

8 Вот вам в честь Марулл, вот Понтан,
Вот отец и сын — двое Строци,
Вот Капелл, вот Бембо, а вот
Тот, кто по себе очертил Придворного;
Вот тосканский Аламани, а за ним
Оба равных любимца Муз и Марса,
Оба отпрыска владельца, чей край
Замкнут Минцием и глубокими
заводями;

9 И один из них,
Смолоду и сам стремясь душою
Чтить и чествовать вас превыше звезд,
Оглашая хвалами Парнас и Кинф,—
Ныне,
вдохновенный любовной верной
службою
Изабелле, в которой дух так тверд
Пред грозою раззора и обиды,—
Еще пуще стал сам не свой, а ваш.

10 Он не знает устали
Прославлять вас живейшим
песнопеньем;
Если в ком язвится на вас хула,
Он первее всех вскипает к оружию;
Нет на свете рыцаря,
Столь готового отдать жизнь за честь:
Он пером животворит славу ближних,
Сам достойный славящего пера.

11 Он ли хорош,
Чтобы дама, превзошедшая доблестью
Всех носящих дамский наряд,
Пребыла вовек тверда в своей твердости
Истинною Колонною его любви,
Некрушимая превратностями судьбины?
Он хорош ей, она ему,
Лучшей пары не сдваивалось на свете.

12 У наследных берегов своего Оллия
И на зависть братней реке
Он стяжал неслыханные трофеи
Писчим словом
Меж огней, мечей, весел и колес.
А за ним славит женщин Геркулес
Бентиволий, за ним — Ренат
Тривульций,
Мой Гвидетт, и Мольца, избранник
Феба,

- 13 Вот и сын моего герцога
Геркулес Карнутский v
Певчим лебедем расправляет крылья
И до звезд гласит наши имена;
Вот и Вастский мой господин,
Славный петься и греками и римлянами,
Но и сам
Возжелавший пером предать вас
вечности.
- 14 Но зачем их исчислять,
Вас прославивших, славящих и
восславляющих,
Если слава—в руках у вас самих?
Ибо многие от шелков и шитья
Отошли и идут тропею Муз
Утолить свою жажду Иппокреною,
А оттоле возвращаются таковы,
Что не нам вас петь, а от вас бы
петься.
- 15 Если каждую из пишущих
Захочу почтить я должной хвалой,
То вспашу я столько писчих страниц,
Что уже ни на что не станет песни;
Если же я выберу пять иль шесть,
То всем прочим это счтется обидою.
Что мне делать? Промолчать обо всех
Или в стольком сонме избрать единую?
- 16 Изберу единую,
Но такую, чтобы смолк всякий толк
И никто не посмел бы молвить худа,
Что о ней пою, а о многих нет.
Сладким словом, лучшим из
слыханных,
Как себя она возносит к бессмертию,
Так и всякого, о ком она молвит,
Восторгая из гроба к вечной жизни.
- 17 Как Феб
родную свою Луну
Ближе держит и ярче озаряет,
Чем Венеру, Майю и все светила,
В хоре звезд и в разладе с хором
звезд,—
Так и в ней, как ни в ком,
Речи красны, слова сладки, а мысли
Так разительны!,
Словно встало в небе второе солнце.
Поделом ей имя Виктория
Ей, рожденной среди побед

- И с победой об руку
Длящей путь меж трофеев и триумфов.
Артемисия по любви к Мавзолу
Возвела усопшему мавзолей—
Но не больше ли честь
Не во гроб, а из гроба вознестъ
^ любезного?
- 19 Если Лаодамия, если Порция,
Если Аррия, Аргия, Евадна,
Привя смерть вослед каждая супругу,
Заслужили праведную хвалу,
То не больше ли честь
Вырвать мужа из смерти и судьбы
Из-за Леты и из-за Стикса,
Девять крат обвинившего мертвый дол?
- 20 Если Македонянин
Ревновал Ахилла к меонийской трубе,—
Сколь ревнивее, о непобедимый,
Он взирал бы к тебе, Франциск
Пескарский,
Оттого, что верная и любимая
Тебе спела жена такую песнь,
Что не надобно звучнейшей трубы,
Чтоб греметь твоей славе во веки
вечные!
- 21 Если бы писало мое перо,
Сколько хочется или сколько можется,
Долог был бы сказ,
Но и то бы много было не сказано;
И подавно позабылась бы повесть
О Марфизе и славных ее друзьях,
А ведь я обещал ее продлить,
Ежели угодно вам станет слушать.
- 22 А коли вы здесь, чтобы слушать,
И коли я здесь, и готов,
То оставлю до пущего досуга
Излиянье достойных ее похвал,—
Не затем, будто песни мои надобны
Той, чьи песни и звонче и обильней,
А затем, что такова моя страсть
Чтить и славить ее до утоления.
- 23 Милые мои дамы,
Повторю, чтоб кончить: во всех веках
Многие вы были достойны вечности,
Но о вас молчали завистливые певцы.
Ныне же молчанью конец:
Вы и сами прославите ваши доблести.

Будь дано сие воинственным
свойственницам —
Больше бы нам зналось об их делах:

24 Брадаманта и Марфиза—две
свойственницы,
Чьи былые подвиги и победы
Я усиливаюсь вывести на свет,
Но из десяти ускользают девять.
А что знаю, того не утаю —
Чтобы славные дела не остались
В позабытости, и чтоб угодить
Вам, красавицы мои чтимые и
любимые.

25 Я сказал,
Что Руджьер уж откланялся к отъезду
И уже (на сей раз—и без труда)
Вырвал меч из кипарисного комля,
Как вдруг
Замер, внявши недалний громкий плач,
И рванулся с сестрою и с подругою,
Чтоб помочь, коли надобно помочь.

26 Поспешают, а плач все громче,
А сквозь слезы все слышнее слова;
Добежали, глядь—лужок, а на нем
в слезах
Три девицы, по-странному одетые:
От пупа и ниже
Располосовал им платья незнамо кто,
И они, чтобы сокрыть сокровенное,
Сели наземь и уж не смеют встать.

*Руджьер,
Брадаманта
и Марфиза
встречают
Улланию,
обиженную
Марганором.*

27 Как Вулканов сын,
Мимо матери выросший из праха
И Палладой отданный на бережный
вскорм
Слишком жадной до посмотра Аглавре,
Для сокрытия недолжных своих ног
Восседал в им созданной колеснице,—
Так и эти три
Севши наземь, скрывали свои тайности.

28 Столь срамное, столь неподобное
Поразило зрелище и эту и ту
Героиню так, что зарделись щеки,
Словно вешние розы в Пестумских садах.
Брадаманта глядь и видит: пред ней
Уллания,
Та Уллания, которая вестницею
Шла во Францию с Забвенного Острова.

- 29 Узнает она Улланию, узнает
Двух сопутниц, все тех же, что и были,
И свою обращает речь
К той, которая первая в почете.
Спрашивает: кто
Столь бесчестен, беззаконен, безнравен,
Что скрываемое самим естеством
Обнажает непристойному взгляду?
- 30 И Уллания, угадав
Как по латам, так по учливой вымолвке,
Что пред нею та, которая давеча
Трех наездников ссадила с седла,
Повествует,
Что в недалеком замке безбожный люд
Их не только избидел одеждою,
Но и бил и много чего другого.
- 31 А где щит и где трое королей,
Так давно и далеко ей сопутные,
Этого не знает она сама:
То ли пали, то ли пленники.
И пустилась она в сей путь,
Столь досадный для пешего хождения,
Чтобы бить челом государю Карлу,—
Верно, он не стерпит такого зла.
- 32 И Руджьер и обе воительницы,
Сколь отважны, столь и добры,
Помutilи ясные взоры,
Слышучи и видючи столько мук,
И не ждавши просьб
Оскорбленной отмстить за оскорбление,
Забывают все иные дела
И во весь опор спешат к тому замку.
- 33 Но сначала по истой доброте
Они скинувши со своих доспехов
Покрывала, окутали тело дев,
Скрыв от взора ненадобные части;
А чтобы Уллании
Не топтать уже топтанную тропу,
Брадаманта ее берет за седло,
А Руджьер и Марфиза—ее спутниц.
- 34 Севши за седло,
Вот Уллания кажет Брадаманте
• Лучший путь к злему замку, а в ответ
Та сулит ей достойное отмщение.
Выбираются из дола на холм,
Всходят в кручу то правей, то левой,
И пока не запало солнце в запад,
Не искали ни приюта, ни отдыха.
- Они скачут
отомстить
обидчику.*

- 35 На хребте крутого холма
Отыскалась вечером деревенька,
А в ней добрый кров и добрый стол,
Уж какие есть, те и есть.
Оглянулись путники и диву дались:
Всюду женские и женские лица,
Кои старые, кои юные, а мужчин
Нет, как нет.
- 36 Не дивился так в старину
Сам Ясон со своими Аргоплавателями
На тех женщин, которые принесли
Смерть отцам, сыновьям, мужьям и
братьям,
И на целом Лемносе
Не оставили и двух мужских лиц,—
Как дивился здесь Руджьер
И его вечерние сопристанницы.
- 37 Для Уллани и двух ее дам
Сей же час приказали наши рыцари
Схлопотать три женские платья—
Хоть не пышные, а все же не терзанные.
А меж тем Руджьер,
Подозвавши одну из местожительниц,
Вопрошает, где здесь мужеский пол?
А она ему отвечает вот что:
- 38 «Тебе в диво
Видеть столько нас женщин без мужчин,
А нам в самую несносную муку
Жить столь жалко отторженным от своих:
Чтобы горше нам горелось в изгнании,
Наши милые мужья, сыновья, отцы
Злой отлукой отлучены от нас
По угоде нашего утеснителя.
- 39 Урожденных нас в его земле,
До которой здесь два часа дороги,
Он нас выжил в эту мерзкую высь,
Перемучив жестокими обидами,
А мужчинам нашим и нам
Грозит смертью и тысячами пыток,
Ежели взберутся они сюда,
А мы примем их, и это узнается.
- 40 Так он враждебен к нашему полу,
Что не только нас не терпит вблизи,
Но и наших не подпускает к нам,
Чтобы женским не надышались духом.
Дважды эти доли
И разделись и оделись лиственной красой

*Им рассказывают, какой
Марганор
великий женд-
ненавистник,*

С той поры, как наш злодей
восвирепствовал
И никто не наставит его на ум,—

- 41 Потому что люди его боятся,
Как боятся лишь смертного конца,
Ибо отроду в нем не только злоба,
А еще и сила сверх смертных сил.
Телом он великан,
Мощью он один одолеет сотню,
Он невмочь и нам, его подвластницам,
А которые пришлые, тем стократ.
- 42 Если, сударь, вам дорога
Ваша честь и честь троих путешественниц,—
Вам бы лучше и вернее и средственнее
Вместо этой искать других дорог,
Потому что эта ведет
В самый замок, в котором наш неистовец
Уготовал неласковые обычаи
Дамам в срам, а паладинам в урон:
- 43 Черный Марганор
(Так зовут властителя и теснителя),
Коего не злее и не гнуснее
Ни Нерон, ни иные меж тиранами,
Жаждет крови людской, а паче женской,
Как овечьей крови жаждет волк!
И какая ни попадет к нему дама,—
Будет изгнана в превеликий позор».
- 44 «Но с чего в злодее такая дурь?» —
Любопытствуя Руджьер и все спутницы,
Чинно просят не отказать им в любезности
И поведать все от самых начал.
«Он всегда,— отвечает женщина,—
Был жесток, нещаден и лют;
Но когда-то он до поры
Свою злобную душу скрывал от глаза.
- 45 Тогда были у него живы два сына
И совсем не похожи на отца:
Дружелюбны ко всякому приезжому,
Чужды подлостей и злых непотребств.
Замок блистал учтивством и вежеством,
Добрыми нравами, веселыми забавами,
Потому что отец, хоть и сроду скуп,
Ни в какой не отказывал им угоде.
- 46 Мимоезжие рыцари и дамы
Привечались таково по душе,
Что отъехавши были без ума
От любезности милых гостеприимнее.
- как один его
сын погиб
за женщину.*

Были оба брата
Из священного рыцарского чина,
Один звался Киландр, другой — Танакр,
Пылки удалью и царственны видом

- 47 Так они и жили и были бы
Достоцестны и достохвальны вовек,
Ежели бы не вкогтила в них страсть,
Нарицаемая в мире любовью;
И она-де сбила их с прямой стези
В лабиринт кривого блужения,
А что зналось за ними доброго,
Все помрачено и осквернено.
- 48 Приезжает однажды паладин
От двора государя Константинопольского,
А при нем сопутственница,
Умных нравов и дивной красоты.
И вошла в Киландра такая страсть,
Что умри, а добудь себе красавицу:
Разлучиться с ней —
Все равно, что расстаться с милой жизнью.
- 49 А как не было ни места, ни времени,
Чтоб ее преклонить к своей любви,
Он отважился отбить ее силою,
Снарядился, затаился и встал
Одаль замка у самой их дороги,
Нераздумчивы лихость и любовь:
Как увидел он близящегося рыцаря —
Вмах навстречу, и копье вперевес.
- 50 Льстился разом он уложить врага
И похитить победу и красавицу;
Но не тут-то: соперник был силен
И дробит его доспех в дробь и дребезг.
Долетает весть до отца,
Досылает он за сыном доставщиков,
И встречает мертвого, и с великим
Плачем погребают в наследном склепе.
- 51 Но все так же ворота широки
Для любого приезжего и проезжего,
Потому что младший Танакр
И учтив и вежествен пуще брата.
И случилось так, что в этот же год
Из далеких мест
Приезжает некий барон с женою,
Он на диво удал, а она прекрасна.
- 52 А она прекрасна и добронравна
И воистину превыше похвал;
И подстать ей муж —
Благороден и смел, как редко слыхано.

*а другой
отбил себе
женщину
силою,*

Впору такой красе
Быть отрадою столь достойной доблести!
Был сей рыцарь Лонговильский Олиндр,
А его супруга звалась Друзиллою.

- 53 И вспылал молодой Танакр
Так об этой, как брат его о той,
За которую сам познал
Злой и горький конец неправой страсти.
И как брат, он отважился попрать
Богоданный устав гостеприимства,
Чем стерпеть, чтобы свело его в гроб
Вожделение крутое и лютое.
- 54 Но как был в очах его пример
Братней гибели,
Он раскинул так, чтоб Олиндр
Не успел воздать за кривое дело:
Так иссякла, так истлела вконец
Добродетель — его недолгий якорь
Пред захлестывавшим потоком порока,
Уж давно пожравшим его отца!
- 55' Тайно, затемно
Он поставил по будущей дороге
В те и эти пещеры настороже
Двадцать латников,
И как стало утро, Олиндр
Был охвачен со всех путей,
Бился долго и бился храбро,
Но лишился и жизни и жены.
- 56 Пал Олиндр, пленена его красавица
В таковом отчаянии,
Что ничем и никак не хочет жить
И о смерти взывает, как о милости.
Рвавшись умереть,
Она бросилась с наддолинного кряжа,—
Но не кончилась,
А разбитая, немощная, простерлась в прах.
- 57 Возложив поверженную на одр,
Танакр бережно берет ее в замок,
И приказывает зорко лечить.
Чтобы выходить милую добычу.
А покуда она опоминается,
Он уже готовит свадебный чин,
Чтобы даме, столь честной и прекрасной,
Не любовницей быть, а венчанной женой. '
- 58 Ничего другого ему не надобно,
Лишь о ней все мысли, речи, дела
Видит ее обиду,
Знает свою вину,

*но она
сумела
измыслить
хитрость*

И оправдывается, но ничто не впрок:
Чем он больше трудится ей в угоду,
Тем он ей постылей, и тем
Она жестче жаждет его гибели.

- 59 Но, и в ненависти не без ума,
Памятует красавица: если
Она хочет достигнуть своего,
Ей потребно притворство и коварство,
Чтоб желание (а желание одно —
Смерть Танакуру) сокрылось под личиною,
Словно канула прежняя любовь,
И она уже привержена к новой.
- 60 Впрямь в лице ее мир, но в сердце — мечь,
И другого зова она не слышит.
Многое вращая в уме,
В чем колеблясь, что приняв, что отринув,
Рассудила она так, что всего верней
Достичь цели собственной гибелью,
Ибо где и когда краснее смерть.
Как не мстя за любезного супруга?
- 61 С мнимой радостью на лице
Она словно сама торопит свадьбу,
Отстраняет медлящие помехи,
Не покажет, что сердце поперек,
Наряжается, украшается пуще всех,
Будто впрямь Олиндра нет в ее памяти;
Но желание-де ее такое,
Чтобы свадьбе быть по отчим обычаям.
- 62 А те отчие обычаи
Вовсе не были таковы;
Но Друзилла,
Всею мыслью прилежало лишь к единому,
Вымыслила этот обман
В погубление мужнину погубителю
И сказала, что свадьба ей угодна
По обычаю, а обычай велит:
- 63 Ежели вдова
Собирается за второго мужа,
Прежде пусть умилюстит покойного,
Отслужив во искупление обид
Достодолжные требы и обедни
В самом храме, где покоится прах,
А по совершении священнодействия
Пусть супруг супруге вручит кольцо,
- 64 И в сие же время
Иерей

Над восставленным сосудом вина
Прочитав благословляющие моления,
Изольет благословенное в чашу
И подаст нарекаемым супругам,
Чтобы первую взяла его новобрачная
И пригубила бы его, и испила.

- 65 Танакр,
Не дивясь нисколько толикой важности
Брачных этих свычаев, говорит:
«Будь по-твоему, лишь бы стать нам вместе!»
Не догадывался о том злополучный,
Что все ближе к нему Олиндрова месть,
Потому что вся дума его и воля
О едином, и ни о чем другом.
- 66 А была при Друзилле одна старуха, *и убила
насилника
ядом;*
Вместе схваченная и вместе в плену;
Ей-то, кликнув, она сказала
Тихо, на ухо, чтоб никто не слышал:
«Отвари отраву,
Тебе ведомую, и доставь ее мне,
Ибо я предприняла умертвить
Вероломного Марганорова сына.
- 67 В том спасение и твое и мое,
А какое — скажу, дождавшись времени». —
Пошла старуха,
Отварила отраву и принесла.
Приливается злотворная влага
В сосуд сладкого критского вина,
А вино блюдетсЯ до свадебного
Дня, который уже и недалек.
- 68 В должный день,
Разодевшись шелками и камнями,
Предстает она в храме, где Олиндр
В саркофаге почует на двух опорах.
Чинно пето Божие служение,
Внемлют, сшедшись, все рыцари и дамы
И несвычайно веселый Марганор
Обок с сыном и ближними придворными.
- 69 А по совершеньи священнодействия
Иерей благословляет вино
И подносит отравленное в золотой
Чаше, как повелено Друзиллою.
И Друзилла отпила,
Сколь пригоже для смертного приятия,
И вручила с ясным ликом супругу,
И супруг осушил его до дна.
- 70 Воротивши чашу священнику,
Простирает он объятья к Друзилле,

Но она,
Во мгновенье отринув тишь и кротость,
Отражает его в грудь,
Пышет лик, пышут пламенные очи,
И коснеющим голосом, но ужасным
Воскликает: «Предатель, прочь!

- 71 Ты ли ждешь во мне утех и отрад,
Ты, виновник слез моих, мук, терзаний?
Ты умрешь, и ты умрешь от меня,
Ибо знай, что чаша сия отравлена!
Одного мне жаль,
Что легка тебе смерть от честных рук,
Ибо нет ни казни, ни палача
В меру черному твоему лиходейству!
- 72 Жаль,
Что несовершенно сие заклание,
Ибо будь во мне по воле и сила —
Ни единого не стало бы промаха!
Да простит меня милый мой супруг
И да примет жертву мою по помыслу:
Не могла я так, как хотела,
Но убила тебя так, как могла.
- 73 И коли не в силе моей
Наказать тебя казнью по желанию,—
Уповаю, что сбудется твоя казнь
На том свете, и я ее увижу!»
А потом, обративши в высь
Ясный лик и смутные очи,
Воззывает: «Прими, Олиндр,
Благосклонно сию жертву от мстительницы,
- 74 И взмолись обо мне Сущему Господу,
Чтобы стать мне обок с тобой в раю;
А коли он скажет, что в ваше царствие
Без заслуг не входят, заслуга — вот:
Принесла я дар в его храм —
Одоление над нечестивцем и безбожником;
А какая выше заслуга,
Чем расправа с гнуснейшими и
преступнейшими?»
- 75 Смолкла речь,
отлетела жизнь,
И казался мертвый лик просветлен,
Что отмстилась лютость убийце милого.
А пред нею или за нею вслед
Отлетел исторженный дух Танакра:
Полагаю так, что пред нею,
Ибо в больше выпившем — крепче яд.

- 76   Видя Марганор
Сына, мертвым павшего ему на руки,
Сам едва не мертв
От внезапно вонзившегося горя:
Было двое, а не стало ни единого,
И две женщины виной двум смертям:
Один принял казнь за одну,
А другая умертвила другого.
- 77   Любовь, гнев, боль, ужас, отчаяние,
Жажда смерти и жажда мести
Рвут на части осиротелого отца,
И он страждет, как стонет море в буре.
Рвется на Друзиллу и видит,
Что она уж дожила свою жизнь,
Но неистовство, как огонь, меч и бич,
Его рушит на бесчувственное тело.
- 78   Как змей,
Вбитый пикою в песок,
Извиваясь, тщетно грызет зубами,
Как пес,
Разъярясь на ударивший булыжник,
Налетает, гложет и не уйдет,—
Так напал на холодеющую
Злее пса, злее змея, Марганор.
- 79   А раздрав ее плоть и растерзав,
Но не утолившись и не насытившись,
Он напал на дам, коих полон храм,
И не пощадил ни единую:
Как косец косою,
Так косил он губительным мечом —
Тридцать нас изгибло, а сто изранено:
Не спастись.
- 80   А таков перед ним был страх,
Что никто не смелился поперечить;
И что дамы, что прочий люд —
Все, кто мог, лишь теснились вон из храмины.
Удержали бешеного
Доброй силой и просьбами друзья,
И оставив в подножье стон и плач,
Увели его в замок на утесе.
- 81   Но неймется гнев;
И тогда-то почалось то гонение —
Благо, что друзья и народ
Умолили не извести нас /до смерти!
В сей же день — указ:
Быть нам изгнанным из его владений
И ютиться в угоду ему здесь,
А приблизившейся в замок — погибнуть!
- как Марганор
впал
в бешенство*

- 82 Так мужа отторглись от жен,
Так от матерей — сыновья,
А которые преступят запрет,
Те блюлись, чтобы Марганор не доведася,
Потому что многих
Он казнил нещадно и до смерти.
А в своем он замке издал закон,
Каких круче не слыхано и не читано:
- и какой
завел он
закон против
женщин.*
- 83 Ежели какая женщина
Забредет в тот дол (бывало так),—
Быть ей битой розгами по спине,
А потом в полосованном наряде,
Чтобы заголился природный стыд,
Быть изверженной из этих окрестностей.
Если же при даме случится рыцарь,
То и вовсе ей не выйти живой:
- 84 Ежели при даме оружный рыцарь —
Тотчас душегуб
Встащит жертву к сыновнему надгробию
И зарежет собственной рукою,
А сопутного рыцаря — в темницу,
Опозоренного, без меча и коня.
Это ему нипочем —
У него вкруг замка тысяча латников,
- 85 А кого и вздумает отпустить —
Тот ему поклянись великой клятвою
На святом причастии
Быть по гроб врагом прекрасному полу.
Посему,
Ежели не жаль вам себя и дам,—
Попытайте сами у тех злодеевых
Стен, какая в лютом и мощь и злость».
- 86 На такую повесть во слушавших
Таково вскипела жалость и гнев,
Что кабы не ночь на дворе,
Они тотчас бы ринулись на приступ.
Но пришлось соратникам отдохнуть;
А когда Аврора
Стерла с неба звезды о въезде Солнца,
Трое тотчас в латы и вмиг в седло.
- Брадаманта,
Марфиза
и Руджьер
едут на
Марганора.*
- 87 Не успели они отъехать —
Слышат
За спиной по дороге дальний топот,
И с холма обводят глазами дол.
Видят:
На один от них лучный перестрел
По тропе взбираются двадцать латников,
Кои конные, кои пешие,

- 88 И с собою волокут на коне
Женщину,
Видом старую,
Как на плаху, на костер или на виселицу.
И хоть было до нее далеко,
По лицу и платью она узналась:
Угадали поселанки ту самую
Старую служительницу Друзиллы,
- 89 Ту служительницу Друзиллы, которую
Вместе с нею заневолит Танакр,
И которая госпоже
Отварила ту смертную отраву;
В божий храм она тогда не пошла,
Потому что все поняла заранее,
Выскользнула из селения и бежать,
Уповая сыскать себе убежище.
- 90 Но укрывшуюся в Австрийской окраине
Выследил ее Марганор
И уже не жалел ни сил, ни трат,
Чтобы залучить в костер или в петлю.
Злая алчность,
Распалась подарками и посулами,
Побудила некоего барона,
Приютив ее, выдать головой:
- 91 Связанную по рукам и ногам,
Заткнув рот, чтоб не вымолвила слова,
Как мешок, на вьючном седле
Он дослал ее до города Констанца,
А оттоле этот люд
Переял ее в добычу хозяину.
Дабы он, не умеющий щадить,
Утолил над нею свое неистовство.
- 92 Как большая наша река,
Катясь к морю с горного Везула,
Принимает Л амбру, Тицин и Адду
И другие приливные потоки
И несет все круче и напористей,—
Так Руджьер и так две его соратницы
На такую Маргайорову злую дурь
Еще пуще пышут негодованием.
- 93 Гнев и ненависть
За толикие мерзостные дела
Им велят разделаться с душегубом,
Сколько бы оружных при нем ни шло.
Быстрая
Смерть не выкупит столь долгих обид:
Праведная ему казнь —
Трижды медленные муки и пытки.

- 100 Марфиза,
у которой уже сговорено
И с Руджьером и с Брадамантою,
Шпорит на злодея лицо в лицо
И во всей своей и" мощи и доблести,
Не униживши копья,
Не взмахнувши меча на недостойного,
Кулаком
Так разит по шлему, что тот пал ни жив,
ни мертв.
- 101 За Марфизою и франкская рыцарственница
Устремляет скакуна, и Руджьер
Не шадит копья,
Положив одним упором шестерых —
Того в грудь, сего в живот,
В шею, в голову,
А в последнем сломил свое древко,
Вбивши в спину и выбивши из брюха.
- 102 А не хуже того и золотое
У Амоновой дочери копьё —
Кого тронет, тот и в прах: как перун,
Грянув с неба, дробит, палит и валит.
Многолюдье — в бег,
Кто в ноля, кто в замок, а кто попрятался
По домам, по церквам, за семь запоров,
И уже на площади — лишь покойники.
- 103 Марфиза,
Марганора скрутивши в три ремня,
Выдает его Друзиллиной старухе,
А уж та-то и рада и довольна.
И грозит Марфиза спалить огнем
Весь посад, коли народ не покается
И не свергнет Марганоров закон
И не примет от нее иного, лучшего,
- 104 Это ей удалось без труда,
Ибо люди, без ума перепуганные,
Что у рыцарши дело крепче слов
И что всех она попалит и порубит,
Уж и без того
Ненавидели Марганора с его уставами;
Все ведь таковы —
Кого ненавидят, того и слушаются,
- 105 И никто никому не верит,
Всяк молчит про себя, а между тем
Кто казнен, кто изгнан,
Кто лишился чести, а кто добра.
Но молчашие сердца вопиют,
Умоляя Господа о возмездии,

*Все ликуют
о Марганоро-
вом падении.*

- И приходит кара,
А чем долее ждется, тем страшней.
- 106 И уже, набухши гневом и ненавистью,
Толпа рвется мстить в крик и в бой—
Правду говорят:
Рухни дерево— всяк к нему по дрова!
Будь уроком Марганорова участь
Королям: злomu делу— злой конец!
Рады малые, рады старые
Видеть кару за все его грехи.
- 107 У кого сгубил он
Мать, жену, сестру или дочь—
Не тая уже мятежного духа,
Кто во что, жаждут сами с ним управиться,
И с трудом
Две лихие всадницы и сам Руджьер
Охраняют его, чтоб он погиб
От лишений, от мучений, от горя.
- 108 Той старухе, которая его
Ненавидела лютой женской ненавистью,
Отдан Марганор наг и связан
Так, что не развяжется ни во сто сил.
И она багровит ему лицо,
Кровью мстя за слезы,
А в руке ее острое стрекало,
Живо поданное здешним мужиком.
- 109 А Уллания и две ее девицы
В ярой памяти недавнего срама
Не стояли, смиривши руки,
Потому что не меньше хотели мстить—
Но не вровень жажде их были силы,
И они утолялись, кто как могла:
Та язвит ногтями, эта зубами,
Та бьет камнем, эта колет иглой.
- 110 Как поток,
Непомерный от талых льдов и ливней.
Рвется с гор в раззор,
Снося скалы, стволы, поля и жатвы,
А по малом времени
Обессилев и обездушев, течет
Так убого, что и дети и бабы
Перейдут его, не вымочив пят,—
- 111 Так когда-то
Марганор бросал в дрожь единым именем,
Ныне же сыскался борец
Сломить рог его спеси и выбить силы.
Чтобы даже мальчишки для потехи
Ему драли космы, бороду и усы.

А потом с соратницами Руджьер
Обратился к замку на том утесе.

- 112 Замок сдался на рыцарскую милость.
А что было в нем знатного добра.
То пошло на поток и разорение,
А равно для Уллани и ее девиц.
Здесь явился и золотой ее щит
И три северных короля, с ним плененные;
А пришли они сюда,
Как вы помните, бесконно и безоружно,
- 113 Потому что с того самого дня,
Как посбила их с седла Брадаманта,
Они шли бесконно и безоружно
За посланницей с дальних берегов.
Уж не знаю, к худу или к добру.
Что при них не приключилось оружия;
Благо было бы встать на бой,
Но не благо бы остаться побитыми,
- 114 Ибо даме тогда бы не миновать.
Как и прежним, при ком латные спутники,
Быть зарезанной
В жертву здешним братьям на их гробах.
А остаться срамотой напоказ
Все же лучше, чем согнуть злою смертью;
И к тому же, на всякий срам
Есть и отповедь: это-де насильно.
- 115 Две воительницы
Прежде, нежели продолжить свой путь,
Обязали здешних вечною клятвою:
Чтоб мужья уступили женам власть
Над землею и над всем, что в ней деется,
А кто станет против, того казнить.
Словом, все, что в иных краях мужья,
В этом крае будут вершить их женщины.
- 116 И еще наложили они обет:
Кто придет сюда конный или пеший,
Не давать тому приюта
И отнюдь не впускать под кров и в дом,
Пока те не присягнут перед Господом
И святыми крепчайшею из присяг,
Что вовеки будут служить красавицам
И стоять за них пред всяким врагом;
- 117 А уж у которого есть жена
Или будет вскоре или не вскоре,
Тому быть вовек у нее в покорности
И послушествовать манию ее перста.

*Закон
Марфизы
и казнь
Марганора.*

Не успеют облететь дерева,
Как она, Марфиза, сюда воротится,
И коли не в силе найдет закон —
Быть посаду в пожаре и в развалинах.

118 А еще распорядились они
Прах Друзиллы
Из негожего места, где он был,
Перенести с почетом во храм к супругу.
Дело делом, а старуха меж тем
Все кровавит Марганорову спину,
Не жалея стрекала, и лишь одно
Ей в досаду, что силы ее не вечны.

119 А увидевши наши героини
При том храме на площади важный столп,
На котором тиран запечатлел
Свой закон, безумный и нечестивый,
Пригвоздили к нему в трофей
Щит и шлем и панцирь сего злодея,
И велели высечь новый закон,
Учрежденный ими в отмену прежнего,—

120 Тот Марфизин закон в отмену прежнего,
Столь поносно пагубного для дам;
А когда он начертался на камне,
Они дольше не умедлили здесь ни дня.
Здесь они расстались с исландскими
Спутницами, потому что ведь тем
Нужно было справиться важные платья,
Чтоб достойно воспредстать ко двору.

121 А как здесь осталась Уллания,
То при ней оставлен и Марганор;
Но она,
Чтоб он вновь не сбежал и не стал чудесить,
Завела его на вышнюю башню
И прыжком из прыжков столкнула вниз.
Но моя отселе речь не о ней,
А о тех, которые правят к Арлю.

122 Едут они день, едут два,
И к обедне доехали до распутья,
От которого две дороги: одна
В Карлов стан, а другая в Арльские стены.
Тут влюбленные обнялись
И простились горестнейшим прощанием:
Руджьер — в Арль, обе дамы — в Карлов
стан,
И на этом конец моему сказу.

*Брадаманта
и Марфиза
едут к Карлу
Руджьер —
к Аграманту*

И блюла подруга свой долг,
Не препятствуя ему праздными
просьбами.
Не теперь, так впредь
Удоволит он общую их любовь;
Но лишившись чести в недолгий миг,
Не воротишь ни во сто лет, ни
в двести.

7 Оттого и поворотил Руджьер
В город Арль, к Аграмантовым дружинам,
А Марфиза и Брадаманта,
Став в родстве и в свойстве и в великом
дружестве,
Вместе скачут туда, где Карл Великий
На великий подвиг собрал полки,
Уповая осадю или битвою,
Но невгодам Франции положить конец.

*Брадаманта
и Марфиза
приезжают
к Карлу.*

8 Брадаманта в Карловом стане
Всем на радость ведома и славна,
Ей от всех привет и почет,
А она кивает то тем, то этим.
Как слышал о ней Ринальд—
Выбегает навстречу, а за ним
И Рикард, и Рикардет, и все родичи,
И ликуют, привечая сестру.

9 А когда проведалось, что при ней—
Та Марфиза, великая в оружии,
За которой столько громких побед
От Китая и до крайней Испании,
То ни мал, ни велик не усидел
По шатрам: сбегаются толпищами
И теснятся, и толкаются, и калечатся,
Чтоб взглянуть на обеих в их красе.

10 Предстают они державному Карлу,
И впервые видано (гласит Турпин),
Как Марфиза склонила свои колени.
Ибо усмотрела, что лишь сему
Государю довлела такая почесть
Между всех и царей и королей,
Крещеных ли, некрещеных ли,
Знаменитых доблестью иль казней.

11 Карл
Привечает ее, вводит под сень
И сажает о себе одесную
Выше всех царей, князей и баронов.
Отпускаются, кто сам не ушел,
Остаются немногие, но первейшие
Вельможи и паладины,
А меньшей народ разошелся кто куда.

- 12 Начинает Марфиза лестную речь:
«Августейший всепобеднейший кесарь,
Ты, возвысивший животворный крест
Пред всем миром от индийских морей
До Тиринфских столпов и от седой
Скифии до палимой Эфиопии,
Справедливейший, мудрейший,— твоя
Привела меня сюда слава от края света
- Речь
Марфизы.*
- 13 А сказать по истине,
Привела меня ревность восстать войной,
Чтобы не было такого властителя,
Для которого мой закон не закон.
Оттого-то я омыла поля
Христианской кровию, оттого-то
Много я готовила грозных бед,
Но нашелся и на меня примиритель.
- 14 Замышляя новые тебе пагубы,
Я уведала (а как—долог сказ),
Что отец мой—славный Руджьер из Ризы,
Умерщвленный злобой родного брата;
Мать моя пронесла меня в утробе
Сквозь моря и родила в черный час,
И семь лет меня вскармливал вещий волхв,
А потом умкнули меня арабы.
- 15 Меня продали персидскому королю,
И того короля я зарезала,
Когда он польстился на мою честь,
С королем перебила королевский двор,
Выкоренила мерзкий род,
И взяла его трон и всю подвластность,
И в осьмнадцать моих лет и два месяца
Покорила семь окрестных держав.
- 16 И тогда, ревнуя о твоей славе,
Возымела я в сердце моем
Перевысить высокое твое имя
И бог весть, преуспела бы или нет;
Но уже я уняла мою страсть,
Удержала крылья моей неистовости,
Ибо здесь, в твоей земле, мне открылось,
Что меж мною и тобою—родство.
- 17 Мой отец—твой родич и твой служитель,
Твой родич, твой служитель—и я;
А что было во мне на тебя ревности
И вражды, о том помнить не хочу
И отныне обращаю ту ненависть
На царя Аграманта и на всех,
Кто родня его' дяде и отцу,
Погубителям моих отца и матери».

- 18 И сказала, что хочет принять крещение,
А когда сокрушится Аграмант,
То она в угодность Карлу воротится
Покрестить левантыйский свой народ,
А потом пойдет войной на весь мир,
Магомета чтящий и Тривиганта,
И сулила всякий добытый край
В дань империи и Христовой вере.
- 19 Государь,
Столь же красноречен, сколь мудр и доблестен,
Препрославив достойнейшую даму
И ее родителя и весь род,
Ей держал ответ, учтивый и вежественный,
Изъявляя ликом высокий дух,
И закончив речь,
Приял родственную в место дочернее.
- 20 Он как дочь
Обымает ее, лобзает в лоб,
И, ликуя, несут ей свою любовь
И Монгранские родичи, и Клермонтские,
А того уж и не сказать, каков
Ей почет от Ринальда, который помнит,
Сколь великие ею явлены подвиги,
Когда длился бой вокруг Альбракских стен.
- 21 И того уж и не сказать,
Как ей радостны и юный Гвидон
И Грифон, Аквилант, Сансонет,
Вместе с нею бившись в жестоком городе,
И Малагис, Рикардет, Вивиан,
Знавши в ней столь достойную соратницу
В побиении испанских врагов
И злодеев покушников от Майнца.
- 22 Распоряжено,
И сам Карл о том принял попечение,
Чтобы в пышный разубралась убор
Та крещальня, где креститься Марфизе;
А наутро пришли из окрестных мест
Князья церкви и святые отцы,
Первознатцы закона и благодати,
Наставляя Марфизу в Христовой вере.
- 23 И взошел в святительских ризах
И крестил ее архипастырь Турпин,
И сам Карл, как должно, новокрещеную
Восприял из животворной купели.
Но уже пора
Выручать пустую от смысла голову
Тем сосудцем, который из лунной сферы
Мчит Астольф в колеснице Илии.
- Марфиза
принимает
крещение.*

- 24 Сходит герцог с сияющего круга
На земную возвышеннейшую высь
С тем сосудцем, чем счастливый удел —
Исцелить знаменитого воителя.
А благовестительный Иоанн
Указует ему дивную травку,
Дабы он, воротясь к царю нубийскому.
Ею тронул и исцелил его очи;
- 25 Дабы тот за это благо и прежнее
Дал ему народ, и Астольф,
Вразумив неученых в строй и бой,
С тем народом грянул бы на Бизерту,
Без ущерба минув дальнюю степь,
Где песок слепит человечьи взоры:
Все, что надобно к сему, слово за слово
Изъясняет ему святейший старец;
- 26 А потом сажает на летуна,
Что летал под Руджьером и под Атлантом,
И с напутствием от святого апостола
Покидает рыцаь блаженный край.
Он летит вдоль Нила,
Перед ним распростирается Нубия,
Он снижается над столичным городом
И вступает в дворец, где ждет Сенап.
- 27 Безмерно о его возврате
Ликование царское и радость,
Ибо помнил Сенап о гнусных гарпиях,
От которых избавил его герой.
Но когда скрывавшую день
Снял с очей его отолстелую влагу
И вернул ему Астольф белый свет,—
Пал Сенап и взочтил его как Бога.
- 28 Он не только веряет ему народ,
Чтобы грянуть войною на Бизерту,
Но еще сто тысяч
Снаряжает и хочет выйти сам.
Не вмещает поле столького люда,—
А все пеши,
Ибо нет в той стороне лошадей,
Хоть слонов и верблюдов многое множество.
- 29 В ночь
Накануне ратного выхождения
Паладин взмогился на гиппогрифа
И на юг
До той самой полуденной горы,
Из которой дует Австр к двум Медведицам,
И сыскал пещеру об узком устье,
Из которой излетает он поутру.
- Тем временем
Астольф
спускается
с Луны*
- и ведет
нубийцев
на
Аграмантову
Бизерту,*

- 30 А по слову апостольского наставника
 Он, имея при седле полый мех,
 Ловко и притаясь
 Приложил его к черной горной
 Скважине, где спал утомленный Нот,—
 И наутро, ринувшись к выходу,
 Тот попал в неведомую западню,
 Схвачен, скручен и похищен для будущности.
- 31 Веселясь паладин такой добычею,
 Воротился к Нилу и по заре
 С черным полчищем выступает в степь,
 А вослед бредут верблюды с припасами.
 Без урона
 Славный вождь довел поход до Атлантских гор,
 Даже среди сыпучих песков
 Не страшась заметающего ветра.
- 32 А достигши перевальной горы,
 Где открылись взору поля и море,
 Выставляет он самых лучших
 И послушнейших из своих людей
 У подножья круч,
 Где смыкаются холмы и равнина,
 А сам
 Всходит в высь, словно движим великим
 помыслом.
- 33 Преклонив колени,
 Он взмолился к небесному наставителю,
 И познав, что вялась его мольба,
 Градом ринул камни с горного склона,
 Сколь велик, кто крепко верует в Господа!
 Сии камни сверх сущего естества
 Вырастали, катясь, и обнаруживали
 Брюхо, ноги, шею, морду и зад, *превратив
 для них
 камни
 в лошадей.*
- 34 И неслись в долину со звонким ржаньем,
 Взбрыкивая копытами
 И являлись взору конями —
 Этот гнед, тот караков, тот саврас;
 А бойцы у подножья их брали в дело
 И за малый час выездили всех,
 Ибо так уж они и родились —
 Под седлом и в сбруе.
- 35 Восемьдесят тысяч и сто и два
 Пешехорца в один день стали конниками,
 И пошел с ними Астольф по всей Африке,
 Сея огонь, грабя скарб, сгоняя люд.
 А над Африкой в Аграмантово место
 О ту пору бдели король Бранзард,
 Король Ферзы и король Альгазера,
 И они-то прияли его напор.

36 Снаряжается спешная ладья,
Как стрела, на веслах и с полным парусом,
И несет к Аграманту весть,
Что земля его страждет от злых нубийцев.
Без отдышки правя день и ночь,
Приспевают гонцы к арльскому берегу
И находят государя в большом стеснении,
А до Карлова стана рукой подать.

37 Всчувствовал король Аграмант,
На какую беду оставил отчину,
Посягнувши на Пипиново царство,
И скликает вождей на свой совет.
Бросив взоры единожды и дважды
На царя Марсилию и царя Собрина,
Самых старых и самых мудрых
Меж представших, начинает он так:

*Аграмант
созывает
военный
совет.*

38 «Знаю, что негоже вождю
Говорить: об этом-де я не думал,—
Все же я измолвлю сии слова,
Ибо приключаются в мире бедствия,
Не предведомые смертным умам,
А за то и вина в вину не вменится.
Так и я был неправ, оставив Африку
Безоружную пред нубийским мечом;

39 Но никто, коли не единый бог,
Пред которым открыто все грядущее,
Не предвидел бы, что толиким воинством
Угрозит столь дальний народ,
Между коим и нами легли сыпучие,
Вечным ветром веемые пески.
Но сбылось: они идут на Бизерту,
И в раззоре. отеческая земля.

40 Посему и прошу я от вас совета:
Удалиться ли, ничего не свершив;
Или же, начав, продолжать,
Пока станет гордый Карл нашим пленником;
Или есть какое иное средство
Спасти наш и низвергнуть вражий трон?
Кто что мыслит, тот то и молви,
Дабы знать, что предпринять нам и как».

41 Так сказавши, обратил Аграмант
Одесную взор к владыке испанскому
В знак того, что на сказанные слова
Ждет его ответа и суждения.
И Марсилию, встав,
Преклонил чело и колено,
А потом, воссев, где сидел,
Повел речь свою такими словами:

- 42 «Государь! и благо и худо
Разрастается в толках человеческих;
Посему ни добрая весть,
Ни дурная не станет мне в досаду
И не изотважит превыше меры:
Мне равны надежда и страх,
Ибо знаю: что в молве и велико,
То на деле и меньше и не так.
- 43 А чем менее оно имоверно,
Тем и менее мне о том заботы.
Имоверно ли,
Что с таким неисчислимым ополчением
На воительную нашу страну
Занес меч владыка далекой Нубии,
Одолев те пески, в которых некогда
Царь Камбис погубил персидский люд?
- 44 Больше я поверил бы,
Что арабы сошли из горных мест
На грабеж, на угон и на избивание
Там, где не окажется им отпор,
А поставленный тобою Бранзард
В государево твое место над Африкою
Тебе пишет их десятки за тысячи,
Чтобы мнилось, что он-де не виноват.
- 45 Я поверил бы и в такое чудо,
Что нубийцы-де прямо свалились с неба,
Или что примчались на облаке,
Ибо по пути их никто не видел.
И от них-то боишься ты беды,
Если не придешь со своей подмогою?
Худо же ты мыслишь о тех своих,
Будто им в угрозу такой народец!
- 46 Ты отправь туда несколько кораблей,
Чтобы лишь явить им свои знамена,
И клянусь: не успеют они отплыть,
Как уже разбегутся во-свои
Те нубийцы, те робкие арабы,
Чей бранный пыл
Воспалился только тем, что ты здесь,
А меж ними и тобою — большое море.
- 47 А твое ныне дело—месть,
Пока нет при Карле его племянника,
Ибо без Роланда
Нам не грозен в его войске никто.
Если небреженьем или неведеньем
Ты упустишь столь славную победу,
То Судьба отвратит свое лицо
И настанет нам урон и бесславие».

*Марсилий
предлагает
продолжать
войну.*

- 48 Таковою и подобною речью
Увещал в совете испанский вождь
Не покинуть сарацинскою силою
Этих мест, покуда не изгнан Карл.
Но король Собрин,
Проницая Марсилиевы помыслы
О своем, а не общем государством
Благе, взмолвил и отвечивал так:
- 49 «Отвращавши тебя даве от сей войны,
Я и рад бы случиться лжепророком,
Но коли явилось, что был я прав,
То и слушать бы тебе верного Собрина,
Чем лихого твоего Родомонта
И Альзирда, и Марбалуста, и Мартасина,
Каковые жаль, что не здесь,
А тем жальче, что не здесь Родомонт.
- Собрин
предлагает
кончить
войну
поединком.*
- 50 Я хотел бы взглянуть ему в глаза,
Похвалявшемуся франкскую силу
Сокрушить, словно хрупкое стекло,
И пройти войной по аду и раю;
А теперь, когда в нем нужда,
Он в постыдной праздности чешет брюхо,
Между тем, как я, ославленный трусом
За мои предречения,— здесь, с тобой;
- 51 И пребуду я с тобой до конца
Этой жизни, и под бременем лет
Не премину я за тебя отважиться
На славнейших из французских бойцов.
Никому
Не солгать, что дела мои недостойны:
И не более меня, и не столько
Совершили иные хвастуны.
- 52 Говорю сие, чтобы ведалось:
Что сказал я тогда и что скажу,
Не по робости скажется и низости,
А по верной службе и прямой любви.
Увещаю тебя; воротись
В отчий дом, чем быстрее, тем способнее,
Ибо мало в том здорового ума,
Кто польстится от своего на чужое.
- 53 Ты искал чужого, и вот —
Тридцать двое нас было, царей-споспешников,
А теперь, коли подсчитать,
Едва треть, а остальные в могилах.
И дай бог, чтобы не пало и более,
Ибо ежели продлишь ты войну —
Не останется нас ни четверти, ни полчетверти,
И в конец изгибнет твой бедный люд.

- 54 Счастлив ты, что граф Роланд не при Карле:
Будь он здесь, нас не стало бы ни единого;
Но коли промедлится наша участь,
То и это не спасет от беды.
Вот Ринальд,
Доказавшийся не слабее Роланда,
Вот его родня, и вот все
Паладины, вечный страх нам, язычникам;
- 55 А меж ними, как некий юный Марс
(Хоть и стыдно мне славить наших недругов)—
Храбрый Брандимарт,
В каждом деле досторавный Роланду:
Испытал его я сам, и видел,
Как его испытывали другие.
Уж не первый день, как Роланда нет,—
А не больше ль мы в убыли, чем в прибыли?
- 56 Если столько убыли позади,
То страшусь, что впереди еще более!
Умер Мандрикард,
Царь Градасс отказал в своей подмоге,
В крайний час покинула нас Марфиза,
А равно и алджирский царь —
А ведь будь он так верен, как отважен,
То не надобны бы ни Мандрикард, ни Градасс.
- 57 Стольких мы лишились бесценных помощей,
Столько тысяч полегло мертвецов;
Кто должны подойти, те подошли,
Ни ладьи уже не ждется с подмогою.
А у Карла четверо новых,
Каждый славен, как Ринальд и Роланд,
И за дело: от басков и до бактров
Не найти таких других четверых.
- 58 Ведомы ли тебе
Сансонет, Лесной Гвидон и два сына
Оливьеровы? они больше и грозней,
Всякого рыцаря ли, князя ли,
Какой встал бы против нас и за кесаря
От германских и от иных земель.
А за ними впрямь встают иные новые
В силу Карлу и на нашу беду.
- 59 Каждый раз, как ты выступишь на бой,
Тебе станет хуже иль вовсе худо.
Наша Африка и наша Испания
Были биты, числясь десять к пяти;
Что же будет, если на нас
Встанут к Франции Италия, Германия, англы,
скотты,
И мы счислимся десять к двадцати?
Лишь и быть урону и быть позору!

- 60 Ты, упорствуя,
Здесь теряешь народ, а там престол;
А переменившись, спасешь
И оставшихся нас, и всю державу.
Знаю, честь не велит бросать Марсилия,
И неблагодарность—тягчайший грех,
Но и здесь не без средства: замиришь
С Карлом, и порадуйтесь оба!
- 61 Ежели тебе,
Неотмщенному, в стыд просить о мире,
И не хочешь ты отложить меча
Оттого, что досель он не победен,
То подумай же, как взять верх:
Верх—твой,
Если вверишь свое дело единому,
И единый этот будет—Руджьер.
- 62 Ведомо и мне и тебе,
Что Руджьер не слабее мечом к мечу
Ни Роланда, ни Ринальда,
Ни любого христианского рыцаря.
Но в повальной схватке,
Будь он мощен сверх смертного естества,
Будет он один,
А пред ним целый сонм равномогучих.
- 63 Согласись, и пошли послов
К христианскому королю о скончании
Брани, чтобы дольше не лить
Ему нашей, тебе не нашей крови,
И чтобы на твоего он бойца
Выслал своего из отважнейших,
И они бы рубились до исхода,
И один бы одолел, другой пал.
- 64 И которого короля поединщик
Будет бит, тот платит другому дань.
На такое, чаятельно, и Карл
Согласится взаимное условие.
А я верую в Руджьерову длань,
И что быть ему победителем;
И как правда на нашей стороне,
То он сладит с самим господом Марсом».
- 65 Таковыми словами и сильнейшими
Вразумил Собрин сделать по его;
В сей же день назначены толмачи
И послами посланы в ставку Карлову.
Карл, имея столько отменных витязей,
Полагает победе быть за ним,
И вверяет свое дело Ринальду,
По Роланде первому между всех.

*А' поединку
избраны
Руджьер
и Ринальд.*

- 66 . Равною рады радостью
И Христовы и языческие полки,
Ибо всем в насаду и всем в доуку
Измождать войною тело и дух.
Всякому охота остаток дней
В вожделенном проведеть отдохновении,
Всякий осыпает проклятиями
Пыл и буйство бранных ссор и свар.
- 67 Ринальд,
Себя видя в государевом мнении
Предпочтенным пред столькими иными,
Веселится о достославном подвиге;
А Руджьера вменяет ни во что,
Полагая, что тому не отбиться,
И не веря, что тот ему в версту,
Хоть Руджьер и одолел Мандрикарда.
- 68 А Руджьер,
Хоть и честь ему государева воля
Быть избранником меж стольких бойцов
К совершению великого дела,—
Скорбен и уныл;
Но не страх сокрушает его душу,
Не боится он ни Ринальда,
Ни Ринальда и Роланда вдвоем,—
- 69 Он томится о Ринальдовой сестре,
О своей подруге нежной и верной,
В каждом слове, которое она ему пишет,
Изливающей обиду и упрек.
Если старым обидам вслед
Он отважится умертвить ее брата,—
Верно, сменится любовь ее в ненависть,
И такую, что ничем не унять.
- 70 Молча
Руджьер страждет о нежеланном бое,
Но его красавица, чуть о том слышав,
Ударяется в стон и плач,
Бьет в грудь, рвет кудри,
Орошает и терзает ланиты
И корит и клянет неблагодарного
Друга и жестокою свою судьбу.
- 71 Кто ни одолеет из двух —
Ей страдать и за того и за этого:
Ежели погибнет Руджьер —
Но о том ни слова: так сердце рвется.
Если же за многие за грехи
Господь Бог возжелал крушенья Франции,
То не только братняя смерть —
Ждет ее иное, злейшее горе:

*Страдания
Брадаманты.*

- 72 Стало быть, ей не смочь
От хулы, вражды и гнева сородичей
Объявить всесветно,
Кто душе ее названный супруг,—
Как она о том помышляла
Днем и ночью сто и тысячу раз,
Ибо между ними такие клятвы,
Что уже не отступишь и не покаешься.
- 73 Но дошел ее плач и стон до той
Утешительницы,
Неизменно помощной во всех превратностях,
Какова была вещая Мелисса;
И явилась она, и посулила,
Что когда настанет урочный час,
Она снидет и порушит весь чин
Того боя, о котором те слезы.
- 74 Между тем Рид ^Я^ и Руджьер
Изготавливали к битве оружие,
А в каком быть оружию, объявил
Поединщик от римского престола;
Но как был он пеш
С самых пор, как лишился коня Баярда,
То и выбрал он пеший бой,
Бронь, кольчугу, секиры и кинжалы.
- 75 По случайности ли,
Потому ли, что умный Малагис
Знал, каков удар Бализарды,
От которого ничто не уберезет,—
Но положено было, что воители
(Как сказал я) сходятся без мечей;
А сходиться им было в широком поле
В виду арльских старинных стен.
- 76 И едва пробужденная Аврора
Взошла в небо с Тифонова одра
И означила день и час,
Предуказанный славному поединку,—
Как выходят в поле от двух сторон
Изготовщики, и справа и слева
Воздвигают в ограде по шатру,
А при каждом шатре священный жертвенник.
- 77 А потом,
Полк к полку, выступают сарацины,
А меж ними, с всеварварскою пышностью,
На гнедом коне, грива черная,
Белый лоб и белые ноги,—
В ярких латах африканский король.
- Выход на поединок.*

Рядом с ним — Руджьер,
Сам Марсилий при нем оруженосцем:

- 78 Он несет тот шлем,
В битве сорванный с короля Татари,
Петый в песнях,
тысячу лет назад
Украшавший троянского Гектора;
А другие бароны и князья
Несли каждый другое из оружий,
Все в цветных камнях и в чистом золоте.
- 79 А с другой от них стороны
Грядет Карл
со своим великим воинством,
Строенным и сряженным, как на битву,
А при Карле — его равновельможные,
И Ринальд, на котором весь доспех,
Кроме шлема, а шлем его — Мамбринов,
И несет его датчанин Оджьер.
- 80 А секиру несет баварский Найм,
А другую — Соломон, царь бретонский.
Стал вокруг поля по сю сторону Карл,
По ту сторону — Испания и Африка.
Между ними ни единой души.
Лишь пустое и пространное поле,
И объявлено: кто в него шагнет,
Тому смерть — это место двум воителям.
- 81 Совершает второй выбор оружия
Поединщик от сарацинских сил; *Клятвы
королей.*
А потом
Вышли два священника, каждый с книгою,
В одной писано совершенное житие
Господа Христа, а другая книга —
Алкоран. Наш священник предстает
Перед Карлом, второй — перед Аграмантом
- 82 Подступает Карл к алтарю,
Простирает к небесам свои длани
И гласит: «О Господи Всеблагий,
Смерть приявший за спасение наше,
О Владычица, к которой Господь
Снизшел облечься смертною плотию,
И в чьем чреве пребывал девять лун,
Не нарушив цветения святой девственности,—
- 83 Будьте мне свидетелями,
Что и за себя и за весь свой род
Я клянусь платить царю Аграманту
И кто будет царствовать ему вслед,

Каждый год по двадцать бременей золота,
Если ныне мой боец будет бит;
И клянусь блюсти между нами мир
Во веки веков.

84 Если же я преступлю сию клятву —
Да сразит меня сугубый ваш гнев,
Да падет он на меня и мой род
И ни на кого иного меж присными,
Дабы стало сие людям уроком,
Каково попать священный обет». —
И гласил государь сии слова
С взором ввысь и дланию на Евангелии.

85 А потом встают
К пышному алтарю своему язычники,
И поклялся Аграмант увести
Свое воинство за дальнее море
И платить такого же Карлу дань, —
Если ныне случится пасть Руджьеру, —
И блюсти меж ними такой же мир,
О каком обетовании Карла.

86 И над книгою,
Что в руках у его первосвященника,
Он призвал в свидетели Магомета,
Что как сказано, так он и свершит.
А потом большими шагами
Разошлись владыки каждый к своим,
И выходят с клятвами поединщики,
А клятвы их таковы:

*Клятвы
поединщиков*

87 Руджьер молвит: ежели его царь
Вдруг порушит чин поединка, —
Больше он царю не рыцарь и не барон,
А уходит во служение Карлово.
И Ринальд гласит: если Карл
Замутит такое бесчиние
Раньше, чем боец победит бойца, —
Он уходит в Аграмантовы рыцари.

88 По свершении такового обряда
Разошлись единоборцы каждый к своим,
И по малом времени
Трубы грянули к Марсовой игре.
Устремились храбрые друг на друга,
Меря поступь уменьем и умом;
Соступились, и загремел их булат,
И пошел сверкать поверху и понизу.

*Начало
поединка.*

89 То обухом, а то лезвием
Метят в голову, метят в подколенья

Так проворно, сноровисто и хитро,
Что скажи я все, как есть,— не поверят.
Но Руджьер,
Нападая на брата своей владычицы,
Так разит осторожно и оглядливо,
Что не видно в нем прежнего удальца.

- 90 Отбивается, а не бьет,
И не знает сам, чего хочет:
Неохота ему губить Ринальда,
Неохота и отдать свою жизнь.
    Но, уже договорил я до места,
    иW пристало бы перервать мой рассказ;
    К/что дальше — о том другая песня.
    Если вам в угоду другая песня.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

- 1 Велико Руджьерово горе—
Круче всех, горше всех, острее всех
Оно ломит ему тело и душу,
С двух сторон суля единую гибель:
Ежели осилит его Ринальд—
От Ринальда, а ежели сам осилит
Он Ринальда, то от его сестры,
Ибо ненависть ее ужаснее смерти.
- 2 А Ринальд не ведает этих мук,
У него на уме одна победа:
Гордым махом ходит его секира,
То уметит в локоть, а то и в лоб.
Изворачивается добрый Руджьер,
Ходит по кругу, отводит удары,
А когда разит, то разит
Там, где менее Ринальду урона.
- 3 А языческие князья
Смотрят, видят, что бой кругом неравен,
Что Руджьер не в меру несмел и вял,
Что Ринальд не в меру теснит юнейшего;
Сам король, изменясь в лице,
Мрачно смотрит и тяжело дышит
И клянет Собрина за тот совет,
От которого такая невзгода.
- Руджьер
начинает
уступать.*

- 4 И тогда-то волшебница Мелисса
Во всей силе тайных своих наук
Пременила свой женский образ,
Приняв лик алджирского короля—
И повадкой и видом Родомонт,
И в таком же, как он, драконьем панцире,
Тот же меч, тот же щит,
Все, как есть.
- Мелисса
под видом
Родомонта
склоняет
Аграманта
нарушить
поединок.*
- 5 Всев на демона, а демон—как конь,
Подъезжает к угрюмому Аграманту
И нахмутив лоб, громким кликом
Воскликает: «Неладно, государь,
Посылать непытанного юнца
На столь сильного и славного галла
В такой битве,
За которой ваше царство и честь.
- 6 Не оставь их биться, как бьются,
Чтоб тебе не стало большой беды;
А порушить клятву и уговор —
Грех на мне!
Пусть же каждый явит свой меч —
С Родомонтом всяк один стоит сотни!»
И на эти слова Троянов сын
Так и ринулся в бой без дальней думы.
- 7 Нипочем ему уговор и клятва,
Если рядом алджирский Родомонт,
Ибо он дороже ему один
Целых тысяч помощных рыцарей.
Вмиг со всех сторон
Копья к бою, шпоры в бок, кони вскачь,
А Мелиссы в ее неверном облике
В гуще сечи уж нет как нет.
- 8 Два единоборца,
Видя попран уговор и обет,
Опускают натруженные руки,
Отлагают взаимную обиду
И клянутся не быть ни в чьем строю,
Не доведавшись,
Кто виною, что уговор порушен:
Старый Карл или юный Аграмант;
- 9 И который явится вероломен,
Тому оба станут клятвенно мстить.
А уже смешались полки,
Всякий латник мчит вперед, мчит вспять,
На ходу
Видно, кто удал, а кто робок:
Все поспешливы,
Но иной вперед, а иной назад.
- Начинает
общая
схватка.*

- 10   Как борзый пес
          У охотника в крепком поводу,
          Кружа взорами за бегучим зверем,
          Но не могли прирваться к прочей своре,
          Тает яростью, рвется, бьется,
          И томится, и рычит, и визжит,—
          Так терзались до рокового срока
          И Марфиза, и Марфизина свойственница:
- 11   Так терзались, видя перед собой
          В большом поле большую добычу,
          А не могли
          Ни ворваться, ни руку наложить
          От того государева уговора,
          И томились, и вздыхали, и тщетно,—
          А теперь, как порушился уговор,
          Ликуя,
                  грянули на маврские толпища.
- 12   Как Марфиза вбила копьё во встречного —
          Так насквозь, и на локоть из спины.
          Как схватила меч, так четыре
          Шлема смаху — вдребезги, как стекло.
          Брадаманта о золотом копьё
          Не уступит, но по иному счету —
          Кого тронет,— тот и вон из седла:
          Вдвое наземь, но ни один не насмерть.
- 13   Бились рядом,
          Зрительница зрительнице подстать,
          А потом рассказали кто куда,
          Круша вправо, влево по гневной прихоти.
          Кто сочтет одержанных и поверженных
          Золотым копьём?
          Кто сочтет порубленных и погубленных
          От Марфизина крутого клинка?
- 14   Как под вешним ветром
          С травянистых плеч Апеннин
          Талый снег свивается в две струи
          И несется, мутясь, по разным скатам,
          В два потока
          Дробя скалы с круч, корчуя деревья,
          Снося землю и с той землей зерно,
          Словно споря, в котором злее вред,—
- 75   Так две ратницы, кто кого храбрей,
          Просекали в сече разные просеки.
          Сея гибель в сарацинскую смуту,
          Та копьём, другая мечом.
          Аграмант без сил
          Удержать убегающих под знаменами,
          Тщетно ищет, тщетно вращает взоры —
          Родомонта нет.

- 22 А Бранзард о Буцифаре печалится,
Полагает без него все погибшим:
Велика Бизерта,
Одному королю не обещать.
Искупить бы пленного:
О том думая, и томясь, и тоскуя,
Вспоминает он, что в его темнице
Много месяцев славный сидит Дудон.
- 23 На Монакском взял его берегу
Король Сарзы в первом своем приплытии,
И с тех пор
Дудон Датский не покидал узилища.
Вот его-то и удумал Бранзард
Променять на короля Альгазерского;
И послал гонцов в нубийскую рать,
Верно зная, что над ней — англичанин,
- 24 Что над ней паладин Астольф,
И товарищ-паладин ему дорог.
Благородный герцог и впрямь
С королем Бранзардом един в желании.
Вот Дудон на воле,
Благодарствует вызволителю вождю
И готов на всякую рать,
Будь она на суше или на море.
- 25 У Астольфа
Станет воинства покорить семь Африк,
И с того-то
Он припомнил завет святого старца
Отбить берег Прованса и Мертвых Вод
У поспателей сарацинов,
И вершит по войску новый набор —
Кто способнее к морскому служению.
- 26 И тогда-то,
Взявши полные горсти зеленых листьев
Лавров, кедров, пальм и олив,
Он, нисшед ко берегу, метнул их в волны,—
О, блаженные души—любимцы неба!
О, Господня милость — удел немногих!
• О, диво —
Чем предстали листья, припав к воде!
- 27 Стало их несчетнее и несметнее,
Стали длинные, крупны, круты, гнуты,
Жилы
Обернулись брусьями и канатами,
Два конца загнулись остро и вверх,
И по влаге выплыли корабли,
Столькие и такие разные,
Сколько листьев снялось с разных дерев.

*Из древснь
листьев
он творит
корабли.*

- 28 Дивно видеть, как стали из той россыпи
Челны, струги, ладьи и все суда,
И какие на них были готовые
Мачты, реи, снасти, вёсла и парусы;
А чтоб ими править противу бурь,
У Астольфа есть довольно искусников,
Ибо скликнул он с сардского и корсского
островов
И гребцов, и кормчих, и снастных.
- 29 Двадцать семь было тысяч
Морской рати, готовой выйти в море,
А над нею воеводит Дудон,
Свычный биться в море ли, в сухопутье ли.
И стояла та корабельщина при отчале,
Ждала ветра в паруса,—
как вдруг,
Глядь, а к берегу приспевает корабль —
> Сарацинский с христианскими пленниками.
- 30 А те пленники пали в плен
С того моста, узкого и опасного,
Где сражался отчаянный Родомонт,
Как о том уже я сказывал в свою пору.
А меж ними и сам Роландов сват,
И сам верный Брандимарт, Сансонет
И иные, а всех и не упомянуть,
Из Германии, Италии и Гвасконии.
- 31 Корабельщик,
Ничего не ведав о неприятелях,
Примчал пленных сюда на корабле,
Миновав алжирскую пристань,
Потому что ретивый ветер
Дольше должного гнал его корму.
Он хотел влететь в надежный приют,
Словно Прокна в щебечущее гнездышко;
- 32 Но как взвидел он римского орла,
А при нем — златолилии и пардусов,—
Побледнел,
Словно тот, кто небрежною пятою
Наступил на отравную змею,
В томном сне среди зеленой травы,—
И дрожит и отдергивает ногу,
И бежит ее ярости и яда.
- 33 Но ему, корабельщику, не сбежать,
И тех рыцарей, тех пленников не сдержать:
Вместе с Брандимартом и с Оливьером,
С Сансонетом и с столькими другими
Он причален к берегу, где Астольф
И Дудон веселятся своим товарищам,
- К нему
приплывают
Брандимарт
и другие
Родомонто-
вы пленники.*

- А ему за этакий перевоз
Назначают цепь при галерных веслах.
- 34 А Отонов сын и Оджьеров,
Веселясь о нечаянных гостях,
Их вводят в шатер за почестей стол,
Их дарят оружием и всей потребою,
А Дудон
Замедляет ради них свой отъезд,
Ибо добрый совет таких мужей
Для него дороже походной спешности.
- 35 Впрямь он слышит весть, всё как есть,
Что во Франции, что с Великим Карлом,
И к какому берегу приставать
Безопаснее и верней для победы;
Но пока он доведывается,
  вдруг
Налетает шум,
Громче, громче, и трубный звук к оружию,
Да такой, что все смешались умом.
- Вдруг
является
безумный
Роланд,*
- 36 Астольф и его друзья,
Как случились вместе при той беседе,
Так и вмиг в доспех, на коней
И на крик, туда, где пронзительней,
А у встречных пытая, что и где.
Доскакали, видят:
Человек,
Дикий, голый, один крушит все воинство.
- 37 А в руках его большая дубина,
Так длинна, так крепка да так тяжка,
Что кого заденет, так тот
В прах без сил и похуже, чем без сил.
Кругом сотня лежит, у всех дух вон,
Никому не выберечья,
Разве что из лука стрелять стрелой —
А поближе никому не в охоту.
- 38 Астольф, Дудон, Оливьер, Брандимарт,
Как приспели,
Так и встали, застывши удивлением
О такой буйной силе и могучести,—
Как вдруг
Видят, скачет лошадь, на ней красавица,
И вся в черном, и прямо к Брандимарту,
И обеими руками к нему на шею.
- 39 А была это Флорделиза, которая
Так пылала к милому своему,
Что едва не сошла с ума,
Когда пал он в плен с опасного моста.
- а за ним
Флорделиз*

И тогда-то она пустилась за море,
Услыдав от виновника беды,
Что пошел ее милый со всеми рыцарями
В алжирский плен.

40 А пришед в Марсель, она видит
Сарацинский у берега корабль,
А на нем —
Седой рыцарь из Монодантова царства,
По суше и по морю
Уж объездивший немало земель,
Ищущи Брандимарта,
О котором слышал, что он во Франции.

41 А она, узнавши что он — Бардин,
Тот Бардин, который похитил
Брандимарта малюткою у отца
И возрастил его в Замке Дремучей Чащи,—
А она, узнавши, за кем он в путь,
Убедила его отчалить вместе
С нею в Африку, потому что там —
Брандимарт, и сказала, в какой он участи.

42 А как выплыли к африканской земле,
То и слышат, что Астольф — пред
Бизертою,
А при нем, говорят, и Брандимарт,
Хоть заведомо никто и не знает.
И завидя Флорделиза его живым,
Так к нему навстречу и бросилась,
Потому что такая радость
Ей утеха за всю бывшую скорбь.

43 Славный рыцарь не меньше рад
Видеть милую верную супругу,
Пуще всех любезную в целом свете,—
Принимает, обнимает, сжимает,
И ни первым поцелуем не сыт,
Ни вторым, ни третьим;
А как вскинул очи, то и увидел,
Что бок о бок с милой стоит Бардин.

44 Простирает Брандимарт к нему руки,
Рвется знать, с чем пришел неожиданный
гость,
Но спросить невмочь,
Потому что набегают бегущие
От того ужасного,
Кто с дубиною, неистов и гол.
Посмотрела Флорделиза на голого
И воскликнула к Брандимарту: «Это граф!»

- 45 Тотчас и Астольф
Угадал Роланда
По одной примете, которую
Указали пресвятые в земном раю;
Но всем прочим
Не узнать было вежественного витязя,
Потому что по долгому небрежению
Был он видом не рыцарь, а как зверь.
- 46 Жалостию раненный прямо в душу,
Отвратясь в слезах,
Говорит Астольф Дудону и Оливьеру:
«Это граф Роланд!»
Как уставили они зоркие взоры —
Стало им вдомек,
Стало дивно и стало горько
От такой Роландовой неадачи.
- 47 И такая в них тоска и печаль,
Что текут по ланитам большие слезы;
А на это им Астольф: «Не время
Нынче плакать, а время его спасти!»
Скок с коня, а за ним и Брандимарт,
Сансонет, Дудон, Оливьер,
И со всех сторон
Подступаются к Карлову племяннику.
- 48 Как увиделся Роланд в их кругу,
Как повел неистовою дубиною,—
Мигом
Дал почувствовать, как она тяжка,
По щиту над Дудоновой головою;
И кабы Оливьеров меч
Не убавил удара, не быть бы целу
Щиту, шлему, и голове, и тулову.
- 49 Но прошел удар сквозь щит, пал о шлем,
Дудон—с ног и в прах,—
Тут заносит свой клинок Сансонет,
Ссек вгладь
На два локтя Роландову дубину,
А из-за спины Брандимарт
Охватил его, буйного, за бока,
А британец приналег ему на ноги.
- 50 Пнул Роланд,
Отлетел Астольф на десять шагов,
Но не выпустил графа Брандимарт,
Держит крепко и еще того крепче.
Бросился вперед Оливьер,
А в лицо ему — кулак, да такой,
Что упал он бледен и еле жив,
Кровь струею из ноздрей и глазниц,
- Астольф с
товарищами
узнают
Роланда,*
- с трудом
одолевают
его*

- 51 И кабы не добрый шелом,
Не остаться бы паладину живу,—
Но и то
Рухнул так, словно отдал душу Господу.
А уж опять на ногах
И Астольф и Дудон с желватым черепом,
И отменно ударивший Сансонет,
И гурьбою навалились на графа.
- 52 Дудон сзади
Охватил его, хочет подопнуть
И не может, Астольф и остальные
Держат за руки и не могут сдержать,—
Коли видывал кто быка,
А на нем, вгрызаясь, повисли псы,
А он мечется, мыча, вправо, влево,
И трясет, и не может их стрясти,—
- 53 Тот узнай, каков был Роланд,
На себя взгромоздивший столько рыцарей.
Но встает Оливьер с земли,
Где свалил его Роландов кулак,
Смотрит, видит, что этак не доправиться
До того, чего взыскует Астольф,
И замыслил осилить Роланда хитростью,
И осилил.
- 54 Он велит принести большие вервия,
Каждое с скользящей петлей,
И всхлестнуть
Графу на руки, на ноги и на тулово,
А потом чтоб каждый взял по концу
И держал и тянул, куда кто может,—
Как быка или коня коновал,
Так Роланда опрокинули рыцари.
- 55 А как грянулся он во прах —
Все к нему и на него и веревками
Вяжут руки, вяжут ноги, а он
Так и сяк ворочается — но тщетно!
Приказывает Астольф
Ради блага унести его отселе —
И могучий Дудон его взвалил
На заплечье и понес к краю моря.
- 56 И семижды погрузил его в волны
И семижды омыл его Астольф,
И снялась
Грязь и ржавь с его образа и подобия,
И замкнул Астольф некоторою травкою
Дышущий и пышущий его рот,
Чтобы только носом ввивался в легкие
Вздых.

- 57 И как приложил к тому носу
Князь Астольф приготовленный сосудец,
В коем замкнут Роландов здравый смысл,
То единым он вдохом опустел.
Диво!
Вмиг вошел в обезумленного ум,
И в речах его просиял рассудок,
Пуще прежнего ясен и остер.
- и возвращают
ему здравый
ум.*
- 58 Как очнувшийся от тяжкого сна,
Гнетшего видениями
Душных чудищ, каких под солнцем нет,
И деяний, несвычных и неслыханных,
В долгом дивовании
Обретает снова себя в себе,—
Так Роланд, изъятый из обуяния,
Цепенел, изумлен и бессловесен.
- 59 В Брандимарта, и в Альдиного брата,
И в того, кто наставил его на ум,
Молча он глядит, молча думает,
Как сюда попал он и почему,
Обращает взоры вправо и влево,
Но никак не поймется, где он есть,
Только видит и только удивляется,
Что он гол и в путах от рук до ног.
- 60 И как оный древний Силен
Пастухам, пленившим его в пещере,
Говорит он: «Solvite te»,
С таким ясным, с таким небеглым взором,
Что его развязывают,
И дают одежд прикрыть наготу,
И наперебой
Утешают в скорби о прежней дури.
- 61 Воротясь в свою истинную суть,
Пуще прежнего доблестен и разумен,
Исцелился Роланд и от любви,—
И уже ему ничто
Та, в которой с такою страстью
Столько видел он прелести и нежности,
И уже единственный его помысел —
Воротить все, что трачено в любви.
- 62 А тем временем
Повествует Брандимарту Брандин,
Что скончался родитель Монодант,
И что брат Зилиант его зовет
Царствовать
Над народами, ждущими его руки
По далеким левантским островам,
Их же нет богаче, людней и краше;

- 63 Увещая, он гласит,
 Сколь отраднo и сладостно отечество,
 И единожды вкусив его сладости,
 Опостылеет странническая жизнь.
 Брандимарт же ему в ответ,
 Что по край войны нипочем
 Не покинет он Карла и Роланда,
 А потом, коль будет жив, то подумает.
- 64 На другой же день
 Сын Оджьеров отчаливает к Провансу,
 А Роланд остается при Астольфе
 И внимает, что и как на войне.
 Облегли они Бизерту осадю;
 А победную
 Честь оставил Роланд своему родичу,—
 Но Астольф все вершил по слову графа.
- 65 А каков был осадный чин
 И каков был приступ, когда, откуда,
 И как с того приступа ее взяли,
 И кто был Роланду дольщиком в
подвиге,—
 Не тревожьтесь, об этом будет речь,
 Не тотчас, так вскоре,
 А теперь извольте узнать о том,
 Как французы мавров погна́ли гоном.
- 66 В грозный час
 Всеми брошен остался Аграмант,
 Потому что от него отступились
 Царь Марсиль с войском и царь Собрин:
 Ушли в город, на корабли, и в море,
 Потому что на суше спасенья нет,
 А за ними не один и не два
 Сарацинские рыцари и вельможи.
- 67 Бьется Аграмант,
 А как стал без сил,
 Поворотил коня
 И к воротам, а они недалече.
 Вслед стучит копытами Рабикан,
 Погоняем рвущейся Брадамантою
 Умертвить того, кто столь крат
 Был разлучник меж нею и Руджьером.
- 68 Тою же палимая жаждою
 И Марфиза отомстить за отца
 Всею шпорою
 Уторапливает конский полет,
 Но ни та,
 Ни другая его не перестигли
 Вскатать в город, замкнуть запор ворот
 И искать спасенья от брега в море.
- Роланд
 присоединяется
 к Астольфу
 перед
 Бизертой.*
- Тем
 временем
 Аграмант
 бежит от
 Брадаманты
 и Марфизы*

- 69 Как два борзые породные пардуса,
Два красавца с единой своры,
Не доспев гоньбой
За бегучими ланями ли, оленями ли,
Пристыжаются, что без сил их пыл,
И понуры и хмуры возвращаются,—
Так, вздыхаячи, воротились две ратницы,
Не догнав сарацинского короля.
- 70 А им мало,
И они крушат всех кругом,
Вправо, влево, и куда ни ударят —
Все повалом и никому не встать.
Худо,
кто не быстр себя убережь,
Ибо Аграмант во свое спасение
Затворяет ворота за спиной
- 71 И над Роною
Разоряет и рушит все мосты:
О, злосчастный люд —
Скот тирана в потребу его нужностям!
Кто потоплен в Роне, кто в море,
Кто кровавит собою черный прах,
Много пало, а пленных мало,
Потому что и выкупа с таких не взять.
- 72 Сколько в том последнем бою
Перебито и наших и не наших,
Но не вровень, а больше сарацинов
От руки
Брадаманты и бешеной Марфизы,—
Тому верная память в той земле —
Неоглядное поле, все в могильниках,
Возле Арля, где Ронские пруды.
- 73 И пришлось государю Аграманту *и отплывав'*
Вывести в море тяжелые суда, *из Арля*
А которые не тяжелые, теми *в Африку.*
Подвозить спасающихся с берегов.
Два стояли дня,
Ибо много беглых и встречны ветры,
А на третий вскинули паруса,
Уповая плыть в желанную Африку.
- 74 Между тем государь Марсилий
В тяжком страхе за свой испанский край,
На который, того и жди,
Черной тучею нагрянет возмездие,—
Удаляется во свою Валенцию,
Строит крепости, укрепляет замки
И готовит ту войну, пред какой
Рухнет сам и со всеми своими ближними.

- 75 Вскинул Аграмант паруса
Над судами, где ни люда, ни оружия,
А лишь скорбь и стон:
Каждый выживший плачет по трем павшим,
Кто корит царя гордыней, кто лютостью,
Кто безумством,—но только про себя:
Так уж водится —
В сердце ненависть, а в гортани страх.
- 76 Много, коли два или три
Друга, сдвинувшись, разомкнут уста
И доверят друг другу гнев и злобу;
А всё тешится, думая, Аграмант,
Будто все ему преданы и любят,—
Потому,
Что все лица при нем притворны,
А во всех речах—лесть и ложь.
- 77 Рассудил африканский государь,
Что несручно причаливать в Бизерте,
Потому что заведомо уже знал,
Что тот берег под нубийскою людностью,—
А всхотел пройти поодаль, явиться
Там, где берег не крут и враг не строг,
Соступить и грянуть
На подмогу исстрадавшимся своим.
- 78 Но немилостивая его судьба,
Столь разумного не желая исхода,
Устремила ему наперерез
Ту армаду, на морском берегу.
Столь чудесно рожденную из листьев
И ко Франции правившую путь,—
Ночью, в темном туманном сумраке,
Чтобы стал страшнее расплох.
- 79 Не проведаль царь Аграмант,
Что уже у Астольфа сто судов,
А проведаль бы — не поверил бы,
Что стряхнула их единая ветвь.
И он плыл, сломя голову,
Ниотколь не опасаясь угрозы,
Не поставив и смотрящего вдаль,
Чтобы с мачты дозирал неприметное.
- 80 Оттого-то Астольфовы корабли
С крепким войском и отважным Дудоном,
С вечера завидев чужих,
Повернули строй,
Ощетинив крючья, взготовив цепи,
И грянули,
Потому что слышно по голосам,
Что пред ними — басурманы и недруги.

*В море он
застигнут
флотом
Дудона.*

- 81 С наветра
Налетели тяжелые корабли
Таким натиском,
Что немало сарацинских пошло на дно;
А потом
Так пошли сверкать
Огни, камни, мечи, с умом да с силою,—
Как еще не видывано в морях.
- 82 В Дудоновых молодцах
Пыл и сила пуще бывалого —
    Все от Бога, ибо настал
    Час расплаты за все дела язычников —
Они метят изблизи, метят издали,
Аграманту не укрыться нигде,
Бьет град стрел,
Бьют крюки, топоры, мечи и пики,
- 83 Бьют камень, тяжкие и крутые,
С перетянутых крученых тетив,
Трещат борта,
И в пробоины льется большое море,
А еще страшнее кривой огонь,
Быстрый вспыхнуть, медленный погаснуть.
Корабельщики, спасаясь, кто может,
От беды бросаются, кто куда,
- 84 Иной — в море от врага и меча,
И уже не всплыть захлебнувшемуся;
Иной, всплыв, бьет руками и ногами,
Чтоб спастись на чужой корме,
Но чужой корме самой не в подъем,
И рука, опасная хваткостью,
Остается, вцепившись в шаткий борт,
А пловец, отпавши, кровавит волны.
- 85 Иной, чаявший спасенья в волне,
А коли не спасенья, то легкой смерти,
Не находит, чего искал,
И уже испуская вздох и дух,
Обращается вспять, к тому же пламени,—
Но конца не минуть,
И всползая на пылающий брус,
В страхе двух смертей он гибнет обеими.
- 86 А иной от пики и топора
Рвется вплавь,
Но вослед ему стрела или камень,
И ему далеко не уплыть.
    Но коли такая моя мила
    Песня, то не лучше ли, не умнее ли
    Здесь и перервать,
    Чем влачить ее, пока не докучит?

ПЕСНЬ СОРОКОВАЯ

- 1 Долог сказ *Вступление.*
Обо всех морских битвенных
превратностях,
А перед тобою,
Веледушный отпрыск непобедимого
Геркулеса, это значит носить
Вазы в Самос, сов в Афины, в Нил
крокодилов,
Потому что о чем я только слыхивал,
Ты и видел и себя в нем казал.
- 2 Долгое было зрелище
Верному твоему народу
В день и в ночь видеть вражьи паруса
Меж огнем и мечом на струях Пада.
Сколько слышано здесь криков и стонов,
Сколько видено крови в речной волне,
Сколькими смертями смертельна
битва,—
Ты и видел и дал увидеть всем.
- 3 Я не видел, потому что в те дни
Я, меняя коней, скакал припасть
Ко святым стопам высокого Пастыря,
Умоляя для тебя вспоможения;
Но не надобны стали ни конь, ни пеш,
Ибо ты сокрушил и клык и коготь
Золотого венецейского льва,
Как доселе оному и не памятовалось.
- 4 Мне о том поведали Альфонс Тротт,
Бывший в деле, и трое Ариостов,
И Альберт, Аннибал, Афраний, Петр,
Зербинат и Баний,
А еще поведали все знамена,
Сколькими украсил ты божий храм,
И пятнадцать вражьих галер
Меж несчетных челнов в плену у берега.
- 5 Всяк, кто видел тот пожар, тот потоп,
Ту такую и столькую резню,
Какой резались мы за те ладьи,
Мстя за наши разоренные дома,—
Тот пойми, каков был смертный урон
Бедным маврам и королю Аграманту
Меж соленых волн
Темной ночью пред Дудоновым натиском.
- 6 В непросветном мраке
Сшиблись первые суда о суда,
- Бросив
флот,
Аграмант
с Собринном
спасаются
бегством.*

Но когда вспылали смолой и серою
Корабельные кормы и бока,
И прожорливый пламень обольнул
Беззащитные галеры и парусники,—
Ночь предстала днем,
И увиделось все, что было скрыто.

7 И тогда-то
Полагавший Аграмант в темноте,
Что неожиданный недруг ему не в страх
И недолгим надломится отпором,—
В разъятой тьме
Вдруг увидел, чего не чаял,
Вражбых стругов вдвое больше, чем
собственных,—
И вошла в его ум иная дума.

8 Он спускается в самый легкий челн
С Златоуздом, добром и лишь немногими
И, отпрянувши, неслышно гребет
Меж своих и чужих в большое море,
Покидая столькие корабли
На крутую Дудонову расправу:
Жжет их огонь, жрет их хлябь, бьет их сталь,
А виновник уже в далеком бегстве.

9 Он в далеком бегстве, а с ним
Царь Собрин, и печально Аграманту,
Что не верено вещему, когда
Предвестил он напавшие напасти.
Но пора
воротиться к паладину Роланду,
Как Астольфа он зовет разорить
До подмоги мятежную Бизерту,
Чтоб вовек ей не вставать против
Франции.

10 Кликнуто по стану:
Быть ко приступу на третий день.
Снаряжает Астольф и корабли,
Потому что не все ушли с Дудоном,
Над которыми ставит Сансонета,
Равно славного на суше и в море,
И который выводит их на якорь
Пред Бизерту, от пристани за версту.

*Тем
временем
Роланд
готовит
приступ
к Бизерте.*

11 А Роланд и Астольф,
Как Христовы истинные воители,
Ни на что не дерзавшие без Господа,
Повелели молиться и говеть
Всему войску две ночи и два дня,
А на третий,

Воедино по трубе встав на брань,
Взять Бизерту на поток и разграбление.

- 12 Истово
Почтив Бога молитвою и постом,
Собираются за трапезами в стане
Друзья, родичи и кто кому люб.
Подкрепляют истощенную плоть,
Обымаются, проливают слезы
И такие произносят слова,
Как прощаясь с любезнейшими любезными.
- 13 Ив Бизерте за крепкою стеной
Иереи и страждущий народ
Служат службы, бьют в груди, вносят плачи
К Магометову невнемлющему слуху.
Сколько бдений, сколько жертв и даров
Обещает всяк во своем обете!
Сколько совокупно в беде обетуется
Храмозданий, кумиров, алтарей!
- 14 Вот, благословленные Кадием, *Начало*
Устремляются бизертяне к стене и в бой,— *приступа.*
И еще не встала Заря
От Тифонова ложа в небесный сумрак,
Как с суши Астольф и как с моря Сансонет
И за каждым оружные ряды
По Роландовой трубе
Ударяют приступом на Бизерту.
- 15 С двух сторон от Бизерты — море,
С двух других — сухопутный берег,
Стены ставлены в старину
Кладкою отменною и несвычайною,
Ни достройки им, ни перестройки,
Потому что король Бранзард
Не имел уже ни люду, ни времени.
- 16 Повелел Астольф черному царю
Грять в зубья бизертских стен
Огнем, дротами, пращами и луками,
Чтобы у защитников сбило пыл,
Чтобы пешие и конные
Безопасно подступили к стене
С топорами, с камнями да с бревнами,
Кто на что силен,
- 17 Из рук в руки
Кто что нес, то и мечет в ров,
Из которого вытянута вода
В сто канав, как высушивают болото.
Ров засыпан досыта
И сравнялся с подножием стены,

И уже Астольф, Роланд, Оливьер
Снаряжают ратников ввысь на гребень.

- 18 Не терпя ни малого мига,
Увлекаемы жаждою раззора,
Презирая грозительные удары,
Нубийцы
Под щитами черепашьих навесов
Устремляют на ворота Бизерты
Сокрушающие тараньи лбы—
Но уже басурманы наготове:
- 19 Огнем, сталью, свалом зубцов и кровель,
Как градом,
Они рушат доски и бревна
Тех снарядов, двинутых к их гибели;
В рассветной мгле
Много терпят подударные ратники;
Но как встало солнце из золотых палат—
Повернулась судьба спиною к маврам.
- 20 Приказал Роланд
Усугубить напор с земли и моря.
Сансонет вздымает суда,
Подплывает к берегу, метит в город,
Сеет в недругов камень и стрелы •
Из пращей, и луков, и самострелов,
Изготавливает крючья и всходни,
Все, чем крепки битвенные лады.
- 21 Оливьер, Роланд, Брандимарт
И английский граф, воздушный ристатель
Приступают с противной стороны,
Ярой бранью взбивают сухопутье,
Четверть войска у каждого за спиной,
Тот к воротам, тот меж ворот,
Каждый,
Где бы ни был, сияя в бранных подвигах.
- 22 Каждого видней
В битве порознь, чем в битве воедино:
Тысячам взирающим нет сомненья,
Кто хвалы достоин и кто хулы.
Наезжают турусы на колесах,
Подступают слоны, на спинах башни,
А те башни такого роста,
Что на гребни стен глядят свысока.
- 23 Брандимарт под стеной и с лестницею,
Вот он всходит, зовет с собой своих,
И они за ним, все бестрепетны:
С этим первоборцем ничто не в страх.

Ни единому не вдогляд,
Вынесет ли лестница столько ноши:
Брандимарт глядит лишь вперед,
Всходит, рубит, и вот уже на гребне.

- 24 Меч в руке, он ступает меж зубцов,
Бьет рукою и бьет ногою,
Валит, рубит, пронзает и шеломит,
Так умело, что только бы и глядеть.
Вдруг
Лестница подламывается под тягой лат,
Брандимарт один на краю стены,
А все прочие — в ров в одну повалку.
- 25 В Брандимарте все тот же пыл,
Он ни шагу вспять,
Хоть и видит, что за ним — никого,
Хоть и висится целью всем прицелам.
Его кличут воротиться, а он
Не прочь, а внутрь:
Прыгнул в город с крутой стены
Высотой в тридцать локтей без малого.
- 26 Без вреда на твердую земь
Пав, как в пух,
Он кроит и режет обставших,
Как кроят и режут кусок сукна.
То он на одних, то он на других,
Те и эти от него врассыпную;
А свои, которые за стеною,
Видя прыгнувшего, мыслят: конец.
- 27 Разлетается по войску молва,
Инде в голос, инде в шопот и ропот,
На ходу растет,
Все ужаснее сказывает сказ,
Долетает до Роланда, который
Вел на приступ немалые полки,
До Отонова сына, до Оливьера,
И все шире распростирает крыла.
- 28 Три вождя, а первый меж них Роланд,
Так любивший оного Брандимарта,
Как узнали, что всякий лишний миг
Грозит гибелью столь славному другу,
Вспыхивают царственными сердцами,
Ставят лестницы, рвутся ввысь,
И такой в их лицах битвенный жар,
Что от взгляда трепещут сарацины.
- 29 В бурю в море
Как восстав валы на безумный челн,

*За Бран-
димартом-
остальные
рыцари.*

В буйной ярости рвутся захлестнуть
То борта его, то корму, то скулы,
Бледный кормщик стонет,
Что не выправит ни умом, ни духом,
А как грянет последняя волна—
Всхлынут хляби, и зальют, и потопят,—

- 30 Так ударив, три грозные бойца
Пробивают путь
Такой торный, что все за ними вслед
С сотен восточной устремляются в кручу,
А барановы головы таранов
С громом рушат стены во столько мест,
Что уже и не один и не два
Вскрыты входы на помощь Брандимарту.
- 31 Как царь рек,
Проломивши берега и плотины,
В мантуанские пробьется поля
И валами валит и рвет и мечет
Жирную землю и желтое жито,
И овец, и овчарни, и псов, и пастырей,
И всплывают рыбы
В ветви вязов, где прежде витали
птицы,—
- 32 С той же яростью *Бизерта*
Ринулся в проломы оружный люд, *взятая.*
Сокрушая пламенем и булатом
Злополучное племя побеждаемых.
Смерть, раззор,
Руки по локоть в крови и чужом добре
Повергают в прах
Пышный и победный престол всей Африки.
- 33 Грудой грудятся мертвые тела,
Кровь из ран
Стынет озером черней и страшней,
Чем текучий обвод подземных царств.
Изгибаясь пламя с кровли на кровлю,
Жжет дома и сени, дворцы и храмы,
В опустелых, опостылых дворах
Плач и стон и биенье в грудь.
- 34 Победители у всех на виду
Из недобрых ворот бредут с добычею —
С кем узорочье, с кем сосуд серебра,
С кем кумиры старинной боговщины,
Кто ведет матерей, а кто детей,
Всюду тысячи тысячей насилий,
О которых хоть и ведал Роланд,
Но ни он, ни британец не мог
препятствовать.

- 35 Буцифар Альгазерский пал
От клинка удалого Оливьера;
Король Бранзард
Наложил на себя отчаянные руки;
Взят британским герцогом король Фольв
О трех ранах в груди, и все смертельны;
Такова судьба
Аграмантовых трех вождей над отчиною.
- 36 Сам же государь Аграмант,
Бросив флот, оставшись один с Собрином,
Из морской дали, рыдая и сетуя,
Видел полымя на бизертском берегу,
А уведав изблизи,
Что соделалось с отчей его землею,
Посягнув поразить себя булатом,
Но его удержал король Собрин.
- Аграмант
в отчаянии
плывет
на восток.*
- 37 Собрин молвил ему так: «Государь,
Есть ли радость отраднее твоим недругам,
Нежели услышать твою погибель
И по ней—верный доступ к целой Африке?
Им преграда—твоя жизнь,
Она вечный страх для их радости,
Ибо ведомо, что пока ты здоров,
Не владеть им долго твоею частью.
- 38 Ты умрешь — и не станет твоим подданным
Их надежды, последнего из благ;
А надежда жива, коли ты жив,
Что вернешься с победою и свободою,
А коли умрешь—
Людям плен, земле дань и всюду горе.
Если для себя тебе жизнь не в жизнь,
То живи, государь, для блага ближних!
- 39 Твой сосед, Каирский султан,
Не откажет тебе в казне и людях,
Потому что и ему не в отраду
В Африке увидеть франкскую мощь.
Родич твой король Норандин
Приспешит вернуть силой тебя на царство,
А попросишь — и встанут за тебя
Турки, персы, арабы, армяне, миды».
- 40 Таковыми и иными разумными
Увещал речами царя мудрец
Воротиться к мысли отбить отечество,
Но в душе боялся, что быть не так,
Ибо ведал,
Каково не в прок и во тщетный плач,
Если кто, исторгшись своей земли,
Призовет себе в помощь пришлых варваров.

- 41 И тому примеры —
 Ганнибал, Югурта, другие древние,
 А меж новых — Людовик Мор,
 Бывший выдан Людовику
 Французскому,
 А тому свидетель —
 Вашей милости славный брат Альфонс,
 Повсеместно полагавший безумцами
 Всех, кто верит не себе, а чужим.
- 42 И хотя в войне
 За несносную обиду от папы
 Из немногих средств свершил он
 немногое,
 А заступник его и вспомогатель,
 Впав в изгнанье, оставил царство
 недругу,—
 Всё не преклонился Альфонс
 Ни угрозами чьими, ни посулами
 Уступить свою статочность чужим
 рукам.
- 43 Аграмант, повернув ладейный клюв,
 Взял к востоку в большое море,
 Как вдруг
 Грозной бурей грянуло с берега
 И вскричал, вскинув кормчий очи ввысь:
 «Вижу,
 Государи мои, встал шквал,
 На который наша ладья не выплывет!
- 44 Выслушайте же добрый совет:
 Есть по левую руку малый остров,
 И в него бы нам забросить причал,
 Пока злое опамятуется море.»
 Аграмант не стал поперек,
 И они ушли от беды налево.
 Где спасал мореходцев бережок
 Между Африкой и Вулкановой кузнею.
- 45 А на островке ни души,
 Мирный мирт и смиренный можжевельник,
 Сладостный приют
 Зайцам, козам, оленям, ланям,
 Никому неведомый, кроме
 Рыболовов, на терновых кустах
 Влажные простирающих неводы,
 Пока рыбы дремлют в нестрашном море.
- 46 Глядь, а здесь
 Чужой челн, приневоленный судьбиною,
 А на нем — великий рыцарь и царь
 Сериканский, исплыв сюда из Арля.

Вышел на песок, обнялись
Два державца достойно и любезно,
Потому что меж ними была дружба
И союз в бою у парижских стен.

- 47 Возмущенным слухом внимал
Царь Градасс Аграмантовой горькой
повести,
И гласил бодрительные слова,
И по-царски предстал к его услуге,
Но не снес помышлений
О подмоге из лживого Египта:
Каково туда опасен заход,
Тому знаменье-де — Помпеево бегство.
- Градасс
вызывается
за него
на бой.*
- 48 «А коли и впрямь,—
Говорит он,— нубийская орда
Налетела терзать твою землю
И пожгла твой престольный град,
А при ней Астольф и Роланд,
Столь недавно без царя в голове,—
То придумал я знатнейшее средство,
Как избыть твою худую беду.
- 49 Я во имя твое
Призову Роланда к единоборству,
И хоть будь он весь — медь и весь — булат,
Но противу меня ему не выстоять;
А как он падет —
Вся Христова мне рать — что овцы волку.
И тогда-то не станется за труд
Вымести чернокожих из-под Бизерты:
- 50 Я воздвигну нубийцев на нубийцев,
Басурман на христиан через Нил,
А за ними арабов и макробов,
Знатных, людных, конных,— а вслед
И халдеев, и персов, и иных
Поддержавных скиптру моей руки,
И такая война взойдет на Нубию,
Что не станет в Африке ни души.
- 51 Добрым Аграманту началом
Посудилась та Градассова мысль,
И возблагодарил он судьбу,
Что свела его с ним на этом острове.
Но одно ему не в лад—
Даже ради вызволения Бизерты —
Чтобы бился за него царь Градасс,
Ибо это—унижение чести.
- Аграмант
Градасс
и Собрин
посылают
Роланду
вызов.*
- 52 «Если должно вызвать Роланда к битве,—
Говорит он,— то вызов — мой,

А уж там
Будь Господня воля в добре и в хude».
А Градасс в ответ:
«Лучше будь по-моему, но по-новому —
Выступим вдвоем
На Роланда и того, с кем он явится!»

53 «Будь единоборство ли, двоеборство ли, —
Лишь бы мне не стыть в стороне, —
Говорит Аграмант, — а о тебе
Мне не тайна, что лучше нет соратника».
«А я, —
Говорит Собрин, — разве и ненадобен?
Если стар я, то в опытности — ум,
А в беде он не хуже всякой силы».

54 Собрин стар,
Но и крепость и мощь его испытаны,
И поистине седой его век
Равноборен зеленому и юному.
Решено по-его и быть:
Тотчас сыскан вестник
И отправлен к африканскому берегу
Бросить вызов паладину Роланду:

55 Пусть Роланд с людьми, один к одному
Выйдет к бою на остров Липадузу,
Невдали
Омываемый теми же волнами.
Не шая ни весел, ни паруса,
Доспевал пловец и доспел
До Бизерты, а в Бизерте Роланд
Делит воинам добычу и пленников.

56 Как воскликнулся всеслышный призыв
Аграманта, Градасса и Собрина —
Столь возликовал паладин,
Что осыпал глашатая дарениями.
До него дошло,
Что его Дурендаль — в руке Градассовой,
И чтобы ее воротить,
Он готов в погоню до самой Индии.

*Роланд
готовится
к бою.*

57 Он судил, что, покинув здешний край,
Только в Индии сыщется похититель,
А теперь узнал,
Что вернет себе свое даже изблизи.
А еще он вождедеет отбить
Рог Альмонта и коня Златоузды,
И стремится в бой,
Зная быть их при Трояновом сыне.

- 58 Избирает он биться сам-третей
Оливьера и верного Брандимарта,
Зная доблесть и этого и того,
Зная от обоих любовь и преданность.
А еще ему нужны
Добрый меч, добрый конь, и бронь, и копья,
Ибо вы ведь помните,
Что все трое — не при своем оружии:
- 59 Что Роланд размыкал свое,
Когда буйство смяло его рассудок,
А у прочих все добро поотбил
Родомонт и держит в прибрежной башне.
Да и в Африке,
Чего надобно, того не сыскать,
Ибо выступив Аграмант на Францию,
Все забрал и ничего не оставил.
- 60 Что сыскалось ржавого и не ржавого,
То велел Роланд собрать в одномест
И повел друзей
Посудить на взморье о близкой сече.
Не прошли они и трех верст,
Поглядели — видят:
В море челн на раздутых парусах,
И плывет он к африканскому берегу.
- 61 Ни пловцов на нем, ни гребцов,
А ведут его ветер да удача,
И плывет он на полных парусах,
И врывается в песчаную пристань.
Но об этом сказу еще не срок,
Ибо я без меры люблю Руджьера
И хочу продлить мою повесть
Про него и клермонтского воителя.
- 62 Я домолвил, как сей и оный
Пресекли единоборную сечу,
Видя пограны царские обеты
И всех в схватке, кто пеш, кто на коне.
Кто же ломщик уговорной присяги
И виновник столького зла,
Государь Аграмант или державный Карл?
Так пытаются они ближних и дальних.
- Тем време-
нем
Руджьер,
поколе-
бавшись,
отправляет-
ся вслед
Аграманту.*
- 63 А Руджьеров некоторый
Верный, зоркий и хлопотный слуга,
Не сводивший взора с хозяина
В сече ратей, вскипевшей вокруг,
Подоспел к нему с мечом и с конем,
Чтобы встал он поборать за товарищей,
И Руджьер, вспоясав меч, всел в седло,
Но отворотился от бывшей битвы.

- 64 Он пустился прочь,
Вновь заверив Ринальда в уговоре,
Что коли откроется Аграмант
Вероломцем — он бросит Аграманта.
Более в сей день
Не притрагивался рыцарь к мечу,
А лишь схватывал встречных и допытывал,
Аграмант ли зачинщик или Карл?
- 65 И от всех он слышит:
Аграмант виновник, и только так!
А Руджьеру Аграмант не чужой,
И покинуть его — вина не малая,
Потому что африканский народ
Бит и травлен, как мною оповедано,
И ниспал с колеса под колесо,
Как то любо Кружительнице света.
- 66 Руджьер судит и спорит сам с собою:
Быть ли, нет ли ему с своим вождем?
И любовь к возлюбленной
Его нудит, клонит, гнет и зовет
Не идти за государем в заморье,
А повернуться прочь,
И грозит, что не к добру, коли он
Не исполнит вешанное Ринальду.
- 67 Ас другой стороны души
Его мучит неспящая тревога,
Что покинь он в этот час Аграманта,
Сие вменится в малодушный страх:
И отъезд его иные поймут,
А иные отвергнут и осудят,
Ибо-де чего не след обещать,
То не грех и не исполнить в обете.
- 68 День и ночь и новый день
Он стоял, одинокий, терзаясь думою,
Плыть или не плыть
И остаться или не остаться меж франками?
Наконец
Порешает вслед вождю править в Африку,
Ибо страсть его сильна, но сильнее
Долг и честь.
- 69 Обращает он скакуна
В Арль, где чаёт быть ливийскому флоту,—
А уж в Арле ни ладьи, ни челнока,
А сколько есть сарацин, те все убитые.
Сколько ни было кораблей —
Все увел Аграмант и сжег оставшиеся.
Обманувшись в чаянии,
Руджьер едет по берегу в Марсель,

*В Марселе
он застаёт
Дудона
с пленным
флотом.*

- 70 Едет, чтобы силой или добром
 На любом насаде доплыть до Африки;
 А уже к марсельским местам
 Датский сын привел флот и свой
 и пленный,—
 Просяному зернышку
 Негде пасть, потому что все побережье
 Корабельные стеснили бока,
 И на каждом и взявшие и взятые.
- 71 Сколько варварских судов ни спаслось
 От нщного огня и хищной хляби,—
 Все к Марселю привел Дудон,
 Лишь немногие спаслись без оглядки.
 С ним и семь кораблей, а на них семь
 королей,
 Сдавшихся,
 Потеряв своих бойцов и пловцов,
 Неподвижны, скорбны и немые.
- 72 Дудон сходит на прибрежный песок,
 Думав здесь найти Великого Карла,
 А с собой
 Пышно сводит всех взятых и все взятое.
 Встал на берегу весь полон,
 Встали вокруг гордящиеся нубийцы,
 И гремит
 По окрестности Дудоново имя.
- 73 Издали подумал Руджьер,
 Что у берега — корабли Аграманта,
 И пришпорил коня, чтобы увериться,
 И увидел:
 Стоят пленными насамонский царь,
 Баливерз, Фарурант, Агрикальт,
 Манилард, Римедонт, Кларинд,
 Все в слезах и все потуплены лбами. *
- 74 А Руджьеру все они не чужие,
 Он не волен оставить их в беде,
 И как было ему ведомо,
 Что бессильна просьба из праздных рук,
 Он берет копьё вперевес,
 Крушит стражу,
 Блещет меч, и в привычный малый миг
 Полегли кругом сотня и сверх сотни.
- 75 Дудон слышит шум, видит брань,
 Но не ведает бранного виновника;
 Негодует, что бежит его люд,
 Проливая слезы, в страхе и трепете,
 Кличет дать ему шлем, коня и щит,
 Ибо руки, грудь и ноги уже в железе,

*Руджьер
 схватывается
 с Дудоном.*

И в седло, и к копью, и крепко помнит,
Что он подлинно франкский паладин.

- 76 Всем кричит: «С дороги!»,
Шпорит шпорами конские бока,—
И Руджьер, о ту пору в радость пленникам
Положивший вторую сотню душ,
Понимает, поглядевши, каков
Есть Дудон на коне меж всеми пешими,
Что он подлинно их начальный вождь,—
И горит желанием с ним померяться.
- 77 А навстречу устремился Дудон;
Но увидя, что Руджьер— без копья,
Он отбрасывает собственное,
Погнушавшись бить из неравных сил.
Такое взвидевши вежество,
Говорит Руджьер: «Видимое не лжет,
Что сей рыцарь— из тех, что величаются
Паладинами франкского двора.
- 78 Посему-то я хотел бы прознать
Его имя раньше чего другого!»
Вопрошает и слышит: пред ним Дудон,
Отпрыск славного датского Оджьера.
Дудон спросом отвешивает спрос,
И ответствуется вежеству вежеством.
Так сказавшись,
Они смирились вызовом и мчат в упор.
- 79 У Дудона — окованная палица,
Много знавшая отменных побед,
С ней в руках
Он достойный сын славного датчанина.
У Руджьера — меч, лучший в свете,
Просекающий всякий шлем и бронь,
С ним в руках
Он достойный содобрестник Дудона.
- 80 Но всегда в его уме — его дама,
Для которой он не хочет обид,
А пролить Дудонову кровь —
Это ей заведомая обида,
Ибо зная он, кто кому родня,
Знал и то, что Дудонова родительница
Армеллина есть кровная сестра
Беатрисе, матери Брадаманты.
- 81 Оттого-то острием он не колет,
Оттого-то лезвием бережет,
А когда навалится палица —
Отразит мечом иль подастся вбок.

Говорит Турпин:
 Пасть Дудону бы с немногих ударов;
 Но когда и открывался Дудон,
 Ударял его Руджьер только вplashь.

- 82 Вplashь,
 Потому что клинок широк и долог;
 Но и с этого
 Над Дудоном таков и гром и блеск,
 Что ему на очи находит омрак,
 И едва он держится, не упав.
 Но в угоду вам, которые слушают,
 Я домолвлю их сечу в новой песни.

ПЕСНЬ СОРОК ПЕРВАЯ

- 1   Ежели проникнуты ароматами   *Вступление.*
 Борода ли, кудри ли, платье ли
 Легкого ли юноши ли, девицы ли,
 Над которыми плачется Любовь,—
 Аромат, вздышав, не отдышит,
 В днях и днях сохранит благоуханье,
 И сие наилучшая порука,
 Сколь он сладок излился в первый час.
- 2   Благодатная влага, за которую
 Был Икарий терзан первоотведавшими,
 И с которой, не почуяв усталости,
 Перешли за Альпы кельты и бойи,—
 Сберегая вкус до исхода года,
 Благородных лоз утверждает сладость;
 Дерево, зеленое и зимою,
 Доказует красу весенних дней,—
- 3   Добрый род,
 Столько лет сиявший сияньем вежесгва,
 А превыше прошлого — в наши дни,
 Кажет верный знак,
 Что первородитель светлейших Эсте
 В лучших доблестях,
 Возносящих смертного до небес,
 Должен был блистать, как в светилах
 солнце.
- 4   И как в каждом своем достойном   подвиге
 Руджьер впрямь
 Несомненные являл миру знаменья

Веледушия, доблести и вежества,—
Так здесь,
Пред Дудоном, как вам о том поведано,
Он сдержал свою силу при себе,
Пожалев о верной его погибели.

- 5 Как уверился Дудон,
Что Руджьер не желает ему смерти,
Потому что уж не раз и не два
Открывался и был в изнеможении,
Как увидел, что Руджьер бережет
Его жизнь и умеривает удары,—
Он, хоть силой и мощью уступив,
Не желает уступить ему вежеством.
- 6 «Господин мой,— говорит,— ради Господа,
Положим мир:
Не бывать, не бывать моей победе,
Я побит и пленник вашего вежества».
А Руджьер в ответ: «Будь же мир,
Я хочу его, как ты, но с условием:
Семерых королей, тобою пленных,
Отпусти на волю и выдай мне!»
- 7 И он кажет тех семерых,
Что стояли в цепях, потупясь лбами,
И гласит: «Да будет им путь
Вслед за мною в назначенную Африку!»
И на том отпускаются все семь
На свободу и вверены паладину;
И по взгляду его дается ладья,
И на той ладье они правят к полдню.
- 8 Правят к полдню и ставят паруса,
И вверяются неверному ветру,
А попутный северный
Бодрит кормчего, раздувая ткань;
Отбегает берег,
И вокруг лишь простершееся море;
Но как смеркся день —
Ветер встал вероломствен и предательствен
- 9 Был он в спину—вдруг он в бок, вдруг он
в лоб,
И где был, уж там его нет,
Кружит струг и кружит голову кормчего;
Справа, слева, и впрямь, и вкось
Вздыбились валы, крутые и грозные,
Белым стадом взревела хлябь,—
Сколько вод на приступе,
Столько нависает смертей.
- 10 Вихрь в лоб, вихрь в тыл
Гонят парусник вперед и назад,

*Дудон
признает
себя
побежден-
ным*

*Руджьер
с отбитыми
пленниками
плывет
в Африку
и попадает
в бурю.*

Веледушия, доблести и вежества,—
Так здесь,
Пред Дудоном, как вам о том поведано,
Он сдержал свою силу при себе,
Пожалев о верной его гибели.

5 Как уверился Дудон,
Что Руджьер не желает ему смерти,
Потому что уж не раз и не два
Открывался и был в изнеможении,
Как увидел, что Руджьер бережет
Его жизнь и умеривает удары,—
Он, хоть силой и мощью уступив,
Не желает уступить ему вежеством.

*Дудон
признает
себя
побежден-
ным*

6 «Господин мой,—говорит,— ради Господа,
Положим мир:
Не бывать, не бывать моей победе,
Я побит и пленник вашего вежества».
А Руджьер в ответ: «Будь же мир,
Я хочу его, как ты, но с условием:
Семерых королей, тобою пленных,
Отпусти на волю и выдай мне!»

7 И он кажет тех семерых,
Что стояли в цепях, потупясь лбами,
И гласит: «Да будет им путь
Вслед за мною в назначенную Африку!»
И на том отпускаются все семь
На свободу и вверены паладину;
И по взгляду его дается ладья,
И на той ладье они правят к полдню.

8 Правят к полдню и ставят паруса,
И вверяются неверному ветру,
А попутный северный
Бодрит кормчего, раздувая ткань;
Отбегает берег,
И вокруг лишь простершееся море;
Но как смеркся день —
Ветер встал вероломствен и предательствен

*Руджьер
с отбитыми
пленниками
плывет
в Африку
и попадает
в бурю.*

9 Был он в спину — вдруг он в бок, вдруг он
в лоб,
И где был, уж там его нет,
Кружит струг и кружит голову кормчего;
Справа, слева, и впрямь, и вкось
Вздыбились валы, крутые и грозные,
Белым стадом взревела хлябь,—
Сколько вод на приступе,
Столько нависает смертей.

10 Вихрь в лоб, вихрь в тыл
Гонят парусник вперед и назад,

- Вихрь в бок
Крутит крутью, и все клубят к крушению.
Кормчий
Бледен, стонет, сменяется в лице
И кричит и жает двумя руками,
Где поднять, где спустить какую снасть.
- 11 Но напрасен крик, тщетен знак,
Ничего не видно сквозь ночь и ливень,
, Бьется голос,
Но невнятен, потому что вокруг
Полон воздух воззваний пловцов
И морского рушащегося шума,
И ни с носа, ни с бортов, ни с кормы
Что и крикнется, того не слышать.
- 12 Ветер в вервиях
Свищет яростно, исторгая страшные звуки,
Пышут молнии,
В гулкий голос раскатывается гром.
Кто бросается к веслу, кто к кормилу,
Всякий за свое:
Тот связывает, тот развязывает,
Тот отсосом качает море в море.
- 13 Бьет Бореева
Буря парус с ревом о бревна мачт,
В неотступном бешенстве
Встает море столбами до небес.
Весла в щепях,
И неистовствует злая судьба,
Так заворотивши корму,
Что беспомощный борт подстал пучине.
- 14 Правый бок ушел под волну,
Миг — и струг опрокинется вверх днищем;
Каждый в крик,
Ждет конца и вверяет душу Господу,
А судьба из беды несет в беду,
Разверзается не сбоку, так снизу:
Расседаются корабельные доски,
И вливается в щели злая хлябь.
- 15 А со всех сторон
Лютый ветер и ломит и неистовствует,
А валы то вздымнутся до небес,
То
Перебросят судно с гребня на гребень,
Разевая внизу кромешный ад.
Пред очами неминуемая смерть:
Нет пощады.
- 16 До зари
Гнал их ветер и носило их море,

До зари и после зари,
 Потому что ветер не слабел, а силился.
 Вдруг
 Перед ними голый утес,
 Они рвутся прочь, но без сил,
 И крутая буря метет их к гибели.

- 17 Трижды и четырежды
 Бледный кормщик налегает на брус,
 Ищет, где бы выплыть,— но тщетно!
 Сломлено его кормило и схлестнуто,
 И таков напор в парусах,
 Что уже их не снизишь ни на пядень:
 Ничего уж не сдумать и не сделать
 В смертный час.
- 18 Как взошло плывущим в умы,
 Что ладье их всеконечный конец,—
 Всяк хватается за свое спасение,
 Всякий о себе, всякий для себя.
 Кто поспел, тот вбивается в челнок
 И челн полн,
 Челн тяжел непомерным людом
 И едва уж держится на волне.
- 19 Руджьер видит: корабельщик и кормщик
 И пловцы и гребцы в беде и в бегстве,
 И как есть, без доспеха, лишь в кафтане
 Хочет в челн; а челн
 Не в подъем
 Грузен новыми рвущимися и новыми,
 И уже волна через край,
 И уже идет ко дну переполненный.
- 20 Он идет ко дну, и на нем —
 Все, кто поотчаялись в большом судне.
 Слышатся небесам
 Достослезные клики с мольбой о помощи,
 Но недолго слышатся, потому
 Что гневливое накатило море,
 И не стало отколе быть
 И стенанью, и жалобе, и плачу.
- 21 Кто пошел на дно, и конец,
 Кто всплывает и борется с пучиною:
 Там покажется из волн голова,
 Там рука или иная конечность.
 И Руджьер,
 Не желая смириться перед бурей,
 Всплыл и видит:
 вблизи нагой утес,
 Тот, которого спасались, но тщетно.

*Руджьер
 спасается
 в плавь,*

- 22 Уповая к той ли твердой скале
 Выгрести руками или ногами,
 Он плывет, раздувая губы,
 Чтоб отринуть докучную волну,—
 А меж тем
 Обезлюдевший брошенный корабль
 Мчится ветром и мчится валом прочь
 От желавших жить и приявших смерть.
- а корабль
 с его ору-
 жием при-
 бивает
 к Африке.*
- 23 О людские неверные упования!
 Сей корабль, обрекшись гибели,— выжил,
 И, покинутый правившими и плывшими,
 Без кормила пустился в плавный путь —
 Самый ветер,
 Увидав, что на борту ни души,
 Пременился и постремил корабль
 Мимо мелей безопасно влагою.
- 24 И где кормчему правилось вкривь и вкось,
 Там без кормчего плылось прямо к Африке
 И прибилося возле самой Бизерты,
 В трех верстах с египетской стороны.
 Врезанный в песок,
 Встал корабль, устали волна и ветер,
 И тогда-то пришел к нему гуляючи,
 (Как то было сказано) граф Роланд.
- 25 Пожелалось Роланду посмотреть,
 Точно ль пуст он и точно ли безлюден;
 И он всходит на легкий борт
 С Брандимартом и свояком Оливьером.
 Заглянув под сень,
 Видит: в кузове никого,
 Только славный стоит скакун Фронтин,
 Да лежат доспех и клинок Руджьера.
- Роланд
 с товарища-
 ми воору-
 жаются.*
- 26 Ибо так Руджьер торопился выжить,
 Что ему не пришлось вспоясать меч;
 И увидевши, узнал паладин
 Бализарду, для него не чужую,
 Потому что вы читывали и сами,
 Как отбил он ее у Фалерины,
 Фалеринины разоря сады,
 И как после похитил ее Брунель,
- 27 А Брунель под Каренскою горою
 В вольный дар преподнес ее Руджьеру.
 Какова Бализарда навзруб и влашмь,
 Славно испытал
 Граф Роланд своей собственною рукою,
 И ликуя, взблагодарил Всевышнего,
 Полагая (так сказывал он сам),
 Что сие Господень дар к крайней надобе.

- 28 К крайней надобе, потому что он
Шел на бой с государем Серикании,
Зная быть у грозного молодца
И свою Дурендаль, и коня Баярда.
Прочий же доспех
Он, не зная его и не пытавши,
Не умел ценить и почел
Что не так он хорош, как чист и пышен.
- 29 И как был он заговорен от ран,
То не льстясь ни на какие он брони,
Уступил доспех Оливьеру,
Только меч оставивши на боку,
А коня преднамерил Брандимарту,
Таковым справедливейшим разделом
Пожелав, чтобы каждый из друзей
Был бы в прибыли от общей находки.
- 30 К битвенному дню
Каждый рыцарь справляет новый плащ,
И Роланд в четырех углах герба
Представляет Вавилон под перуном,
Оливьер же — серебряного пса,
Чтобы спал он, откинув сворный повод,
Под словами: «Покуда не завиху!» —
А вокруг вилось достойное золото.
- 31 Только Брандимарт положил
Ради отческой памяти и чести
Бесприкрасно выйти на грозный бой
В облачении сумрачном и черном.
Флорделиза же сей черный покров
Обшивает алым обводом,
По которому отменные каменья,
А в обводе суконное всё и скорбное.
- 32 Белою своею рукою
Она шила черный плащ для доспеха,
Чтоб окутать рыцарю панцирь,
А коню его — гриву, грудь и спину.
И от первого дня и до последнего,
А потом и от последнего дня
Не бывало в челе ее веселости,
Ни улыбки в лице.
- 33 В сердце ее страх, в сердце мука,
Что отымет ее Брандимарт:
Сто и сто отпуская его раз
В дальние места и большие битвы,
Никогда, как нынче,
Не бледнела она, не леденела;
И что внове ей такая боязнь,
Оттого и душа трепещет вдвое.

*Предчув-
ствия
Флорделизы
о Бранди-
марте.*

- 34 Изготовив оружие и сбрую,
Подымают рыцари парус в ветер,
Оставляя Астольфа и Сансонета
Над послушным войском на берегу.
Флорделиза, пронзаясь ужасом,
До небес взметает мольбы и жалобы,
И доколе хватает взора,
Следит парус в дальнем морском бегу.
- 35 Еле-еле Сансонет и Астольф
Увели ее, вперенную в волны,
И оставили во дворце на ложе,
Сотрясаемую гибельным горем.
А меж тем
Добрый ветер, попутствуя трем рыцарям,
Вынес челн без уклона к тому острову,
На котором условлен бой.
- 36 Сшед на сушу,
Граф Роланд, Оливьер и Брандимарт
Не без умысла
Ставят сень на восточной стороне,
А на западной раскинул шатры
В тот же день подоспевший Аграмант;
Но как солнце уже склонялось в море,
То отложено дело до зари.
- 37 До зари
С двух сторон на страже верные стражи;
Но еще не спустилась ночь,
Как предстал сарацинам Брандимарт,
И с Роландова соизволения
Повел речь к африканскому королю,
Ибо Аграманту он прежний друг,
И под стягом его входил во Францию.
- 38 И приветившись об руку рука,
Христов рыцарь короля басурманского
• Как друг
Много увещал не пытаться сраженья,
И от имени Роланда Англандского
Под высокую руку его сулил
Все края от Нила до Геркулесова знака,
Ежели он примет Христов закон.
- 39 Говорит он: «Я впрямь не лицемерствую,
Ибо как любил я вас, так люблю:
Что избрал я своим уделом,
То заведомо почитаю добром.
Я познал: Христос — бог, Магомет — глуп,
И хочу вас наставить на тот же путь,
Путь спасения,
Чтобы вам и всем, кто друг, быть со мною
- Роланд
и Аграмант
с друзьями
на Липадузе.*
- Брандимарт
тицетно
хочет при-
мирения.*

- 40 В этом благо,
А все иное не к вашему добру,
Пуще же всего —
Если схватитесь с Милоновым сыном.
Вам победа в прибыль не столь,
Сколь в ущерб случилось бы поражение:
Победив, вы добудете немного,
А сраженный потеряете всё.
- 41 Если вы убьете Роланда и
Нас, пришедших победить или пасть,
То ужель
Вы утраченные воротите ваши земли?
Не надейтесь, будто наша погибель
Вашей участи станет в перемену,
Ибо есть у Карла довольно войск,
Чтоб держать ваш край до последней башни».
- 42 Так сказал
Брандимарт, и еще хотел немало,
Но прервал его басурманский царь,
В лице гордость, в голосе ярость:
«Ты поистине рехнулся ума,
Коли дерзок
Добр иль худ советовать твой совет
Там, где и не спрашивают совета!
- 43 А что ты советуешь мне добро,
Как досель, так ныне,
Тому верить ли, видя тебя здесь
Воедине с франкским Роландом?
Верю я иному:
Твою душу сжирает злой дракон,
Вожделеющий за тобою вслед
Целый свет низвергнуть в муку гееннскую.
- 44 Победить мне или пасть, воротить
Мое царство или сгинуть в изгнании,—
Это ведомо единому Господу,
А не мне, не тебе и не Роланду.
Будь же воля Его,
А меня мерзкий страх не склонит к низости:
Если мне судьба умереть —
Пусть умру, не посрамивши породы.
- 45 Так ступай же прочь,
И коли завтра с тобой не будет
Крепче меч, чем сегодня твоя речь,—
То худого нашел Роланд товарища!»
Таковые горячие слова
Аграмант исторг из ярого сердца,
И на том они разошлись
Опочить, пока солнце не прянет в небо.

46 А едва забелелся новый день,
Миг — и всяк уже в броне, на коне,
И не тратя слов
И не ждавши ни срока, ни полсрока,
Настораживают копья во все шесть жал,—
Впрочем,
Мне не след бы для них позабывать
О Руджьере в захлестывающем море.

47 Юный рыцарь руками и ногами
Плыл, взрывая неистовые волны,
И терзали его ветер и буря,
Но стократ — угрызающая совесть.
Он страшится возмездия Господня,
Что не принял он святого крещения
В своевременье в чистойшей из влаг,
И теперь купель его — соль и горечь.

*Тем временем
Руджьер
выплывает
на скалу.*

48 И всплывают в его уме
Все посулы, суленные возлюбленной,
И та клятва, которую положил
Он с Ринальдом, а положив, не держит;
И да минет Господень суд,
Он обещует трижды и семижды
Всею верой своей души
Принять крест, коли выйдет жив на сушу,

49 И вовеки не подымать копья
За язычников на Христовых воинов,
Но тотчас воротившись в франкский стан,
Воздать почести государю Карлу,
А с своею Брадамантою не вздорствовать
И достойно повенчать их любовь.
Чудо! помолился, и чуются
Крепче силы, и легче ему плыть.

50 Крепче силы, и неколеблем дух;
Руджьер плещет, расталкивая волны,
А волна волну погоняет,
И одна его вверх, другая вниз.
То вздымаясь, то упаядая телом,
С превеликим Руджьер трудом
Выбрел на песок
И пошел, весь мокрый, по всклону суши.

51 Все другие, вверившиеся морю,
В нем не выгреблись и в нем погреблись.
На утесе спасся один Руджьер,
Ибо так угодно всевышней благодати.
Но едва взошел он, грязен и дик,
С моря в гору, как новый просыпается
Страх:
Умереть без сил в столь тесном убежище.

- 40 В этом благо,
А все иное не к вашему добру,
Пуще же всего —
Если схватитесь с Милоновым сыном.
Вам победа в прибыль не столь,
Сколь в ущерб случилось бы поражение:
Победив, вы добудете немного,
А сраженный потеряете всё.
- 41 Если вы убьете Роланда и
Нас, пришедших победить или пасть,
То ужель
Вы утраченные воротите ваши земли?
Не надейтесь, будто наша погибель
Вашей участи станет в перемену,
Ибо есть у Карла довольно войск,
Чтоб держать ваш край до последней башни».
- 42 Так сказал
Брандимарт, и еще хотел немало,
Но прервал его басурманский царь,
В лике гордость, в голосе ярость:
«Ты поистине рехнулся ума,
Коли дерзок
Добр иль худ советовать твой совет
Там, где и не спрашивают совета!
- 43 А что ты советуешь мне добро,
Как досель, так ныне,
Тому верить ли, видя тебя здесь
Воедине с франкским Роландом?
Верю я иному:
Твою душу сжирает злой дракон,
Вожделеющий за тобою вслед
Целый свет низвергнуть в муку гееннскую.
- 44 Победить мне или пасть, воротить
Мое царство или сгнать в изгнании,—
Это ведомо единому Господу,
А не мне, не тебе и не Роланду.
Будь же воля Его,
А меня мерзкий страх не склонит к низости:
Если мне судьба умереть —
Пусть умру, не посрамивши породы.
- 45 Так ступай же прочь,
И коли завтра с тобой не будет
Крепче меч, чем сегодня твоя речь,—
То худого нашел Роланд товарища!»
Таковые горячие слова
Аграмант исторг из ярого сердца,
И на том они разошлись
Опочить, пока солнце не прянет в небо.

46 А едва забелелся новый день,
Миг — и всяк уже в броне, на коне,
И не тратя слов
И не ждавши ни срока, ни полсрока,
Настораживают копы во все шесть жал,—
Впрочем,
Мне не след бы для них позабывать
О Руджьере в захлестывающем море.

47 Юный рыцарь руками и ногами
Плыл, взрывая неистовые волны,
И терзали его ветер и буря,
Но стократ — угрызающая совесть.
Он страшится возмездия Господня,
Что не принял он святого крещения
В своевременье в чистойшей из влаг,
И теперь купель его — соль и горечь

*Тем временем
Руджьер
выплывает
на скалу.*

48 И всплывают в его уме
Все посулы, суленные возлюбленной,
И та клятва, которую положил
Он с Ринальдом, а положив, не держит;
И да минет Господень суд,
Он обещует трижды и семижды
Всею верой своей души
Принять крест, коли выйдет жив на сушу,

49 И вовеки не подымать копы
За язычников на Христовых воинов,
Но тотчас воротившись в франкский стан,
Воздать почести государю Карлу,
А с своею Брадамантою не вздорствовать
И достойно повенчать их любовь.
Чудо! помолился, и чуются
Крепче силы, и легче ему плыть.

50 Крепче силы, и неколеблем дух;
Руджьер плещет, расталкивая волны,
А волна волну погоняет,
И одна его вверх, другая вниз.
То вздымаясь, то упавая телом,
С превеликим Руджьер трудом
Выбрел на песок
И пошел, Весь мокрый, по всклону суши.

51 Все другие, вверившиеся морю,
В нем не выгреблись и в нем погреблись.
На утесе спасся один Руджьер,
Ибо так угодно всевышней благодати.
Но едва взошел он, грязен и дик,
С моря в гору, как новый просыпается
Страх:
Умереть без сил в столь тесном убежище.

- 52 Но неукротим его дух,
И, готовый претерпеть волю Божию,
Он упорно правит прямо и вверх
Твердый шаг по твердым камням.
Не прошел он и ста шагов,
Как глядит,
а навстречу преклонный старец,
Изможденный постом, на вид отшельник,
Всем обличьем достойный любви и чести,
- Руджьер
принимает
крещение
от святог(
отшельнике*
- 53 И приблизившись, восклицает так:
«Савл, Савл, почто меня ты гонишь?» —
Каковыми словами Господь Христос
Нес целенье поверженному апостолу. —
«Ты ль умыслил преплыть моря,
Обманувши платою путеводца?
Берегись: хоть ты мнишь себя вдали,
Но десница Господня того длиннее!»
- 54 И повел он, пресвятой, свою речь,
Ибо ночью было ему от Господа
Явлено,
Что Руджьер приведется к его скале,
И какая Руджьерова былая жизнь,
И грядущая жизнь, и злая гибель,
И какие Руджьеру суждены
Сыны, внуки и иные потомки.
- 55 И повел он речь,
Упрекая, а потом ободряя:
Упрекая, что до сей он поры
Медлил выгнуть выю под сладким игом,
И что должное сбыться вольною волею
Призыванию Божию в ответ —
Он умедлил до недоброго часа,
Когда грянул грозный Господень гром;
- 56 Ободря же, что от райских врат
Не отринуты ни ранние и ни поздние,
И к тому сказав евангельский сказ
О равнопожалованных виноградарях.
С благодатною ревностию
Наставляя его в истинной вере,
Он повел его медленною стопою
К келье, выбитой в неприступном камне.
- 57 А над благочестною кельею
Поднималась, гляючи на восход,
Божья церковь, малая, но пригожая,
А отголь нискатывался к волнам
Скат, зеленый миртами, лаврами,
Можжевелями и плодными пальмами,
Орошаемый чистейшим источником,
Вниз журчавшим по уклону холма.

- 58 Скоро сорок
Тому лет, как отшельнический приют
Здесь указан от Господа Спасителя
Ко подвижничеству святого отца;
И питая смиренную свою жизнь
Плодом дров и ручейною чистой влагою,
Безущербен, крепок и бодр,
Он начел себе восемьдесят лет.
- 59 Запаливши старец в келье огонь,
Предложил застольцу земных плодов,
А Руджьер, подкрепляя снедью плоть,
Обсушил и платье свое и волосы.
И тогда-то на спокойное святейший муж
Вразумил ему таинства нашей веры,
И наутро же приял он крещение
В чистой влаге при добром старце.
- 60 Здесь, довольствуясь по месту
и радостью, *Пророчество
отшельника
о доме Эсте.*
Пребывал Руджьер,
Ожидая, как вскоре преподобный
Препроводит его в желанный край.
А меж тем гостеприимец немало
Ему сказывал и про царство небесное,
И про ту земную судьбу,
Что на доле его и его кровных.
- 61 А Господь всевидящий и всеслышащий
Возвестил святому пустынножителю,
Что Руджьеру жить на свете, крещенному,
Семь лет, день в день,
А потом за погибель Пинабелеву
(Взяв ответ за Брадамантину месть)
И за Бертолагия
Примет смерть от нечистых Майнцских
рук;
- 62 И такое Майнцское вероломство
Будет тайно и не дастся молве,
Ибо где злодеи его погубят,
Там и погребут;
И не скоро настанет о нем месть
От сестры и от верной Брадаманты,
Долго будет она его искать,
Тяжела утробою,
- 63 А потом, между Адидже и Брентою,
Там, где серные ключи и текучие ручьи,
Там, где зелен луг и веселы нивы,
Возле всхолмий, ради которых
Антенор забыл троянскую Иду
И любезный Ксанф, и милый Асканий,—

- 52 Но неукротим его дух,
И, готовый претерпеть волю Божию,
Он упорно правит прямо и вверх
Твердый шаг по твердым камням.
Не прошел он и ста шагов,
Как глядит,
а навстречу преклонный старец,
Изможденный постом, на вид отшельник,
Всем обличьем достойный любви и чести,
- Руджьер
принимает
крещение
от святог-:
отшельник..*
- 53 И приблизившись, восклицает так:
«Савл, Савл, почто меня ты гонишь?» —
Каковыми словами Господь Христос
Нес целенье поверженному апостолу. —
«Ты ль умыслил преплыть моря,
Обманувши платою путеводца?
Берегись: хоть ты мнишь себя вдали,
Но десница Господня того длиннее!»
- 54 И повел он, пресвятой, свою речь,
Ибо ночью было ему от Господа
Явлено,
Что Руджьер приведется к его скале,
И какая Руджьерова былая жизнь,
И грядущая жизнь, и злая гибель,
И какие Руджьеру суждены
Сыны, внуки и иные потомки.
- 55 И повел он речь,
Упрекая, а потом ободряя:
Упрекая, что до сей он поры
Медлил выгнуть выю под сладким игом,
И что должное сбыться вольною волею
Призыванию Божию в ответ —
Он умедлил до недоброго часа,
Когда грянул грозный Господень гром;
- 56 Ободряя же, что от райских врат
Не отринуты ни ранние и ни поздние,
И к тому сказав евангельский сказ
О равнопожалованных виноградарях.
С благодатною ревностию
Наставляя его в истинной вере,
Он повел его медленною стопою
К келье, выбитой в неприступном камне.
- 57 А над благочестною кельею
Поднималась, гляючи на восход,
Божья церковь, малая, но пригожая,
А оттоль нискатывался к волнам
Скат, зеленый миртами, лаврами,
Можжевелами и плодными пальмами,
Орошаемый чистейшим источником,
Вниз журчавшим по уклону холма.

- 58 Скоро сорок
Тому лет, как отшельнический приют
Здесь указан от Господа Спасителя
Ко подвижничеству святого отца;
И питая смиренную свою жизнь
Плодом дров и ручейною чистой влагою,
Безущербен, крепок и бодр,
Он начел себе восемьдесят лет.
- 59 Запаливши старец в келье огонь,
Предложил застольцу земных плодов,
А Руджьер, подкрепляя снедью плоть,
Обсушил и платье свое и волосы.
И тогда-то на спокойное святейший муж
Вразумил ему таинства нашей веры,
И наутро же приял он крещение
В чистой влаге при добром старце.
- 60 Здесь, довольствуясь по месту
и радостью,
Пребывал Руджьер,
Ожидая, как вскоре преподобный
Препроводит его в желанный край.
А меж тем гостеприимец немало
Ему сказывал и про царство небесное,
И про ту земную судьбу,
Что на доле его и его кровных.
- 61 А Господь всевидящий и всеслышающий
Возвестил святому пустынножителю,
Что Руджьеру жить на свете, крещенному,
Семь лет, день в день,
А потом за погибель Пинабелеву
(Взяв ответ за Брадамантину месть)
И за Бертолагия
Примет смерть от нечистых Майнцских
рук;
- 62 И такое Майнцское вероломство
Будет тайно и не дастся молве,
Ибо где злодеи его погубят,
Там и погребут;
И не скоро настанет о нем месть
От сестры и от верной Брадаманты,
Долго будет она его искать,
Тяжела утробю,
- 63 А потом, между Адидже и Brentoю,
Там, где серные ключи и текучие ручьи,
Там, где зелен луг и веселы нивы,
Возле вСхолмий, ради которых
Аntenор забыл троянскую Иду
И любезный Ксанф, и милый Асканий,—
- Пророчество
отшельника
о доме Эсте.*

- Породит она сына в той дубраве,
Где все помнит о фригийце Атесте.
- 64 И возрастет ее сын в красе и силе,
По родителю прозовется Руджьер,
От троянцев будет признан троянцем
И объявлен повелителем края,
А от Карла, которому измлада
Будет помощен против лангобардов,
Примет право на весь пригожий округ
И высокий титул маркского графа;
- 65 И промолвит, даруя, великий Карл:
«Este!» —
Во благое знаменье сему дому
Зваться Эсте во веки веков,
Стерев первый и стерев второй звук
В прежнем званье, гласившем об Атесте.
И еще открыл Господь своему верному,
Как Руджьерова отомстится смерть —
- 66 Как в предутреннем видении
Он предстанет верной своей жене
И расскажет, кем он убит,
И покажет, где он зарыт,
И как верная жена и со свойственницею
Разорят Понтьер огнем и мечом,
А вступивши в возраст,
Сын Руджьер побьет Майнцскую породу;
- 67 И еще велась речь о славном корени
И Альбертов, и Обиссонов, и Ассонов,
До имен: Николай, Леонелл, Боре,
Геркулес, Альфонс, Ипполит, Изабелла.
Но и то, прикусив себе язык,
Святой старец
Доложил Руджьеру не все, что знал,
А что нужно, скрыл, и что нужно, молвил.
- 68 Между тем Роланд,
Брандимарт и Оливьер, копьа к бою,
Мчались вскачь на сарацинского Марса,
То король Градасс,—
И на двух его спборцев, которые
Тоже гнали коней во весь опор,
Оглашая брег от моря до моря,—
То Собрин и государь Аграмант.
- 69 Сшиблись,
Копья в щепья, щепья в высь,
От великого грома вздулось море,
От великого грома до самой Франции.
Спрянулись Роланд и Градасс,
И была бы их сила ровень в ровень,

*Тем временем
на Липадузе
начинается
тройной
поединок.*

- Кабы у Градасса не под седлом
Конь Баярд, а с Баярдом он отважнее.
- 70 Грудью в грудь ударил Баярд
На Роландова коня, на слабейшего,
Так, что тот лишь качнулся вбок да вбок
И всем телом распростерся на поприще.
Роланд трижды, Роланд четырежды
Бьет и шпорой и тяжкою рукавицею,
И не смогши взнять его, сходит пеш,
В шуйце щит, и в деснице Бализарда.
- 71 Оливьер с африканским королем
Конь о конь бьются стать под стать,
А Собрина
Из седла ссадил Брандимарт,—
Конь ли то причинен или конник,—
Хоть Собрину такое и непривычно,
Но своею ли, конскою ли виною,
А случился он с коня под конем.
- 72 Как увидел Брандимарт, что соперник
Пал в прах —
Он его оставил и грянул в бой
На Градасса, повергшего Роланда,
Между тем как Агравант и маркграф
Как сразились, так и сражались—
Переломлены копья о щиты,
Мечи вон из ножен, и длится сеча.
- 73 Увидав Роланд, что Градасс
Недосужен к нему оборотиться,
Потому что его теснит
Брандимарт, не давая ему ни вдоха,
Озирается и видит: Собрин
Пеш, как он, и как он, без супротивника.
Он—к Собрину, гулок шаг, грозен лик,
Содрогаются небесная твердь.
- 74 Собрин, видя, каков грядет Роланд,
Сжался в латах,
                  как кормщик, на которого
                  Грозно вздыбился взывший вал,
                  Правит носом к волне и, видя море
                  Вставшим к небу, хотел бы быть на
  суше,—
И под рушащийся меч Фалерины
Подставляет щит,
- 75 Но таков булат в том клинке,
Что и щит ему не помеха,
И такая мощь в той руке,
Что подобной не сыскать в целом свете:

*Роланд
оглушает
Собрина.*

- Породит она сына в той дубраве,
Где все помнит о фригийце Атесте.
- 64 И взрастет ее сын в красе и силе,
По родителю прозовется Руджьер,
От троянцев будет признан троянцем
И объявлен повелителем края,
А от Карла, которому измлада
Будет помощен против лангобардов,
Примет право на весь пригожий округ
И высокий титул маркского графа;
- 65 И промолвит, даруя, великий Карл:
«Este!» —
Во благое знаменье сему дому
Зваться Эсте во веки веков,
Стерев первый и стерев второй звук
В прежнем званье, гласившем об Атесте.
И еще открыл Господь своему верному,
Как Руджьерова отомстится смерть —
- 66 Как в предутреннем видении
Он предстанет верной своей жене
И расскажет, кем он убит,
И покажет, где он зарыт,
И как верная жена и со свойственницею
Разорят Понтьер огнем и мечом,
А вступивши в возраст,
Сын Руджьер побьет Майнцскую породу;
- 67 И еще велась речь о славном корени
И Альбертов, и Обиссонов, и Ассонов,
До имен: Николай, Леонелл, Боре,
Геркулес, Альфонс, Ипполит, Изабелла.
Но и то, прикусив себе язык,
Святой старец
Доложил Руджьеру не все, что знал,
А что нужно, скрыл, и что нужно, молвил.
- 68 Между тем Роланд,
Брандимарт и Оливьер, копьа к бою,
Мчались вскачь на сарацинского Марса,—
То король Градасс,—
И на двух его споборцев, которые
Тоже гнали коней во весь опор,
Оглашая брег от моря до моря,—
То Собрин и государь Аграмант.
- 69 Сшиблись,
Копья в щепья, щепья в высь,
От великого грома вздулось море.
От великого грома до самой Франции.
Спрянулись Ролад и Градасс,
И была бы их сила ровень в ровень,

*Тем врех
на Липа
начинси >
тройшл
поедино**

Кабы у Градасса не под седлом
Конь Баярд, а с Баярдом он отважнее.

- 70 Грудью в грудь ударил Баярд
На Роландова коня, на слабейшего,
Так, что тот лишь качнулся вбок да вбок
И всем телом распростерся на поприще.
Роланд трижды, Роланд четырежды
Бьет и шпорой и тяжкою рукавицею,
И не смогши взнять его, сходит пеш,
В шуйце щит, и в деснице Бализарда.
- 71 Оливьер с африканским королем
Конь о конь бьются стать под стать,
А Собрина
Из седла ссадил Брандимарт,—
Конь ли то причинен или конник,—
Хоть Собрину такое и непривычно,
Но своею ли, конскою ли виною,
А случился он с коня под конем.
- 72 Как увидел Брандимарт, что соперник
Пал в прах —
Он его оставил и грянул в бой
На Градасса, повергшего Роланда,
Между тем как Аграмант и маркграф
Как сразились, так и сражались —
Переломлены копья о щиты,
Мечи вон из ножен, и длится сеча.
- 73 Увидав Роланд, что Градасс
Недосужен к нему оборотиться,
Потому что его теснит
Брандимарт, не давая ему ни вздоха,
Озирается и видит: Собрин
Пеш, как он, и как он, без супротивника.
Он — к Собрину, гулок шаг, грозен лик,
Содрогаются небесная твердь.
- 74 Собрин, видя, каков грядет Роланд,
Сжался в латах,
  как кормщик, на которого
  Грозно вздыбился взывший вал,
  Правит носом к волне и, видя море
  Вставшим к небу, хотел бы быть на
  суше,—
И под рушайся меч Фалерины
Подставляет щит,
- 75 Но таков булат в том клинке,
Что и щит ему не помеха,
И такая мощь в той руке,
Что подобной не сыскать в целом свете:
- Роланд
оглушает
Собрина.*

- Породит она сына в той дубраве,
Где все помнит о фригийце Атесте.
- 64 И возрастет ее сын в красе и силе,
По родителю прозовется Руджьер,
От троянцев будет признан троянцем
И объявлен повелителем края,
А от Карла, которому измлада
Будет помощен против лангобардов,
Примет право на весь пригожий округ
И высокий титул маркского графа;
- 65 И промолвит, даруя, великий Карл:
«Este!» —
Во благое знаменье сему дому
Зваться Эсте во веки веков,
Стерев первый и стерев второй звук
В прежнем званье, гласившем об Атесте.
И еще открыл Господь своему верному,
Как Руджьерова отомстится смерть —
- 66 Как в предутреннем видении
Он предстанет верной своей жене
И расскажет, кем он убит,
И покажет, где он зарыт,
И как верная жена и со свойственницею
Разорят Понтьер огнем и мечом,
А вступивши в возраст,
Сын Руджьер побьет Майнцскую породу;
- 67 И еще велась речь о славном корени
И Альбертов, и Обиссонов, и Ассонов,
До имен: Николай, Леонелл, Боре,
Геркулес, Альфонс, Ипполит, Изабелла.
Но и то, прикусив себе язык,
Святой старец
Доложил Руджьеру не все, что знал,
А что нужно, скрыл, и что нужно, молвил.
- 68 Между тем Роланд,
Брандимарт и Оливьер, копьа к бою,
Мчались вскачь на сарацинского Марса,
То король Градасс,—
И на двух его споборцев, которые
Тоже гнали коней во весь опор,
Оглашая брег от моря до моря,—
То Собрин и государь Аграмант.
- 69 Сшиблись,
Копья в щепья, щепья в высь,
От великого грома вздулось море.
От великого грома до самой Франции.
Спрянулись Роланд и Градасс,
И была бы их сила ровень в ровень,
- Тем врели
на Липаё
начинает
тройной
поединок*

Взрублен щит,
Не в подкрепу ему стальные ободы,
Взрублен щит, и рушится меч,
Дорубаясь под щитом до плеча.

76 Дорубаясь до плеча; на плече
Две брони и под бронями кольчуга,
Но ни те и ни та не во спасение
От кровавой раны, вскрывшей плоть.
Не бросает Собрин меча,
Но ничто его меч против Роланда,
Ибо Движущий сферы и светила
Непрорубную даровал ему кожу.

77 Вновь бьет граф,
Хочет голову ему ссечь с плеч;
Собрин, ведая Клермонтскую доблесть
И что щит мечу нипочем,
Отшатнулся вспять,
Но челом не миновал Бализарды:
Вплашмь удар, но таков удар,
Что разбит шелом и в очах темно.

78 Летит Собрин кувырком
И немалое время лежит без памяти.
Рассудив Роланд, что он мертв,
Полагает, что эта брань покончена,
И бросается на царя Градасса,
От которого Брандимарту беда,
Ибо крепче басурманин конём
И щитом, и мечом, и, верно, силою.

*Роланд
нападает
на Градасса.*

79 Но таков Брандимарт горяч и ловок,
И таков под ним удалой Фронтин,
Хаживавший прежде и под Руджьером,
Что не кажется сарацин сильней,
А, пожалуй, вышел бы и слабее,
Будь получше Брандимартов доспех.
Но доспех Брандимартов не получше,
И приходится гнуться то вбок, то вбок.

80 Нет коня, чтоб послушней, чем Фронтин,
Отзывался поводам господина —
Как ни грянет на него Дурендаль,
Он скользнет то ли влево, то ли вправо.
Между тем Оливьер и Аграмант
По другую сторону поля
Бьются так, что некоторый из двух
Не слабей и не сильней супостата.

81 Стало быть, Роланд,
Распростерши Собрина по земле,
Пеший, ринулся большими шагами
На Градасса и в помощь Брандимарту

- И уже на подступе
 Вдруг увидел: через поле бежит
 Добрый конь, с которого пал Собрин.
 Он оборотился и вслед, и ловит.
- 82 На бегу
 Уловил его, вспрыгнул, сел в седло,
 В левой держит блестящую узду,
 В правой—меч, острие наперевес.
 Градасс видит: Роланд скачет, Роланд
 кличет,
 А Градассу все нипочем—
 Что Роланду, что Брандимарту
 Он до вечера хочет справить ночь.
- 83 Повернулся от Брандимарта к графу,
 Острием ударяет в нагортанник,
 До живого достиг, а в живое не простиг—
 Не в пробой ему Роландова кожа.
 А Роланд его разит Бализардою,
 Пред которой чары ничто:
 Шлем, щит, бронь, ткань
 Просекаются рушащимся булатом,
- 84 В лик, в грудь, в пах
 Ранен до крови король сериканский,
 Ни единой капли досель
 Не проливший сквозь волшебные латы.
 Ему диво, что чуждый меч
 Страшен взрубом, как сама Дурендаль,
 А случись он подлиннее или поближе—
 И не снести бы головы на плечах.
- 85 Испытавшись,
 Ненадежны ему мнятся доспехи:
 Осмотрительней он и осторожней
 Держит бой, привыкая отбиваться.
 Между тем,
 Видя Брандимарт, что Роланд
 Переял его противоборца,
 Меж двух битв глядит, где бы он нужней.
- 86 О ту пору боя
 Распростертый в прахе король Собрин
 С, лютой болью в плече и темени,
 Поопамятовавшись,
 Встал, стоит, взял забрало, осмотрелся,
 Видит в схватке тесногого государя
 И широким шагом скорей к нему
 Так бесшумно, чтоб никто и не слышал.
- 87 Подступил к Оливьеру, у которого
 На уме один Аграмант,
- Брандимарт
 выручает
 Оливьера.*

И ударил злым ударом его коня
В задние подколенья.
Падает скакун,
Падает Оливьер, а нога
В левом стремях смялась конским боком:
Не пошевелить.

- 88 Собрин рубит второю отмашью,
Хочет голову ему ссечь с плеч,
Но железный ворот был тверд,
Кованый Вулканом для князя Гектора.
Видит Брандимарт, что беда,
Рвется вскачь на Оливьерову выручу,
Бьет Собрина в голову, Собрин—с ног,
Но вскочил, и вновь старик рвется биться:
- 89 Вновь на Оливьера—
Отпустить в вечный отпуск на тот свет
Или хоть не выпустить
В стремленную впавшего западню.
Но и у лежащего
На свободе сильнейшая из рук,
И сколь меч его долог и остер,
Столь и рыцарь недосяжен Собрину.
- 90 Оливьер его чаёт, отсторонивая,
В малом времени вовсе избыть,
Ибо видит, тот весь в крови,
Красный ток бежит на песок,
Так он слаб, что уже едва и держится:
Недалек конец.
Оливьер вновь усиливается встать,—
Но не выбиться из-под конского бока.
- 91 А меж тем Брандимарт на Аграманта
Налетев, бушует вокруг,
Бок в бок, грудь в грудь—
Вьется конь, как токарное точило.
Славен Брандимартов скакун Фронтин,
Но не хуже у южного владыки—
То отменный Златоузд,
Дар Руджьера от гордого Мандрикарда.
- 92 И крепче его доспех,
Закален и испытан всеми пробами;
Брандимартов же схвачен наудачу,
Как успелось второпях к троеборству.
Но отвага его бодрит,
Что в победном бою он стяжает лучший,—
Хоть уже его правое плечо
Обагрилось африканским ударом,
- 93 И хотя в боку
Невеселая рана от Градасса

И ударил злым ударом его коня
В задние подколенья.
Падает скакун,
Падает Оливьер, а нога
В левом стремени смялась конским боком:
Не пошевелить.

- 88 Собрин рубит второю отмашью,
Хочет голову ему ссечь с плеч,
Но железный ворот был тверд.
Кованый Вулканом для князя Гектора.
Видит Брандимарт, что беда,
Рвется вскачь на Оливьерову выручу,
Бьет Собрина в голову, Собрин—с ног,
Но вскочил, и вновь старик рвется биться:
- 89 Вновь на Оливьера—
Отпустить в вечный отпуск на тот свет
Или хоть не выпустить
В стремленную впавшего западню.
Но и у лежащего
На свободе сильнейшая из рук,
И сколь меч его долог и остер,
Столь и рыцарь недосажен Собрину.
- 90 Оливьер его чаёт, отсторонивая,
В малом времени вовсе избыть,
Ибо видит, тот весь в крови,
Красный ток бежит на песок,
Так он слаб, что уже едва и держится:
Недалек конец.
Оливьер вновь усиливается встать,—
Но не выбиться из-под конского бока.
- 91 А меж тем Брандимарт на Аграманта
Налетев, бушует вокруг,
Бок в бок, грудь в грудь—
Вьется конь, как токарное точило.
Славен Брандимартов скакун Фронтин,
Но не хуже у южного владыки —
То отменный Златоузд,
Дар Руджьера от гордого Мандрикада.
- 92 И крепче его доспех,
Закален и испытан всеми пробами;
Брандимартов же схвачен наудачу,
Как успелось второпях к троеборству.
Но отвага его бодрит,
Что в победном бою он стяжает лучший,—
Хоть уже его правое плечо
Обагрилось африканским ударом,
- 93 И хотя в боку
Невеселая рана от Градасса

- 99 Как оборотился Градасс —
 Так и вскачь от графа и к Аграманту,
 А небрежный Брандимарт,
 Положась, что с Роландом не управиться,
 На Градасса и не глядит и не мыслит,
 Весь — в клинке, занесенном на язычника.
 Подскакал сериканец и разит
 В две руки и во всю мочь Дурендали.
- 100 Отче на небеси,
 Упокой душу мученика меж избранных,
 Ибо трудные исплавав пути,
 Днесь поник он ветрилом в Твоей
 пристани.
 Дурендаль, жестокая Дурендаль,
 Ты ль безжалостна к твоему Роланду,
 Что отъемлешь жизнь
 Его самому верному и любезному?
- 101 На два пальца шелом был обдан ободом,
 Но под рушащимся мечом
 Треснул обод,
 Раскололся стальной колпак,
 Помутился лик,
 И упал Брандимарт прениже стремени,
 А из взрубленного лба на песок
 Хлынью хлынула кровавая влага.
- 102 А Роланд, отскакав, опоминается,
 Смотрит, видит: Брандимарт на земле,
 Видит: сериканец над ним с мечом,
 Понимает, от кого кто убит,
 В нем — боль, в нем — гнев,
 Но не в пору теперь слезам:
 Боль — в груди, а ярость — рвется наружу;
 Впрочем, тут и песни моей конец.

ПЕСНЬ СОРОК ВТОРАЯ

- 1 Какой узел, какие узды, какие узы, *Вступление.*
 И какой булат, и какой адамант
 Властны
 Препнуть ярость, сдержать мерою гнев,
 Если тот, кого крепкая любовь
 Клином вбила в незыблемое сердце,
 От коварства ли. от насильства ли
 Повергается на позор или смерть?

- 2 И коли в тот миг
Сердце вскинется ко злобству
и зверству —
Да простится сие,
Ибо разум тогда в душе не властен.
Сам Ахилл, увидев, как друг
Окровавился в заемном доспехе,
Не насытился убийством убийцы,
А терзал его волоком вдоль и вдоль.
- 3 О непобедимый Альфонс,
Не такая ли обуяла ярость
Твой народ, когда каменный удар
Грянул в бровь твою, и всяк
содрогулся,
Что уже ты не жив, и запылал
Таким пылом, что врагам не защита
Ни окоп, ни вал, ни ров: полегли,
Не оставивши по себе ни вестника.
- 4 Был бы ты на ногах —
Верно, меньше бы расходились руки;
Но коли ты пал —
Боль взметнула твой люд на кровь
и смерть,
И вернул он Бастию
Под твою высокую длань
Не во столько часов, во сколько дней
Ее взяли кордовские и гранадские.
- 5 Не Господь ли то карающий
Попустил тебя претерпеть,
Да сбылась бы заслуженная мзда
За былую их преступную ярость,
Когда взяв злополучного Вестиделла,
Безоружного, израненного, без сил,
В сто клинков
Умертвили его вчерашние нехристи.
- 6 Скажу истинно, чтобы кончить сказ:
Нет на свете злейшего гнева,
Чем когда старейший ли, отец ли,
друг ли
Смертно страждет перед твоим лицом.
Посему не диво,
Что вскипела Роландова душа,
Когда взвиделся лучший из друзей
Распростерт крушащим клинком Градасса.
- 7 Как нумидский номад,
Увидав змею, шуршащую прочь
От ужаленного ей на песке
Безмятежно резвившегося дитяти,
- Роланд
убивает
Аграманта
и Градасса.*

В яром бешенстве вскидывает палицу,—
Так острейший в гневе взметнул клинок
Англандский граф
На первопредставшего Аграманта,—

8 Аграманта, который, весь в крови,
Сорван шлем, выбит меч, взрублен щит,
В стольких ранах, что не исцель,
Еле вырвался из Брандимартовых рук,
Как от ястреба сокол, чуть живой,
Брошен глупым, то ли жадным
сокольников.

Подскакал Роланд
И уметил меж головою и телом.

9 Сорван шлем и неприкрыта гортань,
Ссеклась шея, как ссекается стебель:
Рухнул в песок
Царь ливийский в последней корче тулова,
Отлетела душа его к волнам,
Где кривым крюком Харон ее выудит.
А Роланд над телом его не медлит
И летит с Бализардою на Градасса.

10 Как увидел король Градасс
Аграмантовы голову и тело,—
Небывало он
Дрогнув сердцем, помутился лицом
И застыл, как невластный над собою,
Ожидая гибельного графа;
И Как нал на него смертный удар,
Он ни взмахом не взметнулся в защиту.

11 Поражает его Роланд
В правый бок под последнее ребро —
Вышел меч из левого бока,
Остр на пядь и багров по рукоять:
В верный знак, что ни сильнее, ни доблестнее
Не бывало рыцаря под луной,
Чтоб свалить такого богатыря,
Первоборца от всего басурманства.

12 Но не рад паладин такой победе —
Прочь с седла,
Лик в слезах,
И бежит, сколь есть бега, к Брандимарту
Видит: Брандимарт
Распростерт лежит на кровавом поле,
Шлем расколот, как кора топором,—
Не защита хрупкий от тяжелой силы.

*Брандимарт
испускает
дух.*

13 Роланд вскинул забрало над лицом,
Видит: лоб

Песнь XLII

Внизу — окончание боя на Липадузе:

*в центре — Роланд поражает Градасса, справа — обезглавленный Аграмант,
внизу — умирающий Брандимарт, слева — раненый Собрин,
над ним — Оливьер, придавленный лошадью.*

Вверху — слева Малагис беседует с чертом,

*в центре — Ринальд встречается с владельцем чаши испытания верности,
справа — фонтан с изображениями добродетельных дам*

- Рассечен меж бровей до переносья,
Но в устах еще довольно дыхания
Помолить, пока жив, Отца небесного
О прощении минувших грехов
И промолвить в ободрение графу.
Током слез орошающему лицо,
- 14 Таковые слова: «Ах, Роланд,
Не забудь обо мне в своих молитвах,
Внятных Господу, и обереги
Мою Флор...» и не домолвил: «...делизу».
Отлетает рыцарская душа,
Звенят в воздухе ангельские напевы,
И, покинувши телесный покров,
В светлом пенье она восходит к раю.
- 15 Но Роланд хоть и рад бы ликовать
О такой богоугодной кончине,
Ибо зрел над ним разверстую твердь
Верным знаком горнего вознесения,
Но по слабости пристрастного сердца
Было ему невмочь
Сиротеть о ближайшем, чем и брат,—
И ланиты его влажнилились плачем.
- 16 А меж тем опрокинутый Собрин
Как упал, так лежал,
Истекая ранами в грудь и в бок,
И едва доставало в жилах крови;
И лежал обездвиженный Оливьер,
Не владея поворотить ногою,
Ибо ему не встать
Из-под рухнувшего конского тулова.
- 17 Не приди ему на помощь свояк,
Отозвавшийся на стоны и слезы,
Сам бы он не высвободился;
А и высвободившись,
Такова была в нем мука и боль,
Что нога уже ему не опора:
Не ступить и не пошевелить,
Ежели бы не дружня помощь.
- 18 Не рад паладин победе,
Нет его душе моготы
Мертвого видеть Брандимарта
И неверного стопой Оливьера.
А меж тем Собрин еще жив
И опомнается,
Хоть в глазах у него еще темно,
Потому что много жизни вытекло кровью.
- 19 Приказал его Роланд, окровавленного,
Взяв с земли, снести в шатер и отлечить,
- Собрин
уносят
израненного.*

- 25 Умножая жалобы и стенанья,
Столь уже привычные на устах,
Она вновь твердит, как твердила,
Что Руджьер — злодей, что судьба —
врагиня,
А потом, со всех парусов,—
Что и небо,
Попуская безмездному вероломству,
Неключимо, несправедливо и немощно.
- 26 И винит Мелиссу
И клянет пещерное прорицалище,
Что пошел на их лживый уговор,
Она вверглась, как в море, в страсть и горе;
И, оборотясь к Марфизе,
Изливается в столах и слезах
О ее вероломном однородце,
И вверяется и молит помочь.
- 27 А Марфиза, пожимая плечом,
Утешает ее, чем только может,
И не верит в такой Руджьеров грех,
Чтобы он не воротился к возлюбленной;
А коли посмеет,
То она не снесет такой обиды,
Он вернется сам собой или выйдет с ней
на бой —
Таково ее рыцарское слово.
- 28 Умеряет слово девичью горесть,
Укрошается, выплакавшись, скорбь.
Что ж,
посмотрев, как Брадаманта своего
милого
Честит чванным бесчестным
вероломцем,
Мы посмотрим, много ли веселее
Ее брату, чья кость и плоть и кровь
Сожигается пламенем любви,—
Славному монтальбанскому Ринальду:
- 29 Монтальбанскому Ринальду, который
Пламенел о прекрасной Анджелике,
В чью завлекся он любовную сеть
Светлым ликом ее и черною чарою.
Все другие паладины, побив
Сарацинскую силу, наслаждались
Вожделенным покоем, и лишь Ринальд
Страждал пленником любовного плена.
- 30 Сто гонцов рассылает он на розыски,
Рыщет, ищет красавицыны следы,
- а Ринальд
тоскует об
Анджелике*

А потом подступает к Малагису,
Чьею помощью спасался не раз,
И потупив лоб и с краской в лице
Понуждает себя к любовной повести
И взывает к сроднику: «Вразуми,
Где жива желанная Анжелика?»

- 31 От такого дива
В Малагисе и ум вверх дном,
Ибо только по Ринальдовой неохоте
Не имел Ринальд царевну уже сто раз.
И не сам ли Малагис в Анжеликином плену
Словом, делом, угрозою и мольбою
Преклонял Ринальда к ее любви —
Тщетно!
- 32 И уж он ли не хотел, чтоб Ринальд,
Полюбив, изъял его из темницы?
А теперь без причины и без пользы
Ринальд рвется к нечаянному сам.
Поминает Ринальду Малагис,
Каково ему стала, Малагису,
Та суровость, от которой едва
Он не сгинул в темном своем узилище.
- 33 Но чем нынче кручиннее и досаднее
Малагису Ринальдовы мольбы,
Тем ему воочию зримее,
Сколь великая в нем пышет любовь.
И за все те несправданные его просьбы
Повергает он былые обиды
В океан забвенья
И сулит ему скорую полмогу.
- 34 Говорит: «Дай срок»,
И надежит доброй надеждой,
Что узнается Анжеликин путь
И во Франции она или не во Франции.
Так сказав, идет Малагис
В неприступную пещеру меж гор,
Где он знался с нечистой силой,
И над черной книгой скликает демонов,
- 35 И у демона, что по любовным делам,
Дознается,
Отчего это Ринальдово сердце,
Быв как сталь, вдруг стало как воск?
А в ответ он слышит про два источника,
Один гасит, другой взжигает страсть,
И испив из одного, не спастись,
Кроме как испив из другого;
- 36 И про то,
Как Ринальд, испивши из безлюбовного,

*Через
Малагиса
Ринальд
узнает о ее
отъезде.*

Столько времени был и нем и глух
К долгим просьбам прекраснейшей
Анжелики,
И какая потом злая звезда
Привела его к любовному току,
Чтобы он, испив, воспылал
К той, которою гнушался и брезговал.

37 Зла была звезда, жесток рок,
Из студеной струи поивший пламенем,
Ибо Анжелика в тот самый миг
Испила из другого, из бесплодного,
И таков ей рыцарь вмиг стал постыл,
Что она от него — как от гадюки;
А его любовь
Кипит пуше, чем прежде била
ненависть.

38 О такой-то нечаянной беде
Доложил Малагису служебный демон,
Не забыв и о том, как Анжелика
Предалась африканскому юнцу
И оставила для него Европу,
И пустилась по неверным волнам
В Индию
На отчаянном каталанском челне.

39 И когда пришел Ринальд к Малагису,
Стал его Малагис
Уговаривать позабыть Анжелику,
Потому что предпочла она жалкого
Варвара, и уже она так
Далеко, что не сыскать ее следу:
Впрямь, уж верно она в полупути
Со своим Медором к своим владеньям.

40 Страждущий влюбленный
Еще снес бы Анжеликин побег,
Не лишился бы сна и сновидений
От ее левантийского пути,—
Но от мысли, что дерзкий сарацин
Смял первины девического цвета,
Такова вскипает в нем страсть и боль,
Каковой вовеки не знало сердце.

41 Нет в нем сил к ответу,
В сердце дрожь и дрожь на устах,
В губах горечь, как от злобного зелья,
Языку не измолвить двух слов.
К Малагису он спиною — и прочь,
Бешеною гонимый ревностью;
Плачет, рвется в муке — и наконец
Хочет сам по левантийскому следу.

- 42   Просится он в отлучку
У державного Пипинова сына,
Потому-де, что конь его Баярд,
Не по-рыцарски хищный Градассом,
Позывает его встать на путь чести,
Чтобы сериканский бахвал
Не тщеславился, что мечом или копьем
Обездолит французского паладина.
- 43   Отпускает его Великий Карл,—
Хоть и жалко и Карлу и целой Франции,
Но нестаточен отказ
На такую достойную причину.
Хочет с ним Гвидон, хочет с ним Дудон,
Но Ринальд никоторого не хочет,
И один покидает свой Париж,
Изливая вздохами муки страсти.
- 44   Все-то у него на уме,
Как сто раз ему давалась красавица,
И сто раз он по тупости и глупости
Отвергал такую редкую сласть.
Отрицаясь стольких утех,
Сколько трачено им доброго времени!
А теперь за единый с нею день
Он готов заплатить хоть целой жизнью.
- 45   Все-то у него на уме,
Как такое могло случиться,
Что убогий латник в царевнином
Сердце свеял всю прежнюю любовь?
Раздирая душу такими' думами,
Ринальд едет и едет на восток,
К реке Рейну, к Базилейскому городу,
И уже перед ним Арденнский лес.
- 46   Въехал паладин
В знатный лес бывалых нечаянностей,
В дикие и опасные места
В многих милях от городов и замков,—
Глядь,
          смутилось синее небо,
Скрылось солнце меж темных туч,
И вздымается из черной пещеры
Женовидное ужасное чудище:
- 47   Тысяча очей, все без век,
Не сомкнутся, не подернутся дремою;
Тысяча ушей;
Вьются волосы змеинными жалами;
Из диаволической черноты
Выступает устрашительный облик;
Хвост, как змей, и велик и дик,
Обвивает грудь, выплетает петли.

*Ринальд
едет искать
Анджелику.*

*На Ринальда
нападает
чудовище —
Ревность.*

- 48 В тысяче и тысяче подвигов
Не знавал герой того, что познал,
Когда двинулось на него
Угрожающее взорами чудище:
Страх,
Непостижный людям, прихлынул в жилы,—
Но притворствуя привычную удаль,
Он дрожащей рукою сжимает меч.
- 49 Хорошо ратоборствует чудовище —
Так и рвется соступить с соперником:
Взметывает змеиную
Пасть и сверху на Ринальда в упор.
Изовьется справа, изовьется слева—
Изворачивается Ринальд и разит
Взмахом, отмашью, вновь и вновь,
А ни разу проворную не заденет.
- 50 То змея ему ринется на грудь,
Леденя сквозь сталь до самого сердца,
То в лицо,
Под забрало, и по щекам, и по шее;
Дрогнул рыцарь,
Шпорит прочь скакуна Ринальд,
А чудовище ему вслед не лениво,
Скок — и село за седло на крестец.
- 51 Рыцарь шпорит то вперед, то вбок,
А проклятая тварь все за спиною —
Не стряхнуть,
Как ни бередит скакуна.
Сердце бьется, точно лист на ветру,
А змея и не жалит,
Но уж так-то мерзостна и страшна,
Что он жизни не рад, кричит и стонет.
- 52 На последние пути, на трудные тропы
Где круче кряж, дремучее лес, тернистее дол,
Черен свет,—
Мчится,
В тщетном чаяньи сбросить с плеч
Это злобное, грозное и гнусное;
И худой бы случился ему конец,
Кабы вдруг не подоспела подмога.
- 53 Подоспел подмогою некий рыцарь,
Его латы—светлая сталь,
Знак на шлеме — сломленное ярмо,
Щит — на желтом красное пламя,
Пламенами шит и наддоспешный плащ,
Шита и конская попона;
Меч у бока, копьё в руке,
У седла — огнедышащая палица.

*Ринальда
выручает
рыцарь
Презрени*

- 54 Огнедышащая, вечнопышущая,
Его палица горит — не сгорит,
И ни щит, ни шлем, ни бронь
От того огня не крепь и не толща.
Всюду рыцарю путь,
Где сверкнет негасимый его светоч.
Он и стался для нашего героя
Избавителем от кромешного чудища.
- 55 Твердый духом,
Где слышал он шум, туда и вскачь;
Глядь — и видит, как чудище по Ринальду
Оплелось змеею во сто узлов,
А ему в тех узлах и жар и дрожь,
Потому что оплетшую не сбросить.
Рыцарь — к чудищу внаскок, бьет в бок,
И летит оно кувырком и влево.
- 56 Но едва коснулось земли —
Снова вздыбилось, и вьется змеей, и бьется.
Опускает рыцарь копье,
Умышляет на врага верным пламенем;
Палицею
Бьет, как буря, в змеиные узлы,
Не дает зловредному
Извернуться ни к худу, ни к добру,
- 57 Теснит, давит, мстит тысячи обид,
А меж тем
Окликает паладина советом
Поспешить по тропе и ввысь горы.
И по той тропе, по тому совету
Безоглядно
Мчит Ринальд, покуда не скрылся из виду,
Хоть и крут был подъем и каменист.
- 58 Вновь загнав преисподнее исчадие
Грызть себя и жрать себя в злой щели
С горьким током
В тысячу ручьев из тысячи очей,—
Обращается рыцарь вослед Ринальду
Быть ему напутником и вождем,
Настигает его на горном гребне
И зовет его прочь из черных мест.
- 59 Как увидел вернувшегося Ринальд —
Рассыпает тысячу благодарностей
И клянется, что на весь белый свет
Он восславит его добродееание,
И взыскует его имени,
Чтобы ведать, кем спаслась его жизнь,
И вовеки его превознести
Перед Карлом и Карловыми паладинами.
- Ринальд
пьет
из ключа
Безлюбовья.*

- 60 Отвечает рыцарь: «Не обессудь,
Что не вмиг открою свое прозвание;
Пусть лишь тени станут дольше на шаг,
И узнаешь ты все без умедления».
И поехали они, и приехали
Они к светлому свежему ручью,
Журча звавшему пастыря и путника
Испить сладость забвения о любви.
- 61 Да, мой государь, эти хладные
Струи в сердце гасили страстный жар:
Это к ним припав, Анжелика
Отвратилась от Ринальда навечно;
А когда Ринальд в свой черед
Каменел неприязню к постылой,
То и это ни от чего иного,
Как хлебнувши из того же ручья.
- 62 Тут путеводивший Ринальда
Рыцарь сдерживает над светлой влагою
Взгоряченного своего скакуна
И гласит: «Не худо бы и на отдых!»
Отвечает ему Ринальд: «Воистину,
Ибо не полуденный только зной,
Но и тягость от трудного того чудища
Побуждает радоваться прохладе».
- 63 Оба сходят со своих скакунов,
Отпускают их пастись по поляне
И на зелени в желто-алом цвету
Совлекают с голов тяжкие шлемы.
Побуждаем жаром и жаждою,
Ринальд бросился к студеной струе
И в один глоток
Изгнал сушь из горла и страсть из сердца.
- 64 Как увидел вожатый рыцарь,
Что приподнял он влажные уста
И встает, угрызаясь и малейшими
Вспоминаньями о столь буйной любви,—
Выпрямился в рост
И гласит ему гордо предобещанное:
«Знай, Ринальд, мое имя есть Презрение,
Я пришел тебя вызволить из ярма».
- 65 Сказав, исчез,
И исчез скакун;
Изумился Ринальд такому чуду,
Озирается, спрашивает: где он, где?
И решает, что это не иначе
Как один из Малагисовых слуг
Снарядил к нему чародейный призрак
Разбить цепь столь томительного плена;

Тот промолвил: «Хорошо, коли так»,—
И во объяснение сказанного
Говорит: «Приглашаю тебя провести
Эту ночь под моею кровлею,

- 72 И уж я покажу тебе то,
Что в отраду имущему супружество». —
А Ринальд, как желая отдохнуть
От дорожного столького томления,
Так и отроду имеючи вкус
Знать и видеть всяческие нечаянности,
Принимает рыцарево
Приглашение и едет за ним.
- 73 За один перелет стрелы
От дороги стоял большой дворец,
Из которого высыпали толпою
Слуги с факелами, осияв им путь.
Взошел Ринальд, озирается Ринальд,
Видит истинную невидаль:
Столько пышности, стройности, красоты,
Что не сладить простому человеку.
- 74 Из порфирного камня и змеиного
Был над входом огромный свод;
Створы бронзовые, а на них ваянья,
Как живые, вращают лики.
За порогом, как вскинешь голову —
Взор пленится мусийною игрою;
А оттоле вход во двор, вокруг которого
Колоннады длиною во сто локтей —
- 75 Все четыре ровные, но по-разному
Испещрились нескупою рукою;
Посредине каждой — врата,
За вратами — свод,
Из-под свода — вход,
Такой плавный, что хоть взвози поклажу;
А над каждым из входов — новый свод,
И оттоле путь в большие покои.
- 76 Верхние вознеслись
Своды, давши простор широким створам,
Что ни вход, то меж двух столпов,
Один бронзовый, другой твердокаменный.
Но ни сил, ни времени
Не достанет исчислить все красы,—
А ведь кроме тех, что в виду,
Неисчетные скрыты в подземельях.
- 77 Гордые столпы, золотыми главами
Подпиравшие самоцветный кров,
Привозные мраморы,
Иссеченные стообразною резьбою,

*Он остано-
вливается
в замке
на реке По*

И литье, и роспись, и прочий труд,
Многой долей терявшийся во мраке,
Изъясняли, что на столько красот
Двум царям бы не достало сокровищ.

- 78 Но превыше иных великолепий,
Столь отраднo ласкавших взор,
Был среди двора водомет,
Разливавшийся тысячью свежих струек.
Вкруг него были ставлены столы,
А стоял он вровень
Ото всех четырех колонных врат,
Отовсюду видим и всюду видящий.
- Он видит
фонтан с
изображени-
ем добродетельных дам
Эсте и
родственных
домов.*
- 79 Твердою и умелою рукою
Изукрашен водомет наподобие
Колоннады или светлой беседки,
Осеньюющей на восемь сторон,
А над ним выгибался золотой
Свод, расписанный понизу финифтями,
И держимый, как небеса,
В восемь рук беломраморными статуями:
- 80 В восемь левых рук,
А из правых роги изобилия
Изливали в срединный алавастровый
Водоем звонкозвучные потоки.
И те восемь опор с восьми сторон
Были в образе прекраснейших дам,
Одеяньем и лицами несхожих,
Но единых во красоте и прелести.
- 81 Каждое из тех изваяний
Опирало стопы на плечи двух
Нижних статуй, раскрытыми устами
Означавших гармонию и песнь,
И сие знаменовало,
Что представленные в лицах мужи
Посвятили свое рвенье и труд
Славе жен, которым были опорюю.
- 82 А у каждого из нижних мужей
Был в руках пространный и длинный
Свиток, в коем с премногою хвалою
Изъяснялись прозванья прославляемых,
А пониже были внятно начертаны
Собственные певчие имена.
В свете факелов
Ринальд смотрит на тех мужей и дам.
- 83 В первой надписи многая хвала
Имени Лукреции Борджии,
Чью красу и честь превознес
Отчий Рим выше древней соименницы.

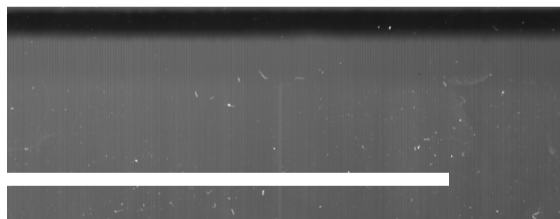
- А те двое, которым дано
Несть плечами драгоценное бремя,
Суть Антоний Тебальд и Геркул Строща,
Новый Лин и новый Орфей.
- 84 И не меньше прекрасна и прелестна
Рядом та, о коей надпись гласит:
«Изабелла, дочь Геркулеса,
О которой Феррарская земля,
Став ее грядущим отечеством,
Будет больше ликовать, чем о прочих
Благах, коими ее одарит
Щедрая судьбина
В легкокрылом полете дальних лет».
- 85 А те двое, от которых прольется
Многозвонная ей слава в веках,—
Оба Иоанны и оба Иаковы,
Одного зовут Каландра, а другого Барделон.
Третья же и четвертая красавицы,
Из-под свода струительницы влаг,
Суть две равных отчиной, родом, честью,
Ликом и душою —
- 86 Та — Елисавета,
Эта — Элеонора,
И по слову мрамора, ими
Мантуанский гордиться будет край
Громче, нежели оным древним
Вергилием Мароном, величателем своим.
Стопам первой опорю плечо
Петра Бембо и Якова Садолета,
- 87 А стопам второй — ученый Муций Арелий
И изысканный Кастильон:
Таковы на мраморе имена,
Тогда темные, ныне знаменитые.
А за ними видится та,
В коей такова добродетель,
Что подобная ни в ком не царила
И не будет в превратностях судьбы.
- 88 Золотые говорят письмена,
Что ей имя — Лукреция Бентиволия
И знатнейшая ей хвала,
Что ей счастлив быть отцом князь Феррары;
А поют, ей песнь
Сладкозвучный Камилл, чей голос Рейну
И Фельзине столько же чародеен,
Сколь Анфрису голос пастыря Феба;
- 89 И второй певец, чьей хвалою
От испанских столпов до самой Индии

И от полдня до засеверных стран
Возвеличится земля, где Исавр
Катит сладкие в соленые воды
И где помнят весы о римском золоте,—
Гвидон Постум
В двух венцах — от Паллады и от Феба.

- 80 Имя следующей в ряде — Диана:
«Не взирайте на гордый вид
(Гласит мрамор), ибо великодушием
Она столь же прекрасна, как лицом».
А ученейший Целий Кальканьин
Трубным звоном возвестит ее имя
От Инда и до Ибера,
И в Монезовом и в Юбином крае,—
- 91 Вместе с Марком по прозванию Конь,
От которого выбьется в Анконе
Родник слаще того, который выбит
Геликонским, Парнасским ли конем.
Близ Дианы вскидывает чело
Беатриса, о которой поведено:
«Беатриса, благая, была благом
Мужу вживе и горем по кончине:
- 92 Вся Италия при ней побеждала,
Вся Италия без нее в полону».
Коррегийский рыцарь
И краса Бендедеев — Тимофей
О ней пишут, словно поют,
Оглашая сладкозвучными плектрами
Тот поток меж брегом и брегом,
Где старинные плескались янтари.
- 93 А меж этим местом и тем столпом,
Где сияла изваянная Борджия,
Алавастровый означался лик
Дамы
        столь возвышенно светлой красоты,
Что без золота, без камней, в черном
Платье под белым покрывалом
Меж пышнейшими была она краше,
Чем звезда Киприды меж прочих звезд.
- 94 Сколько ни смотришь, не досмотришься,
Чем она светилась светлей:
Прелестью ли, красою ли,
Величавостью ли, честью ли, умом ли.
А во мраморе сказано:
Кто восхочет молвить о ней достойно,
Тот предприимет славнейшее деяние,
Но едва ли с ним когда совладеет.

- 95 Полный сладости, полный прелести
Сей прекрасный, сей стройный истукан
Словно бы гнушался
Низкой песней столь грубого певца,
Каков тот, кто единый, без товарища
Был опорой ее столам.
Все другие образы именованы,
Эти — нет, неведомо почему.
- 96 Полным кругом
Обстояли эти статуи сень,
Овеваемую сладкой прохладой
Водоема из точеных кораллов,
Из которого чистейший кристалл
Растекался живыми ручейками
В радость жаждущим кустам и цветам,
Желтым, белым и лазоревым в зелени.
- 97 С вежественным своим гостеприимцем
Долго сидя паладин за столом,
Не преминул и напоминовения
Обещавши, исполнить свой обет:
А поглядывая на него вновь и вновь,
Примечает в нем Ринальд томность сердца,
Потому что не проходило мгновения,
Чтобы с губ его не срывался вздох.
- 98 Частым вздымалось желанием
Слово спроса к Ринальдовым устам
И смолкало,
Сдерживаемо учтивою скромностию.
Трапезе конец,
И присущий отрок выносит к вечере
Чашу,
Золотую, в самоцветах, а в ней вино.
- 99 И тогда хозяин с улыбкою
Глянувши на Ринальда взор во взор,
Хоть и видимо было в его очах
Больше слез, чем смеха,
Говорит: «Вот теперь-то и пора
Мне ответствовать напоминовениям
И явить тебе некоторый показ,
Милый всем, кто в добром живет
супружестве.
- 100 Всякий ведь из мужей
Зорек думать, любим ли он женою,
И в чести он или во сраме,
Человек он иль некое животное.
Рога на лбу—
Бремя легкое, но куда как стыдное,
Потому что у всех оно на виду,
А носящий и не чувствует.

*Рыцарь-
хозяин
предлога
Ринальду
чашу.*

- 101 Кому ведомо, что жена верна,
Тот люби ее и держи в почете,
А кто думает или знает, что нет,—
Мучься.
А меж тем не терзаются ли ревностью
И такие мужья, чьи жены чисты,
И не безмятежны ли многие,
У которых давно рога на лбу?
- 102 Если хочешь ты испытать жену
(А наверное ведь хочешь,
Потому что, не испытав,
Очень трудно уладиться душою),
То без дальних слов
Испытаешь, испивши из этой чаши:
Для того-то она здесь и стоит,
Чтоб исполнилось мое обещание.
- 103 Выпей и увидишь:
Если роговой на тебе убор,
То вино твое выплеснется на грудь
И ни каплею не порадует губы;
Если же супруга твоя верна —
Все, что налито, будет выпито:
Убедись!» И промолвивши, глядит,
А расплещется вино или не расплещется.
- 104 Убежденный было Ринальд
Испытать не весьма ему желанное
Простирает руку, берет сосуд
И готов пригубить,
Но, как будто страшит его питье,
Вдруг задумывается большою думою.
А теперь дозвоьте мне отдохнуть:
Что надумалось, со временем скажется.

*которую
испытывается
верность
жен.*

ПЕСНЬ СОРОК ТРЕТЬЯ

- 1 О проклятая, о неуголимая *Вступление.*
Алчность,
Мне не в диво видеть твоей добычею
Души низкие, пятнанные пороками;
Но когда в твою сеть, но когда
на твою цепь
Пленены великие дарования,
Всем прекрасные, ежели бы не ты,—
Это мне в досаду.

- 2 Иной землю, моря и небеса
 Мерит мерою, находит причины
 Дольнего и горнего естества
 И в Господне заглядывает лоно,—
 Но, твоею уязвленный отравой,
 Ничего не ищет,
 Кроме скопа сокровищ: в них одних
 Его счастье, надежда и забота.
- 3 Иной ломит вражьих дружины,
 Грудью рвется в крепостные врата,
 Первый пред удары,
 Последний в отступ,—
 Но и этому не помочь,
 Если он по гроб в твоём чёрном
полону.
 Так и все пыталели всех искусств
 Через тебя затмеваются и меркнут.
- 4 Что уж и говорить
 О красавицах, которых я вижу
 Ко влюбленной службе, красе и
доблести
 Непреклоннее каменного столпа?
 Но ворвется алчность—и кто поверит?
 Словно околдованная,
 Она дастся, не любя, в один миг
 Старику, мужику, уроду, чудищу!
- Не напрасна моя печаль:
 Внемли, кто может, как себе внемлю я!
 И не сбился я с должного пути,
 Не забыл, о чём моя песнь,—
 А повел лишь речь
 Не к тому, что сказано, а что
скажется.
 Так воротимся же к нашему рыцарю,
 Пред которым — заманчивый сосуд.

Я сказал, что прежде
 Чем пригубить то вино, он задумался,
 А потом и говорит:
 «Глуп, кто ищет
 То, чего не хочет найти!
 Жена моя — женщина, а женщина есть
женщина;
 Буду верить ей, как верил досель:
 Коли жил я так и живу,
 То какая мне радость в испытании?

*Ринальд
 отказыва-
 ется от
 испытания*

- 7 Мало радости, а много нерадости:
 Пытать Господа Господь не велит.

Уж не знаю, умен я или нет,
А не надобно мне знать, чего не надобно!
Унесите это вино —
Я пить не хочу и хотеть не хочу,
Нам Господь заповедал знать неверное
Пуще, чем Адаму живое древо.

8 Как отец Адам, мимо Божьих уст
Прикусив запретное яблоко,
Из веселья низвергся в горький плач
И засим вовеки скорбел в ничтожестве,—
Так и муж, пожелавши о жене
Ведать все, что она молвит и делает,
Променяет радость на стон и скорбь,
И уже ему не знать исцеления.

9 Так сказав
И посылаю отстранивши чашу,
Ринальд видит: вдруг слезы, как река,
Хлынули из очей гостеприимца,
А переведа дух,
Выговорил он:
«Будь проклят,
Кто взманил меня, ах! ко испытанию,
Прочь увлекшему милую мою жену.

*На это
рыцарь ему
рассказывает,*

10 Увы! Почему я не десять тому лет
Повстречал твою умную беседу
Прежде, чем грядя моих бед
Источила мне очи долгим плачем?
Я откину занавес:
Посмотри в мое горе и пожалей,—
Я поведаю тебе исток и исход
Непомерного моего многомученичества.

11 Вспомни город повыше здешних мест,
Вкруг которого изогнулась заводью
Та река, из Бенакских вод
Широко изливающаяся в наши.
Этот город воздвигся, когда рухнула
Агенорова драконья твердыня;
В нем я был рожден,
Знатен родом, худ домом и рухлядью.

*как женился
он в Мантуе
на красавице,*

12 Ежели Судьбина
Не дозволила мне родиться в золоте,
То Природа возместила беду,
Одарив меня отменного красотою.
Не одна была девица и дама,
Пламеневшая обо мне в моей весне,
Ибо знал я все учтивства и вежества,—
Это так, хоть и грех себя хвалить.

- 13 А в том городе жил один мудрец,
Знанием выше всякого вероятия,
И когда сомкнул он очи для света,
Ему было сто двадцать восемь лет.
До преклонной старости жил он
Одиноко и дико, но потом,
Впав в любовь, стяжал золотом красавицу
И она ему тайно родила.
- 14 А чтобы рожденная дочь
Не была бы как мать ее, которая
Продала за золото чистоту,
Коей в мире ничто не драгоценнее,
Он ее сокрывает от людей
И в уединеннейших
Воздвигает местах стараньем демонов
Сей обширный и блещущий дворец.
- 15 Свою дочь, день ото дня хорошеющую,
Поручает он растить старым девам,
Чтобы ни единого из мужчин
Юная не видела и не слышала.
А дабы всегда пред очами
Был пример добродетельнейших жен,
Неприступных для непристойной страсти,
Он явил их здесь в красках и в резьбе —
- 16 Он явил их, целомудренных,
И не только славных в былые дни,
Чья хвала, хранима преданиями,
Не умолкнет в вечные времена,
Но и тех, какие в грядущем
Возвеличат прекраснейшую Италию,
Он велел представить во всей их прелести,
Как всех восемь, что над этой водой.
- 17 А когда старикова дочь
Подросла для плодоносного выданья,
То ли случай, то ли Божья немилость
Обрекли меня стать его избранником.
А в приданое за любимым детищем
Отказал он
Все широкие поля и глубокие пруды
Вкруг дворца на двадцать миль во все
стороны.
- 18 А была она прекрасна и добронравна
Превосходней всякого вожеления,
А с иглой в перстах над шитьем
Посрамила бы самую Палладу,
А как ступит, как молвит, как воспоет —
Мнится, не богиня ли то бессмертная?
В благородных же и вольных науках
Она знала не менее, чем отец.

- 19 И умом и прелестью,
Каковыми тронулись бы и камни,
Она встала мне в такую любовь,
Что доселе, припомнив, трепещет сердце.
А и для нее
Нет отрады больше, чем быть со мною;
Долго жили мы душа в душу,—
Я виной, что пришел конец.
- 20 Когда минуло пять лет нашей свадьбе,
Умер тесть,
И тогда началась моя беда,
А с чего — я сейчас тебе поведаю.
Между тем, как к моей возлюбленной   *как*
Я припал всеми крыльями души,—   *влюбилась*
Возгорелась ко мне любовью некая   *в него*
Именитая дама из наших мест.   *колдунья*
- 21 Волхвовательница,
Она знала заклинанья и чары,
Тмила день, просветляла ночь,
Заставляла солнце стать, землю двинуться.
Одного она не могла —
Склонить волю мою ко исцелению
Ее раны тем средством, каковое
Я не мог ей дать, обидя жену.
- 22 Ни великою красою своей и прелестью,
Ни любовью, о которой я знал,
Ни большими дарами, ни посулами,
Никакими настояниями
Не склонить было меня угасить
Малой искры страстного ее жара,
Ибо волю мою одерживала
Мысль о верной моей жене,
- 23 И надеясь, и веруя, и зная,
Сколь она верна,
Я презрел бы красоту и самой
Лединой Елены,
Или сколько бы мудрости, богатств
Ни сулилось идейскому Парису.
Но и мой отпор
Не сберег меня от чар волхвования.
- 24 В некоторый день
Та колдунья (а имя ей — Мелисса),
Подстерегши меня на стороне,
Нашла путь сокрушить во мне покой
И стрелом ревности
Изгнать вон из сердца былую веру.
Стала она хвалить,
Сколь хорош я, что верен моей верной,—

- 25 «Но верна ль твоя верная тебе,—
Этого, не испытав, ты не знаешь.
Верь ей,
Коли, могли обмануть, не обманет;
Но коли без тебя она ни шагу,
Но коли ни на кого ей ни взгляду,
То откуда в тебе смелость твердить,
Что она столь чиста и целомудренна?»
- и побудила
его
испытать
жену,*
- 26 Отстранись, покинь дом,
Пусть прознают по городам и весям,
Что тебя здесь нет, что она
Здесь одна для влюбленных просьб и
граммоток;
Если просьбы, если дары,
Если знание, что грех пребудет втайне,
Не уломают ее к попанью ложа,—
Тогда радуйся, что она верна».
- 27 Таковыми и подобными неумолчными
Убеждает чародейка словами,
Чтобы я уверился в жениной верности
Испытанием.
Я сказал: «Но даже будь ее верность
Не такую, как мнится мне,—
Как узнать,
Похвала ей довлеет или кара?»
- 28 А она: «Я подарю тебе чашу
Для питья, но удивительных свойств:
Ее выделала фея Моргана,
Обличая брату Гиневрин грех.
Пей, коли жена непорочна,
А коли она блудит — не попьешь,
Потому что вино губам не дастся,
А плеснется и зальет тебе грудь.
- 29 Прежде чем отъехать,
Попытай, и, верно, выйдешь чист,
Ибо так сужу и я, что доселе
Нет греха на жене; а все ж проверь!
Но когда воротись,
То при первой пробе поберегись:
Если выпьешь, не омочивши грудь,—
Тогда впрямь нет мужей тебя счастливее».
- 30 Я согласен, я беру ее чашу,
Пью,
И с утехой вижу, что любезная
Впрямь на радость мне верна и честна.
А Мелисса: «Теперь ступай,
Будь в отлучке месяц или два месяца,
Воротись, вновь налей себе вина,
И тогда уж то ли выпьется, то ли выльется».

- 31 Тяжко мне уходить,
И не оттого, что во мне сомнение,
А оттого, что покинуть милую
Не умел я ни на день, ни на час.
А Мелисса: «Что ж,
Есть другие дороги к той же правде:
Я перемену твой и вид и речь,
И ты явишься к ней в другом обличий».
- 32 А да будет, сударь, вам ведомо,
Что в защите двух бурных устьей По
Есть поблизости город, чья длится власть
До морского прибоя и отбоя,
Не столь древен, но столь же горд и пышен,
Сколь иные окрестные города,
А воздвигнут он троянцами, спасшимися
От Аттилы, Господнего бича.
- 33 В том краю в своем уделе сидел
Юный рыцарь, богатый и пригожий;
Как-то раз, догоняя он отбившегося
Сокола, попал в мой дворец
И увидел мою жену, и с одного
Взгляда впечатлел ее в жарком сердце,
И с тех пор не покладал уже сил,
Чтоб ее преклонить к своим желаниям.
- 34 Но такой случился ему отпор,
Что оставил он свои покушения,—
А не смог стереть из памяти
Врезанный Любовью прекрасный лик.
И его-то образ принять
Соблазнила меня льстивая Мелисса
И преобразила (не знаю, чем)
Лицо, кудри, очи мои и речи.
- 35 Притворясь перед супругою,
Будто еду я в далекий Левант,
Облечен в вид, -наряд, походку, голос
Юного любовника,
Я вернулся домой, и Мелисса была со мной
В образе прислуживавшего отрока,
А при ней — драгоценнейшие камни
От Индийских и Чермных берегов.
- 36 Зная мой дворец,
Я вошел, и Мелисса вошла со мною,
Чтоб засталась жена моя одна,
Без охраны и даже без служительниц.
Я ей изливаю мои мольбы,
А затем обнажаю злое жало
Всех грехов: алмазы, смарагды, яхонты,
Коими бы тронулась любая грудь.

*как он
искушал 11
в чужом
облике,*

- 37 Говорю я ей, что это лишь малая
Часть того, чего надобно ей ждать,
Говорю, какая знатная выгода,
Что в отлучке ее супруг,
И напоминаю, сколь долго
И сколь верно я тверд в моей любви,
И что за такую любовь
Я достоин хоть небольшой награды.
- 38 Поначалу была она смятена,
И вскраснелась, и не хотела слушать,
Но при виде камней ярче пламеней
Таеет ее сердце,
И тогда она неслышно и кратко
Говорит, чего мне ввек не забыть:
Что уступит,
Если только никто не будет знать.
- 39 Как отравленная стрела,
Это слово пронзило мою душу,
Смертный хлад растекся по жилам,
Голос сперся в горле.
А волшебница сбрасывает личину,
Вновь преображает меня в меня,—
Рассудите же, какова лицом
Она стала, увидя себя застигнутой!
- 40 Оба немые, оба белые, как смерть,
Оба мы стояли, потупив взоры,
А как шевельнулся язык,
То я воскликнул:
«Ты ли продала бы меня, жена,
Отыщись на мою честь покупающий?»
А она
Только и могла хлынуть плачем.
- 41 Встал в ней стыд, а не, меньше встал
и гнев,
Что застиг я ее в таком позоре;
Рос без удержу,
Обратился в презрительную ненависть;
И решила она бежать:
В час, как солнце сходило с колесницы,
Она вышла к реке и села в челн
И всю ночь торопилась по течению.
- 42 А наутро предстает
Пред тем рыцарем, столь в нее влюбленным,
В чьем облике
Искушал я ее себе на зло.
А как он любил ее с прежним пылом,
То не диво, что рад был ее принять,
И она повестила мне гонцом,
Чтоб уже не ждать ее быть моею.
- как она
уступила
искушению*
- и как
печально
это
кончилось.*

- 43 Горе!
С той поры они вдвоем и смеются,
А я сам от накликаемой беды
Вечно мучусь и не сыщу себе места.
Хуже мне и хуже,
Впору умереть,
И я умер бы, не прожив и года,
Кабы не одно утешение:
- 44 Утешение, что за десять лет
Сколько ни было гостей в этом доме,
Каждому я подавал эту чашу,
И никто не донес ее до уст.
В стольких горестях единая радость —
Знать, что я в моей беде не один.
Ты меж всеми первый случился мудр
Отстранить опасное пытанье.
- 45 А за то, что хотел я о супруге
Больше знать, чем велено знать,—
До последнего моего, близкого ли,
далекого ли
Часа нет мне покоя на земле,
Первая тому радовалась Мелисса,
Но недолгою была ее радость —
Полагая в ней исток всех несчастий,
Я уже навидеть ее не мог.
- 46 А она, любив меня больше жизни
И надеясь, как минула супротивница,
Быть со мной всегда,—
Не стерпела томиться моею ненавистью
И от той насущной тоски
Не замедлила прочь из этих мест
В такую даль,
Что уже я не слышал о ней ни вести».
- 47 Так рассказывал опечаленный рыцарь,
И когда досказал до конца,
То Ринальд, одоленный жалостью,
Призадумался и отвечивал так:
«Впрямь неладно Мелисса присоветовала
Ворошить осиное гнездо —
Впрямь и ты не довольно рассмотрилен,
Что искал, чего рад бы не найти.
- 48 Что в твоей красавице алчность
Пересилила супружеский долг,—
То не диво: не первая и не пятая
Она пала в столь нелегкой борьбе.
Даже сильный дух даже меньшей мздой
Даже к худшему склоняется делу.
Разве мало мужчин ради золота
Предавали и вождей и друзей?

*Ринальд,
посоучив-
ствовав.*

Ежели хотел ты ее отпора —
Не вздымал бы столь тяжкого оружия,
Потому что ни мрамор, ни булат
Не защита от серебра и золота.
Ты, скажу я, больше неправ,
Искушая, чем она, искусившись:
Испытавшись сам,
Ты едва ли оказался бы тверже».

Так сказавши, Ринальд подымается
Из застолья и просится отдохнуть,
Чтобы ненадолго смежить глаза
И пуститься до зари в путь-дорогу:
Времени у него-де мало,
А какое есть—на счету.
На сие гостеприимен
Приглашает его лечь без забот,

*отправляется
в дальнейший
путь.*

Сень и ложе к его услугам,
Но, послушавшись доброго совета,
Мог бы он проспать хоть всю ночь
И во сне проехать большое поприще:
«Снаряжу тебе,—говорит он,— челн,
И на том челне без опасности
Ты всю ночь будешь спать и плыть,
Сам себя опередив на полсуток».

Полюбился Ринальду такой совет,
Благодарствует он доброго рыцаря
И непромедлительно
Сходит к берегу, где ждут его пловцы.
Здесь он вольно раскинулся на палубе,
Между тем, как челн,
Быстр и легок о шести веслах,
Словно птица в ветре, скользит в реке.

Преклонивши голову,
Вмиг заснул государев паладин,
Приказавши разбудить себя тотчас,
Как настанут феррарские места.
Вот осталась Мелара по левую,
А Сермида по правую ладонь,
Позади — Фигароло и Стеллата,
Где разбросил рукава бурливый По;

Кормщик правит в правый рукав,
Оставляя слева Винеджию,
Миновал Бондено, и вот
Посветлели впереди небеса,
Осыпаемые алыми и белыми
Лепестками из кошницы Зари,
Когда вскинул Ринальд чело
И увидел два Тебальдова замка.

- 55 «О блаженный град,—
Он воскликнул,— в чьи будущие веки
Мой двоюродный Малагис,
Соглядатель звезд, совещатель духов,
Проезжая со мною здешний край,
Произрек
Просиять ему красою и славою
В ликовании Италийской земли!»
- 56 Так измолвив,
Плыл он дальше по царственной реке,
Увлекаемый крылатою ладьею,
И увидел от города невдали .
Островок,
В оны дни еще пустой и безлюдный,
Но отрадней Ринальдовым очам,
Знавшим быть ему пышным и прекрасным,
- 57 Потому что говорил Малагис,
Здесь однажды случась ему спутником,
Что когда семь раз по сто раз
Под Овном пройдет четвертое небо,—
Этот остров станет лучшим из всех,
Облегаемых морями ли, озерами ли,
И кто взвидит его, уж тот забудет
Восхвалять Навсикаин отчий край.
- 58 Было сказано: красою дворцов
Превзойдет он остров, милый Тиберию,
Небывалостью цветущих порослей
Не уступит удолию Гесперид,
Столького животного множества
И в Цирцеиных не сыщется паствах,
А Венера с Купидоном и Грациями
Для сих мест оставит и Кипр и Книд.
- 59 И еще было сказано: таковым
Стать ему по воле того, кто, силу
Съединив с могуществом, обнесет
Ближний город раскатами и оплотами,
Дабы выстоял он невспомогаемо
Хоть противу целого света;
И недаром сей творец будет слыть
Сыном Геркулеса и отцом Геркулеса.
- 60 Проплывая, припоминал
Паладин те вещие речи
Своего двоюродного, который
Их гласил ему не раз и не два;
Но таков был невелик и убог
Пред его очами грядущий город,
Что воскликнул он: «Из этих ли процвести
Топей цвету благородных наук?»
- Он про-
плывает
Феррару
и остров
Бельведер.*

Ставить на кон сто против одного —
Значит все отдать, ничего не взявши».

- 67 В таковом-то размысленье клермонтский
Паладин, не поднимая чела,
Наблюдаем был с великою пристальностью
Противосидящим кормчим гребцом.
Быв догадлив,
Проникает тот рыцареву мысль,
А быв смел и удачливо речист,
Вызывает рыцаря к разговору. *Гребец ему
рассказы-
вает об
Адонии,*
- 68 И пошел разговор у них о том,
Что нерассудителен
Искушающий жену искушением,
Непосильным женскому естеству;
А которая жена целомудрием
Защитится от серебра и злата,—
Та сумеет пронести свое сердце
И сквозь тысячу огней и сквозь тысячу
мечей.
- 69 И примолвил кормщик: «Ты прав,
Что большие дары не впрок красавицам,
Потому что не всякое сердце
Для такого приступа найдет отпор.
Может быть, дошла до тебя молва,
Как одну прекрасную молодую
Уличивши даму в такой вине,
Муж обрек ее на смертную гибель.
- 70 И подавно должен бы памятовать
Эту силу злата и серебра
Мой хозяин, но в нужнейшее время
Он о том забыл и погиб.
А уж он-то знал о том случае,
Потому что приключился он в городе,
Опоясанном медлительным Минцием,
Где и он рожден и я рожден.
- 71 Это случай с Адонием, который
Подарил судейской жене
Драгоценнейший дар — некую собачку».
Говорит ему паладин: «У нас
В заальпийском крае о том не слыхано —
Ни во Франции, ни на всех моих путях/
Ежели не в труд — расскажи,
А уж я не премину тебя выслушать».
- 72 Начинает кормщик: «А жил в том городе *как любил
он Аргю,
жену
Ансельма,*
Человек по прозванию Ансельм,
С юных лет в долгополой мантии
Погруженный в Ульпианову премудрость.

Искал он себе жену,
Доброродную, добронравную, добровидную,
И нашел
Красавицу красоты неописанной:

- 73 Такой стати, такой прелести,
Что казалась вся — нежность, вся — любовь:
Много больше,
Чем пристало его сану и тихости.
Как досталась она ему —
Вмиг он сделался ревнивей всех ревнивцев,
Не имея к тому иной причины,
Как что слишком она мила и хороша.
- 74 А еще в том городе жил
Рыцарь древнего и знатного рода,
Того самого рода, каковой
Произрос из драконовой челюсти,
И откуда сама была Манто,
Основательница и соименница города.
Было рыцарево имя Адоний,
И случился он в ту красавицу влюблен.
- 75 Для своей любовной надобы
Расточал он без устали добро
На пиры, на наряды и на всякий
Блеск себе и имени своему.
На такие траты
Не достало бы и кесаревой казны —
В две зимы, не боле,
Изроскошествовал он все отчее имение.
- 76 Дом его, дотоль
С утра до ночи полный дружным толпищем,
Запустел, ибо не стало к столу
Куропаток, перепелок, фазанов;
Был Адоний первым, а стал последним,
Оскудел до нищенской нищеты
И тогда решил уйти в такое место,
Где не знают, кто он и кто он был.
- 77 С таковым намерением,
Никому не сказавшись, весь в слезах,
Вышел он поутру из города
И пошел вдоль топей, что возле стен,
Но и в этом горе не мог забыть
Повелительницу своего сердца,
Тут-то и случился с ним случай,
Что из жалкого стал он блаженней всех.
- 78 Шел он, шел и видит: мужик
С большой палкою возится в кустарнике.

Спрашивает Адоний,
Для чего он так лезет из кожи вон?
Отвечает мужик, что в этой поросли
Он приметил старую змею,
Да такую уж длинную да толстую,
Что другой такой ищи — не найдешь;

*как он спас
змею-вол-
шебницу,*

- 79 Вот он и намерен ее прикончить
И пока не прикончит, не уйдет.
Не стерпел Адоний такое слышать,
Потому что
Он измлада чтит змеиное племя,
На своем родовом нося щите
Лик дракона, из чьих зубов
Его древние взошли прародители.
- 80 Увещает Адоний мужика
Сменить умысел и оставить промысел,
И уламывает упрямого ту ползучую
И не гнать и не бить и не губить.
С тем он и уходит своей дорогою
В те места, где никем о нем не слыхано,
И живет семь лет
На чужбине, в тоске и горьком горе.
- 81 Ни дальность, ни бедность,
Не дающая воли нашим думам,
Не помехой были властной любви
Жечь и ранить его больное сердце.
Наконец побуждает его страсть
Вспять к красе, о которой томны взоры:
Скорбен, всключен, в рубище
Он бредет туда, откуда пришел.
- 82 О ту пору случилось нашей Мантуе
Отрядить посла к святому престолу,
Чтобы там у высокого отца
Пребывал он, покуда не отзовут его.
Брошен жребий, и пал он на судью,
Ах, вовек ему оплакивать это утро!
Он оправдывается, он просит, он молит,
Объясняет, обещает,— вотще!
- 83 Таково ему и кручинно, и больно,
Словно бы ему жестокие руки
Разорвали грудь
И живое исторгли сердце.
Бел и бледен
От ревнивого страха за жену,
Умоляет, он ее, как умеет,
Соблюсти ему верность и в разлуке,

*как Ансель
расстался
с Аргиею,*

- 84 Говорит, что для женщины ничто •—
Ни пригожество, ни богатство, ни
знатность,—
Не залог высокой хвалы,
Если имя и нрав ее запятнаны,
И что чистота
Тем дороже, чем победней в борении,
А такому испытанию верности
Лучший случай — его отъезд.
- 85 Такowymi словами и подобными
Наставляет он ее в целомудрии,
А она, страдая о злой разлуке,
Боже правый, как жалобно и слезно
Клянется, что раньше солнце
Затмится, чем она вознамерится
К вероломству, что скорее умрет,
Чем вздохнет неладным желанием.
- 86 Этим клятвам, этим обетам,
Он поверив и поумерив горе,
Не преминул однакоже приискать
Новый повод, чтоб удариться в слезы.
Был у него друг,
Проницавший в грядущем и зло и благо,
В гадании, в волхвовании
Знавший все или почти что все.
- 87 И его-то вопрошает Ансельм
О жене своей (а имя ей — Аргия),
Будет ли она, разлученная,
И верна и честна, или же нет?
Тот восходит на дозор, смотрит в небо,
Чертит, где какая стоит звезда;
Покидает его Ансельм в сих трудах,
А наутро приходит за ответом.
- 88 Звездочет, не желая его обидеть,
Поджимает губы,
Уклоняется так и так,
Но пришлось Ансельму узнать желаемое:
Что едва лишь он ступит за порог —
Быть его супруге изменницею,
И не падши пред красотой и
влюбленностью,
А польстясь на поживу и корысть.
- 89 Как былые его тревоги и страхи
Приумножились от звездных угроз,—
Суди сам,
Коли сведущ ты в любовных превратностях.
Но всего ему тяжелей,
Но всего жесточе томит и мучит

То, что всторжествует над целомудренною
Алчность.

- 90 Чтобы женщину *оставив*
Воздержать от названного греха, *ей великие*
От греха, который, как вторгнется, *богатства,*
Так потянет сквернить и алтари,—
Собирает он все свое добро
И все деньги (а денег было много)
И все прибыли и доходы всех угодий,
И вручает ей.
- 91 Говорит он: «Все, что здесь есть,—
Все твое: расточай его и трать,
Делай с ним, что хочешь,
Хоть проешь, хоть продай, хоть раздари,
хоть выбрось,—
Никакого не спрошу ответа,
Лишь бы ты осталась, какая есть,
Лишь бы воротила себя, а там
Хоть не возвращай ни полей, ни долов».
- 92 И еще говорит он ей: «Оставь
Этот город, покуда я не приеду,
И живи в усадьбе, где больше воли
И где меньше и людей и забот».
Это он сказал потому,
Что усадебные пастухи да пахари,
Полагал он, не могут помутить
Чистых мыслей оставленной подруги.
- 93 Белыми Аргия руками
Обымая беспокойного мужа
И слезами, струящимися из глаз,
Орошая мужнины щеки,
Удручается, что он говорит
Так, как будто она уже провинна,
Что таков он подозрителен, ибо
Его вера ее верности рознь.
- 94 Долго вспоминать,
Что, прощаясь, сказано им и ею;
Наконец «В твоих руках моя честь» —
Говорит он, кладет поклон и едет,
И давая повод коню,
Так и чувствует, что разрывается сердце.
А она, пока видят очи,
Смотрит вслед, все лицо в слезах.
- 95 Между тем несчастный Адоний, *как змея-*
волшебница
отбла-
годарила
Адония,
Бледный, *включенный,*
Шел и шел в родные места,
Уповая, что его не узнают,
И пришел к тому пруду возле стен,
Где когда-то спас он змею

Ежели бы не ты —
Не уйти бы мне целою, потому что
Полегла бы не мертва, так калечена,
Череп вдребезги, хребет перебит.

102 Это так, потому что в дни,
Когда мы, в чешуе, змеимся в прахе,
То лишаемся волшебственных сил,
И уже небеса нам не покорны —
Хоть в иные дни по нашему слову
Замрет солнце, затмятся его лучи,
Дрогнет и подвигнется суша,
Станет пламень льдом и пламенем лед.

103 Ныне же я здесь
Чтоб воздать тебе добром за добро —
И как я совлеклась змеиной кожи,
То никоей твоей просьбе не быть вотще.
Станешь ты богат
Втрое против отеческого,
И тому достатку не знать конца —
Чем щедрее тратишь, тем больше прибыли.

104 А еще, уведавшись, что доселе
Ты томишься в узах давней любви,
Я тебе открою
Верный путь к достижению вожеленного:
Муж далек,
Сделай же по моему совету:
Ступай в ту подгородную усадьбу,
Где жена его, а я за тобой».

105 И ведет она советный сказ,
Как ему предстать пред красавицею,
Как одеться, как
Говорить, умолять и соблазнительствовать,
И какой она примет вид,
Ибо сколько видов ни есть на свете,
Все они подвластны превратительным
Чарам феи, преставшей быть змеей.

106 Облачает она его в наряд
Нищего скитальца во имя Божие,
А сама
Обращается в малую собачку, *как она*
И малей и белей горноста, *обратилась*
Шерсть как пух, милый вид, резвый скок, — *в драго-*
Так преобразясь, *ценную*
Вот пошли они к усадьбе прекрасной Аргии. *собачку,*

Как дошли, так юноша встал
Пред жильями, где жили ее работники,

Да как начал дудеть в дуду,
А собачка плясать на задних лапах.
Шум и крик долетают до хозяйки,
Вызывают ее полюбопытствовать,
И она кличет странника к себе,—
Уж таков был жребий судье Ансельму.

108 Гость велит собаке и то и се,
А собака слушается и слушается,
И по-нашему пляшет и не по-нашему,
И на все у нее свой лад и выступка.
Что он ей ни скажет,
То она и сделает по-людски,
Да так,
Что ни глаз не свесть, ни дыханья
перевесть.

109 На такую невиданную собаку
Разгорается у красавицы охота,
И велит она верной своей кормилице
Посулить за нее гостю богатый кус.
А он в ответ:
«Да случись у вас хоть столько добра,
Чтобы даже и женской впору жадности,—
А моей вам собаки и коготка не купить».

ПО И отводит кормилицу в уголок
И показывает:
Молвил псу, что надобно отдарить
За любезность золотою монетою,—
Пес встряхнулся, золото на полу,
Подхватила его ловкая женщина,
А на это ей Адоний: «Ужель
Я продам такую красу и выгоду?»

111 Ведь чего я ни попрошу,
То и дастся мне этими щедротами—
Как она встряхнется, так и стряхнет
Перлы, перстни ли, пышные ли покровы.
Но скажи своей госпоже,
Что готов я ей служить не для золота,
Но коли она мне отдаст одну
Свою ночь,— пусть берет мою собаку!»

112 Так сказал он, а в Забаву красавице
Посылает ей новородный перл.
Показался кормилице такой платеж
Куда выгодней считанных дукатов:
Воротясь,
Увещает она хозяйку
Согласиться к покупке, за которую
Что и дашь, того не убудет.

*как Аргия
уступила
соблазну*

- 113 Поначалу красавица отвратилась,
Что невмочь-де ей преломить
Свою верность, что вовсе-де недостаточно
Это самое, о чем говорят,
А кормилица точит ее и точит,
Что такое-де бывает не всякий день,
И добилась, что назначается час
Посмотреть на собаку без свидетелей.
- 114 И пришлось то посмотрение
Всеученому супругу в конец концов,
Ибо сыпала собака и сыпала
Золотые дублоны, самоцветы и жемчуга.
Оттого и дрогнуло гордое
Сердце, а еще оттого,
Что узнала дама во предстоящем
Того юношу, который ее любил.
- 115 Увещания блудолюбной кормилицы,
Взор влюбленного и его мольба,
Видимая выгода.
Дальняя отлучка умного мужа
И надежда, что тайна будет в тайне.—
Таково осилили целомудрие,
Что берет она собаку себе,
А себя вручает объятьям юноши.
- 116 И предолго
Наш Адоний вкушал желанный плод
Ласк красавицы, которую волшебница
Так взлюбила, что и осталась при ней.
А тем временем, как солнечный круг
Обошел двенадцать своих созвездий,—
Отслужил и воротился ученый муж.
Полон страха о звездочетовом слове. *как обо
всем узнал
муж,*
- 117 Как достиг он отчей земли—
Тотчас к звездочету и тотчас спрашивает,
Был ли от жены его обман и ложь
Или крепко блюлась любовь и верность?
Звездочет расчерчивает
Небеса, и где какая звезда,
И гласит нежеланное слово:
Что предсказывалось, то и сбылось!
- 118 И гласит: обольстись великой выгодой,
Его женщина пала в чужие руки.
Сражен
Мудрый муж смертельнее, чем булатом.
Чтоб увериться (хоть и без того
Он уверен в ставшемся по гаданию),
Он идет к кормилице, и отводит
Ее в сторону, и пытается так и сяк.

- 119 Дальними заходами
Он старается вызнать, как было дело,
Но не может добиться ничего,
Как ни силился,
Потому что кормилице не внове:
Отпирается, бровью не ведет,
Помнит свой урок и держит хозяина
Целый месяц меж сомненья и правды.
- 720 Если бы он знал, что за боль
В правде, как лелеял бы он сомненье!
Но не взявши ни мольбой, ни корыстью,
Чтобы струны кормилицыной души
Откликались ему неложным звуком,—
Он решил, как бывалый человек,
Подождать, пока женщины поссорятся,
Потому что где бабы, там и свары.
- 727 Как ждалось, так оно и вышло:
Чуть случилась у них первая брань,
Вмиг кормилица пришла и без зова,
Все выкладывает, ни о чем не молчит.
Мне уж и не сказать,
Каково было бедному судье,
Павши духом, скрепиться сердцем,
Чтобы вовсе не решиться ума.
- 722 И задумывает он, обуянный,
Что умрет, но прежде убьет,
Чтобы дважды окровавленный нож
Спас ее от хулы, его от горя.
Возвращается он в свой городской
Дом, волнуясь непроглядною яростью,
А в усадьбу шлет верного гонца,
Повелев ему непростые веления:
- 123 Повелел объявить любезной Аргии,
Что постигла его жаркая хворь,
И чтобы она воротилась в город,
Ибо вряд ли остаться ему живу.
Ежели она его любит,
Пусть одна, не ждавши слуг, поспешит
Вслед гонцу (он знал: пойдет), а гонец
По пути и пересечет ей горло.
- 124 Отправляется к красавице верный раб,
Чтобы сделать все по сказанному,
А красавица на коня и в путь,
Не забывши с собой свою собачку.
А собачка предвестила ей, что грозит,
Но велела от пути не воздерживаться,
Ибо-де она уж сама
В нужный час не оставит ее без помощи.
- как он
хотел ее
убить,
а она спа-
слась,*

- 125 И ведет ее гонец
По безлюдным и заплетшимся тропам
К некоторой малой реке,
С Апеннин спадающей в нашу реку,
Где ни городов, ни сел,
А дремучие лишь рощи и чащи,
Чтобы в этом дальнем неслышном
Месте выполнить жестокий приказ.
- 126 Обнажает он клинок,
Говорит госпоже своей, какое
Повеление повелел господин,
И чтобы она помолилась Господу.
Что тут было—и не сказать:
Как ударил казнитель своим булатом,
Так ее уже и нет, и вотще
Он, искав ее, ушел с посрамлением.
- 127 Посрамленный, смущенный, сам не свой, *как муж*
Возвращается он к пославшему *ее искал,*
И рассказывает небывалое дело,
А уж как оно сделалось,— невесть.
Муж не знал,
Что в помощницах у жены его — фея,
Потому что доносная кормилица
Лишь об этом ему и не донесла.
- 128 Он не знает, что ему делать:
Ни отмщенья ему, ни облегченья—
Где была соломина, там бревно,
Такова натуга легла на сердце,
Ибо тайное его стало явным,
Да таким, что всякому напоказ:
Прежде можно было скрыть, что неладно,—
Нынче все прознают его позор.
- 129 Рассудилось ему так, что изменница
Угадав, что в нее метится беда,
Не захочет вновь под мужнюю власть,
А найдет себе сильного владетеля,
Каковой и будет ее держать
В посмеянье мужу и в поношенье,
А быть может, и другому отдаст,
Если вместе он и блудник и сводник.
- 130 Чтоб не сделалось такой незадачи,
Рассылает он письма и гонцов
Доискаться до Аргии, допытаться
По Ломбардии, не минуя ни городка.
А за ними сам
Рыщет, ищет спросом и взором,
Все урочища обошел, но нигде
Ни лица, ни следа ее, исчезнувшей.

- 131 Наконец, призывает он слугу.
Тщетного вершителя злых велений,
И приказывает себя отвести
К тому месту, где вдруг не стало Аргии:
Может статься, она скрылась в кустах
И оттуда нашла тропу к прибежищу.
Вот идет он за слугой в гущу чащи,
Глядь,
а в гуще чащи стоит дворец.
- 132 Сей дворец воздвигся для милой Аргии *как набрел*
Чародейно быстрым трудом *он на чаро-*
По веленью хранительницы феи — *дейный*
Весь он мраморный, весь он золотой, *дворец,*
Стены взрачны, покои пышны
И уж так, что ни сказать, ни помыслить;
Коли посравнишь его со вчерашним,
То вчерашний покажется конурою.
- 133 Что ни полог, что ни занавесь,
Все разотканы и расшиты на разный лад;
Стойла, клетки
Блещут блеском, как горницы и ложницы;
Всюду чаши золотые и серебряные,
Самоцветы синие, зеленые, алые
В виде кубков, и чаш, и блюд,
И опять без счету шелков и золота.
- 134 Вот перед таким-то дворцом
Обнаружился наш правоискусник,
Полагавши здесь найти лес да лес
Без единой даже хижинки,
И такому диву дался,
Что почел себя обезумленным:
То ль хмель, то ль сон,
То ли вовсе голова не на месте.
- 135 А перед дворцом эфиоп
Толстоносый стоит и толстогубый,
Такова уж скаредная харя,
Что не видано ни прежде, ни после:
Писанный Эзоп,
Замаравший бы и райские кущи:
Грязный, сальный, гадкий, мерзкий,
оборванный,—
Сколь ни исчисляй, не исчислишь.
- 136 Ансельм, никого не видя,
Чтоб уведать, чей это дом,
Подступает к эфиопу и спрашивает,
А эфиоп ему отвечает: «Мой!»
Судья веры ему не дает,
Полагая, что насмешник дурачится;

Но с божбою клянется черный мурин,
Что дворец—его и только его.

137 Ежели он хочет —
Пусть войдет и оглядит все, как есть,
И коли какая ему приглянется
Из добра вещица — бери, не жаль.
Отдает Ансельм коня коноводу,
Переносит ногу через порог,
Шаг за шагом ведется по пышным
горницам,
Смотрит вверх, смотрит вниз, и всюду чудо.

138 Ходит, видит
Царский блеск, тонкий труд, яркий вид,
И говорит: «Ни в земле, ни на земле
Не достанет золота за такое!»
Тут-то мурин ему да и скажи:
«Всякой вещи своя цена,
Есть и этой,
И не золотом, не серебром, а дешевле».

*как впал
в искушен.*

139 И желает от Ансельма того,
Что Адоний желал от милой Аргии.
Дик и бешен
Стал Ансельму столь бесчинный спрос:
Отпирается трижды и четырежды,
А мужлан уламывает и так и сяк,
Всякий раз суля наградой дворец,
И домогся
преклонить его к мерзкой своей
похоти.

140 А красавица Аргия, притаившись,
Как увидела мужа в таком грехе,
Так и выбежала
С криком: «Ах, что я вижу над столь
ученым!»
Он, застигнутый в неподобный миг,
Краснеет, немеет,—
Ах, зачем ты не разверзлась, земля,
Чтоб укрыться в самые твои недра?

141 Для отвода души, для посрамленья мужнина
Извергает красавица на него слова:
«Как тебя казнить
За такое дело с таким мерзавцем,
Коли ты назначил мне смерть
Лишь за то, что я пошла по природе
На столь нежные мольбы столь милого
юноши,
И с подарком получше всяких замков!

- 142 Ежели мне смерть,
То тебе и ста смертей не довольно!
А ведь я в своем месте так сильна,
Что могла воздать бы долю за долю!
Но и за такую вину
Мне не надобно лишнего возмездия:
Что дал, то и взял,
Так изволь простить, как и я простила.
- и чем
все это
кончилось.
- 143 Будь на том меж нами мир и согласие,
А что было, того не поминать,
Чтоб ни знаком и чтоб ни звуком
Ни тебе меня, ни мне тебя не корить».
Не противился супруг
Благодатному этому уговору,—
Так и стали у них любовь и согласие,
Нерушимые по самый их гроб».
- 144 Так рассказывал гребец, и весьма
Распотешил Ринальда своим рассказом,
Даже бросив его в огненный стыд
За того ученого мужа.
Похвалил Ринальд умную жену,
Что нашла она по птичке и сетку—
Ту самую,
Где сама попалась, но с меньшим срамом.
- 145 Встало солнце,
И велел паладин выстелить стол,
Щедро уготованный ему с вечера
Мантуанским его гостеприимцем.
А по левую руку бегут поля,
А по правую бескрайние топи;
Наплывает и отступает кольцо
Стен Ардженты над Сантернскою пастью;
- Ринальд
продолжает
путь.
- 146 Верно, не стояла еще в те дни
Бастия, над которою
Не к добру себе испанцы держали знамя
И на пушью беду для романцев.
Как на крыльях,
Мчатся путники по правой реке,
А потом по мертвой проточине,
И к полудню они перед Равенной.
- 147 Хоть Ринальд и привык бывать безденежен,
Но случился при довольных деньгах,
Чтобы в добрый час
Одарить, расставаясь, водоплавателей.
Посуху, меняя коней,
Он до ночи приспевает в Аримин,
Он не ждет зари в Монтефлоре,
И чуть свет, он уже в Урбинском городе.

- 148 Не было тогда в Урбине
Федерика, Изабеллы, Гвидона,
Ни Франциска, ни Леоноры,
Потому что учтиво и не гордо,
А заставили бы они паладина
Здесь помедлить и вечер, и два, и три,
Как неволят они и ныне и прежде
Мимоезжих и рыцарей и дам.
- 149 Но никто его не взял за узду
И он скачет прямой скачкою в Калью;
Через Апеннины,
Где прогрызли их Метавр и Гавн,
Через умбров и этрусков он—в Рим,
А из Рима—в Остию, а из Остии—
Через море к городу, где сокрыл
Благочестный сын Анхизовы кости.
- 150 С корабля на корабль,
И стремится к острову Липадузе, -
К битвенному поприщу,
Где уж съехались шестеро бойцов.
Он торопит корабельщиков,
Выгибает весла и паруса,
Но лихие ветры
Хоть на малость, а претят ему выплыть
в срок.
- 151 Он доспел лишь когда Английский граф *Ринальд*
Доподвигнул подвиг, трудный и славный, *на Липадузе*
Умертвив Градасса и Аграманта
По крутой и по кровавой борьбе,
Когда пал Монодантов Брандимарт,
И от тяжкого удара и грозного
Оливьер простирался на побережье,
Мучаясь сломанною ногою.
- 152 Со слезами на ланитах
Обнял граф Ринальда и поведал,
Как похитила злая смерть
Брандимарта, столь любящего и верного.
Над разрубленной головою друга
Увлажняет Ринальд поникший взор
И идет заключить в объятия
Оливьера, страждущего стопою.
- 153 Изливает устами утешение,
А помочь невмочь,
Потому что бранный пир допирован,
И у всех уже яблоки на зубах.
Между тем, отплывши, служители
Аграмантовы и Градассовы останки
Погребают в развалинах Бизерты,
И что случилось, о том уже знают все.

- 154 Рады о Роландовом
Торжестве и Астольф и Сансонет,
Но полнее ликовали бы, если бы
Не смежил светлых взоров Брандимарт.
Отменяется веселье раздумьем
О погибнувшем, и меркнет чело.
Кто решится
Возвестить Флорделизе о злой беде?
- 155 Тою ночью
Флорделизе привиделось во сне,
Будто бы своею она рукою
Выткала и вышила Брандимарту
Покрывало, в середине и по краям
Распестренное багровыми каплями,—
Вышила сама
И сама об этом горько печалилась,
- 156 Говоря: «Повелел мой господин
Быть его покрову исчерна-черному —
Отчего же наперекор
Я расшила его столь неподобно?»
В таковом она была удручении,
Когда в стан приспела худая весть —
Но и ту Астольф таил в сокровенности,
Пока вкуче к ней не вшел с Сансонетом.
- 157 Как вошла, как увидела она,
Сколь безрадостны лица их о победе,
Так и стала ей ведома без слов
Брандимартова погибель.
Павши сердцем,
Пишась зренья дневного света,
Замкнув чувства, которых пять,
Она замертво ударилась оземь.
- 158 А как вновь задышала грудь,
Она вскинулась, впивая персты
В кудри, в щеки,
Выкликаая имя, терзая плоть.
Рвет и тратит кудри, вопит,
Словно лютым одержимая духом,
Или ярая
Мечется вакханка в хмельном кругу;
- 159 Стонет, молит
Дать ей нож, чтобы вклинить в грудь;
Рвется к пристани, где медлит корабль,
Два доvezший царские трупа,
Чтоб над тем и над этим мертвецом
Вознеистовствовать мстящим терзаньем;
Хочет за море, чтобы умереть
Плоть о плоть с господином и

- 160 «Ах,— рыдает,— зачем, о Брандимарт,
Я тебя без себя отважила к подвигу?
Ты доселе ни в единый поход
Без своей не хаживал Флорделизы!
Будь мы вместе,
Я бы не сводила с тебя очей,
И нагрять в тебя сзади злой Градасс,
Я бы криком подала тебе помощь!
- 161 А случись я рядом —
Я меж вами приняла бы удар,
Голова моя стала бы тебе щит,
Ибо жизнь не жалкая мне потеря.
Смерти не миновать,
И от боли моей никто не в прибыли,
А прими я смерть за тебя —
И не надобно участи желаннее.
- 162 А коли тому воспротивятся
Злобный рок и черные небеса,
То хоть я припала б к его лицу
Смертным плачем и последним лобзаньем.
И пока не взнеслась его душа
В сонме ангелов к престолу Всевышнего,
Я сказала бы ему: Ступай с миром,—
Там, где ты, скоро быть и мне.
- 163 Таково ли, Брандимарт, таково ли
Царство, ждущее твоего жезла?
Таково ли мы вступим в Дамогиру,
Так ли я воссяду на твой престол?
Ах, судьбина, не знающая пощады,
Сколько замыслов, сколько ты рвешь
надежд!
Ах, зачем я,
Пишась лучшего, не лишусь всего!»
- 164 Таковою и подобною речью
Вновь взметя разъяряющую страсть,
Вновь она схватилась в волоса,
Словно в них вина и начало бедствия;
Длань в длань, зуб в плоть,
Ногти в губы и ногти в груди,—
Но оставив ее биться в слезах,
Обратимся к Роланду с его товарищем.
- 165 Роланд,
Вместе с родичем, искавшим лечителя,
Отплывает в достойнейшие места
К погребению Брандимартова праха —
К той горе, которая пламенем
Озаряет ночь, дымом застит день.
Ветер добр,
Нужный берег — справа и недалече.
- Плач
Флорделизы
о Бран-
димарте.*
- Рыцари
в Сицилии*

- 166 На закате дня
В сгонный ветр они вскинули причалы,
А безмолвная девственница ночи
Светлым рогом казала верный путь.
На рассвете нового дня
Они выплыли к милому Агригентскому
Побережью, где повелел Роланд
Быть о полночь погребальному чину.
- 167 Когда стало все По слову его,
И уже стемнелось,
То средь рыцарства, сшедшегося на зов
Из окрестных сицилийских окраин,
В свете факелов, осиявших брег,
В крике причетей, плачей и рыданий
Роланд встал приять останки того,
Кто и в жизни и в смерти любим и дорог.
- 168 Здесь, у гроба,
Согнутый годами,
Стыл Бардин,
В морском плаче выплакавший все очи,
Клявший небо и неправые звезды,
Как недужный рыкая лев
И разя неистовствующими дланями
Седину и морщинистую плоть.
- 169 Вдвое громок крик, втрое громок плач
Стал пред ликом Карлова паладина;
А Роланд, взошед к мертвецу,
Посмотрев без слов,
Побледнев, как сорванный поутру
Жесткий жост или мягкий листоцвет,
С тяжким вздохом,
Не сводя очей, молвил так:
- 170 «Мощный, милый, верный,
Мертвый здесь
и живой на небесах,
Где тебе по заслуге по твоей
Век не ведать ни зноя и ни холода,—
Ты прости мне, друг, мои слезы,
Не о том они, что ты не со мной,
А о том, что я не в твоём веселии.
- 171 Без тебя я одинок на земле,
Без тебя ничто мне в мире не дорого;
Быв с тобою в бурю и брань,
Почему я не с тобою в затишье?
Тяжек мой удел,
Не вспарить мне за тобою из тлена;
Мы делили недолю, отчего же
Я не дольщик твоей высокой прибыли?
- Плач
Роланда
о Браиди-
марте.*

- 172 Но ты в прибыли, я в накладе,
Ты один таков, а я не один,
Ибо дольщики печали моей —
Вся Италия, Франция, Алеманния.
О, как всплачется государь мой и родич,
Как восстонут паладины его двора,
И держава, и Христова церковь
Без тебя, вернейшей своей защиты!
- 173 О, как вскинутся,
Избыв страх, по твоей смерти враги!
Как возмужествует язычество,
Каким вспыхнет пылом, вскипит душой!
О, судьба твоей подруги! Отсель
Вижу ее слезы, слышу ее стоны:
И меня она винит, и меня она клянет,
Что при мне сокрушилась ее надежда!
- 174 Будь же, Флорделиза, тебе и нам,
Обездруженным, опорой думам,
Что прекрасная Брандимартова смерть
Всем живущим желанна и завидна,
Ибо Курций, низринувшийся в бездну,
И три Деция, и аргивский Кодр
Пали с меньшим благом и меньшей честью,
Нежели твой муж и господин».
- 175 Так сказал Роланд.
Чередою
Черные, белые, серые
Выступили иноки,
Моля Господа об отошедшей душе,
Со святыми да упокоится;
И в сиянье светочей средь и вокруг
Была ночь, как день.
- 176 Подняли гроб и понесли
Избранные графы и рыцари,
Крытый пурпурным
Шелком, тканым золотом и жемчугом,
Меж подушек
Царственного убранства
Приявший почившего
В том же пурпуре и в том же шитье.
- 177 Триста впереди
Шли беднейших нищих,
Каждый в черном,
В черном до земли.
Рыцарских сто отроков
Ехали на ста добрых конях,
С седел в пыль
Скорбные свесив ткани.

*Погребет.
Бранди-
марта.*

- 178 Сонмом веялись
 Пред гробом и за гробом
 Гербные знамена,
 У несчетных отнятые врагов,
 Легших в прах
 К вящей славе римской церкви и кесаря;
 Зыбились щиты
 С знаками павших супостатов.
- 179 Сотня к сотне
 Шел похоронный чин,
 Каждый в черном,
 Факелы в ладонях.
 С красными очами от слез
 Шел Роланд,
 Скорбный за ним Ринальд,
 Лишь надломленного не было Оливьера.
- 180 Долго бы сказывать
 Большой обряд,
 Исчисляя каждый
 Светлый факел и черный плащ.
 Влажны были взоры
 На пути во храм и во храме:
 Тронут каждый был чин, и пол, и возраст
 Мертвой юностью, доблестью, красотой.
- 181 Положили его в соборе,
 И когда отплакали дамы,
 И когда отпели попы
 Свое «кирие» и все свои песни,—
 Упокоили его в саркофаге
 На двух столпах,
 И укрыл его Ринальд златой тканью
 В ожиданье достойнейшей гробницы.
- 182 И не прежде Роланд покинул край,
 Чем вменил
 Добыть лучший к тому порфир и мрамор,
 И чертеж, и отменнейших из умельцев,
 Чтоб воздвигнула и стены и сень
 Флорделиза,
 Вслед Роланду
 Приспешившая с ливийского берега.
- 183 А увидя здесь Флорделиза,
 Сколь напрасны рыдания и слезы
 И несчетные требы и обедни,
 Положила в сердце своем
 Здесь пребыть,
 Пока дух ее не покинет плоти,
 И построила близ гробницы келию,
 И замкнулась до смертного конца.
- Затвор-
 ничество
 и смерть
 Флорделизы.*

184 Тщетны были звательные гонцы,
Тщетен был Роланд,
Ей суливший во французской земле
Жить в чести при государыне Галеране,
А коли восхочет она к отцу,
То сопутствовать ей до самой Лиццы.
А коли угодно служенье Господу,
То воздвигнуть ей должную обитель.

185 Тщетно,—ибо денно и ночью
Быв при гробе в каянье и мольбе,
Недолго она продлилась,
Прервав нить свою Паркиным перстом.
А уже отваливали от берега
Циклопического древнего острова
Три французских воителя, скорбя,
Что не с ними был и четвертый.

186 Но надобен им лекарь,
Чтобы печься о храбром Оливьере,
А забота о нем многая и нелегкая,
Ибо впору ему не помоглось,
И стонал он так,
Что тревожно, быть ли ему живу.
Тут-то кормщик и вымолвил вождам
Мысль, которая пришла им по нраву:

*Роланд,
Ринальд
и Оливьер
отплыли
на отишем
чий остро**

187 Молвил, что недали
На особном острове жив отшельник,
Никого и никогда из прибегших
Ни советом не минувший, ни подспорьем.
Он творит чудеса превыше смертности,
Дарит свет незрячим и жизнь покойникам,
Крестным знаменьем укрощает вихрь
И смиряет неистовые хляби.

188 И коли направить себя к нему —
Божий муж
В несомнительной силе своей святости
Не откажет исцелить Оливьера.
Был угоден Роланду такой совет,
И велит он ладье спешить к пустынноку;
Прям их путь, и на рассветной заре
Открывается им заветный остров.

189 Умные корабельщики
Подвели корабль под каменный скат.
Мореходцами и слугами
Маркский граф усажен в бегучий челн,
И сквозь пенные мчится он валы
К той скале, по скале к святому крову,
И под кровом зрит угодника Божия,
От чьих рук приял крещение Руджьер.

- 190 Божий праведник
Как благоприял Роланда с товарищами,
Как благословил их кроткой улыбкою,
Так и спросил об их участи,
Хоть и сам
Знал заране о них от Божьих вестников.
А Роланд ему отвечивал,
Что печаль их — о доле Оливьеровой,
- 191 Ибо сей, поборая за Христа,
Допустился до великой опасности.
Добрый муж,
Отстранив прискорбные их сомнения,
Возвестил исцеление от беды,
И не бравши людских мастей и зелий,
Вшел в часовню, взмолился ко Спасителю
И ишел с отвагою на лице;
- 792 И во имя присносущего Господа
Отца, Сына и со Духом Святым
Он прорек Оливьеру благословение.
О, сколь силы Христос дарует верящим!
Отлетела от рыцаря боль и страсть,
Воротилось к надломленному здравие,
Стала вновь нога и проворна и тверда;
А Собрин стоял рядом и все видел.
- 193 А Собрин, от собственных ран,
Что ни день, изнывавший все тяжеле,
Как увидел от святого отца
Столь великое и зримое чудо,
Так и положил,
отступясь от Магомета,
Исповедать Христа Животворящего;
И с смиренным и умиленным сердцем
Он взывает о таинстве нашей веры.
- 794 И крестил его праведник, и молитвою
Возродил недужного в прежней силе;
А Роланд и товарищи Роландовы
Ликовали о таковом обращении
Столь же, сколь о друге своем
Оливьере, избывшем худую немощь;
Но превыше радовался Руджьер,
Укрепляясь в вере и набожности.
- 795 Ибо здесь-то был Руджьер с того самого
Дня, как выплыл к отшельниковой скале.
Кроткий старец, восстав меж сими
рыцарями,
Обратил к ним взывающую речь —
В чистоте миновать сие удолье
Низких мерзостей, зовомое жизнь,
- Исцеление
Оливьера.*
- Крещение
и исцеление
Собрин.*

Столь угодное подлому неразумию,
И блюсти очами небесный свет.

196 Посылает Роланд слугу
На корабль за хлебом, сыром и мясом,
И святого мужа, забывшего
Вкус дичины, приобькши к плодам,
Побуждает от щедрой своей души
Вкусить мяса и вина и всех разностей.
А утешив трапезой плоть,
Повели они долгую беседу.

197 И как водится меж таких бесед,
Где одно к одному, к другому, к третьему,
Узнается Руджьер
От Ринальда, Роланда, Оливьера
Быть тем доблестным, чья мощь и чей меч
Повсеустно слывут знатнейшей славою,—
Ибо до поры и Ринальд
Не признал в нем недавнего супротивника.

*Герои
узнают
Руджьера
и вступают
с ним
в дружбу.*

198 Кто узнал его, так то был Собрин,
Чуть увидев его при добром старце,
Но ни словом не промолвился,
Чтоб не сделать нечаянного вреда.
А когда и прочим
Стало вестно, что пред ними Руджьер,
Своей доблестью, мощью и учтивостью
Столь прославленный по целому свету,

199 И что ныне он жив в Христовой вере,—
Тотчас каждый с ликованием в лице
Подступает, рука к руке,
Тот с объятьем, а сей с лобзаньем.
Наипаче же ласкает его и чествует
Ринальд, Монтальбанский князь.
Отчего,—
О том речь, коль угодно, в новой песне.

ПЕСНЬ СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

В нищих хижинах, в убогих приютах,
В скудости и в бедственности
Часто крепче связуются души
дружеством,
Нежели в завистных праздных роскошах

Вступлени

- Меж зазрений и меж коварств
Королевских многолюдных чертогов,
Где иссякла благодать в людских
сердцах,
А обличья дружества только мнимы.
- 2 Оттого-то столь зыбок лад и сговор
Меж князей и владык:
Императоры, папы, короли
Нынче в дружбе, а завтра в смертной
розни,
Потому что иное у них в лице,
А иное на душе и на сердце.
И кривое и правое для них — одно,
Ибо взоры их взыскуют лишь выгоды.
- 3 Не вместить им дружества,
Ибо дружеству не выстоять,
Где не водится непритворная речь
Ни о малом деле, ни о великом.
Но случись к ним немилостива судьба
И сведи их она под утлым кровом,—
Тотчас бы познали они, что есть
Дружба, коей досель они не ведали.
- 4 Так святой монах в своей хижине
Мог вернее связать узлом
Истинной любви своих гостей,
Чем иные бы в королевских палатах.
Таково затянулся этот узел,
Что уже не расплесть до самой смерти.
Пред отшельниковым они лицом
Чище сердцем, чем лебедь перьями,
- 5 Встали вежественны, встали любезны,
Не запятнаны сказанною несправедностью
Вечных скрытников
С вечной мнимостью в неверном лице.
Сколько было при них обид,—
Все забыты:
Меж единокровных, единокровных
Не бывало братственнее любви.
- 6 Наипаче ласкал и чтит Руджьера
Ринальд, Монтальбанский князь,—
Оттого, что с мечом в руках
Испытал он его пыл и отвагу;
Оттого, что вежеством и приветностью
Был представленный рыцарственнее всех;
Но превыше прочего — оттого,
Что он знал, сколь многим ему обязан.
- 7 Знал, от коей грозной беды
Оберег Руджьер Рикардета,

*Отшельник
в знак
примирения*

По велению испанского короля
С королевской застигнутого дочерью;
А равно и двух сыновей
Герцога Бовы,
Коих, сказано, отбил он у мавров
И у Майнцских Бертолагиевых злодеев.

8 По такому долгу
Рад Ринальд Руджьера любить и чтить,
И одно ему в досаду,
Что досель оно никак не моглось,
Бывшим им при разных дворах,
Одном Карловом, другом Африканском.
А как ныне Руджьер предстал крещен,
То Ринальду вдвойне милей отплачивать.

9 От Ринальда Руджьеру честь и почесть
По безмерному рыцарственному вежеству;
А премудрый пустынножитель,
Видя их во дружелюбии, говорит:
«Единому надобно свершиться
(И никто сего не оспорит):
Что как есть между вами дружество,
Так да будет между вами родство:

*побуждает
выдать
Брадамант
за Руджьер*

10 Дабы два знатнейшие племени,
Не имущие равных во благородстве,
Породили миру потомство
Блеском ярче кругобежного солнца,
Возрастающее красою
Год от года и век от века
(Мной вещает Бог!)
До поры, пока небо вращает звезды».

11 И последуя словом слову,
Просветленный старец внушил Ринальду
Вверить сестрину руку в дар Руджьеру,
И ни тот, ни другой не поперечили;
А Роланд и с ним Оливьер
Похваляли столь славное родство,
Полагая, что и Амон и Карл
И вся Франция не замедлят согласием.

12 А не знали они того,
Что Амон, и с Карлова изволения,
В эти дни Брадаманту обещал
Константину, кесарю греческому,
Для Леона, милого сына
И великого престолонаследника,
Ибо юноша к ней пылал,
Не видавши, по единому слуху.

*не зная.
что Али
просват.
ее за гре
ческого
принца
Леона.*

13 Но сказал Амон,
Что не вправе он судить воедине,

- 19 Как слышал Астольф об их победе,
Столь кровавой и столь нерадостной,
То удумав, что Франция отныне
Безопасна от напастей из Африки,
Рассудил
Отпустить нубийского государя
Восвояси с великим его полчищем
Тою же дорогою, какой привел.
- 20 Корабли,
В ночном море сокрушившие нехристей,
Привелись Уджеровым сыном к берегу,
И едва сошел с них черный народ,
— Чудо! —
Вновь с боков и с носов и с корм
Стали листья, взвихрились в налетевшем
Ветре и сокрылись навек из глаз.
- 21 Пешие и конные
Двинулись нубийские вспять полки,
А британский князь
Возвеличил Сенапа в благодарности,
Что пришел он ему в подмогу
Сам со всею силою и могучестью.
А в дорогу вручил ему Астольф
Бурный ветер в мешке из кожи:
- 22 Бурный ветер в кожаном был плену,
Тот, который полдневной яростью,
Словно море, волнует степной песок,
Гонит валом, взметает смерчем;
А вручил его Сенапу Астольф,
Чтобы быть им в дороге безопасным,
А уж как достигнут родных земель,
Пусть и выпустят злого из узилища.
- 23 А еще повествует нам Турпин,
Что, минуя Атлантово подножье,
Все их кони
                        вновь стали камни,
И нубийцы с чем пришли, с тем ушли.
Между тем Астольф,
Торопясь во Францию, ставит станы
Ратной стражи в мавританских местах,
И уже гиппогриф ширяет крыльями.
- 24 Взмах — и он в Сардинии,
Взмах — и он на Корсском берегу,
А оттуда за море,
Левой мышцей подтянув удила,
В легкий скок
По приморьям привольного Прованса
До пределов, назначенных крылатому
Пресвятым апостолом Иоанном.
- Между тем
Астольф,
вернув суда
в листья,
а коней
в камни,*
- возвраща-
ется во
Францию.*

- 25 А святой
Приказал, как прискачут они в Прованс,
Отпустить без узды, седла и шпор
Гйпогрифа на все четыре стороны;
И уже на лунном кругу,
Где починут все земные потери,
Каменели звуки рога, который
Онемел, чуть рыцарь достиг небес.
- 26 Вот Астольф доспел до Марсея,
А в Марселе Оливьер и Роланд
И владетель Монтальбанский, а с ними
И храбрец Собрин и храбрый Руджер.
А коли не так они веселы,
Как пристало после громких побед,
То виною
Их печаль о невозвратном товарище.
- 27 Карл Великий от сицилийских вестников
Знал, что два царя убиты, а третий взят,
Знал о Брандимартовом смертном подвиге,
Знал и то, как изъясился Руджер;
И отрадою сиял его лик,
Словно сбросилось несносное бремя,
Столь давившее рамена,
Что и сбросившись, чувствовалась тягость.
- 28 В честь
Тех столпов и оплотов святой державы
По велению Карлову первейшая
Вышла знать на сонские берега,
Вышел Карл с вельможным полком
Королей и герцогов и с супругою
В свите дев благородных, пышных,
взрачных,
Все навстречу победным паладинам.
- 29 Государь, светлолик и благ,
Паладины, и друзья, и сородичи,
Знать и чернь
Расточают героям знаки радости;
Слышны крики: «Монгран и Клермонт!»
А как минули объятия и лобзания,
То Ринальд, Роланд, Оливьер
Преподают к государю Руджера.
- 30 И поведывают:
Сей есть сын Руджера из Рисы,
Равнодобрый отцу, а каков
Он в сраженьи, то знают наши рати.
Приспевают и знатные воительницы
Марфиза и Брадаманта,
И сестра спешит в братнины объятия,
А другая стыдлива и скромна.
- Карл
встреча
паладинов
и Рудж*

- 31 Чинно сшедшему
Велит Карл Руджьеру взойти в седло
И держаться о бок,
Не дозволив ни малого отказа
От больших государевых честей.
О Руджьеровом ко Христу обращении
Было Карлу донесено
Тотчас, как воитель причалил к берегу.
- 32 торжеством
Пышным празднеством, шумным
Воротившихся встретил паладинов
Город,
Выслан листвию, перевит венками,
Овеяясь облаком
И цветов и зелени,
Рассыпаемых дамами и девицами
Из балконов и окон на героев.
- 33 В поворотах
Встали арки, и трофеи, и росписи,
Где Бизерта в раззоре и пожаре
И другие славные подвиги.
Там помосты, а на помостах зрелища,
Лицедеи, плясатели, игрецы;
И со всех сторон
Крупно писано: «Избавителям державы».
- 34 В шумном гуле труб, свисте флейт
И иного мусикийского лада,
В пляске, смехе, приветном ликованье,
В многолюдной разиогласице
Государь сшел с коня пред дворцом
И немало дней
Услаждался с друзьями пиром, плясками
И личинами, и потешным боем.
- 35 Между тем Ринальд поведал отцу,
Что назначил сестру свою Руджьеру,
И о том уже объявлено
Пред лицом Оливьеровым и Роландовым,
И они, как он,
Полагают ни равному и ни лучшему
Ни по крови, ни по доблести
Не бывать между рыцарством родству.
- 36 Гневен стал Амон,
Чтоб беспросно
Посмел сын его помолвить сестру,
Сговоренную им за Константинова
Сына и наследника, а отнюдь
Не за рыцаря, который без царства
И без пяди под солнцем, котому что
Знатность, доблесть без имения — ничто.

*Амон противится браку
Брадаманты
и Руджьера.*

- 37 Вслед Амону и Беатриса-мать
Клянет сына, хулит самоуправца
Скрыто и открыто претя
Брадаманте быть женою Руджьеровой,
Коли прочено ей быть
Госпожою могущего Востока.
А Ринальд тверд:
Ни на пядь не поступится обещанным.
- 38 Мать, надеясь, что любезная дочь
В ее воле, зовет ее соизмолвить,
Что милее смерть,
Чем супружество неимущего рыцаря;
Ей и дочь не дочь,
Коли встанет за брата, за обидчика:
Пусть скажет «нет» —
И не станет опоры для Ринальда.
- 39 Брадаманта безмолвствовала;
Не отваживалась она перечить матери,
Так уж чтя ее и любя,
Что и мысль ей не шла об ослушании;
Но и то ей страшно
Объявить, будто хочет, чего не хочет,
А не хочет, потому что не может,
От любви не в силах править собою.
- 40 Ни нет, ни да:
Только вздохи, и ни слова ответа.
Но отшедши в неслышимый покой,
Излилась она горькими слезами
И хоть малую долю своей беды
Изомстйла белой груди и светлым косам:
Бьет в грудь, рвет косы,
И такие, плача, гласит слова:
- 41 «Ах! хочу я того, чего не хочет
Та, кто вправе владеть моим хотеньем!
Разве матерняя
Воля меньше для меня, чем моя?
Ах, грех,
Тяжкий грех, худая хула,
Коли девушка не желает мужа
По той воле, которая ей закон!
- 42 Горе мне! дочерний ли долг,
О мой милый Руджьер, повелевает
Мне с тобою расстаться и предать
Себя новым желаньям, любви, надеждам?
Или я отрину
Почитанье и послушанье
Добрых чад ко добрым родителям
Для своих благ, утех, забав и радований?
- Жалобы
Брадаманты.*

- 43 Знаю, ах! знаю
Все, что должно, что нужно доброй дочери;
Только что из того,
Если мой рассудок слабее чувства?
Если гонит его Любовь,
Отсторонивает, не дозволивает
Мне владеть собой по уму,
А не по ее и слову и делу?
- 44 Я Амонова дочь и Беатрисы,
Но я в рабстве у госпожи Любви:
Провинюсь ли —
Мать с отцом пожалеют и простят,
Но послушавшись Любви —
Чьи молитвы спасут меня от казни,
Чтоб внялось хоть малое оправданье,
Чтоб не пала на меня скорая смерть?
- 45 О как долго, о как упорно
Я влекла Руджьера в Христову веру,
Довлекла — и что же?
Все добро мое — на пользу не мне!
Так пчелы
Творят мед, но творят не для себя.
Но чем быть за другим, а не за
Руджьером, —
Лучше смерть!
- 46 Я послушна отцу с матерью, но
Я послушна брату,
А мой брат не гораздо ли разумливей
Не потупленным старостью умом?
А что по сердцу Ринальду, то по сердцу
И Роланду: оба они со мною,
А они для целого света
Всех, французов и важней и грозней.
- 47 Если подлинно в них двоих
Цвет и блеск и слава Клермонта,
Если каждый выше, чем в рост,
Возвышается над иными рыцарями,
То зачем надо мною господин
Мой отец Амон, а не брат с товарищем?
Не хочу! И к тому же я обещана
Греку — зыбким словом, Руджьеру —
твердым».
- 48 Брадаманта страждет и мучится,
А не менее того и Руджьер,
Потому что весть, еще не разнесшаяся,
От него не скрыта:
Ропщет на судьбину,
Отымающую самое его лучшее,

*Колебания
Руджьера.*

- Ни богатства не дав ему, ни царства,
А от этого так много обид.
- 49 Все иное, что есть людям благого
От природы иль от собственных сил,—
Все иное ему далось
Столько и такое, как немногим:
Красотою он выше всех красот,
Силе его нет супротивника,
Веледушием, царской светлостью
Ни единый так не славен, как он.
- 50 Но толпа,
В чьем суде и почет и унижение
(А толпа суть все,
Кроме мужа, который мудр,
И ни скипетр, ни венец, ни тиара
Короля, или кесаря, или папы
Не изымет из толпы, а лишь мудрость,
Божий дар, лишь немногим данный),—
- 51 Сказанная толпа
Рабствует лишь богатству:
Где богатство, там и ее восторг,
А где нет, там ничто не мило,
Будь то доблесть, благость, ум, красота,
Сила, ловкость
Или пылкость духа; а наипаче
Сие видно, когда прочится брак.
- 52 Говорит Руджьер: «Пусть Амон
Сулит дочь в великие государыни;
Но к чему столь скорый
Зять Леон? Удели он мне малый год —
И нетщета моя надежда
Сбить с престола и кесаря и наследника,
Взять венец
И достойным стать Амонова рода.
- 53 Но коли по сказанному так тотчас
Свекром дочери делается Константин;
Но коли ничто —
Тот обет Ринальда с его двоюродным
Пред лицом блаженного старца,
И маркграфа Оливьера, и царя Собрина,—
Что мне делать? неужели терпеть?
Или лучше сгинуть?
- 54 Что мне делать? мстить?
Но кому? отцу ли моей возлюбленной?
Долго ли оно будет, недолго ли,
Глупо оно будет, разумно ли,
Но обречь на смерть
Злого старца и всю его породу —

- Это малая мне отрада,
Ибо воля моя совсем не в том.
- 55 Воля моя в том,
Чтоб у милой быть в любви, а не в
ненависти;
Если же от руки моей выпадет
Смерть Амону, беда родне,—
То не вправе ли милая
Положить меня врагом и отвергнуть?
Что мне делать? стерпеть ли? не стерпеть ли?
Правый Господи! лучше умереть.
- 56 Нет, не лучше умереть —
Лучше умертвить мне того Леона,
Что помехой помутил мое счастье —
Умертвить Леона и кесаря-отца!
Ни Елена троянскому своему похитчику,
Ни еще древней
Прозерпина Пирифою не станет горше,
Чем отцу и сыну такая моя боль.
- 57 Милая моя, а тебе не больно ли
Ради грека позабыть о Руджьере?
Приневолят ли тебя твой отец,
Хоть с тобою твой брат и твой
двоюродный?
Но страшусь:
Вдруг Амонова воля моей дороже,
И тебе желаннее быть за кесарем,
Чем за рыцарем, который ни с чем?
- 58 Царственное имя,
Государское звание, пышность, блеск
Развратят ли гордый дух, доблесть, честь
Возлюбленной моей Брадаманты?
Вменит ли она в ничто
Мою верность и свое обещание?
Или лучше встанет она враждой
На отца, чем забыть о данном слове?
- 59 Так и схоже
Рассуждал с собою Руджьер, и часто
Уловляли его слова
Близстоявшие,
А они не раз и не два
Доносили его муку до той,
Каковая была ее виновницею
И страдала его болью, как своей.
- 60 Наигорше же
Стала та ей Руджьерова печаль,
Что она-де предпочтет ему грека;
И тогда-то для вдохновения сил
- Брадаманта
ободряет
Руджьера.*

И изъятия гнетущего вздора
Посылает она
Верную служительницу свою
С таковыми к возлюбленному словами:

- 61 «Руджьер,
какова я была и есть, такова
И пребуду до гроба и за гробом.
Будь Любовь ко мне милостива или нет,
Ввысь ли, вниз ли метнет меня судьбина,
Я в моей тебе верности — как утес,
Нерушимый бурями и прибоями.
Ни в погоду, ни в непогоду
Я не дрогнула и не дрогну вовек.
- 62 Раньше выгранится
Под свинцом или дресвою алмаз,
Нежели надломит мне душу
Гнев любви или гнет судьбины;
Раньше вспенятся
Горные гремящие реки в кручу,
Нежели пременятся мои думы
От превратностей радостных или злых.
- 63 В тебе власть над сердцем моим
Выше меры и выше веры:
Никогда никто
Не возносил таких присяг к повелителю,
И ни царь и ни государь
Столь не тверд на царстве и государстве:
Твоего у тебя никто не исторгнет,
И не надобен ни оплот, ни окоп.
- 64 И не ополчить ополчений,
Чтобы приступом меня пересилить,
И не взять меня золотом,
Ибо честному сердцу оно — ничто,
И ни знатность, и ни царский венец,
Вожделенный для бессмысленной черни,
И ни красота
Не взманит мои взоры: ты прекраснее.
- 65 Не томись тревогою, будто новый
Впечатлется в моем сердце лик:
В нем врезан твой,
И уже ничьему его не вывести,
Потому что оно камень, не воск,
И не раз его, не сто и не двести
Ударяла резцом Любовь,
Высекая твои черты на твердости.

66 Гранный камень, кристалл, слоновья кость,
Единожды резанные,
Раньше сломятся,
Нежедь перекроются иной резьбой.
Таково и сердце мое—
Тверже мрамора упорно булату:
Вдребезги вздробит его Любовь,
Но иного лика на нем не высечет».

67 Таковые и иные слова;
Дыша верою, любовью и бодростью,
Ста смертями мертвому
Сто бы крат воротили жизнь.
Но уже обольщаясь они мечтою
Избежать непогоды при верной пристани,
Новым валом, черным и бурным,
Вновь отринуты в пучинную даль.

68 Брадаманта,
Спеша делом опередить слова,
Вспыхивает в сердце привычным палом,
Отлагает почтительный чин,
И приходит к Карлу, и молвит:
«Государь,
Если вам от дел моих мнится прок,—
То не откажите мне в малом даре.

*Брадаманта
просится
выйти
за того, кто
не сможет
ее победить.*

69 Попрошу я лишь о честном и правом,
Но до спроса
Умоляю о вашем царском слове
Снизойти ко просьбе моей всемилостиво».
Карл отвечает: «Доблестию твоей
Ты стяжала всяческую награду—
Я клянусь:
Попроси хоть полцарства, и получишь».—

70 «Одного лишь прошу у вашей милости,—
Говорит девица,—
Если дастся мне муж, то пусть такой,
Чтоб умел осилить меня в оружии.
С всяким женихом
Пусть я сведаюсь пешая или конная:
Кто случится сильнее, тот мне муж,
А кто нет, тот ищи себе другую».

71 Император с просветленным лицом
Рад, что просьба подстать просительнице,
И гласит, что воля его тверда:
Быть по сказанному до малейшей мелочи.
Таково беседовано
Всеуслышно и без потайки,

- И о том в сей же день домчалась весть
До престарых Амона и Беатрисы,
- 72 Каковые неистовцы на дочь
Воспылали негодующим гневом,
Ибо зримо зрелось,
Что ей по сердцу не Леон, а Руджьер.
И чтобы не сделалось по ее,
Мать с отцом
Ее тайно увозят от двора
В Крепкий Замок. *Амон
отсылает
Брадаманту
в Крепкий
Замок.*
- 73 Крепкий Замок,
Незадолгий дар от Карла Амону,
Возвышался на морском берегу
Между Перпиньяном и Каркассоною.
Здесь она и держалась, как в темнице,
С преднамереньем плаванья на Восток,
Чтобы вольно или невольно,
Быть ей за Леоном, а не Руджьером.
- 74 Доблестная девица,
Сколь отважная, столь же и почтительная,
Хоть и не сторожилась стражею,
Хоть вольна была во входе и выходе,
Но мирилась с отеческою уздою,
В сердце же своем
Порешила: лучше узы, казнь, смерть,
Нежели забыть о Руджьере.
- 75 Ринальд,
Видя отчий над сестрою обман,
И что братняя мощь уже беспомощна,
И обет его Руджьеру — тщета,
Отлагает сыновний чин,
Мечет скорбные речи в лицо родителя,
Но родителю те речи — ничто:
Как он хочет, так с дочерью и поделает.
- 76 Руджьер, слыша такую весть
И страшась утратить свою красавицу,
И что греческий Леон, пока жив,
Отобьет ее добром или силою,
Молча полагает в сердце своем:
Пусть умрет,
        поспешив августейший стать
  божественным!
И стремится в путь —
Отца с сыном лишит жизни и царства.
- 77 Облекается он в броню,
Прежде Гекторову, потом Мандрикардову,
И седлает ретивого Фронтина,
И вздевает новый щит, плащ и гребень.
- Руджьер
едет
на восток
против
Леона.*

Для такого подвига его знак —
Уж не белый орел в лазурном поле,
А единорог,
Цветом снежный по червленому пурпуру.

78 Избирает самого верного
Меж оруженосцами и велит
Ни пред кем нигде никак не промолвиться,
Что его господин — Руджьер;
И вперед, через Мозу, через
Рейн, и Австрию, и Венгрию, вскачь
По Дунаю, по правому его берегу,
И глядит: впереди Белград.

79 Где втекает Сава в большую реку,
А оттуда льется к большому морю,
Там он видит: раскинулся ратный стан,
А над ним веют кесаревы знамена.
Это хочет государь Константин
Взять свой город из болгарского плена:
Здесь он сам,
Здесь и сын его Леон с многой силою.

*Леон
сражается
с болгарами
при
Белграде.*

80 А в Белграде и вокруг на холме
И внизу вкруг подножия и до берега
Перед греками — болгарская рать,
А меж ними льется водная Сава.
Хочет грек навести себе пеший мост,
А болгарин хочет его отпятить;
И когда подоспел Руджьер,
Оба воинства секлись в жаркой сече.

81 Греков четверо против одного,
У них строены насады с намостами,
А на лицах ярая воля
Перепрыгнуть силой с берега на берег.
С таковым-то умыслом князь Леон
Дальним кругом вшел выше по течению,
Повернул к реке,
Навел мост, перевел дружину

82 И с великой силой конной и пешей
(В ней без малого было двадцать тысяч)
Он ударил вниз по реке
Крутым натиском в неприятеля сбоку.
Вида Константин
Сына и дружину на левом берегу,
Строит в строй к насаду насад
И стремится по намостам большое воинство.

83 Царь и вождь болгарский Ватран,
Воин истовый, отважный, разумный,
Вправо, влево
Отбивается от натиска — тщетно!

Ибо князь Леон
Крепким охватом свергнул его с седла,
И, не сдавшийся,
Он пронзается тысячею мечей.

- 84 Стойкие досель,
Потеряв болгары первоначальника
И увидев беду со всех сторон,
Обращают тыл, бегут, скрывши взоры.
Тут-то въехал Руджьер в греческий строй, *Руджьер*
Тут-то он увидел побоище, *приходит*
Тут-то он болгарам спешит помочь *на мою, ь*
На гибель кесарю, а пуще—Леону: *болгарам.*
- 85 Шпорит Фронтину,
Быстро, как ветер,
Мчит вперед,
Где болгары бегут из дола в горы:
И удерживает, и поворачивает
На врага, и уставляет копье,
И бросает вскачь скакуна
На страх в небе и Марсу и Юпитеру.
- 86 Первым он настиг
Рыцаря в багрянице,
По которой шит колос проса,
Весь из шелка и весь из злата:
То был сестрич, племянник Константинов,
Мил ему, как сын:
Раздробил ему Руджьер щит и бронь,
И прошло острие сквозь грудь и спину.
- 87 Свалил мертвого, схватил Бализарду,
Налетел на ближнее полчище,
Рубит вправо, рубит влево,
Кому голову сечет, кому тулово,
Кому в горло, кому в грудь, кому в бок,
Красен меч,
Летят руки, ноги, плечи, заплечья,
Кровь рекой заливает дол.
- 88 Пред такими пред ударами
Все в испуг, ни в одном не встанет дух:
Вмиг
Пременяется битвенное зрелище —
В беглом войске вскипает бранный пыл,
Вновь болгары грудью на греков,
Строй в расстрое,
И знамена кесарева в бегу.
- 89 Августейший князь *Леон*
Леон, видя с возвышенного места *восхищаете*
Свое войско битым, поник душой *Руджьером*
И с тревогою взирает и скорбию

- На того губительного бойца,
Кем одним сокрушились его дружины;
Но и какво ни горе,
Он не может не воздать ему честь.
- 90 По плащу, по знакам,
По оружию, блещущему золотом,
Разумеет он, что болгарский выручник
Сам не из болгар.
Изумляясь подвигам, высшим смертности,
Он гадает, не из горних ли сфер
("прянул ангел
Посечь греков за столькие *m* грехи?
- 91 А имея дух и высок и светел,
Сердцем чувствует князь Леон
К столь отважному не вражду, а любовь,
Не желает ему ни малого худа,
Рад бы
Видеть вшестеро павшими своих,
Рад бы лучше лишиться полуцарства,
Чем уведать гибель такого рыцаря.
- 92 Как дитя,
Если мать всердцах его бьет и гонит,
Не к сестрице бежит и не к отцу,
А все к ней же и с теми же объятиями, —
Так Леон преклоняется к Руджьеру,
Избавителю его же полков,
Потому что доблесть зовет к любви
Больше, чем обида зовет ко злобе.
- 93 Но хотя к Руджьеру Леон
Поли восторга, зато Руджьер Леона
Ненавидит и мыслит о едином:
Своеручно предать его погибели.
Он поводит очами, ищет, кличет,
Кто бы свел его с супостатом к лицу, —
Но благая судьба и греческая
Осторожность не дают им сойтись.
- 94 Леон,
Чтоб не все бы полегло его воинство,
Трубит сбор
И зовет государя и родителя
Воротиться из заречья во стан,
Благо, ежели дорога отступна;
А сам с уцелевшими немногими
Пробивается к дальней переправе.
- 95 А за ним без числа от горы до берега
Распростерлись павшие от болгар —
Полегли бы все,
Кабы не было реки в перепутье.

Кто к мостам и с мостов и захлебнулся,
Кто бежит
Без оглядки искать дальнего брода,
Кто в оковах и влачится в Белград.

96 Так кончен бой,
В каком-то булгары, лишась водителя,
Не преминули бы смерти и сраму,
Не явись к их победе новый рыцарь,
Дивный рыцарь, у которого белый
На червленом поле единорог.
Благодарные
Все к нему, ликуя и торжествуя:

*Руджьер
преследует
Леона.*

97 Привечают, преклоняют колени,
Кто лобзает руку, кто ногу,
Каждый льнет,
Счастлив лицезреть,
пуше тронуть
Существо, подобное божеству.
И зывают кликами до небес —
Быть им мстителем, властителем и воителем.

98 Отвечает им Руджьер, что готов
Быть властителем и воителем, но не тотчас,
Ибо он не примет ни жезл, ни скиптр,
И не вступит в белградские твердыни
Прежде,
Чем настигнет кесарева Леона
И по сю еще сторону реки
Сокрушит его и исторгнет душу:

99 Лишь для этого
Он верстал сюда столько тысяч верст!
Так промолвив и ни мига не медля,
От булгарских торопится он полков
Вслед Леону, стремящемуся к мостам,
Как на крыльях, впередгон перехвату.
Быстр Руджьер,
И не ждет он даже оруженосца.

100 Но Леон, спасаясь не в бег, а в лет,
Таково опередил настигающего,
Что промчался через мост без помех,
И взломал намосты, и сжег насады.
Подскакал Руджьер к реке ввечеру —
А ему ни пути и ни ночлега.
Едет вдоль по берегу при луне,
Но нигде ни крепостцы, ни подворья.

101 Всю он ночь не слезши с седла
Бродит, сам не зная, куда направиться:
А как новый засветился рассвет,
Смотрит, слева невдали виден город.

*Он
приезжает
в город
Унгаро.*

И решил он там и передневать,
Чтобы верному Фронтину не быть без отдыха,
На котором, не ставши, не помедливши,
В эту ночь он отъездил столько верст.

102 А тем городом властвовал Унгиард,
Верный подданный кесаря Константина,
Многими ему конными и пешими
Послуживший в неконченной войне.
Город был открыт,
Руджьер входит, и так отменно принят,
Что ни лучшего места, ни богаче
Не надобно ему для постоя.

103 А на том же постоялом дворе
Стоял рыцарь из романского края,
Бившийся в той битве,
Где явился Руджьер и спас болгар,
Избежавший его руки,
Но испуганный небывалым страхом:
Все дрожал он и все ему мерещился
Грозный враг с единорогом в щите.

104 И как впрямь он увидел этот щит,
Так и понял, что щитоносный рыцарь
Есть тот самый, от которого столько
Пало греков в пагубном их бою.
Тотчас он бежит во дворец,
Просит важного разговора с правителем,
И допущен, и гласит ему все,—
Что и я скажу в следующей песне.

ПЕСНЬ СОРОК ПЯТАЯ

- 1 На взметчивом колесе Фортуны
Чем выше наши жалкие взлеты,
Тем раньше
Низлетим мы стремглав и вверх ногами,
В том порукой Поликрат, и лидийский
Государь, и Дионисий, и прочие,
Коим несть имен,
С высшей славы сверженные в убожество.
- 2 И напротив,
Чем кто ниже в круженье колеса,
Тем тот ближе
К вознесенью в коловратном бегу.

Вступление.

Иной голову кладет под топор,
А назавтра владычествует светом,
Как те Сервий, Марий, Вентидий
В старину, а в наше время — Людовик:

- 3 Тот, чья дочь за сыном моего
Государя, и который, разбитый
При святом Альбине, в плену
Своих недругов, был на миг от гибели;
Или как великий Матвей Корвин,
Незадолго избегший много худшего;
Но лишь минул черный час, и один
Приял трон французов, а другой —
венгров.
- 4 Такowymi-то примерами,
Древними и новыми, зримо видно
Что нет худа без добра, а добра без худа,
Что в конце обоих — как честь, так срам,
И негоже человеку надежиться
Ни богатством, ни царством, ни
по бедностью,
Но негоже и отчаиваться в беде,
Ибо нет прекращения коловращенью.
- 5 Так Руджьер,
Побив войско Леона и отца его,
Обнадежился свыше мер и сил .
Своей доблестью и своею удачею
И уже уповал один, как есть,
Без пособы, без подмоги,
Против ста дружин, и конных и пеших,
Своеручно казнить и отца и сына,—
- 6 Но Фортуна, чтоб без нее ни на шаг,
Показала ему в немного дней,
Сколь быстра она взвергнуть и низвергнуть,
И сменить гнев в милость, а милость в гнев,
Ринув на него обиду и пагубу
От внезапного гонителя — от того
Рыцаря, который в недавней сече
Сам чуть спасся от Руджьеровых рук.
- 7 Этот рыцарь Унгиарду донес,
Что тот самый воитель, от которого
Полегли Константиновы полки,
Здесь дневал и здесь приночует,
И коли схватить его в плен,
То судьбина, уловленная за прядь,
Без труда и без борьбы соизволит
Государю ввергнуть болгар в ярмо.
- 8 А уже Унгиарду неизвестно
От разгонных битвенных беглецов,

*Унгиард
схватывает
Руджьера*

Каковые, не сразу переправившись,
Притекают без конца и со всех сторон,
Что побита побоищем
Половина кесаревых дружин,
И каков был единый удалец,
Одно войско спасший, другое смявший;

9 А что нынче он сам и без промедленья,
Очертивши голову, лезет в петлю,—
Это дивно Унгиарду, и он
Кажет радость ликом, знаком и словом.
Выждав ночи, когда Руджьер заснет,
Тихо, тихо засылает он стражу,
И не чаявшего беды
Они хватъ удальца на сонном ложе!

10 Так-то преданный собственным щитом
Руджьер впал в Новенградское узилище
От Унгиарда, жестокого из жестоких,
Торжествующего яркое торжество.
Гольй, связанный,
Что он мог, пробудившись ото сна?
А Унгиард гонит гонного гонца
С спешной новостью к кесарю Константину.

11 Кесарь же Константин,
Ночью снявшись с берега Савы,
Отступил полками в Белетику,
Город свойственника своего Андрофила,
Сыну коего
В бранной встрече простиг, как воск,
И броню и грудь
Сильный муж, ныне сущий в плену
Унгиардовом

*и уведомляет
об этом
кесаря.*

12 Кесарь вокруг Белетики
Твердил стены, крепил врата,
Опасаючись беды от булгар,
Что с таким они сильным предводителем
Не единым нагрянут страхом,
А конечную погибелью всем, кто жив.
Но слышав, что вождь их взят,
Он опять бесстрашен пред целым светом.

13 На душе его млечное блаженство,
Он от радости не знает, что делать:
«Больше уж булгарам не быть!»—
Возглашает он, ликуя и твердо,
Ибо как в единоборном бою
Отрубив супостату обе руки,
Отрубивший знает свою победу,—
Так ликует кесарь о плене сильного.

- 14 А не менее веселится отца
Сын,
И не только чая отбить Белград
И прибрать под меч болгарские области,
Но надеясь, что пленник станет друг
И соратник новому благодетелю,
А с таким товарищем не завиден
Даже Карл и с Роландом и с Ринальдом.
- 15 Но иную волит волю сестра
Государева, Феодора,
Чьего сына Руджьер пронзил копьем
Сквозь броню и грудь и спину насквозь.
Брату своему Константину
Рухнула она в ноги
И взяла и обняла его душу,
Горестные слезы пролив на грудь.
- 16 Говорит: «Не встану,
Государь мой, покуда не дозволишь
Воздать казнь сыновнему погубителю,
Ныне существу во твоём плену.
Сын мой тебе племянник,
Он тебя любил, для тебя
Он свершил столь много высоких подвигов,—
Посуди, за него ли не отмстить?»
- 17 Посуди, не из жалости ли к нашему
Гореванью всевышний Вседержитель
Увел злобного с поля брани,
Словно птицу с разлету в твою сеть,
Чтобы милый сын на стигийском
Берегу не скитался неотмщен?
Подари же мне его, подари:
Дай унять мою муку его мукою».
- 18 Таково ее горе, и стон, и скорбь,
Таковы умолительны взывания,
Таково она не хочет отпасть от ног,
Хоть и трижды, хоть и четырежды
Ободрял и вздымал ее Константин,
Что она достигла угодного:
Он велит
Привести к нему и выдать ей спохваченного.
- 19 И не минуло и малого дня—
Рыцарь Единорога
Взят, доставлен и предан был в жестокие
Руки кесаревой сестры.
Заживо его четверить
На позор и презрение народу—
Ей и этого мало, и она
Измышляет худшее и страшнейшее.
- Руджьер
выдан
в тюрьму.
Феодоре.*

- 26 Как заставши в мае или апреле
Сад в красе цветов и листвы,
Вновь его увидеть в недолгий день,
Когда зимнее солнце жметя к югу,
Опустелым, щетинистым и колючим,—
Так красавице по ее возврате
Без Руджьера
Нынче мнится и самый двор не в двор.
- 27 Расспросить не смеет,—
Потому что боится подозрения,
Но настерегает слух
И без спросов ловит всякое слово.
Слышит, что отъехал,
Но никто не знает, куда и с чем,
Ибо, едучи, не молвил он слова
Никому, кроме спутного щитоносца.
- 28 Ах, как она вздыхает! и ах,
Как боится, что отъезд его — бегство!
Ах, как страх ее множится от мысли,
Что бежал он, спеша ее забыть!
Что увидевши Амона врагом
И отчаявшись поять ее в жены,
Он умчался, чтобы больше ее не видеть,
Тем надеясь стряхнуть с себя любовь!
- 29 Что, быть может, он даже вознамерился,
Чтобы лучше избыть былую страсть,
Отыскать себе в далекой земле
Даму
И пред нею положить свое сердце
По пословице: клин от клина вон.
Но за этой мыслью другая мысль
Ей приводит в ум Руджьерову верность,
- 30 И корит ее (и внятен укор)
За пустое и злое подозрение.
Так одна ее мысль ему винительница,
А другая — заступница, а она
То склоняется слухом к той, то к этой,
И не знает, которая верней.
Но любезней сердцу одна,
И приходит чаще, а злая — реже.
- 31 И она, вспоминая вновь и вновь,
Что не раз ей молвлено от Руджьера,
Кается и скорбит,
Что грешила подозрительной ревностью,
И как будто воочию перед ним,
Биет в грудь и гласит свою вину:
«Грех,— говорит,— на мне;
Но причина греха причинна злейшему.

- 32 Та причина есть Любовь, *Она тоскует*
Впечатлевшая мне в душу твой светлый *об отъезде*
облик, *Руджьера.*
Твой пыл, твой ум,
Твою доблесть, что у всех на устах;
Оттого мне и мнится, что какая
Дама и девица тебя ни взвидит,
Та и вспыхнет о тебе и усилится
Из моей тебя любви перенять в свою.
- 33 Ах, зачем в меня Любовь не вчеканила
Твои думы так зримо, как твой лик!
Знаю, верю: каков в догадке,
Ты таков же предстал бы мне воочию,
И тогда бы ревность,
Вновь и вновь подступающая ко мне,
Отразилась бы не с трудом, как ныне,
А единожды, и насмерть, и в прах.
- 34 Я как скарред,
Так приникший к кладу своих богатств,
Что уже ему без него не жить
И по самый гроб за него тревожиться.
Так и я, не видя тебя, Руджьер,
Подпадаю нежданному страху,
И хоть знаю, что он обман и ложь,
Но бессильна не быть ему добычею.
- 35 Но едва предстанет
Моим взорам твой пленительный лик,
О Руджьер, о возлюбленный,
Нынче скрывшийся неведомо где,—
Знаю: минет мой мнимый страх,
Воссияет праведная надежда.
Воротись же, о мой Руджьер, воротись:
Вызvoli надежду из гнета страха!
- 36 Как на склоне солнца
Все протяжней пугающие тени,
А едва опять взойдет светозарное—
Тени втянутся, а испуги минутся;
Так и я без Руджьера— в страхе,
А завижу Руджьера— и страха нет.
Воротись же, о мой Руджьер, воротись:
Не дозвошь надежде согнуться под страхом!
- 37 И как ночью жива каждая искорка,
А взойди рассвет— и она померкнет,
Так, когда мое солнце не со мною,
Каждый страх вострит на меня угрозы,
А явись лишь оно на небосклоне—
Страх бежит, и воротится надежда.
Воротись же, воротись, о мой светлый,
И развеи погубляющие страхи!

- 38 Если солнце ниже и дни короче,—
Вся земная краса бежит от взоров,
Воют ветры, настанут льды и снега,
Не цветут цветы, не щебечут птицы.
Так и ты, о мое милое солнце,
Если скроешь утешное сиянье,—
Встанут страхи, встанут злые, и станет
Не одна в году, а многие зимы.
- 39 Воротись же, воротись, мое солнышко,
Приведи весну, так долго желанную,
Растопи тяжелые льды и снега,
Разгони с души докучные тучи!»
    Как Прокна, как Филомела,
    Улетев искать корму для малюток,
    Вдруг вернутся к пустому гнезду и стонут,
    Или как голубка грустит о друге,—
- 40 Так плакала Брадаманта
О потерянном ли, нет ли Руджьере,
Вновь и вновь орошая слезами лик,
Но таясь, сколь было можно таиться.
Ах, сколь горше была бы ее боль,
Ежели бы знала, чего не знала:
Что ее нареченный в плену и муке
Дождается кровожадной казни!
- 41 А меж тем жаднокровность злой старухи,
В чьем плену томился преславный рыцарь,
Для которого она измышляла
Небывалые терзанья и казни,—
Донеслась по воле всевышней Благости
До великодушного кесарева
Сына и взбудила его спасти
И не дать погибнуть толикой доблести.
- Тем
временем
Леон спасает
Руджьера
из темницы.*
- 42 Благородный сей Леон,
Как взлюбил Руджьера, еще не зная,
Что Руджьера, и единственно видя
Его доблесть превыше смертных доблестей,—
Много дум в душе выправ и соткав,
Изыскал некий путь его спасения,
Чтобы злая сестра его отца
Не прознала обиду и не вздорила.
- 43 Ключеносцу Руджьерова узилища
Он потайно говорит, что ему
Пожелалось увидеть заточенного
Раньше, чем свершится его судьба,
И наставшей ночью, взявши спутником
Верного бойца, хоть сейчас впохват,
Он велит насмотрщику отворить,
Но отнюдь его, Леона, не выдавши.

- 44 И насмотрщик один и без помощника
Скрыто вводит Леона с его бойцом
В стены,
Где блюдется узник для лютой казни.
Как вошли, как склонился он к замку,
Обратя к ним спину,—
Они вмиг ему удавку захлест,
Тут ему и конец.
- 45 Вскрыт в полу вход,
Из которого свешен канат для спуска,
И Леон нисходит, факел в руке,
В подземелье, где Руджьер в тьме темницы.
Видит: он в цепях,
На помосте на пядень под водою;
Не случись никого на выручу —
В месяц или меньше он был бы мертв.
- 46 Обнимает Леон Руджьера с ласкою
И гласит: «Рыцарь,
Твоей доблестью ты поял меня в плен
Доброхотного вечного служения,
И твоя мне жизнь дороже моей,
И твоя мне утеха пуще собственной,
И твоя мне дружба превыше
И отца и всей на свете родни.
- 47 Я— Леон, сын кесарев,
И пришел сюда, знай, тебе помочь,
Хоть и ведаю,
Что коли дойдет оно до отца —
Быть мне изгнану
Или вечный терпеть мне отчий гнев,
Ибо велика на тебе ненависть
За polegший люд под Белградом».
- 48 И ведет Леон свою речь,
Возвращая полумертвого к жизни,
А меж тем расторгает его железа.
Говорит Руджьер:
«Нет предела моему благодарствию:
Жизнь моя — от вас,
Будь она отныне для вас,
И за вас я ее отдам, когда скажете».
- 49 Так исшел Руджьер из темницы,
Сам не узнан и спутники не узнаны,
А в темнице остался мертвый стражник.
И Леон скрывает друга в свои палаты,
Чтобы дня четыре, и пять, и шесть
Там он жил безмолвен и безопасен,
И сулит ему коня и доспех
Воротить, отъятые Угниардом.

*Призна-
тельность
Руджьера.*

- 50 Утром узвано:
Вход открыт, стражник мертв, Руджьера нет.
Кто виновник,— толкуют так и сяк,
Каждый думает, никто не додумается,
Но готовы любого подозресть,
Только не Леона,
Потому что от него бы верней
Ждать расправы, а не подмоги узнику.
- 57 А Руджьер от толикого благородства
Так растерян, так изумлен,
Так переменяется в мыслях,
Его гнавших сюда за тысячи верст,
Что как посравнить,
Нипочем не схожи былые с новыми:
В прежних всё было злоба, гнев и яд,
Новые любовью цветут и преданностью.
- 52 В думах ночь, в думах день,
Ни о чем ином ни слова, ни помысла,
Как о том, какую отплатою
Ему красен столь вежественный долг.
Мнится:
Долго ли, коротко ли ему жить,
Но прими он, служа, хоть сто смертей,—
Это малое воздаяние спасшему.
- 53 А меж тем долетает весть,
Какой выкликнул клич державец Франции,
Чтобы всяк, кто хочет взять Брадаманту,
Потягался с ней мечом и копьем.
Леону это не в радость,
У него побледнели щеки,
Ибо знает он меру своих сил
И заранее видит, что не выстоит.
- 54 Но решил он беглым умом,
Что превыше силы полезна хитрость,
Если в поле выйдет с его гербом
Этот рыцарь, чье имя еще не ведомо,
Потому что мощь его и пыл
Перемогут всякого из французов,
И коли он встанет на брань —
Быть красавице побитой и взятой.
- 55 Но для этого надобно, во-первых,
Побудить воителя в чуждый бой,
Во-вторых же, чтоб тонок был подмен,
И не вышло никакого подозрения.
Призывает Леон Руджьера,
Говорит убедительные слова,
Просит быть его битвенником той битвы,
Не свое принявши имя и знаки.

*Леон просит
Руджьера
биться
за него с Бра-
дамантою.*

- 56 Грек красноречив,
Но сильнее всякого красноречия
Величайший пред ним Руджьеров долг,
Долг, которого век ему не выплатить.
Крут платеж и едва ли мыслим;
Но с веселым ликом
И с тяжелым сердцем Руджьер гласит,
Что к любому готов для него он подвигу.
- 57 Только он это вымолвил,
Раздалась в душе его злая боль,
И томила, терзала его и мучила
Денно, ночью и во всякий час.
Неминучий видя себе конец,
Он нимало, однако же, не раскаивается,
Ибо легче ему хоть сто смертей,
Чем послушаться кесаревича Леона.
- 58 Смерть — его удел:
Ведь расстаться с милой—расстаться
с жизнью,
Испустив ли дух от тоски и горя
Или, ежели горе не берет,
Собственной рукою расторгнув плоть,
Чтобы вольная душа отлетела,
Ибо нет беды несноснее, нежели
Видеть милую свою не своей.
- 59—60 Смерть—его намерение,
Но какая, он еще не решил:
То он хочет не выдать своей силы
И девицыну удару подставить грудь,
Потому что нет
Лучше смерти, чем смерть от милой длани;
То опять в его уме непреложен
Долг предать свою милую Леону,
- 61 А уже с государева изволения
Немедлительно собрался Леон
Конно и оружно и многолюдно
В путь,
При себе имея Руджьера
Вновь в троянской броне и на Фронтинах:
День за днем,
И они во Франции, пред Парижем.
- 62 Пред воротами
В чистом поле раскинул Леон шатры
И тотчас посылает вестников
Повестить о нем франкского короля.
Карл Великий
Вышел сам, рад, и милостив, и щедр,
А Леон ему гласит, для какой
Он пришел причины, и просит:
- Леон едет
свататься*

- 63 Да противостанет ему красавица,
Пожелавшая в мужья лишь сильнейшего,
Ибо он пришел поять ее в жены
Или пасть от ее руки.
Карл трубит зов
И велит Брадаманте быть наутро
В битвенной ограде,
Возведенной в ночь у парижских стен.
- 64 В ночь
Пред урочною битвою
Был Руджьер таков, как казимый
Пред рассветом, когда его казнят.
К бою
Он избрал оружием лишь клинок,
Не прияв ни копья, ни скакуна,
Ибо не желалось ему быть узанным.
- 65 Не затем он отверг копье,
Что боялся золотого, которое
Было у Аргалия, было у Астольфа,
И любого ссаживало с седла,
Потому что о такой чародейственной
Его силе неведомо никому,
Кроме оного короля Галафрона,
От которого и обрел его сын;
- 66 И Астольф, и после Астольфа
Брадаманта полагали, что не
Чары, а единственно их могучесть
Перед ними сокрушала врагов,
И что всякое
В их деснице столь же грозно копье,—
А затем лишь не бьется Руджьер верхом,
Что не хочет казять своего Фронтиня,
- 67 Потому что по скакуну
Брадаманте вдомек признать и всадника,
А скакун ей ведом и ездивши
И стоявши в Монтальбанском дому.
У Руджьера единое на уме —
Не быть бы узану
И не дать бы ни малого о себе
Догаданья Фронтиним ли, не Фронтиним ли.
- 68 Даже меч
Он берет не свой, ибо ведает,
Что перед его Бализардою
Все закалы всех бронь—как мягкий воск.
Да и новому мечу
Тупит млатом он злое лезвие,
И в таком-то он оружии
С первым блеском солнца идет на бой.

*Руджьер
готовится
к бою.*

- 69 Чтобы видом стать, как Леон,
Он вздевает сверх панциря Леонов
Плащ, а в руку берет червлёный щит,
На котором двуглавый орел из золота.
Это ему не в труд,
Ибо ростом и статью одинаковы
Тот и этот. Этот — предстал и ждёт,
Тот — скрыт и незрим.
- 70 Но не таково
Побужденье Руджьеровой противницы,
Ибо ежели Руджьер тяжким молотом
Тупит меч, чтоб не колол, не рубил,
То красавица вострит его так,
Чтоб клинок проникнул сквозь сталь
и дожива,
Чтобы каждый бы удар
Доколел и дорубил бы до сердца.
- 71 Как арабский конь
Пышет пылом на беговой черте,
Не сдержат копыта,
Ноздри вздуты, уши торчмя,—
Так прекрасная воительница
Знать не зная, что пред нею Руджьер,
Ждёт трубы, рвется в бой,
И как будто в жилах не кровь, а пламя.
- 72 Как гром
И за громом вихрь, от которого
Море дыбом, с земли столбом
Чёрный прах до грозных небес,
Звери в лес, скотина в бег, пастух
мечется,
Рвется воздух дождем и градом,—
Так на трубный дева звук — наголо
Меч, и в бой на милого на Руджьера.
- 73 Но как древний дуб, но как глыбы стен
Пред Бореем,
Но как в яром море крутой утес.
День и ночь дробимый прибойми,—
Так Руджьер
Тверд в броне, Вулканом кованой Гектору,
Против ненависти, буйства и ярости,
Бьющей сталью в лицо и в бок и в грудь.
- 74 Острием и лезвием
Бьется вбиться воительная девица
Между лат и лат
К утолению и выходу от гнева.
Метит в грудь, метит в бок,
Вьется слева и вьется справа,

*Поединок
Брадами?
с неузнан
Руджьер*

- 63 Да противостанет ему красавица,
Пожелавшая в мужья лишь сильнейшего,
Ибо он пришел поять ее в жены
Или пасть от ее руки.
Карл трубит зов
И велит Брадаманте быть наутро
В битвенной ограде,
Возведенной в ночь у парижских стен.
- 64 В ночь
Пред урочною битвою
Был Руджьер таков, как казимый
Пред рассветом, когда его казнят.
К бою
Он избрал оружием лишь клинок,
Не прияв ни копья, ни скакуна,
Ибо не желалось ему быть узанным.
- 65 Не затем он отверг копье,
Что боялся золотого, которое
Было у Аргалия, было у Астольфа,
И любого ссаживало с седла,
Потому что о такой чародейственной
Его силе неведомо никому,
Кроме одного короля Галафрона,
От которого и обрел его сын;
- 66 И Астольф, и после Астольфа
Брадаманта полагали, что не
Чары, а единственно их могучесть
Перед ними сокрушала врагов,
И что всякое
В их деснице столь же грозно копье,—
А затем лишь не бьется Руджьер верхом,
Что не хочет казать своего Фронтинна,
- 67 Потому что по скакуну
Брадаманте вдомек признать и всадника,
А скакун ей ведом и ездивши
И стоявши в Монтальбанском дому.
У Руджьера единое на уме —
Не быть бы узану
И не дать бы ни малого о себе
Догаданья Фронтинном ли, не Фронтинном ли.
- 68 Даже меч
Он берет не свой, ибо ведает,
Что перед его Бализардою
Все закалы всех бронь—как мягкий воск.
Да и новому мечу
Тупит млатом он злое лезвие,
И в таком-то он оружии
С первым блеском солнца идет на бой.

*Руджьер
готовится
к бою.*

- 69 Чтобы видом стать, как Леон,
Он вздевает сверх панциря Леонов
Плащ, а в руку берет червлёный щит,
На котором двуглавый орел из золота.
Это ему не в труд,
Ибо ростом и статью одинаковы
Тот и этот. Этот — предстал и ждёт,
Тот — скрыт и незрим.
- 70 Но не таково
Побужденье Руджьеровой противницы,
Ибо ежели Руджьер тяжким молотом
Тупит меч, чтоб не колол, не рубил,
То красавица вострит его так,
Чтоб клинок проникнул сквозь сталь
и дожива,
Чтобы каждый бы удар
Доколел и дорубил бы до сердца.
- 71 Как арабский конь
Пышет пылом на беговой черте,
Не сдержат копыт,
Ноздри вздуты, уши торчмя,—
Так прекрасная воительница
Знать не зная, что пред нею Руджьер,
Ждёт трубы, рвется в бой,
И как будто в жилах не кровь, а пламя.
- 72 Как гром
И за громом вихрь, от которого
Море дыбом, с земли столбом
Чёрный прах до грозных небес,
Звери в лес, скотина в бег, пастух
мечется,
Рвется воздух дождем и градом,—
Так на трубный дева звук — наголо
Меч, и в бой на милого на Руджьера.
- 73 Но как древний дуб, но как глыбы стен
Пред Бореем,
Но как в яром море крутой утес,
День и ночь дробимый прибоями,—
Так Руджьер
Тверд в броне, Вулканом кованой Гектору,
Против ненависти, буйства и ярости,
Бьющей сталью в лицо и в бок и в грудь.
- 74 Острием и лезвием
Бьется вбиться воительная девица
Между лат и лат
К утоленью и выходу от гнева.
Метит в грудь, метит в бок,
Вьется слева и вьется справа,

*Поединок
Брадалиц
с неузнанн
Руджьеро*

И терзается, угрызается,
Что уметить легко, а ударить нелегко.

- 75 Кто в осаде
Держа город, крепкий твердынею,
То рванется на приступ стен и башен,
То к воротам, то засыпает ров,—
Но лишь попусту губит свою же силу,
А взять невмочь,—
Так красавица силится и усердствует,
А не взрубит ни кольчуги, ни лат.
- 76 В щит, в шлем, в бронь
Бьет булатом и рассыпает искры,
В лоб, в грудь, в длань
Разит впрямь и вкось, вновь и вновь,
Чаще,
Чем грохочет град по гремящей крыше,—
А Руджьер настороже,
Отобьется, а девы не коснется.
- 77 Отобьется, увернется, упрется,
И куда нога, туда и рука,
То щит вперед,
То клинок вкруговую против вражьего,
А красавицы не коснется,
А коснется, так там, где не во вред.
Солнце клонится,
Дева жаждет победного конца —
- 78 Дева помнит:
Если не восторопится, ей беда,
Ибо стать ей невестою жениху,
Коль не сломит его до склона солнца.
А уж Феб за Алкидовыми столпами
Погружал чело в океан,
И в воительнице
Иссякают и сила и надежда.
- 79 Стынет надежда —
Вскипает ярость,
Чаще частят удары
Взрубить в час, что не взрублено и в день.
Так труженик,
Над урочной промедливши работой,
Видя день на закате, хлопочет, силится,
Но уже нет ни времени, ни сил.
- 80 О несчастная,
Если бы ты уведала,
Что разится тобою тот Руджьер,
Для которого ткется твоя жизнь,—
Знаю,
Ты скорее вонзила бы удар

В собственную грудь,
Ибо милый тебе себя дороже.

- 81 Карл и Карловы
Ближние, взирая на мнимого
Жениха, каков он крепок и быстр
Пред самую Брадамантою,
Как он ловок отбиться, не поранивши,—
Пременяют суд
И гласят: «Они достойны друг друга—
И он ей подстать, и она ему подстать».
- 82 И как солнце кануло,
Карл велит поединщикам разойтись
И вещает приговор: безотказно
Быть девице Леоновой женой.
А Руджьер, не передохнув,
Не сняв шлема, не расслабив кольчуги,
На нерослой лошадке спешит к шатрам,
Где Леон таится и томится.
- 83 Дважды
Братски обнимает его Леон,
В две ланиты
Он лобзает его, откинув шлем.
«Ныне,— говорит,— и вечно
Что со мною захочешь, то и делай:
Ни в чем для тебя отказу,
Трать меня и все, что у меня.
- 84 Никакою отплатою
Мне твоей услуги не отслужить,
Даже возложив на твое чело
Мой венец».
А Руджьеру жизнь не мила —
Так-то гнет и давит его кручина,—
Отдает он без звука чужие знаки
И берет своего единорога.
- 85 И усталый и безнадежный,
Не промедливши ни малого мига,
Он уходит под свой намет;
А в полночи
Вздел доспех, оседлал коня
И не молвив слова, никем не слышим,
Едет прочь,
Держа путь наобум коня Фронтина.
- 86 Целую эту ночь
Лесом, лугом, прямо и путано
Шел Фронтин, нес Руджьера на хребте,
А Руджьер не умолкал в тоскованиях:
Звал он смерть,
Говорил, что довольно с него мучений,

*Леон
объявлен
победителем
Руджьер
скрывается*

*Жалобы
Руджьера.*

Преисполнился бы завистью
Сам крылатый конь, что меж горних звезд,

93 Ибо не достойней тебя во славе
Арион, Киллар
И все прочие кони, о которых
Нам поведали греки и латины;
Пусть иные в ином и хороши,
Но никому не выпало радости
Похвалиться
Такой честью и счастьем, как тебе,

94 Потому что дама, которой нет
Ни прекрасней, ни вежественней,
ни доблестней,
Так тебя любила,
Что питала и седлала своей рукою.
Так тебя любила моя красавица —
Ах, моя ли?
Я отрекся, и она не моя!
О, зачем я медлю пронзиться сталью!»

95 Если так Руджьер плачется и мучится, *Жалоб*
Умиля сердца птиц и зверей, *даману,*
Потому что больше некому слышать
Его стоны и видеть слезы из глаз,—
То нимало того не лучше
Брадаманте в городе Париже,
Ибо нет ей ни отмовки, ни отсрочки,
Чтоб не данься новому жениху.

96 А как ей желанен один Руджьер,
То она готова
Отступить от слова, впасть в вражду
Карлу и двору и друзьям и родичам,
А коли не так,
Принять смерть от клинка или от яда,
Потому что лучше не быть в живых,
Чем в живых и быть без Руджьера.

97 «Милый мой Руджьер,— восклицает,—
где ты?
Неужели так далеко,
Что не слышал клика к брачному бою,
Клика, громкого всем, но не тебе?
Если бы ты слышал,—
Знаю, знаю, что ты предстал бы первым;
Горе мне! о чем
Мне и думать, как не о самом страшном?

Статочно ли,
Чтобы все услышали, а ты нет?

Если же, услышавши,
Ты не здесь, то погиб или в плену!
Уж не сын ли
Константинов тебе раскинул сеть,
Чтоб изменой заградив тебе путь,
Быть здесь первым?

- 99 Я достигла государевой милости
Не бывать за тем, кто меня слабей,
Полагая, что ты единственный,
С кем не выстою я мечом к мечу:
Ты один, и никто, коли не ты!
Но Господь покарал мою заносчивость —
Кто не знатен ни одним славным подвигом,
Тот мне муж.
- 700 Он мне муж за то, что не мог
Мною быть убит или взят в неволю —
Справедливо ли это? пусть
Карл согласен — я не согласна!
Знаю,
Что ослаблюсь вероломна и ветрена,
Но не первая такова и не последняя
Между жен и дев!
- 707 Я верна единому моему милому,
И та верность крепче скалы,
И подобной не видано и не ведано
Меж былых и сущих на свете жен!
Пусть для всех иных я ветрена,
Пусть
Говорят, что я как лист на ветру —
Лишь бы мне не быть без Руджьера».
- 702 Таковые и иные слова,
Со слезами смешанные и вздохами,
Изливала она во всю ночь,
За несчастным сгустившуюся
единоборством.
Но когда тенистый Ноктурн
Скрался в север, в киммерийские
пропасти,—
Благосклонное небо к ее супружеству
Помогло.
- 103 Вразумил Господь поутру
Доблестную воительницу Марфизу
Объявить пред Карловым ликом
Несносимую обиду Руджьерову,
Что не молвив слова,
У него отъемлют его жену,
А что Брадаманта ему жена,
В том Марфиза свидетель и доказчик,

*Марфиза
объявляет,
что Брада-
манта с
Руджьером
муж и жена.*

- 104 А коли Брадаманта поперечит,
То она, Марфиза, гласит при всех,
Что своими ушами слышала
От нее Руджьеру брачущие слова,
Что уставленными обрядами
Таково был освящен их союз,
Что отныне ее уже не можно
Ни отнять, ни другому отдать.
- 105 Правду ли, неправду ли,
А сказала так Марфиза затем
(Я так думаю),
Чтоб добром ли, нет ли, унять Леона,
, И на то была Брадамантина воля,
Потому что
Ни прямей, ни честней пути не виделось
Одного отринуть, другого воротить.
- 106 Государь смущен,
Призывает он тотчас Брадаманту
И пред Амоновым он лицом
Вопрошает о Марфизином слове.
Брадаманта ни да, ни нет,
Только клонит потупленные взоры,
Так что всякий видит,
Что Марфиза сказала святую правду.
- 107 Рад Ринальд и рад Роланд,
Что слышалась добрая причина
К расторжению нового родства,
О котором Леон уже в уверенности,
И что как Амон ни прети,
А все быть Брадаманте за Руджьером,
И без прения, без насилия
Перейти ей к супругу от отца,—
- 108 Ибо если сказаны были клятвы,—
Дело твердо, и так тому и быть:
Что обещано, то сдержится,
Честь по чести, без огня и меча.
Но Амон
Говорит: «Это сговор, да не ладный,
Ибо даже ежели ваша ложь —
Правда, то она вам не в помощь.
- 709 Если это правда (а я
Полагаю, что ложь), что Брадаманта
Сдуру вымолвила обет,
А за нею Руджьер, что быть им вместе,
То когда это молвлено и где?
Признавайтесь прямо, ясно и честно,
Ибо вижу я: дело было так,
Что Руджьер еще не был крещен по-божески;
- Но Али
тверд в
сопротив-
лении.*

- ПО** А коли он не был крещен,
 То уж как меня ни морочь,
 Не бывать обету сбывчиву
 Меж крещеною девою и нехристом!
 Стало быть,
 Не напрасно поратовал Леон,
 И державному нашему государю
 Нет потребы нарушить свой указ.
- 111** Что вы нынче сказываете,
 Надобно бы прежде сказать,
 Чем прокликнулся по ее же прошению
 Тот призыв, на который приспел Леон». —
 Так Амон
 Поперек и Ринальду и Роланду
 Круто рушил любовный уговор,
 А король молчал меж тем и этими.
- 112** Как в порыве Австра или Борея
 Прощумит в вершинах листва лесная,
 Как Нептун от яростного Эола
 По прибойным скалам раскатит гулы,—
 Так кругами расходится молва,
 И бежит и кипит по целой Франции
 Стольким толком, стольким слухом,
 Что все прочее, приглохши, молчит,
- 113** Кто стоит за Руджьера, кто
 За Леона, но больше за Руджьера:
 Таких десятеро на одного.
 Государь не с теми и не с другими,
 А желая разумного суда,
 Ждет раздумья смотрительных советников.
 И тогда-то, отсрочив сватовство,
 Вновь предстала им Марфиза и молвит:
- 114** «Пока жив мой брат,
 Не пристало невесте за другого.
 Если хочет Леон ее домочься,
 Пусть всплывает он отнять его жизнь:
 Кто кого уложит в гроб,
 Тот владей невестою без соперника!»
 Слышит Карл и велит
 Как и все, так и это сказать Леону.
- Марфиза
 предлагает
 поединок
 между
 Леоном и
 Руджьером.*
- 115** Леон,
 Несомнительный в будущей победе,
 Пока рядом рыцарь единорога,
 Для которого все подвиги нипочем,
 И не зная, в какую лесную глушь
 Увело его гложущее горе,
 А надеясь, что проездится и воротится,—
 Принимает вызов.

116 Но в недолгом он времени раскаялся,
 Ибо тот, на коего был расчет,
 Не вернулся ни тотчас, ни завтра, ни
 послезавтра,
 И никто ничего о нем не знал.
 Без него Леон
 Непокоен противостать Руджьеру
 И велит, чтобы не было ему сраму,
 Разыскать единорожного рыцаря.

*Леон ищет
 рыцаря-
 поборник.*

117 Посылает по городам и весям,
 Посылает вблизи, посылает вдаль,
 А все мало,—
 Сам садится в седло и едет вслед,
 Но ни сам, ни государевы посланные
 Никаких не довелись бы вестей,
 Не явись Мелисса*—
 а с чем,
 Я скажу вам в наступающей песне.

ПЕСНЬ СОРОК ШЕСТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

1 Если плавателю не лгут чертежи,
 То уже недолго мне плыть до пристани,
 Чтоб на твердом вознести берегу
 Благодарность за морское спасение
 В том пути, где столько я крат бледнел
 От гибели или вечного
 блуждания.
 Но уже мне мнится, уже мне видится
 Впереди долгожданная земля,

2 И уже мне слышится —
 Гудит в воздухе, отдается в волне
 Трубный гул, колокольный звон,
 Перевившись приветственными
 кликами,
 И уже узнаются лица
 Всех, кто справа и слева шелся к морю,
 Радуюсь
 О свершенье столь долгого пути.

3 Ах, какие дамы, прекрасные и разумные,
 Ах, какие рыцари блещут на берегу!

Вступление

Как они меня любят,
Как я им обязан за ту любовь!
Вот я вижу: на краю волнолома
Мамма, и Джиневра, и все Корреджии,
Вместе с ними Вероника Гамбара,
Избранница Феба и Аонид,

Вот вторая Джиневра, и вот Юлия,
Обе — поросли того же ствола;
Ипполита Сфорца, Тривульшия
Домицилла, питомица священных недр,
Вот Эмилия Пия, Маргарита,
Грациоза, Анджела Борджия,
И Риккарда Эсте, а с ней
Бланка, и Диана, и с сестрами.

Вот прекраснейшая, умнейшая,
достоинейшая
Турка Барбара и с нею Лаура —
Двое, коих
От Востока до Запада лучше нет.
Вот Джиневра третья,
Украшающая дом Малатеста,
И ничьи государские палаты
Никогда не славились такою красой.

Будь она в Аримине и тогда,
Когда Цезарь, гордый покорной
Галлией,
Колебался на краю Рубикона,
Ополчиться ли враждою на Рим, —
Верю: преклонивши знамена
И к стопам ее повергши трофеи,
Он бы принял веления ее уст,
И жива была бы римская вольность.

Вот жена, вот мать,
Вот родные сестры и вот двоюродные
Господина Боццоло, вот Торелли,
Бентивольи, Висконти, Паллавичини,
Вот сама
Превзошедшая славой красы и прелести
Всех слывающих днесь и прославивших
встарь
Между греков ли, латинов ли,
варваров ли, —

Юлия Гонзага,
Что куда ни ступит, куда ни взглянет,
Всякая иная краса
Посторонится и подивится, как богу.
С нею свойственница, вечная в верности,
Хоть и долго гонимая судьбиною;

В этом сонме два славных Александра,
Первый Орологий, второй Гварин;
Вот и Марий Ольвит, и вот

божественный

Аретин, бич владык,
Двое Иеронимов,
Соименных Истине и Гражданству,
И Майнард, Теокрен и Целий,
Панницат и Леоницен.

Предо мной Бернард Капелл, предо мной

Петр Бембо,
Из убогой и низкой обычаинности
Взнявший ввысь чистый, сладкий наш язык;

А за ним, я вижу, Гаспар Обиций,
Дивный в каждом слове из-под пера;
Здесь Фракастор, здесь Беваццан,
Трифон Гавриил, Бернард Тасс;

Предо мной и смотрят в меня
Николай Аманий, Николай Тьепол
И Антон Фульгоз,
Самый радостный на всем берегу,
И мой друг Валерий
В стороне от дам, и наверное,
С ним согласен Бариньян, потому что
Ими он обижен и им не друг.

Вот высокие умом Пик и Пий,
Породненные кровью и любовью;
С ними третий, чувствуясь лучшими,
Мной не виданный,
Но коль ведомые знаки не лгут —
Это он, кого так жажду узреть:
Яков Саннадзар,
Сведший Муз с горных высей к морскому
брегу.

Вот ученый, вот верный, вот пытливый
Пишущий Пистольф, а при нем
Ангиар и три Аччайоли
Рады, что уже мне моря не в страх.
Вижу: здесь и Аннибал Малагущий,
Мой сородич, и Одоард,
Чей еще послышится голос
От индийских стран и до западных
столпов.

Для меня торжествуют торжество
Виктор Фавст, Танкред
И без счету прочих, мое приплытье
Всею угодно, и рыцарям, и дамам;

Близок брег, и попутен ветер:
Медлить не для чего —
Так домолвим же, как мудрая Мелисса
Доброго Руджьера спасла из смерти.

- 20 Уж говорено,
Сколь желанно было мудрой Мелиссе
Сочетать Брадаманту и Руджьера
Нерушимым супружеским узлом.
Держа в сердце их взгоды и невзгоды,
Она ведала о них всякий час,
Рассылая по всем путям угончивых
Духов: каждый вмиг вослед — вмиг назад
- 21 И она, проведавши,
Что Руджьер в томленье и тоске
В темном лесе, где уже порешил он
Принять смерть, не ев и не пив,—
Встала ему на помощь
И, покинувши обычайную сень,
Тронулась по тропе,
Где заведом был навстречу Леон,—
- 22 Леон, который,
Разослав всех гонцов во все места,
Сам пустился в поиск за рыцарем,
У которого на щите единорог;
И впрямь,
Зауздав к езде под седло
Некоего духа, в тот день прислужного,
Она встретила Константинова сына.
- 23 Она встретила его и промолвила:
«Государь мой,
Если ваше благородство и вежество
Сколь в лице горит, столь в душе царит,—
Окажите услугу и подмогу
Лучшему меж рыцарей наших дней,
Каковой без подмоги и услуги
Скоро, скоро испустит дух.
- 24 Лучший рыцарь, носивший и носящий
Шуйцей щит и десницей меч,
Рыцарь, коего прекраснее и любезнее
В целом свете не бывало и нет,
Рыцарь, в высшем вежестве быв
единственным,
Ах, умрет,
ежели не станет ему спасителя.
Поспешите, государь, ради Господа,
Пока мыслимо славному помочь!»
- 25 Тотчас всходит в Леонов ум,
Что рекомый рыцарь

*Мелисса
приводит
Леона
к Руджьеру*

Есть тот самый, о розыске которого
Рыщет сам он и рыщут все гонцы.
Шпорит он коня
Вслед зачинщице столь доброго дела,
И она ведет его в ближний лес,
Где Руджьер уже прощается с жизнью.

- 26 Отыскавши, видят:
Он, три дня не ев, изнемог
Таково, что приподымись он на ноги—
И не выстоит и рухнет врасплох.
Весь в железе, он лежал на земле,
Шлем на лбу и меч на боку,
А под головою —
Бранный щит, в котором единорог.
- 27 Здесь он в мыслях, какова от него
Милой даме измена и досада
И обида, от великой тоски
Впав в отчаянность,
Кусал губы, грыз кулаки,
Изливал неокончательные слезы
И не видел сквозь обуявший бред,
Как пришли к нему Леон и Мелисса,—
- 28 Не смолк стонами, не утих вздохами,
Не иссяк слезами;
А Леон стоит, Леон слушает,
Леон сходит с коня, подходит к павшему,
Понимает, что причина тоски
Есть любовь, но не ведает того,
О какой красавице столько муки,
Ибо имени не выговорил Руджьер.
- 29 Близится Леон, близится,
Подступает лицом к лицу
И приветствует рыцаря, как брат,
И склоняется, и приемлет в объятия;
Только рад или не рад
Был Руджьер нечаянному Леону,
Я не знаю, ибо это ему
Нежеланная доука в вольной смерти.
- 30 Самые любезные, самые любовные,
Самые ласковые
Обращает Леон к нему слова
И гласит: «Не преминь открыть причину .
Скорби: мало на свете неизбывных
Бедствий: всякому сыщется облегченье,
Если знать, отколе оно пошло:
Пока жив, отчаиваться не надобно.
- 31 Горько мне, что ты скрылся от меня,
Зная во мне друга,

*Леон
увещает
Руджьера.*

И не только с тех пор, как неразвязный
Узел долга связал меня с тобою,
Но с тех самых, как все велело
Быть мне вековечным твоим врагом.
Это ли тебе не порука,
Что с тобою дом мой, друзья и жизнь?

32 Не погневайся со мной разделить
Твое горе и оставь мне изведать,
Не поможет ли делу сила, лесть,
Деньги, ловкость или хитрые ковы!
Ежели удачи не будет —
Смерть при тебе;
Но не след умирать, покамест
Все свершимое не свершено».

33 И лились его просьбы таково
Увещательно, ласково и кротко,
Что Руджьер, которого сердце
Было не из стали и не из камня,
Видит, что отказывая в ответе,
Выйдет он недобр и неучтив,
А поэтому отвечает,
И не раз и не два запнувшись голосом

*Руджьер
открывается
Леону.*

34 «Государь мой,— гласит он,— я открою
• Кто я есмь, но когда бы ты это знал
Прежде, ты о смерти моей не менее
Был бы радостен, чем радостен я.
Я Руджьер,
Ненавистный тебе, ненавидевший тебя,
И от Карлова я двора
На погибель твою пришел пришельцем,

35 Чтоб вовек не быть за тобою
Брадаманте, которую, как слышано,
За тебя просватал старый Амон.
Но
Человек предполагает, Бог располагает —
Пременила меня твоя великая
Доброта, и ненависти конец,
А я предан тебе на веки вечные.

36 Ты меня просил, безымянного,
Для тебя добыть красавицу; мне
Таково сие было, как исторгнуть
Сердце вон из груди и дух из сердца;
Но ты видел:
Твоя воля дороже мне моей.
Брадаманта — твоя: будь так!
Я блаженней твоим благом, чем
собственным.

- 37 Будь же тебе в радость,
Что, расставшись с ней, я расстанусь
с жизнью,
Потому что легче не жить,
Чем влачить свои дни без Брадаманты.
А еще потому, что пока я жив,
Ты не станешь ей законным супругом,
Ибо мы обручены, и нельзя
Быть жене за двумя мужьями сразу».
- 38 Так дивуется
Пред собой узнавши Леон Руджьера,
Что ни слова не сплести и ни бровью
не повести
И ноги не занести ни для шага:
Стал, как статуя,
В божьем храме ставленная в дар,—
Таково пред ним воочию благородство,
Каких не было и впредь не бывать.
- 39 В Руджьере признав Руджьера, *Леон*
Не сменил он к нему добра на зло, *уступает*
А лишь пуще *Руджьеру*
Ему боль Руджьерова — как своя. *Брадаманту.*
Для сего-то, а равно и для изъявления,
Что в нем подлинно кесарева кровь,
Уступая Руджьеру в чем ином,
Он не хочет уступить в благородстве.
- 40 Говорит он: «Ежели бы в тот день,
Когда пал мой люд пред твоею доблестью,
Я во гневе и ненависти уведал бы:
«Вот Руджьер»,—
Я пленился бы тою твоею доблестью
Столь же, сколь пленился, не зная, не ведавая,
И иссякла бы ненависть, и в душе
Такова же встала бы любовь, как нынче.
- 41 Ненавистно было имя Руджьерово
Мне, не зная, что Руджьер есть ты:
Это так; но отринь дурные думы,
Будто ненависть движется и жива.
Если бы изъял я тебя из уз,
Зная истину столь, сколь знаю днесь,—
Не иное
Предприял бы я, нежели предприму.
- 42 Я, не быв, как есмь, твой должник,
Доброй волею сделал бы то, что сделал;
Кольми паче ныне на мне сей долг,
Не воздавши коего, я бесчестен!
Отказался ты от воли твоей,
Чтобы быть тебе ни с чем, мне — при всем;

Но не будет так:
Мне милей твой дар отдать, чем
удерживать.

- 43 Для тебя, а не для меня —
Та красавица, к которой недаром
Я привержен любовью, но не столь,
Чтоб, лишась ее, рвать все нити жизни.
Не хочу я, чтобы ценою
Смерти ты разрушил бы для меня
Узы брака меж тобою и ею,
Чтобы стать ей по закону моей супругою;
- 44 Нет: скорей лишусь и ее,
И всего на свете, и самой жизни,
Нежели из-за меня наилучший
В целом рыцарстве рыцарь претерпит боль.
Горько мне единственно недоверие,—
Что, располагая мной, как собой,
Ты решился приять скорее смерть,
Чем мою дружелюбственную помощь».
- 45 Такowymi и иными словами,
Кои пересказывать мне невмочь,
Отрицал он всякий
Довод, на котором стоял Руджьер,
И заставил его вымолвить: «Будь
Всё по слову твоему: не умру!
Но каким тебе воздать воздаянием
Что двукратно ты подарил мне жизнь?»
- 46 Сладких яств, драгоценных вин
Тотчас приказала подать Мелисса
В подкрепление Руджьеру, который
Без такой подмоги ни жив, ни мертв.
В сей же час слышал скакун Фронтин
Конский поезд и приспешил к хозяину,
А Леон велел стремянным
Оседлать его и подвести к Руджьеру.
- 47 И Руджьер взмогился в седло
Лишь с великим трудом и дружной
помощью —
Таково иссякла в нем сила,
Столь кипевшая за немного дней,
Когда он один побил целый стан
И подвигнул подвиг в чужом доспехе.
Подкрепясь, отправились они в путь,
В полчаса достигли ближней обители,
- 48 Где и пребыли
До заката дня, другого и третьего,
Пока рыцарь единорога
Не вернулся в прежнюю свою силу.

*Руджьер
и Леон
являются
к Карлу
Великому.*

- А засим Мелисса и принц Леон
Препроваживают Руджьера к столице,
Где оказывается,
Что пришли накануне послы болгарские,
- 49 И что это племя, избрав
Королем своим Руджьера, прислало
О том деле к державному двору,
Полагая там быть и новоизбранного,
Чтобы взнесть присягу
И предаться во власть и взложить ему
венец.
Бывший с ними
Рассказал Руджьеров оруженосец,
- 50 . Какова была битва у Белграда,
Где Руджьер болгарам стяжал победу,
А Леона и с кесарем-отцом
Сокрушил, побивши многое воинство,
И за это возглашен королем
В предпочтении даже и соплеменникам;
А потом как был он взят
Унгардом и предан Феодоре,
- 51 И какая долетела потом
Весть, что страж темницы его зарезан,
Дверь открыта и он бежал,
А куда, о том никто не известен.
Въехал Руджьер в Париж
Неприметным путем, никем не видим,
А наутро он и Леон
Предстают пред очи Карла Великого.
- 52 Был Руджьер под знаком двуглавого
Золотого орла в червленом поле
И по уговору
Облачен в тот самый доспех и плащ,
На котором от недавней борьбы
Колоты и рублены зияли дыры,
Чтоб не стало сомнения ни в ком:
Это — рыцарь, бившийся с Брадамантою.
- 53 В царственном уборе, в расшитом платье,
Без доспеха
Рядом шел с Руджьером Леон,
А вокруг — достойная свита.
Преклонившись перед вышедшим Карлом,
Встал Леон рука об руку с товарищем,
На котором сошлись все взоры,
И промолвил так:
- 54 «Вот герой, который выстоял бой
От восхода и до запада Солнца,

- 60 Подбегает она, обнимает она
И, обняв, не разывает объятий;
А Ринальд, а Роланд, а Великий Карл
Лобызают его справа и слева;
Не иссякнут ласкою
Ни Дудон, ни Оливьер, ни Собрин;
Все бароны и паладины
Торжествуют Руджьерово торжество.
- 61 А когда покончились лобызания,
То Леон, умев красно говорить,
Перед Карлом и перед всеми внимателями
Повел повесть,
Как Руджьеровы лихость и удалство
(Сколь ни пагубные греческим ратям)
При Белграде
Изумили его сверх всех обид,
- 62 И поэтому-то, когда Руджьер
Схвачен был и выдан терзательнице,
Он, Леон, вопреки всему родству
Вызволил его из темницы,
И за то Руджьер
По безмерному своему веледушию
Таковую оказал благодарность,
Какой не было слыхано и не будет;
- 63 И о той Руджьеровой благодарности
Леон молвил от слова и до слова,
И примолвил о том, в какой великой
Муке о разлуке с своей любезной ,
Он решился умереть, и уже
Был бы мертв, коль не приспела бы помощь.
И таков был чувствителен рассказ,
Что у всех во взорах стояли слезы.
- 64 И такие он уветливые
Обращает мольбы к жестоковыйному отцу,
Что не только тронулся и склонился,
Что не только переменялся душой,
Но и сам
Вспросил Амон Руджьера простить его,
И принять его тестем и отцом
И владеть красавицей Брадамантою:
- 65 Той, к которой, в укромном своем покойчике
Лившей слезы о несчастной судьбе,
Быстрым бегом, громким криком
Долетела весть из многих уст.
И от этой вести
Вся в ней кровь
Откатилась от мучимого сердца,
И едва она от счастья не кончилась.

Что отныне меж греками и булгарами
Будет мир,

- 72 И не надобно новому королю
Поспешать к своим дружинам из Франции,
Ибо он, Леон, уломит отца
Уступить повоенное болгарам.
Лишь тогда-то
        не Руджьеровы доблести, а весть
О его возгласении на царство
Побудили суеславную
Брадамантину мать склониться к зятю.

- 73 Царственна и роскошественна
Собиралась Брадамантина свадьба,
Ибо пекся о ней сам Карл,
И не меньше, чем пекся бы о дочери,
Потому что для такой невесты
И такого невестиного рода
Ему было, державному, не жаль
Расточить хоть половину державы.

*Приготов-
ления
к свадьбе.*

- 74 Кликнут клич:
Поле чести распахнуто для всех,
У кого с кем спор,
В девять дней всех рассудит Божий суд.
А за городской стеной
Разметнулись наметные шатры,
Шелк и золото, ветви и цветы,
Ни прекраснее не бывать, ни привольнее.

- 75 Ибо век не видывано в Париже
Столь несчисленных заморских гостей,
Знатных, бедных, всяких,
Греческих, латинских и варварских,—
Что вельмож,
Что послов, отосланных от всех стран,
И они-то расположились, прохладствуя,
Под наметами, в кущах и шатрах.

- 76 А в канунную ночь
Возвела чаровательница Мелисса
В несказанной великолепной пышности
Свадебный покой,
Ибо издавна
Был желанен этот ей союз,
Ибо ведала прозорливица, ведала,
Каковым и скольким процветет он добром.

- 77 Над брачным ложем
Превеликий шатер
Встал богат и пышен и сладостен,
Коему подобных ни встарь, ни впредь

*Брачное
ложе,*

Ни войною не, взыскивалось, ни миром,
Принесенный от фракийского берега,
Где его поставил себе в потеху
Ныне обездоленный Константин.

- 78 По согласию ли Леонову,
К удивлению ли Леонову, и затем,
Чтоб явить ему отменный пример
Укрощения преисподнего змия,
Как она по воле своей
Помыкает безбожною его нечистью,—
Повелела она стигийским гонцам
Тот шатер принести в Париж из
Константинополя.
- 79 От державца Греции, Константина,
Среди бела дня
Сей шатер
С всеми брусьями, тканями и вервиями
Повелела она принести по воздуху
И украсить им Руджберов желанный брак,
А по миновании
Столь же дивно вернуть, откуда взято.
- 80 Уж тому две тысячи лет,
Как покрылся тот шатер чудным
пологом,
А расшила его со всех сторон,
Не жалея ни времени, ни тщания,
Илионская
Обуянная пророческим даром
Дева, коей было имя Кассандра,
В славный дар великому брату Гектору.
- 81 Лучший и вежественнейший рыцарь,
Должный встать меж Гекторова потомства,
(Хоть и долог срок от корня до поросли,
Но провидица провидела вдаль)
Своеручно вышился на том покрове
Ярким золотом и веселым шелком,
И покуда Гектор
Был в живых, он любил и шитье
и шившую.
- 82 Но когда в измене нашел он смерть
И когда трояне пали пред греками,
И коварный Sinon открыл врата,
И настало худо хуже писаного,—
Сей покров достался в удел
Менелаю, который его оставил
У Протея, египетского царя,
В выкуп за похищенную супругу —

- 83 За Елену, которую у него
Переял было сей тиран египетский;
От Протея наследовался покров
Птолемями, а от них Клеопатрою,
А от Клеопатры в Левкадском море
Взял его Агриппа с иной добычей,
И потом от Августа и Тиберия
Был он в Риме до самого
Константина —
- 84 До того Константина, о котором
Вечно плакать красавице Италии,
Ибо стал ему Тибр постыл
И умкнул он в Византии чудесный полог;
А у нового Константина
С тем шатром возымела его Мелисса:
Золотые вервья, слоновьи брусья,
В ткани — лики, достойные Апеллеса.
- 85 Здесь три Грации в тонких одеяньях
Вспомогали рождающей королеве
И явили миру младенца, краше коего
Ни в златом, ни в иных веках не ведано.
Здесь Юпитер и речистый Меркурий,
Здесь Венера и Марс из полных дланей
Рассыпали эфирные соцветья,
Амброзийным дышащие дыханьем.
- 86 А по свитку буквицами начертывалось
Имя: Ипполит;
И его, окрепшего, вела в путь
Добродетель, попутная Удачею.
И еще показывало шитье
Длинновласых и длиннополых
Послов, посланных северным Корвином
К отрокову родителю.
- 87 И представлено было, как простился он
С Геркулесом и матерью Леонорою,
И как он пришел на Дунай,
Где народ сбегался к нему, как к богу,
И представлен мудрый венгерский царь,
Вдвие чтивший зрелое разумение
В столь еще незрелом и нежном отрочестве
И вознесший его сверх всех вельмож.
- 88 Вот ему вручается
Скиптр Стригонии в молодые руки,
Вот он юношествоует при властном
Во дворце и в шатре на бранном поле,
Вот на турков, вот на немцев
Наступает походами государь,—
- крытое
пологом с
изображ\ -
нием жист,
кардинала
Ипполит.*

Ипполит при нем,
Научаясь веледушью и доблести.

- 89 Вот он в свежем своем цвету
Посвящается наукам и художествам,
И над древними хартиями Фуск
Просветляет ему темные смыслы:
«Если хочешь бессмертия и славы,
Делай так и не делай так»,—
Мнятся слышны слова его, ибо столь
Ярко вышиты лица и движения.
- 90 Вот он, юный,
Кардиналом воссевши в Ватикане,
Таковы являет слова и мысли,
Что высокий хор в изумлении:
Что же явится в совершенные лета?
И дивящиеся мнятся их речи:
«О, блажен наш век,
Если сей примет плащ Петра Апостола!»
- 91 По другую сторону полога
Были юные отдыхи, знатные забавы:
То он в скальных Альпах травит медведя,
То в болотных низинах — кабана,
То за ланью, то за серной
На испанском ристает жеребце,
А настигнув, быстрее вихря,
Одним взмахом их делит пополам.
- 92 Вот он в чтимом сонме
Философов и поэтов,
И один ему чертит бег планет,
А другой небеса, а третий землю;
И один с веселой песней, другой
с печальною,
Кто о подвигах, а кто о любви;
И со всех сторон струнный звон,
А он ступит, и что ни шаг, то прелесть.
- 93 С той и с этой расшиты стороны
Лишь юнейшие годы знаменитого,
А вокруг запечатлела провидица
Все свершения его добродетелей:
Мудрость, мужество, правосудность,
умеренность
И ту пятаю,
В коей щедрые блещут милости и дарения,
Ибо всеми он сияет пятаю.
- 94 Здесь он зрится рядом
С обездоленным князем инсубрийским,
С ним в совете,
С ним под знаменем, на котором змеи,

Неизменен верностью
В счастье и в несчастье,
Оградит в беде, не покинет
В бегстве, ободрит в удручении.

- 95 Здесь он зрится в думных заботах
О спасении брата и Феррары
И дослеживает, и открывает
И являет справедливейшему Альфонсу
Заговор,
От любимейших умышленный родичей,
И за то зовется званьем, которое
Цицерону дал вызволенный Рим.
- 96 Зрится он в сияющих латах,
Поспешая спасти святой престол
Малой и непослушливой
Ратью против стройного неприятеля;
И едва предстал он
В стан поборников апостольской церкви,
Как пожар угас, не вспыхнул: воистину
Он пришел, увидел, победил.
- 97 Зрится он у отчего брега
Сокрушителем корабельного множества,
Коего не хаживало сильней
Из Венеции на турков и греков.
Он ударил, он ломит, он победен
И ведет несметный полон
В дар державному брату, а себе —
Только честь, ибо честь неотторжима.
- 98 Рыцари и дамы
Дивятся, не разумея,
На вышитые картины,
А грядущие смыслы им неведомы:
Смотрят лики, читают надписи,
Радуются выделке;
И лишь Брадаманта,- Мелиссою
Вразумленная, ликует, но молчит;
- 99 Да Руджьер,
Хоть и меньше выучен, чем невеста,
Вспоминает, как Атлант ему встарь
Меж потомков пророчил Ипполита.
Кто опишет, кто воспоет
Государево праздничное вежество?
Столько здесь потех для всех,
Столько брашен в нескончаемых
пиршествах!
- 100 Чтоб померяться, кто пред кем удал,
Всякий день сшибаются сотни копий,

*Свадебный
праздник.*

- 106 А измена твоя — у всех в глазах:
Ты христианин и не отопрешься;
Но чтобы ни в ком не взялось сомнения,
Я пришел доказать ее мечом.
Выставь за себя, кого хочешь, —
Я готов;
Если мало — выставь втрое и вшестеро:
Я пред всеми постою за мои слова.
- 107 Руджьер встал, прям,
И с соизволения государева
Так гласит: это ложь, и всяк есть лжец,
Кто посмеет прозвать его изменником:
Он служил своему королю
Безупречно для низких оговорщиков,
И каков был долг,
Такова была верная его служба.
- 108 В подкрепление же сих слов
Он сразится без всякого себе заступника,
Хоть и мог бы выставить,
Уповательно, не одного и не двух.
Тут Ринальд, тут Роланд,
Тут маркграф с черным сыном и белым
сыном,
И Марфиза, и Дудон, — все и враз
Поднимаются на гордеца за Руджьера,
- 109 Потому что говорят: новобрачному
Не пристало мутить собственный брак.
А Руджьер в ответ: «Не трудитесь:
Низкие увертки — не для меня!»
И тотчас
Взял он латы, снятые с татарина,
Граф Роланд привязал ему обе шпоры,
Король Карл опоясал его мечом,
- ПО** Брадаманта и Марфиза
Облекли ему панцирем грудь и плечи,
Скакуна подводит Астольф,
Держит стремя всходящему датский сын,
А вокруг очищают поле
Найм, Ринальд и маркграф Оливьер,
Изгоняя всякого неуместного
Из ограды, где правят бранный спор.
- 111 Дамы и девицы, сменясь в лице,
Трепетны, как горлинки,
Когда гонит их с пажитных лугов
Черный вихрь, громыхая громом,
Польхая молниєю, грозя
• Градом и дождем урожайным нивам, —
Трепетны о Руджьере, — ибо
Непоσιлен мнится такой соперник.

*Руджьер
принимает!
вызов.*

И конец бы схватке,— но нет:
Копье сломлено, кони, храпя, отселись.

- 118 Шпорами и уздами
Вновь вздымают бьющиеся коней,
От копыа к клинку
Яростны удары и нещадны,
Справа, слева
Изворачивают гибких скакателей,
Жалящие острия
Устремляют туда, где тоньше латы.
- 119 На груди Родомонтовой
Уж не та драконова чешуя,
И не тот Немвродов
Меч в руке и шелом на челе,
Потому что прежний доспех
Он, сраженный донною из Дордонны,
Пригвоздил к святым стенам над мостом,
Как об этом, помнится, я уж сказывал.
- 120 Иной добрый на нем доспех,
Не таков, как прежде, отменный;
Но ни тот, ни сей, ни изряднейший
Против Бализарды не устоят,
Коей не помеха ни чары,
Ни отделка, ни ковка, ни закал:
Ею Руджьер усердствуя
Прорубает вражью сталь вновь и вновь.
- 121 Обагровленный
Взвидя панцирь, являющий очам,
Что уже не единожды и не дважды
Меч сквозь сталь всекался в плоть,—
Басурманин в пушей ярости, в пушей
лютости,
Чем бушующее море зимой,
Отвергает щит
И двуручным взмахом рушится на
Руджьера.
- 722 Как на водной По,
На две палубы расставясь опорами,
Вздыбленный вручную и воротом
Рушится на сваи чугунный груз,—
Так ударил в Руджьера Родомонт
В две руки, тяжелее всякой гири;
Спас шлем —
Без него бы надвое и конник и конь.
- 725 Руджьер клонится вперед и назад,
Руджьер вскидывает руки и ноги;
Сарацин бьет вновь,
Не давая мгновения опомниться;

Бьет и в третий,—
Но мечу не в мочь быть молотом: вдребезги
Разлетается клинок, и язычник
Остается с опустелыми дланями.

124 Разъяренному это не помеха —
Налетает на Руджьера, а тот
Как без чувств: таково гудит шелом,
Таково помрачился ум и разум.
Но из забытья
Вырывает его железной дланью
Сарацин, схватив за горло, да так,
Что и вон из седла и прямо оземь.

125 Прямо оземь, и тотчас на ногах,
Полон гнева, палим стыдом,
Потому что, оборотясь к возлюбленной,
В милом лике видит он страх,
И едва ее не покинула жизнь,
Как увидела его распростертого.
Чтоб омыть позор,
Руджьер меч наголо и на супостата.

126 Родомонт на него конем,
А Руджьер отпрядывает и мимо,
И проскоком хватя за узду
Левою рукою Родомонтова
Скакуна и кружит вокруг, а правою
Метит всаднику в бок, в живот и в грудь,
И уже тому не в радость две раны:
Та в ребро, другая в бедро.

127 Но у Родомонта в руке
Рукоять меча, который изломан,
Он и ею разит Руджьера в шлем,
И еще бы удар, и быть бы худу.
Но Руджьеру судьба взять верх —
Он хватается за железную руку
Правой, левой,—
И срывает сарацина с седла.

128 Но по вящей тот и силе и ловкости
Пал и встал с Руджьером наравне,
Пеший против пешего,
Хоть Руджьер с мечом, а он без меча.
Руджьер держит его на отдале,
Не подпустит ближе, чем на взмах,
Ибо не с руки ему рукопашество
С исполином, который дюж и раж.

Пеший бой.

129 Видит кровь
На боку врага, на бедре и всюду,
Ждет,
Что, бессильясь, он выпадет из борьбы;

Но язычник, стиснувши всею силою
Рукоять бывшего меча,
Так метнул и уметил ее в Руджьера,
Что шеломит его вновь пуще прежнего.

- 130 Грянулся удар
В нащечье и в наплечье,
Дрогнул Руджьер, покачнулся Руджьер,
Еле удержался Руджьер, но выстоял.
Хочет супротивник его подмять —
Но пораненная нога его обманывает,
И усиливаясь сверх сил,
Он упал на одно колено наземь.
- 131 А Руджьеру дорог и миг:
Он разит в нагрудье, разит в забрало,
Его меч — как молот,
Его длань вбивает врага в песок.
Но взметнулся басурман,
Но опять всхватился, встеснился, сплелся,
И опять они кружат, жмут и гнут
Из последних сил и последней выучки.
- 132 Сила Родомонтова
Истекает ранами в бедро и в бок;
Выучка и ловкость Руджьерова,
В неисчетных пытанная боях,
Обнадеживает преуспеть,
И где гуще вражья кровь, глубже взруб,
Там и тяжче
Налегают он грудью, дланью, наступью.
- 133 Яр и злобен, Руджьера Родомонт
Кружит, сжавши горло и грудь и плечи,
То притянет, то оттянет, то вскинет
И вращает высоко над землею,
Дозирая, куда ринуть — и в прах.
А Руджьер — весь дух, ум, и доблесть —
Держит верх.
- 134 И вот,
Изловчась Руджьер протянутой дланью,
Родомонту стиснул левую грудь,
Впился,
вставился
Правою пятой меж вражьих колен,
И взметнул Родомонта с земли,
И обрушил головой Родомонта наземь.
- 135 Гривою и загривком
Так он врезался во прах, что из ран
Красная
Половодьем хлынула в поле кровь.
У Руджьера удача хохлом в руке —
И, чтобы уже не встать сарацину,

Он одной рукой кинжал ему к шлему,
А другой за горло, а сам на грудь.

136 Как паннонская или как иберская
Золотоприманная копь,
Рухнув на головы хищным копателям,
Врасплох
Давит, душит,
Не дает ни вдоха душе, ни выдоха,—
Так простерся победоносному
Попранный сарацин.

137 К забральному зрачку
Кинжальное острие
Приставляя, Руджьер неволит сдаться
И надежит сдавшегося жизнью,—
Но поверженному
Легче смерть, чем малое малодушие,
И он молча корчится, бьется, рвется
Взять свое.

*Руджьер
умерщвляет
Родомонта.*

138 Как молосский пес аланскому псу,
Огонь в глазах, пена в зубах,
Впавши горлом в неразмычные челюсти,
Мучится и силится и вотще,
Ибо ярость вровень, а сила — нет,
И не вырваться слабому из сильного,—
Так никоей ухваткою, ни уловкою
Не уйти язычнику от судьбы.

139 Но он корчится, но он изворачивается,
Но он ищет воли одной из рук —
Той, в которой
Острие кинжала и у него
Ждет ужалить Руджьера в пах,—
Но почувствовал юноша, что пора
Нечестивцу
Претерпеть столь замедлившую казнь.

140 Дважды, трижды
Вскинувши и опустивши булат,
Погружает он его в Родомонтов
Страшный лик,
и на том борьбе конец,
И от окоченелого тела
К ахеронтским мерзостным берегам
Отлетает с хулою та душа,
Столь когда-то гордая и надменная.

КОНЕЦ.

PRO BONO MALUM.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕСНЬ XXVI

То была Марфиза—См.: XX, 128—129.

Омел на битву с пятого неба?—Пятое небо—небо Марса, по астрономической системе Птолемея.

В ту истину, похожую на ложь...—Ср.: «Мы истину, похожую на ложь...» {Данте. Ад, XVI, 124}.

Беллона.— В римской мифологии богиня войны.

Каковых четыре по целой Франции...— Неясно, откуда Ариосто взял это число. Во «Влюбленном Роланде» есть три волшебных источника (но только два из них соотнесены с Мерлином). Один родник Мерлина упоминает «Испания». Не исключено, что четыре ариостовских источника — результат сложения.

Лесной зверь...— Аллегория алчности, в описании которой Ариосто использует дантовский образ волчицы (Ад, I, 49 слл). «Многосоставность» зверя указывает на сопутствующие алчности пороки: ненасытность («волчий зуб»), жестокость («когти львиные»), невежество («уши ослиные»), коварство («туловом как лиса»).

В златых лилиях по царским нарядам...— До конца неясно, почему Ариосто дал двум Габсбургам и Тюдору (см. след. октаву и прим.) геральдические знаки французского королевского дома. Новейшие комментаторы приняли точку зрения Р. Папини (1903), согласно которой в данном случае «три юных» выступают не как представители различных династий, а как рыцари, объединенные общим рыцарским обетом (поход на алчность) :: принявшие на время его исполнения знаки их вождя (Франциска). С Львом X подобной трудности не возникает, так как еще Людовик XI даровал Медичи право присоединить к своему родовому гербу французскую лилию.

Франциск французский.— Франциск I, король Франции (1515—1547). Известен как меценат, в частности, широко приглашал к своему двору итальянских художников (Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини и др.). Увенчан венком триумфатора в знак победы при Мариньяно (см. окт. 45, прим.).

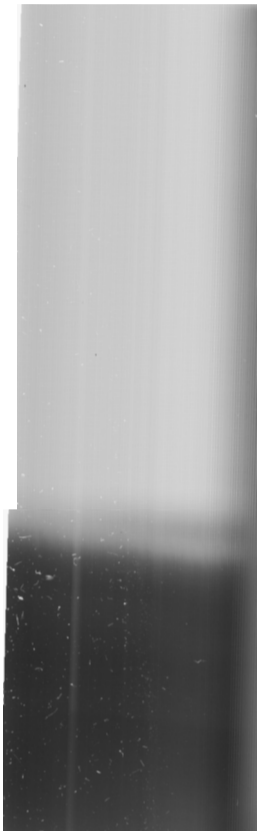
...австрийский Максимилиан.— Германский император (1493—1519). Также известен своим меценатством: основывал университеты, покровительствовал гуманистам (У. фон Луттен) и художникам (Дюрер). За щедрость, граничащую с расточительностью, прозван Максимилиан Без Гроша. В предыдущей октаве Ариосто представляет Максимилиана в некоем идеальном возрасте, так как ни время создания этой части поэмы (в 1515—1516 г. Максимилиану было сильно за пятьдесят — он родился в 1459 г.), ни соседство со следующим поколением европейских монархов (Карл вообще был его наследником) не позволяют представить его в качестве юноши. *Карл Пятый*.— См.: XV, 23, прим. В первых двух изданиях поэмы именуется еще Карлом Бургундским (поскольку голландскую и испанскую короны он получил в 1516 г., а императорскую — в 1519 г.). *Генрих Восьмой*.— Король Англии (1509—1547). Начало его царствования отмечено широким меценатством.

Тев Десятый.— См.: XVII, 79, прим. Прославился щедростью и активным культурным строительством (заказ Рафаэлю на Ватиканские лоджии, Микеланджело — на сооружение глеада Сан Лоренцо и гробницы Медичи и др.).

Как настали у людей мера, вес, закон и суд...— Ариосто связывает рождение алчности с появлением собственности вслед за Овидием (Метаморфозы, I, 129—150). Ср. также: *Вергилий*. Георгики, I, 125—127.

...фон.— В греческой мифологии чудовищный змей, сраженный Аполлоном. Под «Сталиными хартиями» в данном случае могут иметься в виду «Метаморфозы» Овидия (I, 438—444) или «Фиваида» Стация (I, 562—569).

дарит с Альп...— В августе 1515 г., через полгода после восшествия Франциска на трон французские войска перешли Альпы, причем двигались они, следуя совету Тривульция (Сл.: XIV, 9, прим.), через перевал Арджентеро (в направлении Кунео) — тем самым был кинут план Просперо Колонны, закрывшего перевал Монженевр (в направлении

- Турина). *Те обои, которыми на французов...*— Имеется в виду поражение французов от швейцарцев («стадный скотопас») в Пьемонте (Новара, 1513).
- 45 *И разметит Гельвецию...*— Битва при Мариньяно (13—14 сентября 1515 г.), закончившаяся поражением швейцарских войск («Гельвеции»), *А в позор и срам/Флорентийцу...*— Французы овладеют Миланским замком («твердыней») «в позор» Флоренции, папе (Льву X) и Испании, которые выступали в союзе со Швейцарией против Франции.
- 46 *Паче всякого иного оружия...*— Меч, сокрушающий алчность—щедрость. Есть мнение (Папини), что Ариосто в данном случае намекает на весьма конкретное ее приложение: сдачи Миланского замка, где укрылся герцог Массимилиано Сфорца, король достиг подкупом. Гвиччардини указывает, кто впустил французов в крепость—Джироламо Мороне (Джовио обвиняет некоего Джоваккино, взбунтовавшего солдат, и Филиппо дель Фиески).
- 47 *...над Тразименой и Треббией...*— См.: XVII, 4, прим.
...удачею Александра...— Имеется в виду Александр Македонский. Начало царствования, действительно, складывалось для Франциска счастливо. Но затем последовали поражения при Бикокке (1522) с потерей Милана, под Павией (1525), испанский плен, так что Ариосто в третьем издании поэмы должен был взять назад свое утверждение об удачливости французского короля (см.: XXXIII, 49—57).
- 48 *Бернард*—Бернардо Довици да Биббиена (1470—1520), кардинал, приближенный Льва X, автор одной из первых ренессансных комедий («Каландро»), покровитель поэтов и художников. *Биббиена*—городок в Тоскане.
- 49 *Сигизмунд*—Сиджисмондо Гонзага (ум. 1525), кардинал, брат Франческо, маркиза Мантуанского (см. ниже), патронировал переводы с греческого книг по ветеринарному искусству, пригласил в Мантую Джулио Романо Ариосто подарил ему экземпляр первого издания поэмы и останавливался в его дворце по пути в Рим в 1512 г. *Иоани*—Джованни Сальвиати (ум. 1553), кардинал (1517), племянник Льва X, епископ Феррары. *Людвик*—Людвик Арагонский, кардинал, двоюродный брат Альфонса д'Эсте. Ариосто мог видеть его в Ферраре на карнавале 1507 г. *Франциск Гонзаг*—См.: XIII, 60, прим. *Фредерик*—Федерико II Бьнзага (1500—1540), сын Франческо и Изабеллы (см.: XIII, 59, прим.), в 1521 г. главнокомандующий римскими войсками, маркиз, затем (1530) герцог Мантуанский. *...зять его...*—Франческо Мариа делла Ровере (1490—1538), герцог Урбино (1508), племянник папы Юлия II, главнокомандующий папскими войсками (1509, 1511, 1526—1527). Женат на Элеоноре, дочери Франческо Гонзага. *...свойственник его...*—Альффонс д'Эсте (см.: III, 50, прим.), шурин Франческо Гонзага по сестре Изабелле.
- 50 *Гвидобальд*—Гвидобальдо делла Ровере (1514—1574), герцог Урбино. *Два Фиеска*—Братья Синибальдо и Оттобона из знатного генуэзского рода Фиески. Оттобона был отцом Джан Луиджи Фиески, возглавившего знаменитый заговор против Андреа Дориа. *Граф Газольский*—Луиджи II Гонзага (1500—1533), граф Саббионетты и Газоло (в Мантуанской марке), поэт («лук его—от Феба») и воин («от Марса—меч»). В стихотворном послании к Ариосто сетует на то, что в «Неистовом Роланде» удостоился похвалы в качестве поэта, поскольку потомки могут подумать, что и воином он был таким же плохим, как стихотворцем. За исключительную силу прозван Родомонтом. Ср.: XXXVII, 8—12.
- 51 *Два Геракла*—Эрколе I д'Эсте (см.: III, 46, прим.) и Эрколе II д'Эсте (см.: III, 58, прим. *Два Ипполита*—Кардиналы Ипполит I д'Эсте (см.: I, 3, прим.) и Ипполит II д'Эсте (см. III, 58, прим.) *...еще Геракл...*—Эрколе Гонзага (1505—1563), епископ Мантуи, кардинал, сын Франческо II Гонзага и Изабеллы д'Эсте, брат Федерико (см. выше), регент герцогства при несовершеннолетнем Франческо III, умер, председательствуя на Тридентском соборе. *...еще Ипполит...*—Ипполито Медичи (1511—1535), номинальный правитель Флоренции (1524—1527), архиепископ Авиньонский (1529) и Луккский (1534), вице-канцлер римской курии (1532). Внебрачный сын Джулиано (см. ниже). *Юлиан*—Джулиано Медичи (1479—1516), герцог Немурский, третий сын Лоренцо Великолепного, брат папы Льва X. *Фердинанд*—Ферранте Гонзага (1507—1557), брат Эрколе Гонзага, вице-король Сицилии и губернатор Милана (от имени Карла V). Ариосто был послан кардиналом Ипполитом д'Эсте поздравить сестру с рождением Ферранте. *Андрей Дориа*—См.: XV, 30, пр. *Франциск Сфорца*—Франческо II Мариа Сфорца (1492—1535), герцог Миланский, сын Лодовико Моро (см.: XIII, 62, прим.). Власть в Милане получил в 1521 г. после изгнания французских войсками Карла V. Последний представитель династии.
- 52 *Два Авала*—См.: XV, 28, прим. *Тот утес, которым // Нечестивый сжат Тифей...*—Сы XVI, 23, прим. Остров Искья входил во владения маркизов д'Авалос. Гиганты изображались змееногими.
- 53 *Фердинанд Гонсалъв*—Фернандес Пэнсало (1443—1515), испанский полководец. Среди его наиболее заметных военных успехов—взятие Гранады (1492) и завоевание Неаполитанского королевства (1503). *Монферратский Гульельм*—Гульельмо, маркиз Монферратский (ум. 1518).
- 75 *Родной брат впереди двоюродных...*—Алдигер, единокровный брат Малагиса и Вивиана. I готов к бою раньше Рикардета, их двоюродного.

- 81 ...на фтийского Ахилла// Пенфесилея...— Пенфесилея в греческой мифологии царица амазонок, пришла на помощь осажденным троянцам и погибла в бою с Ахиллом (Ахилл родился во Фтии, Фессалия).
- 92 *Иов*.— Персонаж библейского сказания, испытываемый сатаной с дозволения бога и отказавшийся возвести на бога хулу. В средневековой традиции воспринимался как образец покорности и многотерпения.
- 99 ...Руджьеров род // Был от племени всеильного Гектора...— См.: XXXVI, 70, прим.
- 100 *Ианимед*.— См.: IV, 47, прим.
Это, верно, вам памятно...— См.: XIV, 31, прим. (ср.: XXX, 39—40).
- 101 *Я ни слова — об этом знает всяк*.— Поединок Руджьера и Мандрикарда из-за щита с орлом Гектора, о котором рассказывается во «Влюбленном Роланде» (III, VI, 39 слл), был прерван Градассом, который заспорил с Мандрикардом из-за меча Роланда, вернее, из-за права на него претендовать. Эта сцена Боярдо составляет как бы зерно ариостовской темы распри, особенно широко развернутой в этой и следующей песнях.
- 121 *Шлем, который Немврод Вавилонянин*...— См.: XIV, 118, прим.

ПЕСНЬ XXVII

- 9 *С того дня, как коварный старый волхв*...— См.: II, 12—17.
...в Браве или в Англанте...— См.: VI, 34, прим. (Брава) и I, 57, прим. (Англант).
- 4 *Вместе вызволенным*...— Здесь Ариосто проявил некоторую забывчивость: Сакрипант и Градасс освободились из дворца Атланта порознь. Первого вместе с Роландом и Феррагусом вывела из дворца Анджелика (XII, 33 слл), второго вместе с остальными пленниками Атланта выгнал из дворца рог Астольфа (XXII, 20 слл).
- *Обычайный нацелили набег?*— Имеются в виду наемные отряды, формировавшиеся во времена Ариосто из швейцарцев и гасконцев и охочие до разбоя.
- : *Кроме вьенского графа*...— См.: XVII, 16, прим.
- *3 *Брандимарт*.— Он вернулся в Париж, освободившись из плена во дворце Атланта (см.: XXII, 20 слл).
- " *...как идешь из Пармы в Борго*...— Имеется в виду Кастель Гвельфо по дороге из Пармы в Борго Сан Доннино (совр. Фиденца).
- Одно розово, а другое зелено*...— Выцветший розовый цвет символизирует угасшую любовь к Родомонту, зеленый—расцветшую любовь к Мандрикарду.
- *Ипполита в челе фермодонтских войск*. - *Об* Ипполите см.: XXV, 32, прим. *Фермодонт* — река во Фракии, впадающая в Черное море; на ее берегах по преданию обитали амазонки (ср.: *Вергилий*. Энеида, XI, 659—663).
- Он не долге тому назад*...— Градасс, как об этом рассказывается в начальных песнях «Влюбленного Роланда», повел в Европу стопятидесяти тысячное войско с единственной целью—овладеть мечом Роланда и конем Ринальда. Завоевал Испанию, осадил Париж, захватил в плен всех паладинов и самого Карла, но сброшенный с коня Астольфом которому помогло волшебное копьё Аргалия) вынужден снять осаду, отпустить всех своих пленников и отправиться восвояси. Ср.: XXXI, 91—92, прим.
- ' *Так-де зверь бобер*...—Сравнение взято у Ювенала (Сатиры, XII, 34—36) и отражает ~:спространенное в античности и перешедшее в средневековые bestiarii поверье о самооскоплении преследуемого бобра. Его гениталиям приписывались целебные свойства.
- Что пред ним его же конь Белолоб*...—См.: IV, 46, прим.
- *А похитил из-под него коня*...— Брунель воспользовался глубокой задумчивостью Сакрипанта и вывел из-под него коня, посадив седло на подпорки и оборвав подпругу (см. ниже, окт. 84). О событиях, которые резюмируются в этой октаве, см.: Влюбленный Роланд, II, V, 33—41; XI, 6.
- *Подлость тебе вежество!*—Ср.: «И было доблестью быть подлым с ним» (*Данте*. Ад, XXXIII, 150).
- *Как в тот день лишилась она меча*...— См.: XVIII, 109, прим.
- В государский дар тингисское царство*— См.: Влюбленный Роланд, II, XVI, 14. О царстве Брунеля см.: XIV, 19, прим. *За тот глум и посмех*...— Брунель, как об этом рассказывается «Влюбленном Роланде», не торопился скрыться с глаз Марфизы, рассчитывая на сравненный бег украденного скакуна (Белолоб — Фронтин), и всячески над ней глумился готь до демонстрации оголенного тыла).
- 'ж *остался тот без волшебного кольца*...—См.: IV, 14 слл.
- *Лрогнул Париж, замутилась Сена*...— Ср.: *Вергилий*. Энеида, Vn, 514—518. *Северны*.— Гры во Франции, юг Центрального массива (в низовьях Роны).
- и по Фебову вещанию*.— Имеется в виду оракул Аполлона в Дельфах.
- III *Кт тоскливый бык*...— Ср.: *Вергилий*. Георгики, III, 220 слл.
- » *А хотелось бы*...—Эта октава появилась в третьем издании поэмы, адресована она Ллессандре Бенуччи (см.: I, 2, прим.).

- 128 ...от самого Парижа ЦП до Мертвых Вод...—Т. е. в руках сарацин находилась вся центральная и южная Франция. *Мертвые Воды*.—см.: II, 63, прим.
- 130 *А пивал знатней всякого француза*.—Родомонт, тем самым, не признает закон шариата, запрещающий мусульманам употребление вина. Ср., однако: XXIX. 22.
- 137 *Иоани Франциск Валерий*.—Джанфранческо Валерио (ум. 1539), духовное лицо, автор недошедшего до нас сборника новелл (возможно, в нем и проявилось его женоненавистничество), друг Ариосто (ср.: XLVI, 16). Казнен по обвинению в секретных сношениях с врагами Венеции.

ПЕСНЬ XXVIII

- 3 *И повел ему вот такую повесть*...—Рассказ трактирщика обнаруживает значительно; сходство с рамочным сюжетом «Тысячи и одной ночи». Шахземан, собравшийся ко двору старшего брата Шахрияра, возвращается, желая еще раз на прощанье обнять жену, и застаёт ее в постели со слугой (у Ариосто Йоконд, не говоря ни слова, удаляется—Шахземан убивает прелюбодея). При дворе Шахрияра Шахземан живет в непрестанной тоске, пока случайно не видит жену султана в объятиях негра. Тоска Шахземана идет и; убыль, и они с братом, которому он открыл глаза на неверность супруги, отправляются путешествовать. Встреча с женщиной, которая умудрилась изменить любовнику девятью раз, заставляет Шахземана смириться с несправимостью женщины, а Шахрияра вдохновляет на своеобразную брачную процедуру, ставшую композиционным принципом «Тысячи и одной ночи». См.: Райна. С. 382—400. Прямого знакомства с «Тысячью и одной ночью» Ариосто иметь не мог, так как сборник был переведен в Европе только в XVIII в. Наиболее вероятен путь устной передачи и в данной связи вряд ли случаен тот вопиющий анахронизм, который Ариосто допустил, сделав автором рассказа своего современника. Не исключено, что он действительно слышал эту историю от Джанфранческо Валерио (это тем более вероятно, что последний был, во-первых, новеллистом, а во-вторых, жителем Венеции, самого открытого для восточных влияний европейского города).
- 4 *Астольф*.—Айстульф, король лангобардов (749—756). Его имя и упоминание о брат; ушедшем в монастырь (Рахис) — единственные исторические детали в новелле. *Апеллес*.—Древнегреческий художник (IV в. до н. э.). *Зевксис*.—См.: XI, 71, прим.
- 19 *Доезжай до Баккана*...—Баккано — селение на Кассиевой дороге, в окрестностях Рима.
- 24 *...в рогатое Корнето*.—Корнето — место в Маремме (совр. Тарквиния), Эпитет в переводе раскрывает внутреннюю форму названия.
- 27 *и у Арбии и у Арно*...—Т. е. в Сиене (на Арбии) и во Флоренции (на Арно).
- 54 *...по Сифаксову царству*...—По Африке. Сифакс (ум. 202 г. до н. э.) — царь западной Нумидии, участник Второй Пунической войны. *Затива*.—Хатива, город к югу от Валенсии.
- 57 *Пламета*.—В оригинале Фьямметта. Имя персонажа не только соответствует описываемому в новелле свойству женской природы (огонь сладострастия), но и отсылает — з пародийном плане — к постоянной героине творчества Боккаччо.
- 90 *Как больной*...—Ср.: Данте. Чистилище, VI, 48—51.
- 91 *Вьенна*.—Вьен (см.: XV, 67, прим.). *Баланс*.—Город на Роне. *...авиньонский знатный мост*...—Мост Сен-Бенезе, построенный в XII в., разрушенный в XVII в. (сохранились три арки).
- 92 *Ублаженный и Ваххом и Церерою*...—Т. е. богатый и виноградниками, и зерном.
- 96 *Так узнайте же красавицу Изабеллу*...—См.: XXIV, 93.

ПЕСНЬ XXIX

- 12 ...об этом сейчас расскажет...—Прямым источником ариостовского рассказа о героической хитрости Изабеллы является сочинение венецианца Франческо Барбаро «О деяниях женщин» (конец XV в.), где аналогичным образом спасает свою честь, жертвуя жизнью, некая Друзилла из Дураццо. Сюжет имеет долгую историю: он встречается у византийских хронистов XI и XII в. применительно к христианской мученице, у арабского хрониста XIII в. применительно к египетской монахини, у польского хрониста XV в. применительно к монахини из Бранденбургской марки. См.: Райна. С. 404—408.
- 18 *...он коварнее целой Африки*.—Ср. распространенное в Древнем Риме выражение: «верность пунийца».
- 19 *Кикн*.—В греческой мифологии сын Посейдона, которому отец даровал неуязвимость погиб, задушенный Ахиллом. *Ахилл*.—Неуязвимым его сделала мать, Фетида, закаляя в огне (по другому варианту, купая в водах Стикса).

- 28 *Чья погибель низвергла троп Тарквиния...*— Имеется в виду Лукреция. Согласно легенде, она, будучи обесчещена Секстом, сыном Тарквиния Гордого, покончила жизнь самоубийством, что привело к изгнанию Тарквиния и падению царской власти в Риме. *В чем клянусь непереступными влагами...*— Водами Стикса клялись боги античного Олимпа. Ср.: *Вергилий*. Энеида, IX, 104; X, 113.
- 29 *Геликон, Парнас, Пинд...*—В античной мифологии горы, на которых обитают Аполлон и музы (Геликон— в Средней Греции, на юге Беотии, Парнас— в Фокиде, Пинд— на границе Фессалии и Эпира). *Изабеллы именем...*— Похвальное слово Ариосто адресовано, в первую очередь, Изабелле д'Эсте (см.: XIII, 59—60), но ввиду своего намеренно обобщенного характера может охватить и других его блестящих современниц, носивших то же имя: супругу Фердинанда, короля Неаполя (которую славил Понтано), супругу Федерико III, также неаполитанского короля, королеву Испании, герцогиню Урбинскую (супругу Гвидобальдо делла Ровере). Что касается стилистического оборота, см.: *Вергилий*. Буколики, VII, 44.
- 30 *В третье небо...*— Небо Венеры, где Данте помещает души «любовобильных». *Брусе*.— Бреус по прозвищу Безжалостный, персонаж поздних романов бретонского цикла (прозаического «Тристана», «Паламеда», итальянской поэмы XIV в. «Фебусс и Бреусс»), ожесточенный преследователь прекрасного пола.
- 33 *Как жид Тибром строенный Адрианом...*— Мавзолей римского императора Адриана (117—138), круглое здание высотой 21 м на правом берегу Тибра напротив Марсова поля. В средние века использовалось как крепость и получило название замок Св. Ангела.
- ! *...вдруг является // Неистовый Роланд*.— См.: XXIV, 14. i ⇐
- О *Юная красавица...*— См.: XXIV, 74.
- ...до гор // Что меж франкской землей и тарраконской...*— До Пиренеев, разделяющих Францию и Арагон («Испания тарраконская» — провинция Древнего Рима).
- ...как рассказано...*— См.: XIX, 41—42.
- ...в египетской Сиене...*— Ныне Асуан. *...где гараманты чтут Амман...*— О гарамантах см.: XIV, 17, прим. Амон.— В египетской мифологии бог солнца, впоследствии отождествленный с Юпитером. Ср.: XXXIII, 100, примеч. *...в кряжах, откуда брызжет Нил...*— Т. е. у истоков Нила (см. о них: XXXIII, 109—110, 126).

ПЕСНЬ XXX

Зизера.— Ныне Альхесирас (пров. Кадис).

...луть отыщется певец поискусней.— Призыву Ариосто последовали Лодовико Дольче («Сакрипант», 1535, неокончен), Пьетро Аретино («Слезы Анджелики», 1538, две первые песни), Винченцо Брузантини («Влюбленная Анджелика», 1550), Лопе де Вега («Красота Чнджелики», 1602) и др. Ср. беседу Дон Кихота со священником и цирюльником (конец первой главы второй части).

к' королю татарскому...— См.: XXVII, 109.

Просит, молит, сетует, стонет...— Сцена тщетных молений Доралисы восходит к «Физаиде» Стация (II, 332—363), где Аргия просит Полиника отказаться от похода на Фивы, и к свиданию Гектора и Андромахи в «Илиаде» (VI, 390—502).

Как он в Сири был моею добычею...— См.: XIV, 31, прим.

Под парижским ходившего паладином...— Мандрикард садится на Златоузду, коня Роланда (см.: XXIV, 115).

Белокрылый летун царя Юпитера...— Орел. Под «фессальскими бранями» имеются в виду битва при Фарсале (48 г. до н. э.), где Юлий Цезарь взял вверх над Помпеем, и битва при Филиппах (42 г. до н. э.), где Август и Антоний победили Брута и Кассия. Филиппы, впрочем, находятся не в Фессалии, но Ариосто следует в данном случае за теми античными авторами (например, *Вергилий*. Георгики, Г, 490), которые помещали два эти сражения в одном месте. Что касается оперения орлов, украшавших значки римских легионов, то здесь Ариосто не совсем точен. В период республики оно было серебряным (т. е. такого цвета, как на щитах Руджьера и Мандрикарда); лишь впоследствии римский орел стал «голубым пернат»: золотым — при императорах, черным — в Средние века.

...сферу поднебесного пламени.— В сферу огня, которую античная космография помещала между земной атмосферой и небом Луны.

...но решит, что таков был уговор...— В XV—XVI в. было принято вносить в условия рыцарских поединков пункт о том, разрешается или запрещается направлять удар в коня. *...тупить из Африки...*— Аграманту, как об этом рассказывается во «Влюбленном рыцаре» (II, I, 69 елл), было предсказано звездочетами, что его поход во Францию закончится неудачей, если в нем не примет участие Руджьер.

...расскажу Брадаманты...— См.: XXIII, 29—32. *Как сыскался у водоёма Руджьер...*— См.: XXVI, 54—55.

...что молвил, оправдываясь, Руджьер...— См.: XXVI, 89—90.

- 83 *От Трояна принял смерть твой отец...*—См.: I, 4, прим. В другом месте поэмы (XXXVIII 5) Ариосто называет убийцей отца Руджьера (Руджьера II) не Трояна, а его брал Альмонта.
- 90 *Ибо двое годами были старше...*—Гвискард и Алард (см. окт. 94).
- 91 *Как он ездил, сказал я...*—См.: XXVII, 8—12. *Что грозит им майнцкий полон...*—Св. XXV, 76.
- 93 *Обымает... жену...*—См.: XLIII, 66, прим.
- 94 *Алард, Рикард, Рикардет...*—Французская традиция называет четырех сыновей Эмоиа пятого дало раздвоение Ришара на Рикарда и Рикардета (см.: XXV, 24, прим.) О старшие стве среди них см.: XXIII, 22, прим.

ПЕСНЬ XXXI

- 5 *Зороастр* (Заратуштра).—Основатель (или реформатор) религии древних иранцев. В европейском восприятии—первооткрыватель магического искусства.
- 26 *Пока вымерит небо непоспешный Арктур...*—Пока не зайдет за горизонт Арктур, т.е. пока не наступит новый день. Арктур (альфа Волопаса)—звезда, нацеленная на хвост Большой Медведицы. Она находится недалеко от полюса и поэтому движется медленнее др.: I звезд. Ср.: «И ты, Волопас, смущенный, бросился в бегство, хоть и медлителен был» (Овидий. *Метаморфозы*, II, 176—177).
- 28 *А как были они друг другу братья...*—См.: XX, 5—6, прим.
- 29 *В том виною негодный Пинабель...*—См.: XXII, 52—55.
- 33 *Не от горлилки — орлы или кречеты*—Ср.: «Орлы жестокие не могут//Мирных на свет произвести голубок» (Гораций. Оды, IV, IV,31—32. Пер. Н. С. Гинцбурга).
- 41 *А какие... были у них свары и обиды...*—Это события первой книги «Влюбленного Роланда». Ринальд в итоге одного из приключений взял на себя зарок отомстить Труффальдинку.. запятнавшему себя чудовищным предательством и жестокостью. Тем временем Труффальдин, царь Багдада, находится среди защитников Альбракки от татарского царя Агрикана. Он готов переметнуться на его сторону и сдать крепость, но татарский царь не хочет побеждать с помощью предательства. К крепости подходят новые ее защитники, среди них Роланд, Грифон и Аквилант, но Труффальдин запирает перед ними ворота и соглашается пустить их в крепость лишь при условии, что они поклянутся быть его защитниками. Поэтому когда Ринальд, выполняя свой обет, вызывает Труффальдина, на поединок с низ*, вместо вызванного, выходят в числе прочих Грифон и Аквилант (у Ариосто в завв. Пинабеля им, следовательно, вторично приходится против воли выступать в качестве рыцарей изменника и злодея). Ринальд в конце концов берет верх и казнит Труффальдина, привязав его к хвосту лошади (казнь Ганелона в «Песни о Роланде»).
- 43 *Но я видела меч его и доспех...*—См.: XXIV, 56—57.
- 45 *А потом я увидела: Роланд...*—См.: XXIX, 44.
- 49 *Когда сон брызнет в очи влагой Леты.*—См.: XXV, 93, прим.
- 56 *...семь сот...*—Традиционная численность Ринальдова отряда в итальянских поэмах *слабее мирмидонян...*—Мирмидоняне.—В греческой мифологии ахейское племя в Фессалии, возглавлявшееся в походе на Троию Ахиллом.
- 58 *Как на рунное стадо над фалантским Галезом...*—Как волк на стадо овец («рунное») на р. Галез, близ Тарента, берега которого славились тонкорунными овцами («фалантский» Галез, потому что Тарент считался основанным Фалантом.—См.: XX, 14, прим., 21), ищ как лев на стадо коз («брадатое») на р. Киниф в Ливии (откуда во времена Римское республики в Италию для улучшения породы завозились козы). Ср.: *Гораций*. Оды. II, VI, 10—12.
- 59 *Ударяет навстречу с паладинами...*—Выше (XXVII, 32) Ариосто сообщил, что все паладины, кроме Оливьера и Оджера, попали в плен.
- 67 *Батольд.*—Конь Брандимарта во «Влюбленном Роланде» (II, XIX, 47).
- 70 *...как когда упал к нам в По...*—См.: III, 34, прим.
- 85 *...сев Фавония и Флоры!*—Фавоний (соответствует Зефиру), бог западного ветра, в римской мифологии возлюбленный Флоры, богини весеннего цветения.
- 91 *Ибо верно уж вами было читано...*—О походе Градасса см.: XXVII, 55, прим. Что касается поединка Ринальда и Градасса (Влюбленный Роланд, Г, V, 32—55), то он не состоялся по вине Малагиса, которому Анджелика пообещала свободу в обмен на Ринальда (в то время предмета ее страсти). Малагис повелел демону принять облик Градасса и заманят Ринальда на корабль, который и отправил затем в Катай; Градасс же, не дождавшись Ринальда на условленном месте и составив о нем нелестное мнение, двинул свои войск* во Францию (см. также ниже, окт. 99—102).
- Ю3 *Не на зыбком бреге у Барселоны...*—Согласно «Влюбленному Роланду», место их несостоявшегося поединка.
- 109 *От Понтъера и от Высокого Листвия.*— Владения майнцекого изменнического рода.

ПЕСНЬ XXXII

- 1 *Обещавши и запомятовши...* — См.: XXXI, 7.
От нечаянного Рикардетова сказа. — См.: XXX, 87—88.
- 9 *Спас его по изволению Божию...* — Во «Влюбленном Роланде» (II, XVII, XXI) рассказывает, как Руджьер, участвуя в турнире в доспехах, одолженных ему Брунелем, убил рыцаря, предательски его ранившего. За убийцу принимают Брунеля, который забрал обратно свои доспехи, и Аграмант посылает его на виселицу. Руджьер открывает правду, и петля в тот раз Брунеля минует. Ариосто может выражать уверенность, что Руджьер и вновь помог бы Брунелю, ибо он принял от него вооружение (краденного коня Фронтия и меч Бализарду) и тем самым вынужден относиться к нему как к своему рыцарскому восприемнику.
- ю *А тем временем...* — Ревнивые мучения Брадаманты обнаруживают значительное число реминисценций из «Героид» Овидия (II) и из «Фьямметты» Боккаччо (III).
Двадцать дней... — См.: XXX, 81.
- н *Эт. Пирозий.* — Имена двух коней из квадриги, которая в античной мифологии запряжена в колесницу солнца (два других — Эой и Флегон). *Невередимо ли колесо...* — Солнечной колесницы. *Когда Божий иудей препнул солнце...* — День битвы израильтян с амореями, на время которой Яхве по молитве Иисуса Навина («божий иудей») остановил солнце и луну. *Дольше, чем зачавшая Гerkулеса.* — В античной мифологии Зевс, чтобы продлить свою брачную ночь с Алкменой (во время которой был зачат Геракл), приказал солнцу трое суток не подниматься над землей.
- 13 *Посмотреть, не Тифоюва ли супруга...* — См.: VIII, 86, прим.
- 19 *...как черный змий, // Не желающий слышать чарных песен.* — Ср.: «как глухого асида, который затыкает уши свои и не слышит голоса заклинателя» (Псалтирь, LVII, 5—6).
- 24 *Благовецкие речи...* — См.: III, 16—19.
- 32 *А уж вылетевши из уст...* — Ср.: Вергилий. Энеида, IV, 174—175.
- 48 *И то самое золотое копьё...* — См.: XXIII, 14—15.
- 30 *...кадуркский Каор...* — «Кадуркский» от кадурков, кельтского племени в Аквитании с главным городом Дивона (ныне Каор). *...и та гора, // Где рождается Дордонь...* — Гора Санси в Центральном массиве.
Клермонт, Феррант... — Два близлежащих города, слившихся в XVII в. (совр. Клермон-Ферран).
- 54 *Один готский...* — Один из Готланда (лен в Швеции), один из Швеции, один из Норвегии.
- 63 *Бокховы города.* — Мавритания (Бокх — царь Мавритании, тесть Югурты, выдавший его в 105 г. до н. э. римлянам).
- 65 *Но то место не всякому присутственно...* — Источниками обычая, принятого в Тристановом Камне, являются прозаический «Тристан» и «Роман о Паламеди». См.: Райна. С. 426—443.
- 80 *Как раскроется занавес...* — Ср.: Овидий. Метаморфозы, III, 111—114.
- 81 *Исцелительно выстриженные мнихом...* — См.: XXV, 24.
- 83 *Фарамонд.* — Полулегендарный король франков (V в.). Упоминается в хрониках, начиная с VIII в. (ср.: XXXIII, 7—8). Средневековым французским романом превращен в странствующего рыцаря. В плане сюжетного источника Ариосто продолжает следовать за «Паламедом». См.: Райна, 435—438.
Словно Аргус, блюдущий По... — В греческой мифологии Аргус — стоглазый великан, представленный Герой стражем и пастухом к Ио, возлюбленной Зевса, превращенной в корову.
- 89 *Не велит ему колдовской напиток...* — Согласно легенде о Тристане, мать Изольды послала с дочерью, просватанной за короля Марка, любовный напиток, предназначенный для нее и для жениха. Случайно Изольда выпила его вместе с Тристаном и напиток связал их нерушимой страстью.
- 108 *Как под летним зноем...* — Ср.: Стаций. Фиваида, VII, 223—225.

ПЕСНЬ XXXIII

Тимагор, Полигност... — Перечисляются имена знаменитых древнегреческих художников, живших в V—IV в. до н. э. (об Апеллесе и Зевксисе см.: XXVIII, 4, прим.). Все эти художники упоминаются Плинием (Естественная история, XXXV, 35—36).
И все бывшие и сущие при нас... — Перечисляются знаменитые итальянские художники — современники Ариосто: Леонардо да Винчи (1452—1519), Андреа Мантенья (1431—1506), Джованни Беллини (ок. 1430 - 1516), прозванный Жанбеллино, Себастьяно Лучани (ок. 1485—1547), прозванный сначала Венецианцем («Бастиян... честь Венеции»), затем — дель Пьомбо, Тициан Вечеллио (ок. 1490—1576), уроженец Пьеве-ш-Кадоре («честь Кадора»), Рафаэль Санцио (1483—1520), уроженец Урбино («честь Урбино»), братья Доссо Досси (ок. 1490—1542) и Баттиста Досси (ок. 1497—1548 или 1553), Микеланджело Буонарроти (1475—1564).

- 4 *Аверн*.— См.: XIV, 82, прим.
Нурсийский грот.— Горная пещера близ Норчи (лат. Нурсия) в Умбрии, которая считалась (наряду с Аверном) местопребыванием Кумской сивиллы.
- 7 *Фарамонд*.— См.: XXXII, 83, прим. *Маркомир*.— Легендарный вождь франков.
- 8 *Из-за Рейна первый поправший Галлию*.— Фарамонд считался первым вождем франков, ступившим на левый берег Рейна.
- п *Где король ополчается Сигиберт*.— Ариосто смешивает Сигиберта I, короля Австразии (561—575), с его сыном и преемником Хильдебертом II (575—596), который по призыву византийского императора Маврикия (582—606) пошел войной на лангобардов, но был отброшен лангобардским королем Автарием (584—590). ...с *Юпитеровых гор*.— Имеется в виду Большой Сен-Бернар, перевал в Альпах (лат. mons Iovis).
На равнину меж Тицином и Амбром.— На Ломбардскую низменность, орошаемую притоками По Ламбро и Тичино.
- 14 *Вот Клодовой*.— Ариосто путает Хлодвига II (зд. Клодовой), короля Нейстрии и Бургундии (639—657) и короля Австразии (656—657), с его сыном Хлотарем III (король в 657—673). Павел Диакон (История лангобардов, IV, 5) рассказывает, что Хлотарь вмешался в распрю лангобардских вождей и выступил против Гримоальда герцога Беневентского (впоследствии, в 662—671 г. лангобардского короля); последний, не располагавший равносильным войском, отступил, оставив в руках франков лагерь с большим запасом продовольствия и вина, и ночью атаковал и уничтожил неприятеля, обессиленного неумеренными возлияниями.
- 15 *Вот нашествует Хильдеберт*.— См.: окт. 13, прим. Как сообщает Павел Диакон (История лангобардов, III, 31), последний поход Хильдеберта в Италию окончился неудачей, так как его войско было истощено зноем и эпидемией желудочных заболеваний.
- 16 *Зрятся далее и Пипин и Карл*.— Пипин Короткий (см.: XIV, 107, прим.), призванный в Италию папой Стефаном II (752—757), разбил в 754—756 г. лангобардского короля Айстульфа (см.: XXVIII, 4, прим.) и отдал под власть папы Равеннский экзархат. Карл Великий дважды совершал походы в Италию. Первый раз по призыву папы Адриана I (772—795) он выступил против лангобардского короля Дезидерия (см.: III, 25, прим.) «преемника» Айстульфа, осадил его в Павии и взял в плен (774). Вторично — с целью восстановить на папском престоле Льва III (795—816), не угодившего могущественной римской группировке, обвиненного ею в клятвoprеступлении и любострастии и в 799 г. брошенного в темницу. В благодарность за поддержку Лев III короновал Карла императором (800).
- 17 *А близ них молодой Пипин*.— Сын Карла Великого, король Италии (781—810). В 810 г. вел войну с Венецией, занял Адриатическое побережье от северного устья По (зд. «Теснины») до Палестрины (между Кьоджей и Маламокко), выстроил мост до острова Рияльто, но мост был разбит бурей.
- 18 *Вот Людовик следует*.— Людовик III Бургундский (887—923) воевал в Италии против Беренгария I, одержал над ним победу и был коронован в Павии (900), но в 902 г. потерпел поражение и был отпущен с клятвенным условием не вторгаться впредь во владения Беренгария. В 904 г. предпринял новый поход в Италию, потерпел поражение и был как клятвoprеступник ослеплен.
- 19 *Вот и арльский гонит Гуго*.— Гуго был наместником Прованса (поэтому назван «арльским») при Людовике Слепом (см. выше), затем (928) — правителем Прованса. Он враждовал не с «двумя Беренгариями», а с Рудольфом Бургундским (который разбил в 923 г. Беренгария I и затем боролся за итальянскую корону с Гуго). В 934 г. между двумя соперниками был заключен договор, согласно которому власть в Италии доставалась Гуго, а Рудольф получал право наследовать королевство Прованса. В 945 г. Беренгарий II (см. о нем: III, 26, прим.) изгнал Гуго из Италии и тот вскоре (947) умер (согласно Ариосто, Беренгарий опирался на помощь германских королей — «баваров» и «гуннов»). Его «наследнику», Лотарю, Беренгарий вернул в 947 г. трон, но в 950 г. сверг его снова и приказал отравить.
- 20 *Новый Карл для нового пастыря*.— Карл Анжуйский, граф Прованса (1246—1285), король Неаполя и Сицилии (1266—1285). Инвеституру на Неаполитанское и Сицилийское королевство получил от папы Климента IV и овладел королевством, разбив при Беневенто (1266) Манфреда (1231—1266), сына императора Фридриха II. Конрадин (1252—1268), последний представитель династии Гогенштауфенов, пытался вернуть Неаполь, но потерпел поражение в битве при Тальякоццо (1268). Восстание на Сицилии (так называемая «Сицилийская вечерня», 30 марта 1282 г.) оставило в руках Карла и его преемников только Неаполитанское королевство.
- 21 *Как спускается новый галльский вождь*.— Жан III, граф д'Арманьяк (ум. 1391), воевавший на стороне Флоренции против Джан Галеаццо Висконти (1351—1402), первого герцога Миланского (1395). Осада Алессандрии, окончившаяся поражением французов и смертью их предводителя, относится к лету 1391 г.

- 23 *Трех Анжуйских и четвертого Маркского...*— «Маркский» — это Жак II, граф де ла Марш (ум. 1438). В 1415 г. стал мужем Джованны II, королевы Неаполя, захватил власть в королевстве, но был свергнут в следующем году. Первый из «Анжуйских» — Людовик III Анжуйский (1403—1434), усыновленный в 1417 г. Джованной II одновременно с Альфонсом Арагонским и вынужденный отстаивать право на трон в борьбе с последним. Второй — его брат и наследник, Рене I Добрый (1409—1480). Получив титул короля Неаполя после смерти Джованны II, он был вынужден уступить королевство (в 1438—1442) Альфонсу V Арагонскому (ок. 1396—1458), принявшему после победы титул «короля двух Сицилии». Третий — Жан (ум. 1470), сын Рене, пытался захватить Неаполь в 1459—1462 г., но потерпел поражение от Ферранте Арагонского. «Давнами» Ариосто называет жителей Апулии, «марсами» — жителей области Аbruци, «салентинцами» — жителей Отранто, «бруттиями» — жителей Калабрии. Фердинанд I (или Ферранте) — внебрачный сын Альфонса V и его наследник, король Неаполя (1458—1494).
- 24 *Вот Восьмой перед вами Карл...*— Карл VIII, король Франции (1483—1498), своим походом в Италию (1494—1495) положил начало эпохе итальянских войн. ...*королевство за Лирисом...*— Неаполитанское королевство. Лири (в нижнем течении Гарильяно) — река, являвшаяся границей папского государства и Неаполитанского королевства (ныне разделяет области Лацио и Кампания). *Кроме той скалы...*— О. Искья (см.: XVI, 23, прим., XXVI, 52). *Иник Вастский.*— Инико (баск. Иньиго) II дель Васто, маркиз д'Авалос (ум. 1503), в 1495 г. отстоял остров Искью, атакованный флотом Карла VIII.
- 26 *От волхва...*— От Мерлина.
- 27 *Будет сын...*— Альфонсо д'Авалос, сын Инико дель Васто (см.: XV, 28, прим.).
- 28 *Нирей.*— Прекраснейший из греков, осаждавших Трою (*Гомер.* Илиада, II, 673—674). *Лад.*— Олимпийский победитель в беге (*Павсаний.* Описание Эллады, III, 21,1). *Нестор.*— См.: VII, 44, прим.
- 29 *Горд Крит...*— В греческой мифологии Крит считался местом рождения Зевса, внука Урана (божества, олицетворяющего небо). *Делос.*— Место рождения Аполлона и Артемиды.
- 31 *Людовик Мор.*— См.: XIII, 62—63, прим. Считалось, что именно он пригласил в Италию Карла VIII.
- Его давнего испанского соперника...*— Имеется в виду арагонская династия королей Сицилии и Неаполя. Королем Сицилии в то время, о котором идет речь в октаве, был (с 1479) Фердинанд II Арагонский (король Кастилии в 1474—1504 г. под именем Фердинанда V, король Неаполя в 1504—1516 г. под именем Фердинанда III), королем Неаполя — Фердинанд I (см. о нем: окт. 23, прим.), но он умер во время нашествия французов, и на престол взошел Альфонс II, вынужденный почти тут же отречься в пользу своего сына Фердинанда (см. след. окт.). *Вот он вкуче с венецианцами...*— Имеется в виду антифранцузская коалиция (Милан, Венеция, император Максимилиан, Фердинанд Арагонский) и битва при Форново (см.: XIII, 60, прим.).
- 32 *...в новом царстве...* — В Неаполитанском королевстве.
- Фердинанд.*— Фердинанд II (Феррандино), король Неаполя (1495—1496).
- ...с мантаванскою // Силой...*— Имеется в виду Франческо Гонзага (см.: XIII, 60, прим.).
- 33 *Альфонс Пескарский.*— Альфонсо д'Авалос (ум. 1495), маркиз Пескары, брат Инико дель Васто (см.: окт. 24), дядя Альфонсо д'Авалос, о котором шла речь в окт. 27.
- Вот он впал в ту сеть...*— Альфонсо д'Авалос, как об этом рассказывает Ф. Гвиччардини в своей «Истории» (II, V), осаждая с войсками Фердинанда II монастырь Санта Кроче в Неаполе, попытался подкупить раба-негра с тем, чтобы тот открыл перед ними ворота; но негр, внешне поддавшись на подкуп, застрелил Альфонсо из лука, когда тот, вызванный ночью на переговоры, поднимался по приставной лестнице на крепостную стену. Погиб Альфонсо 7 сентября 1495 г.
- С италийцем Двенадцатый Людовик...*— Людовик XII (см.: XIV, 8, прим.) предпринял свой первый итальянский поход в 1499 г. В том же году его войска, предводительствуемые «италийцем» Тривульцио (см.: XIV, 9, прим.), взяли Милан («висконтийскую землю»): Лодовико Моро бежал, но в 1500 г. был схвачен и окончил жизнь в заточении. *Ведет воинство к Гарильянским гатям...*— Людовик XII после завоевания Милана договорился с Фердинандом, королем Испании, о разделе Неаполитанского королевства. Но вскоре союз их дал трещину, и испанские войска изгнали французов из Неаполя. Битва у Гарильяно (об этой реке см.: окт. 24, прим.) произошла в 1503 г.
- 15 *Где завлек ее дважды в сеть...*— Фернандес Гонсало (см.: XXVI, 53, прим.), командующий испанскими войсками в Италии, дважды разбил французов в Апулии — при Семинаре и при Чериньоле (обе битвы состоялись в 1503 г., но раньше сражения у Гарильяно) ...*в удолиях Поц Между Альп, Апеннин и шума Адрии.*— На Ломбардской низменности, разделенной течением По и ограниченной Альпами, Апеннинскими и Адриатическим морем (т. е. в Миланском герцогстве).

- 36 *Я к тому, кто предал вверенный замок...*— Бернардино да Корте, подкупленный французами и сдавший им Миланский замок. *И к тому вероломному Швейцарии!*...— Швейцарские наемники выдали в 1500 г. Лодовико Моро французам.
- 37 *Цезарь Борджий.*— Чезаре Борджа (1476—1507), сын папы Александра VI, главнокомандующий войсками церкви, опираясь на поддержку Людовика XII, подчинил себе большую часть Романьи.
И как тот король из болонских стен...— В 1506 г. с помощью французов был изгнан из Болоньи Джованни Бентивольо (герб Бентивольо—пила) и город перешел под власть папы Юлия II (герб Делла Ровере—дуб с золотыми желудями) ...*генуэзский бунт...*— Бунт Паоло да Нови (1507).
- 38 *Устилают поля при Джарададе...* — Битва при Аньяделло (1511), между французскими и венецианскими войсками (Джарадада — Гьяра д'Адда).
- 39 *Нет у папы отобрана Болонья...*— События 1511 г. После поражения при Аньяделло Венеции удалось нарушить согласие в направленной против нее Камбрейской лиге (где Людовик XII и Юлий II были союзниками) и объединиться с папой в Священной лиге, направленной против Франции.
Стал под Брешией...— См.: XIV, 9, прим.
Фельзица.— Этруский город, римлянами переименованный в Бононию (зд. синоним Болонья) ...*в низинах Лядсс.*— Близ Равенны (о битве при Равенне см.: XIV, 2, прим.).
- 40 *Но Альфонсовой доблестью решено...*— См.: XIV, 3, прим.
- 41 *Рушит с гор германскую ярость...*— Швейцарские войска. // *чтоб отпрыск Мора процвел...*— Массимилиано Сфорца (1490—1530), сын Лодовико Моро, в 1512 г. вернул себе отцовское герцогство, утратил власть в 1515 г. после битвы при Мариньяно (см. ниже).
- 42 *И вернулся француз, и вновь разбит...*— В сражении при Новаре (1513), где французы были разбиты швейцарцами, поддерживавшими Массимилиано Сфорца. *Кои предан и продан был юношин отец...*— См.: окт. 36, прим.
- 43 *...французский Франциск...*— См.: XXVI, 35, прим. О его итальянском походе см.: XXVI, 44, примеч. *Так словивший швейцарству рог...*— О битве при Мариньяно см.: XXVI, 45, примеч. *Красоваться неподобною славою...*— На швейцарском знамени было начертано: «Усмирители государей — Блюстители справедливости — Защитники Святой Римской Церкви».
- 44 *Он вступает в согласие с юным Сфорцею...*— См.: XXVI, 46, прим. Массимилиано Сфорца был лишен власти, но получил от французского короля пенсию. *Посмотрите: бережет Бурбон...*— Карл III герцог Бурбонский (1490—1527), прозванный «коннетаблем Бурбоном». Последний представитель старшей ветви Бурбонского дома. Участник битвы при Аньяделло, внес решающий вклад в победу французов при Мариньяно. Успешно защищал Миланское герцогство против войск императора Максимилиана (1516).
- 45 *Вот иной, и не французский Франциск...*— Франческо II Сфорца (см.: XXVI, 51, прим.). Дед, с которым он «схож»,— Франческо I Сфорца (1401 - 1466), основатель династии. *Над Тицином, где мантуанский князь...*— Федерико Гонзага (см.: XXVI, 48, прим.) успешно оборонял в 1522 г. Павию от французских и венецианских войск (см. след. окт.).
- 46 *Лев Морей.*— Венеция.
- 47 *Первый — сын того маркграфа Альфонса...*— Франческо д'Авалос (см.: XV, 28, прим.), сын Альфонсо, маркиза Пескары (см.: окт. 33). *А другой...*— Альфонсо д'Авалос (см.: окт. 27 слл).
- 49 *Под знаменами Проспера Столпа...*— О Просперо Колонна см.: XV, 28, примеч. *Бикока.*— Местечко близ Милана, где французские войска потерпели в 1522 г. поражение, вынудившее их окончательно оставить Миланское герцогство. *И король двумя ратями грядет...*— Поход 1524 г.
- 51 *Когда грянула ночная тревога...*— Битва при Павии (1525). «*Тот испанец*» — Карл V.
- 54 *Вот, оставив испанцам сыновей...*— Франциск I, подписав в испанском плену тяжелейший Мадридский договор (1526) и оставив двух сыновей заложниками, вернулся во Францию и, образовав Коньякскую лигу (Франция, Рим, Милан, Венеция), возобновил войну.
- 55 *Вот раззор и вот резня...*— В 1527 г. одиннадцать тысяч наемных немецких солдат взяли Рим и подвергли его грабежу и разгрому.
А союзный сонм...— Командующий войсками Коньякской лиги Франческо Мариа делла Ровере не двинулся на выручку союзному Риму и допустил, чтобы папу (Климента VII) взяли в плен.
- 56 *Лотрек-Оце де Фуа, виконт де Лотрек (1485—1528), маршал Франции, воевал в Италии уже при Людовике XII, командовал французскими войсками при Биккоке. пытался предотвратить битву при Павии, подверг разграблению Павию в 1527 г., умер при осаде Неаполя.*

Но уже первосвященник на воле...—Климент VII сумел договориться с испанцами ...город|| Над Сирениным гробом...— Неаполь по преданию воздвигнут на месте, где была похоронена сирена Партенопа.

Филипп Дориа-- Филиппино Дориа, флотоводец, сначала на службе у Франциска I командовал франко-генуэзским флотом и в Салернском заливе разбил испанскую эскадру (1528), взяв в плен маркиза дель Васто. Затем перешел на сторону Испании.

К тем двум рыцарям...— См.: XXXI, ПО.

Вслед Астольфу...— См.: XXIII, 16.

Арзилла...— См.: XIV, 23, прим.

Пнин. }/ В древности карфагенская колония в Нумидии, находилась близ совр. г. Аннаба. **Бузея**...— Совр. Беджаи^ (Алжир). **Капса**...— В древности город в Нумидии к юго-западу от Карфагена. **Альзерба**...— См.: XVIII, 46, примеч. **Береникин город**...— Береника, город, названный в честь дочери иудейского царя Агриппы (и возлюбленной императора Тита). Ныне— Бенгази. ...**Птолемеев**...— См.: XVIII, 165, прим.

А потом, поворотившись спиной...— Облетев северное побережье Африки, Астольф поворачивает на км. О Каренских горах см.: VII, 67, примеч. **Альбойада**...— На картах времен Ариосто имеется замок Альбагада, помещенный на северной границе Нубии. ...**Баттов гроб**...— Батт, согласно преданию,— основатель Кирены Ливийской (630 г. до н. э.). **И Амононова развалина храма**...— См.: XXIX, 59, прим. Оазис с храмом Амона отстоял от Кирены на 500 км. >

Достигает второго Тремизена...— Первая Тремизена, если следовать Ариосто, находится в Алжире (см.: XIII, 69, прим.); вторая, согласно испанскому глобусу XV в., принадлежавшему герцогу д'Эсте,— город в Нубии на левом берегу Нила. На том же глобусе обозначены Добайя и Кноад (см. ниже Добада и Коала), все эти города идентификации не поддаются.

В Эфиопии царствует царь Сенап...— Так Ариосто называет Пресвитера Иоанна (см.: окт. 106), героя популярной средневековой легенды. Согласно этой легенде, Иоанн был царем и первосвященником народа, исповедующего христианство и обитающего либо на азиатском востоке (традиция XIII—XIV в., Марко Поло и др.), либо в Африке у истоков Нила (более поздняя традиция). В Италии легенда была активно воспринята рыцарской литературой (в романе «Уго д'Альверниа», известном в четырех вариантах, один из которых принадлежит Андреа да Барберино; в романе того же Андреа «Гверин Горемыка»). См.: Райна. С. 462—464. Неясным остается происхождение имени, которое Ариосто дал пресвитеру (ясно лишь то, что у Ариосто был источник): есть мнение, что Сенап—искаженное имя одного из императоров Эфиопии. Легенда о пресвитере Иоанне сопрягается в «Неистовом Роланде» еще с несколькими античными и средневековыми сюжетными мотивами. Попытка проникнуть в Земной Рай—это тема средневековых сказаний об Александре Македонском, карают же дерзкого гарпии, известные Ариосто по Вергилию (Энеида, III, 210 елл) и Валерию Флакку (см.: XXXIV, 3, прим.). **Здесь крещатся не водою, а огнем**...— Марко Поло (Миллион, СXCIV), рассказывая об обряде крещения в стране пресвитера Иоанна, сообщает, что крещение водой дополнялось там крещением раскаленным железом.

Стая гарпий, лютых и беспощадных...— Ср.: Вергилий. Энеида, III, 227—228.

Из которой льется великий Нил...— Ариосто помещает истоки Нила у подножия горы, где расположен Земной рай, опираясь на легендарную традицию, согласно которой Нил является одной из четырех рек Эдема. Загадка истоков Нила была разрешена только в середине XIX в., хотя экспедиции на их поиски снаряжались уже при императорах Августе и Нероне, а в XVI в. миссионеры-иезуиты дошли до оз. Тана (т. е. до истоков Голубого Нила).

В стае их было семь...— Ср.: Вергилий. Энеида, III, 216—218; Данте. Ад, XIII, 13-15.

ПЕСНЬ XXXIV

Где же новые Зет и Калаид...— Согласно греческому мифу, боги ослепили фракийца Финея и наслали на него гарпий в наказание за то, что истязал своих сыновей (либо за то, что он указал детям Фрикса морской путь из Колхиды в Элладу). От гарпий Финея избавили аргонавты Зет и Калаид, крылатые сыновья Борей. Основной источник Ариосто—«Аргонавтика» Валерия Флакка (IV, 422—584).

Отшатну им трехгорланного пса...— В греческой мифологии вход в царство мертвых охраняет Кербер, чудовищный трехголовый пес. У Данте—страж третьего круга ада.

...я—Лидия...— История Лидии имеет источником эпизод «Романа о Паламеде», героями которого являются рыцарь Феб и дочь короля Нортумберленда. Дополнительный источник—рассказ Овидия (Метаморфозы, XIV, 697—771) об Анаксарете (см.: след. окт.). Ариосто учитывал также новеллу Боккаччо о Настаджо дельи Онести (Декамерон, V, 8)

- с ее мотивом посмертной кары за жестокость **В** отношении поклонника. См.: I С. 467—472. Имя ариостовской грешницы восходит, по-видимому, к стиху Горация III, XI, 25).
- 12 **Анаксарета.**—Отвергла любовь Ифиса, покончившего с собой, и превращена богами в камень. **Дафна.**—В греческой мифологии нимфа, которую полюбил Аполлон, но она спаслась от него, умолив богов превратить ее в лавр.
- 14 **Тесей.**—Покинул Ариадну. **Ясон.**—Оставил Гипсипилу и Медею. ...**смутитель Латинот царенья.**—Эней покинул Дидону и «смутил» войной Лаций, где царствовал Латин. **Здесь и тот, чьей кровью.**—Амнон, сын Давида, изнасиловал и затем отверг Фамарь, свои сводную сестру, и был убит Авессаломом, родным братом Фамари (Вторая Книга Царств, XIII).
- 18 **Карию, Памфилию, Киликию.**—Области Малой Азии.
- 36 ...до Тирканских вод. -Гиркания—см.: XVI, 23, прим.
- 38 ...с **лгстригонами.**—Лестригоны —В греческой мифологии народ великанов-людоежж (**Гомер**-, Одиссея, X, 80—132),
- 39 **Ни от мачехи, ни от Еврисфея.**—**Алкнд** (Геракл), преследуемый Герой («мачехок». поскольку отцом Геракла был Зевс, супруг Гёры), вынужден, искушая совершенное в ступе безумия преступление, служить царю Микен Еврисфею, своему двоюродному дяде- На этой службе Геракл совершает двенадцать подвигов, на шесть из которых Ариостл указывает с помощью географических перифраз: «в Лерне» (город на берегу Аргольскст-> залива)—гибра (второй подвиг); «в Немее» (город на северо-востоке Пелопоннеса) — те» (первый подвиг); «в Аркадии» —эриманфский вепрь (четвертый подвиг); «во Фракия кони Диомеда (восьмой подвиг); «над Ибером»—коровы Герiona (десятый подвиг); «над Тибром»—возвращаясь со стадом Герiona, Геракл в Италии убил разбойника Кап. похитившего у него часть коров; «над Ахелоем»—сватаясь за Деяниру, Геракл одолел бога реки Ахелоя (не входит в число двенадцати подвигов); «в Нумидийских степях» — победа над Антеем по пути за яблоками Гесперид (одиннадцатый подвиг).
- 53 **Дедал.**—См.: XXV, 37, примеч. ...**семь чуд земного света!**—В древности семью чудесами света считались египетские пирамиды, висячие сады Вавилона, статуя Зевса работы Фили, храм Артемиды в Эфесе, гробница Мавзола, Родосский колосс и Фаросский маяк.
- 58 **Иоанн.**—Иоанн Богослов, или Иоанн Евангелист, один из двенадцати апостолов, тлюс*- мый ученик Христа, автор, согласно церковной традиции, четвертого Евангелия, трех посланий и Апокалипсиса.
Что не смертью замкнутся его годы.—Согласно распространенной легенде, Иоанн избег смерти. Исходным пунктом для этой легенды в тексте Нового Завета послужил o-rted Христа Петру, вопросившему о судьбе Иоанна: «Если я хочу, чтобы он пребыл, поп приду, что тебе до этого?» (Иоанн, XXI, 22).
- 59 **Енох.**—Библейский патриарх, прадед Ноя. Согласно иудейско-христианской традиции*. первый в ряду святых, которые сохраняются в ином мире телесно живыми. Енох должеш вернуться на землю во времена Антихриста и принять мученическую смерть. **Им** Библейский пророк, считался взятым живым на небо. Вместе с Енохом будет пророчествовать в «конце времен», примет мученическую смерть от Антихриста и воскреснет **И Господь Христос сойдет в белом облаке.**—Ср.: «И тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою» (Лука, XXI, 27).
- 60 **Соблазненных плодом первоислушников.**—Адама и Еву, соблазненных райским яблоком:
- 61 **Когда юная вставала Заря.**—См.: VIII, 86, прим.
- 62 **Как на филистимлян Самсон.**—См.: XIV, 45, прим.
- 64 **Дважды и не дважды.**—Во «Влюбленном Роланде» (I, XXVI—XXVIII; II, XX- Роланд дважды бьется со своим двоюродным братом Ринальдом, оба раза ревнуя его к Анджелике.
- 65 **Царь Навуходоносор.**—В Библии царь Вавилона, которого Яхве в наказание за гордынзе лишил разума, и тот семь лет «ел траву, как вол» (Даниил, IV).
- 68 **Та, которая с иудейских гор.**—Илия был вознесен на небо в огненной колеснице (Четвертая Книга Царств, II, 11)
- 69 **К средостению вечного огня.**—См.: XXX, 49, прим.
- 70 **И такая же или чуть поменее.**—Точка зрения Плиния (Естественная история, II, XI i
- 72 **На луне—не то, что у нас.**—Окт. 72—82 восходят к одной из «Застольных бесел» («Сон») Леона Баттиста Альберти.
- 78 ...**ко ганимедам.**—Ганимеды—Фавориты (о Ганимеде см.: IV, 47, прим.).
- 80 ...**Константинов дар.**—См.: XVII, 78, прим.
- 86 **Пока вновь не сбился с пути.**—По всей видимости, отсылка к неоконченному продолжению «Неистового Роланда», так называемым «Пяти песням», где в песне IV рассказывает, как Астольф похитил чужую жену и был заживо проглочен китом.
- 89 **Сии суть Парки.**—Ариосто обходится двумя Парками (обычное их число—три): перагл. та, что «вывивает нити», представляет жизнь в ее естественной, равной себе сущнечтгж. вторая, та, что «делит лучшие к лучшим»,—жизнь в градации по этическим ценностям

ПЕСНЬ XXXV

- Государыня вы моя...*— Обращение к Алессандре Бенуччи (см.: 1, 2, прим.).
- Что родится сей за двадцать лет...*— Об Ипполите д'Эсте см.: I, 3, прим.
- ...царицы рек...*— По (ср.: *Вергилий*. Георгики, I, 482: «царь всех рек Эридан»).
- ...та.*— В античной мифологии река забвения, текущая в царстве мертвых. Данте помещает Лету в Земном раю, на вершине горы Чистилища.
- ...юснежные, как герб вашей милости...*— Герб д'Эсте — белый орел на голубом поле.
- ...С древнего Цезаря, бравшие пример...*— С Цезаря Августа (см.: окт. 26).
- И за то ему простили проскрипции.*— В 43 г. до н. э. второй триумвират (Октавиан, Марк Антоний и Марк Лепид) опубликовал список «врагов отечества» (проскрипции).
- 21** *То на деле было совсем не так...*— Переиначивая итоги Троянской войны, которые предпологает «Илиада», и подвергая бурлескной критике «Одиссею», Ариосто продолжает довольно устойчивую античную традицию, представленную, в частности, Дионом Христом (утверждавшим, что греки были побиты под Троей).
- ...Элисса.*— Другое имя Дидоны. Согласно более древней, чем римская, традиции, Дидона сохранила верность памяти супруга и взошла на костер, спасаясь от любовного преследования. В Италии эпохи Возрождения спорил с рассказом Вергилия (Марона) и защищал версию о чистоте Дидоны Петрарка (в «Триумфе Целомудрия»),
- 2** *А потом на пути к Парижу...*— См.: XXXIII, 77.
- 34** *Она ехала, шучи воителя...*— См.: XXXI, 78.
- 49** *Зачатый от ветра и пламени...*— См.: VII, 77, прим.
- И он тотчас помчался ей вослед...*— Последнее упоминание о Сакрипанте в поэме.

ПЕСНЬ XXXVI

- 2** *В той войне, о мой Ипполит...*— Имеется в виду война, завершившаяся битвой под Полеселлой (см.: III, 57, прим.). После победы захваченными венецианскими знаменами был украшен феррарский собор.
- 4** *Недостойнейшая мечь!*— Мечь за поражение Венеции при Аньяделло (см.: XXXIII, 38, прим.). *Сжав при кесаре осадою Падую...*— Осаду Падуи вели войска императора Максимилиана.
- 5** *Это было в тот день...*— 30 ноября 1509 г. венецианцы были вынуждены оставить корабли и укрыться в двух бастионах на берегу По.
- 6** *Как Эней, как Гектор...*— См.: Гомер. Илиада, XV, где, однако, Эней упоминается лишь однажды (331) и далеко не в кульминационный момент битвы за корабли. *Некий Геркулес и некий Александр...*— Эрколе Кантельмо и Алессандро Феруффино. Во время атаки на венецианские бастионы оба оказались в гуще врагов, Феруффино удалось спастись, Кантельмо был взят в плен и обезглавлен.
- 7** *О родитель...*— Сиджисмондо Кантельмо, герцог Соры (в Лации).
- 8** *Злой склавон!*— Венеция рекрутировала свои наемные отряды из славянского населения Балкан. *Сих Танталов, Атреев и Фиестов!*— Герои греческой мифологии. Тантал, испытывая всеведение богов, угостил их мясом своего сына; Атрей, внук Тантала, накормил своего брата Фиеста мясом его детей и был убит сыном Фиеста.
- 9** *Полифем и Антропофаг...*— Полифем — в греческой мифологии циклоп, одноглазый великан, питающийся человеческим мясом; Антропофаг — у Боярдо (И, XVIII) царь лестригонов (о лестригонах см.: XXXIV, 38, прим.).
- 36** *Преступление обоюдного их завета...*— См.: XXII, 34—35.
- 40** *Как под ветром полдня...*— Ср.: Овидий. Метаморфозы, IX. 661—662; Данте. Чистилище, XXX, 85.
- 60** *Ваш зачатый — Руджьер Второй...*— Ариосто, сделав Руджьера и Марфизу братом и сестрой, использовал мимоходом оброненное Боярдо упоминание о рождении вместе с Руджьером его сестры-близнеца (Влюбленный Роланд, II, I, 73). Вполне вероятно, что и сам Боярдо имел в виду подобное узвание. Автор «Влюбленного Роланда» в свою очередь использовал итальянскую эпическую традицию, согласно которой Галациелла, сестра Альмонта и Трояна и супруга Руджьера II, была не сожжена сарацинами по взятии Реджо (есть и такой вариант), а тайно переправлена Альмонтом в Африку, где родила двух близнецов и умерла в родах. Этот вариант судьбы Галациеллы известен уже Андреа да Барберино, автору «Аспромонта». П. Райна удалось обнаружить рукопись анонимного и не имеющего названия романа, героями которого являются именно рожденные Галациеллой близнецы, зовущиеся Аквилант и Формоза (см.: Райна. С. 449—452).
- 61** *Сирт.*— Большой Сирг, залив в Ливии.
- 64** *Но предначертано было в недвижных звездах...*— См.: XLI, 61.
- 70** *Отвечает Руджьер: их древний род...*— Во «Влюбленном Роланде» (III, V, 18 слл) Руджьер уже излагал Брадаманте свою родословную. Ариосто сильно сокращает древнюю ее часть

и кое-что добавляет, приближаясь ко времени своих героев. Согласно Боярдо, пост-падения Трои Андромаха укрыла своего и Гекторова сына Астианакта и подменила его другим младенцем, которого враги и убили. Астианакта верный рыцарь доставил в Сицилию, где тот вырос, женился на царице Мессины и погиб в войне с греками. Греки взяли Мессину, и вдова Астианакта бежала в Реджо, где произвела на свет Полидора. О Полидора родился Полидант, от Полиданта Фловиан, отец Констанция и Клодовака. О Констанция и императора Константина пошел род Карла Великого (см. генеалогическую таблицу II), от Клодовака — род Буово Антонского (в более распространенном варианте род Буово также восходит к Константину), один из сыновей которого владел Реджо и был предком Руджьера. Источники Боярдо — («Роман о Гекторе» и «Роман о Трое». Ариосто добавляет к ним сюжеты, связанные с Аспромонтом. Отдаленным историческим фактом побудившим Боярдо связать род Эсте с итальянским югом (Реджо) и через него с Францией и Троей, мог быть брак Альберто Аццо д'Эсте с Гарсендой де Мен, которая считала себя одной крови с потомками Карла Великого; их сын женился на дочери Робера Гвискар, (отсюда возможен ход в Калабрию, в Реджо).

- 72 *И Руджьер повел повесть...* — Далее следует расширенный вариант той истории, которая уже упоминалась Атлантом (окт. 60).
- 75 *...и Монгран и Клермонт...* — О Клермонте см.: II, 67, прим. Монгран (Монграна) — французском эпосе основателем этого дома является Гарен де Монгран. В итальянских традициях — один из сыновей Буово Антонского. Синибальд, воздвигнувший замок Монграну. Его брат, Гвидон, имел двух сыновей — Кьярамонта (Клермонта) и Бернарда. Первый воздвиг замок, названный его именем, но постригся в монахи, и замок вместе с именем достался Бернарду, ставшему прауродителем клермонтской ветви. В современном эпическом поколении крови Монграны — Оливьер, крови Клермонта — Роланд и Риналь; (см. генеалогическую таблицу II).

ПЕСНЬ XXXVII

- 5 *Тарпалика*. — См.: XX, I, примеч. *Томирита*. — Царица массагетов (VI в. до н. э.); победительница Кира. *Что сражалась за Турна...* — Камилла (см.: XX, I, прим.). *...что м Гектора...* — Пенфесилея (см.: XXVI, 81, прим.). *...приведшая тирийцев в заморский край...* — Дидона. После смерти мужа бежала из Тира в Африку, где основала Карфаген *Зиновия*. — Царица Пальмиры (ок. 266—272), в ее царствование были завоеваны Мала, Азия и Египет. *...та, что сознула ассириян, персов и индов...* — Семирамида (см.: XXV, 36 прим.). Согласно легенде, завоевала Индию.
- 6 *...до Гесперидского 11 Сада* — См.: XIV, 22, прим.
- 8 *Марулл*. — Михаил Марулл Тарханиот (1453—1500), латинский поэт, грек по национальности, Ариосто посвятил его смерти стихотворение. *Понтаи*. — Джованни Понтан' (1426—1503), латинский писатель, гуманист, политический деятель, занимавший видные посты при неаполитанском дворе. Автор среди прочего трех книг «О супружеской любви... *двое Строщи...* — Тито Веспасиано Строщи (1424—1505), автор латинских эклог, элегий, эпиграмм, речей, эпической поэмы («Борсиада»), придворный герцогов Феррарских, был дружен с Ариосто; его сын, Эрколе Строщи (ок. 1471—1508), латинский поэт, Ариосто посвятил ему эпитафию. *Капелл*. — Бернардо Капелло (1498—1565), венецианец, автор любовных стихотворений, высоко оцененных Бембо. *Бембо*. — Пьетро Бембо (1470—1547) венецианец, видный литератор, основоположник теории и практики ренессансного классицизма. Друг Ариосто, адресат нескольких его стихотворений. *Тот, кто по себе очертил Придворного...* — Бальдассаре Кастильоне (1478—1529), писатель, находился на службе герцогов Урбино, автор «Книги о придворном» (1528), в котором создал образ идеального человека в идеальной общественной среде. *Аламани*. — Луиджи Аламани (1495—1556) итальянский поэт, с 1530 г. жил во Франции, автор эпических и дидактических поэм, лирических и драматических произведений. Был знаком с Ариосто. *Оба равных любимыми Муз и Марса...* — Луиджи Гонзага (см.: XXVI, 50, прим.) и его тезка (ум. 1549), сын Джампьеро Гонзага. Оба из рода, правившего Мантуей, «краем», который «замкнутой рекой Минчо (зд. Минций).
- 9 *И один из них...* — Тот, о котором шла речь в XXVI, 50 *...Парнас и Кинф...* — О Парнасе см. XXIX, 29, прим. Кинф — гора на острове Делос, где родился Аполлон. *Изабелла* (ум. 1570) — дочь Веспасиано Колонна Старшего, вышла замуж за Луиджи Гонзага в 1528 г. (браки держались втайне до 1531 г.), преодолев сопротивление папы Климента VII, который не мог забыть Луиджи его роль в разграблении Рима в 1527 г.
- 12 *У наследных берегов своего Оллия...* — Река Ольо, левый приток По, обозначает владения Луиджи Гонзага, графство Газоло. «Братняя река» — Минчо. Завидует поэтической славе Луиджи Гонзага либо Вергилий, родившийся на Минчо, либо вообще всякий мантуанский поэт. *Геркулес Бентивольи*. — Эрколе Бентивольи (1506—1573), феррарец, родственник герцога Альфонса Г. автор нескольких сатир, в одной из которых в качестве собеседника,

- выведен Ариосто. *Ренат Тривульций*.—Миланец, автор любовных стихотворений. *Мой Гвидетт*...—Франческо Гвидетти, флорентинец, один из редакторов «Декамерона» для изд. 1527 г. Согласно не вполне достоверным данным, помогал Ариосто выдержать в его поэме тосканскую чистоту языка. *Мольца*,—Франческо Мариа МоLYда (1489—1544), поэт, автор латинских и итальянских любовных стихотворений. Был знаком с Ариосто.
- в *Геркулес Карнутский*.—Эрколе II (см.: III, 58, прим.), пользовался славой хорошего версификатора. Он носил титул герцога Шартрского, который здесь дается в латинизированной форме (карнаты—галльская народность, владевшая городом Аутрикум—совр. Шартром). ...*Вастский мой господин*...—Альфонсо д'Авалос (см.: XV, 28, прим.; XXVI, 52; XXXIII, 47—49).
- 14 *Иппокрена*.—В греческой мифологии источник вдохновения на горе муз Геликоне.
- п *Майя*.—В греческой мифологии горная нимфа, мать Гермеса (Меркурия). Зд. обозначает планету Меркурий. *В хоре звезд и в разладе с хором, звезд*...—Имеются в виду так называемые неподвижные звезды, вращающиеся вместе с небесной сферой, и планеты, движущиеся по своим орбитам.
- 18 *Виктория*.—Виттория Колонна (1490—1547), итальянская поэтесса, дочь («рожденная среди побед») Фабрицио Колонна (см.: XIV, 4, прим.), супруга («и с победой об руку») Франческо д'Авалос (см.: XV, 28, прим.). Оплакала в стихах смерть мужа. *Артемисия по любви к Мавзолу*...—Артемисия II, царица Галикарнаса (в Карий), почтила память своего брата и супруга Мавзола (ум. 353 г. до н. э.) гробницей, которая вошла в число семи чудес света («мавзолей»).
- 19 *Лаодамия*.—В греческой мифологии жена Протесилая, покончила самоубийством, узнав о смерти мужа, павшего под Троей от руки Гектора. *Порция* (ум. 42 г. до н. э.).—Дочь Катона Утического, жена Марка Брута, покончила с собой после смерти мужа. *Аррия* (Старшая) (ум. 42).—Жена Цецины Пета, приговоренного к смерти за участие в восстании против императора Клавдия. Она первая пронзила себя кинжалом и передала его мужу со словами: «Пет, не больно». *Аргия*.—В греческой мифологии дочь царя Аргоса Адраста и жена Полиника. Когда Полиник погиб под Фивами, Аргия, согласно варианту мифа, выкрала вместе с Антигоной его тело и возложила на погребальный костер. Всю жизнь оплакивала мужа. *Евадна*.—В греческой мифологии супруга Капанея, одного из предводителей похода «семерых против Фив». Бросилась на погребальный костер мужа. *Девять крат обвинившего мертвый дол!*—Ср.: «Девятиструйный поток и болота унылые Стикса» (Вергилий. Энеида, V), 439).
- 20 *Если Македонянин//Ревновал Ахилла*...—Согласно преданию, Александр Македонский, посетив могилу Ахилла, позабавовал его судьбе, даровавшей ему столь великого певца, как Томер (которого считали уроженцем Меонии).
- 27 *Как Вулканов сын*...—Согласно греческому мифу, Эрихтоний, один из первых аттических царей, рожденный землей от семени Гефеста (Вулкана) и имевший полузмеинное-получеловеческое тело, был отдан Афиной Палладой—спрятанный в ларец—на хранение дочерям афинского царя Кекропа. Аглавра и ее сестры, нарушив запрет богини, заглянули в ларец, за что Афина покарала их безумием. Эрихтоний, чтобы скрыть свою полузмеинную природу, изобрел колесницу.
- 28 *Словно вешние розы в Пестумских садах*.—Пестум—город на юге Италии, славившийся в древности розовыми садами. Ср.: «розарии Пестума, дважды в год цветущие» (Вергилий. Георгики, IV, 119—120).
- 36 *Не дивился так в старину*...—Согласно греческому мифу, жительницы острова Лемнос, оскорбленные мужьями, перебили всех мужчин на острове. Лемнос-посетили аргонавты во время плавания за золотым руном. Ср.: Данте. Ад, XVIII, 88—93.
- 37 *А она ему отвечает вот что*...—Начинается история Марганора, введенная Ариосто в третье издание поэмы. Сам Марганор ведет происхождение от известного персонажа бретонского цикла Бреуса Беспощадного (и причины их мизогинии имеют определенное сходство: Марганор мстит за сыновей, Бреус—за отца и друга). История Киландра воспроизводит распространенный сюжетный стереотип рыцарского романа. История Танахра обнаруживает знакомство Ариосто одновременно с двумя изложениями рассказа о галатской царице Камме—у Франческо Барбаро (О деяниях женщин, II, 1) и у Бальдасаре Кастильоне (Придворный, III, XXV—XXVI). Первоначальный источник сюжета—сочинение Плутарха «О достоинстве женщин». См.: Райна. С. 454—460.
- 92 *Как большая наша река*...—Имеется в виду По, истоки которой находятся у горы Монте-Визо (в древности Везул) и в который впадают реки Ламбро, Тичино (см.: XXXIII, 13, прим.) и Адда.
- 95 *Так волк*...—Ср.: *Стаций*. Фиваида, IV, 363—368; *Силий Италик*. Пуническая война, VII, 717—722.
- 106 *Рухни дерево — всяк к нему по дрова!*—Аналогичная пословица имеется в сборнике Эразма Роттердамского (Адагии, III, I, 86).
- по *Как поток*...—Ср.: Вергилий. Энеида, II, 305—307; Овидий. Фасты, II, 219—221.

ПЕСНЬ XXXVIII

- 2 *Больше золота, чем у Креза и Красса...*—Крез, царь Лидии (ок. 561—546 г. до в." и Марк Лициний Крассе (114—53 г. до и. э.), член первого триумvirата, прославлены своим богатством.
- 12 *До Тиринфских столпов...*—До Геркулесовых столпов (Геракл двенадцать лет провел в Тиринфе, служа Еврисфею, и воздвиг столпы, исполняя десятый подвиг).
- 20 *Когда длился бой вокруг Альбракских стен.*—Отсылка ко «Влюбленному Роланду XVII—XX). Ринальд встречает под Альбракой (о цели его приезда см.: XXXI, 41, прим Марфизу, явившуюся на помощь Галафрону и Анджелике, вступает с ней в поединок, но затем они примиряются и вдвоем обращают в бегство войско Галафрона, к которому Марфиза неожиданно переменяется. Марфиза продолжает помогать Ринальду, и когда тот ведет бой с рыцарями предателя Труффальдина.
- 21 *Сансонет.*—Невнимательность Ариосто: Сансонет отправлен вместе с другими пленниками Родомонта в Африку и будет освобожден Астольфом (см.: XXXIX, 33).
- 24 *На земную возвышеннейшую высь...*—См.: XXXII, 110.
- 29 *...дуст Австр к двум Медведицам...*—Австр—то же, что и Нот (см.: XX, 7, прим.). . он, будучи южным ветром, на север (к созвездиям Большой и Малой Медведицы).
- 30 *Он, имея при седле полый мех...*—Таким же образом в «Одиссее» (X) Эол пленил ветры, чтобы обеспечить Одиссею спокойное плавание.
- 33 *Традом ринул камни с горного склона...*—Ср. в изложении Овидия (Метаморфозы, I, 39* слл) миф о Девкалионе и Пирре, которые возобновили после потопа род человеческий, бросая камни.
- 35 *Браизард.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (I, XXVIII, 50), король Бузеи XXXIII, 99, прим.). *Король Ферзы...*—Фольв, персонаж «Влюбленного Роланда» >У. XXVIII, 52). *...король Альгазера...*—Буцифар, персонаж «Влюбленного Роланда» (II XXVIII, 52).
- 38 *Знаю, что негоже вождю...*—Слова Сципиона Африканского, согласно Валерию Максиму (О достопамятных деяниях и речениях, VII, II, 2).
- 43 *Царь Камбис...*—Камбис II, царь Персии (530—522 г. до н.э.), после завоевания Египта двинулся против Эфиопии, но погубил войско в ливийских песках.
- 48 *...взмолвил и отвечивал так...*—Собрин вспоминает о военном совете, который собрал Аграмант, решая, нападать ли ему на Францию. Голос Собрин был против войны, (Влюбленный Роланд, II, I, 18—77). Самыми яростными сторонниками нападения бы: кроме Родомонта, Тремизенский царь Альзирд, Марбалуст, царь Орана, и Мартасин, царь гарамантов. В живых остался один Родомонт; Мартасин убит Брадамантой еще во «Влюбленном Роланде» (II, VI, 13—14), Альзирд убит Роландом (XII, 73), Марбалуст—Ринальдом (XVI, 48).
- 55 *Испытал я его сам...*—Имеется в виду битва под стенами Парижа, описанная во «Влюбленном Роланде» (III, VIII). Собрину, по-видимому, неизвестно, что Брандимарт вместе с другими пленниками Родомонта отправлен в Африку.
- 57 *...от басков и до бактров...*—От крайнего запада до крайнего востока (бактры—жители Бактрии, древнего государства в Средней Азии, у отрогов Тянь-Шаня).
- 82 *Подступает Карл к алтарю...*—Клятвы Карла и Аграманта и сам поединок напоминают поединки Париса и Менелая у Гомера (Илиада. III, 266 слл) и Энея и Турна у Вергилия (Энеида, XII, 175—215).

ПЕСНЬ XXXIX

- 4 *И тогда-то волшебница Мелисса...*—Образцом для эпизода с Мелиссой послужил гомеровский рассказ об Афине, вмешавшейся в единоборство Париса и Менелая (Илиада. I 86—104), и рассказ Вергилия об аналогичном вмешательстве Ютурны (Энеида. XII, 222—258).
- 14 *Как под веющим ветром...*—Ср.: Вергилий. Энеида, II, 305—307; XII, 523—525. а также. Неистовый Роланд, XXXVII, 110.
- 20 *Раз и два уже обезлюдил царство...*—Первый раз отправляясь во Францию, второй раз—после отступления в Арль (ср.: XXXII, 4).
- 22 *Дудон.*—См.: VI, 41, прим. Он был взят в плен Родомонтом во время его первого набега на Францию (Влюбленный Роланд, II, XIV, 64—66, XV, 21, XXVIII, 53).
- 26 *Взявши полные горсти зеленых листьев...*—Чудо Астольфа имеет определенное сходство с превращением кораблей Энея в нимф (Вергилий. Энеида, IX, 79—122; Овидий. Метаморфозы, XIV, 527—565).
- 30 *Как о том уже я сказывал в свою пору.*—См.: XXIX, 33; XXXV, 44—45; 51. *...Роландов сват...*—Оливьер; брат Альды, жены Роланда.

- : *Словно Прокна в щебечущее гнездышко...*—Прокна (см.: III, 52, прим.) была превращена богами в соловья. «Щебечущее гнездышко»—выражение Вергилия (Энеида, XII, 475).
- 52 *Но как взвидел он римского орла...*—Знаки империи (орел), Франции (лилии) и Англии (леопард).
- Словно тот, кто небрежную пятою...*—Ср.: XXIII, 123.
- :-> *Человек Идикий, голый...*—См.: XXX, 15.
- И тогда-то она пустилась за море...*—См.: XXXV, 57—58.
- Бардин.*—Персонаж «Влюбленного Роланда», слуга Моноданта (о котором см.: VI, 34; XIX, 38). Оскорбленный царем, похитил его малолетнего сына и продал графу Замка Дремучей Чаши. Примирившись с Монодантом, отправился на поиски Брандимарта (Влюбленный Роланд, II, XI, 46—47; XIII, 10—11, 33—38).
- o *И как оный древний Силен...*—Силен у Вергилия (Буколики, VI, 24) обращается к связавшим его пастухам со словами: «Дети, пустите меня».
- *2 *Неоглядное поле, все в могильниках...*—Арльский некрополь, относится ко временам римской империи, в Средние века превращен в христианское кладбище. Считался местом захоронения христиан, павших в битвах с сарацинами у отрогов Пиреней. Ср.: Данте, Ад, IX, 112, 115.
- И готовит ту войну...*—Войну, которая приведет к Ронсевало.
- *Иной — в море от врага и меча...*—Окт. 84—86 следуют за описанием Лукана (Фарсалия, III, 661—690).

ПЕСНЬ XL

- ...это значит носить//Вазы в Самос...—Делать нечто абсолютно ненужное. Пословица из греческого перешедшая в латинский, и затем в итальянский.
- : *Долгое было зрелище...*—Битва при Полеселле (см.: III, 57, прим.; XV, 2; XXXVI, 2).
- Я не видел...*—Шестью днями раньше, 16 декабря 1509 г. Ариосто со всей возможной поспешностью отправился с посольством к папе Юлию II.
- *Мне о том поведали...*—Перечисляются лица из близкого окружения герцога и кардинала д'Эсте: Альфонсо Тротти, управляющий двором Альфонса I; «трое Ариосто»—идентификация затруднительна, один из них, видимо, Альфонсо, двоюродный брат поэта, состоял на службе кардинала; Альберто Честарелли, настоятель церкви Сан Клементе и Сан Грегорио, доверенное лицо кардинала; Аннибале Колленуччо; Афранио деи Конти, из Павии, музыкант, считался изобретателем фагота; Пьетро Моро; Франческо Зербинато, Ариосто посвятил ему эпитафию; после битвы при Полеселле нес одно из взятых венецианских знамен; Лодовико ди Баньо, секретарь кардинала (с 1506), крестный Вирджинио Ариосто, сына поэта, адресат I сатиры Ариосто.
- ...черному царю...—Сенапу.
- ...царь рек...*—По (см.: XXXV, 6, прим.). *И валами валит и рвет и мечет...*—Ср.: Вергилий, Георгики, I, 481—483; Энеида, II, 496—499.
- И всплывают рыбы...*—Ср.: Гораций, Оды, I, II, 9—10; Овидий, Метаморфозы, I, 296.
- Норандин.*—См.: XVII, 23.
- *Ганнибал.*—См.: XVIII, 24, прим. Вынужденный бежать из Карфагена, он был выдан римлянам вифинским царем Прусием и принял яд.
- Югурт.*—Царь Нумидии (118—105 г. до н.э.), был выдан римлянам его тестем, мавританским царем Бокхом.
- Людвик Мор.*—См.: XXXIII, 36, прим.
- А заступник его и вспомогатель...*—Имеется в виду французский король Людвик XII. Французы в очередной раз были вынуждены оставить Италию после битвы при Новаре (см.: XXXIII, 42, прим.).
- Вулкановой кузнею.*—Сицилией («Вулканова кузня»—Этна).
- г *...исплыв сюда из Арля.*—См.: XXXIII, 95.
- Помпеево бегство.*—Помпей (см.: XV, 31, прим.) после поражения при Фарсале бежал в Египет, где был умерщвлен.
- Басурман на христиан через Нил.*—См.: XXXIII, 101.
- лакробов...*—Легендарный народ долгожителей, обитающий в Эфиопии (см.: Плиний, гественная история, VI, XXX, 35). Во «Влюбленном Роланде» (I, IV, 34) царь Макробии входит в число вассалов Градасса.
- но остров Липадузу...*—Остров Лампедуза в группе Пелагских островов, к югу от Сицилии. На острове имеются развалины старинной башни, прозванной «башней Роланда».
- Рог Альмонта и коня Златоузды...*—Рог был похищен еще Брунелем (см.: XVIII, 109, прим.) и отдан им Аграманту. Коня Руджьер отдал Аграманту в дар (см.: XXX, 75).
- *Я домолвил, как сей и оный...*—См.: XXXIX, 8—9.
- т *пленными...*—Пулиан, «насамонский царь» (убитый, однако, Ринальдом—XVI, 46), Баливерз последний раз фигурировал при осаде Парижа (XVI, 75), то же—Еарурант, Агрикальт—это еще один случай «воскрешения из мертвых» (см.: XVI, 81), Маргард был оглушен ударом Роланда (XII, 84) и остался бездыханным на поле боя (XIV,

29), о Римедонте и Кларинде см.: XIV, 23—24, 113. В первом издании «Неистового Роланда» вместо Баливерза и Кларинда значились Бамбираг и Баластр, убитые много раньше (см.: XVI, 8; XVIII, 45). Этих двух «мертвецов» Ариосто заметил и в списке ошибок, приложенном к изд. 1521 г., заменил их на Баливерза и Кларинда. Однако в третье издание это исправление (видимо, по недосмотру) не вошло и утвердилось только в критическом тексте поэмы.

ПЕСНЬ ХLI

- 2 *Икарый*.— Согласно греческому мифу, афинянин, давший приют Дионису и получивший от него в подарок мех с вином. Икарый дал попробовать вина пастухам и те, опьянев, его убили, решив, что он дал им отраву.
...кельты и бойи.— По утверждению Тита Ливия (История Рима, V, 33), кельтские племена направились в Италию, привлеченные вкусом вина.
- 23 *О людские неверные упования!*—Ср.: Цицерон. Об ораторе, III, 11, 7.
- 26 *Потому что вы читывали и сами*.— См.: VII, 76, прим.; XXV, 15—16.
- 30 *...Вавилон под перуном*.— Вавилонскую башню, сраженную молнией. Символ ниспровергнутой сарацинской гордыни.
- 31 *Ради отеческой памяти и чести*.— В знак траура по отцу (см.: XXXIX, 62).
- 36 *Не без умысла*.— Чтобы утреннее солнце не было им помехой в бою.
- 37 *Ибо Аграманту он прежний друг*.— Согласно «Влюбленному Роланду» (II, XXVII—XXVIII), Брандимарт был с почетом принят при дворе Аграманта, однако в поэме Боярдо ничего не говорится об его участии в походе на Францию. Это тем более невозможно, что к моменту знакомства с Аграмантом он был уже христианином.
- 53 *«Савл, Савл, почто ты меня гонишь?»*.— В «Деяниях апостолов» (IX, 4) слова, которые услышал гонитель христиан Савл (будущий апостол Павел) по дороге в Дамаск.
- 55 *Медлил выгнуть выю под сладким игом*.— Ср.: «Ибо иго мое благо» (Матфей, XI, 30).
- 56 *И к тому сказав евангельский сказ о... виноградарях*.— Матфей, XX, 1—16. Сказ о хозяине, нанявшем работников в свой виноградник и заплатившем им поровну, независимо от того, когда они были наняты и сколько грудилась. Притча о царстве небесном.
- 61 *...за погибель Пинабелву*.— См.: XXII, 91.
...за Бертолагия.— См.: XXVI, 13.
- 63 *А потом, между Адидже и Брентою*.— Брадаманта родит сына между реками Адидже (впадает в Венецианский залив) и Брентой (то же), неподалеку от замка Атесте, будущего Эсте («фригийского», ибо основанного выходцами из Трои), у подножия Эвганейских холмов, богатых серными источниками. Эти места так понравились Антенору (одному из троянских старейшин, советнику Приама), что он после падения Трои решил поселиться здесь, основав город (Падую) и забыв ради новой родины Иду (гора в Троаде), Ксанф (река у Трои) и Асканий (озеро во Фригии). Легенду об основании Падуи Антенором см.: Тит Ливий. История Рима, I, 1; Вергилий. Энеида, I, 247—248.
- 64 *И взрастет ее сын*.— См.: III, 24, примеч. *А от Карла, которому измлада*.— См.: III, 25, прим.
- 65 *Domini hic este* — традиционная формула инвеституры («Будьте здесь господами»). Этимология фантастическая (правильная — в стихах 5—6).
- 67 *И еще велась речь о славном корени*.— См.: III, 26—59. Об Изабелле д'Эсте см.: XIII, 59, прим.

ПЕСНЬ ХLII

- 2 *Сам Ахилл, увидев, как его друг*.— Друг Ахилла Патрокл вышел на бой с Гектором в доспехе, одолженном ему Ахиллом («заемном»). Ахилл, мстя за друга, не удовлетворился смертью Гектора, но терзал его тело, привязав к колеснице.
- 3 *Не такая ли обуяла ярость*.— Речь идет о битве под Бастией (см.: III, 53—54, прим.), во время которой герцог Альфонс был оглушен ударом камня.
- 5 *...злуполучного Вестиделла*.— См.: III, 54, примеч. *...вчерашние нехристи*.— Крещенные арабы и евреи, сражавшиеся в испанском отряде.
- 20 *Фредерик Фульгоз*.— Федерико Фрегозо (ок. 1480—1541), из знатной генуэзской семьи, командовал флотом, посланным на борьбу с пиратами, и разбил их в морском бою на траверсе Бизерты. Впоследствии архиепископ Салернский и кардинал (1539), один из вдохновителей католической Реформы. Выведен в качестве собеседника в «Рассуждениях о народном языке» Бембо и в «Придворном» Кастильоне. С Ариосто встречался в 1507 г. в Урбино. Его упоминание в поэме в таком откровенно причудливом контексте можно, видимо, объяснить желанием поэта отблагодарить знатное генуэзское семейство, один из членов которого, Оттавиано Фрегозо (см. о нем ниже), дал Ариосто привилегию на издание «Неистового Роланда» (впервые окт. 20—22 появились в изд. 1521 г.).
- 22 *...даже пред вашим братом*.— Оттавиано Фрегозо, дож Генуи (1513—1522).
- 31 *И не сам ли Малагис в Анджеликином плену*.— Во «Влюбленном Роланде» (Г, V) рассказывается, что Анджелика, находившаяся под действием источника любви, обещала

- Ю *Я поведаю тебе исток и исход...*— Рассказ рыцаря восходит к истории Кефала и Прокриды, известной Ариосто из Овидия (Метаморфозы, VII, 672—866) и из драматического переложения вышеупомянутого Никколо да Корреджо (его «Кефал» представлен в Ферраре в 1478 г. и опубликован в 1510). См.: Райна. С. 496—498.
- п *Вспомни город повыше здешних мест...*— Город— Мантуя, река— Минчо, вытекающая из оз. Гарда (лат. Бенак) и впадающая в По. *Этот город воздвигся, когда рухнула...*— Т.е. когда пали Фивы, взятые эпигонами. Фивы были воздвигнуты Кадмом, сыном А тенора (поэтому твердыня «агенорова»), родоначальники фиванских родов выросли из посеянных Кадмом зубов дракона (поэтому твердыня «драконья»). О Манто и основании Мантуи см.: XIII, 59, прим.
- 18 *Посрамила бы самую Палладу...*— См.: XI, 75, прим.
- 23 *Лединой Елены...*— Елены, дочери Зевса и Леды (см.: III, 50, прим.). *...идейскому Парису...*— См.: XI, 70, прим.
- 24 *Мелисса.*— Идентична покровительнице Руджьера и Брадаманты.
- 28 *Ее выделала фея Моргана...*— Имеется в виду эпизод французского прозаического «Романа о Тристане»: фея Моргана, желая посеять вражду и смуту при дворе своего брата, короля Артура, посылает ему рог, имеющий свойство опрокидывать свое содержимое на грудь неверной жены. В стихотворном «Персевале» также имеется похожий рог, и он, как у Ариосто, обливает обманутого мужа. См.: Райна. С. 498—504.
- 32 *А воздвигнут он троянцами...*— Согласно легендарному преданию, Феррара (а речь идет о ней) была основана падуанцами, бежавшими из своего города в страхе перед нашествием гуннов (Атилла вторгся в Италию в 452 г.). Падуя ведет свое происхождение от троянца Агенора (см.: XLI, 63, прим.), поэтому и беженцы из Падуи названы «троянцами».
- 53 *Вот осталась Мелара по левую...*— Мелара и Фикароло находятся на левом берегу По, Сермида и Стеллата— на правом, в Мантуанской области. Близ Стеллаты По разделяла на два рукава, один из которых шел к Венеции, другой— к Ферраре.
- 54 *Бондено.*— Городок в месте впадения Панаро в По. *Осыпаемые алыми и белыми...*— Ср.: XXXIII, 13 *...два Тебальдовы замка.*— Крепость, построенная Тедалдо д'Эсте ок. 970 г. на северной границе Феррары и снесенная в 1860 г.
- 55 *Проезжая со мною здешний край...*— Это путешествие Ринальда и Малагиса вымышлен.: Ариосто. Окт. 56—59 впервые появились в изд. 1532 г.
- 56 *Островок...*— Бельведере, во времена Ариосто стал местом отдыха герцогского семейства и двора, был украшен изысканной парковой архитектурой и экзотической флорой и фауной.
- 57 *Что когда семь раз по сто раз...*— Когда солнце, расположенное в четвертой небесной сфере, семьсот раз соединится с созвездием Овна, что происходит весной. Т. е. когда пройдет семьсот лет (весен). *Павсикаин отчий край.*— Остров феаков, на котором находились вечно плодоносящие сады Алкиноя (Одиссея, VII, 112—128). *Навсикая*— дочь Алкиноя, оказала помощь Одиссею.
- 58 *...остров, милый Тиберию...*— Капри, который император Тиберий в последние семь лет жизни избрал своей резиденцией *...удолию Гесперид...*— См.: XIV, 22, примеч. *Ив Цирцейных не сыщется паствах...*— Остров Цирцеи (Кирки) населен животными, в которых она превратила людей. *Для сих мест оставит и Кипр и Книд.*— О Кипре см.: XVIII, 136, прим.: Книд— город в Карий (Малая Азия), центр культа Афродиты (Венеры).
- 59 *Сыном Геркулеса и отцом Геркулеса.*— Альфонс I, сын Эрколе I и отец Эрколе II.
- 63 *С правого в правейший...*— Правый рукав По (см.: окт. 53, прим.) за Феррарой вновь разделялся, образуя островок Сан Джорджо, на По ди Волано (слева) и По ди Примаро (справа). На левом берегу По ди Примаро, в шести милях от Феррары находилась башня Гайбана (рухнула в 1765 г.), на правом берегу— башня Фосса (также ныне не существует).
- 66 *О моей Кларисе...*— Согласно «Четырем сыновьям Эмона», женой Ринальда (Рено) была сестра Иона, гасконского короля.
- 70 *Опясанном медлительным Минцием...*— в Мантуе (см.: XIII, 59, прим.; XXXVII, 8).
- 71 *Это случай с Адонием...*— Нижеследующая новелла, как и предыдущая в этой же песни, восходит к истории Кефала и Прокриды. Однако если в рассказе рыцаря с чашей Ариосто использовал лишь первую часть сюжета, то теперь он берет сюжет целиком: не только испытание жены, но и ответное испытание мужа. Больше всего аналогий— с версией Гигина (Сказания, 189). Полностью сюжет встречается также у Антонина Либерала (Метаморфозы, 41). Кроме того, в первой части ариостовского рассказа заметны мотивы декамероновских новелл V, 8 и V, 9 (безответная любовь героя, его расточительство и обнищание), а во второй— новеллы II, 9 (ревность и месть обманутого мужа). См.: Райна. С. 504—511.
- 72 *Погруженный в Ульпианову премудрость.*— В занятия юриспруденцией. Ульпиан (ум. 228)— знаменитый римский законовед.
- 74 *Произрос из драконовой челюсти...*— См.: окт. 11, прим.
- 98 *Нам назначено обращаться в змей.*— Сам по себе мотив превращения волшебного помощника (помощницы) в животное (змею) принадлежит к числу фольклорных универсалий. Что касается закона еженедельной метаморфозы, которому подчинены феи, то Ариосто, видимо, почерпнул его из романа Андреа да Барберино «Гверин Горемыка», где аналогич-

- ным образом Сивилла Нурсийская и все ее присные обращаются в отвратительных рептилий, как только наступит час воскресной мессы. См.: Райна. С. 509.
- 116 *Обошел двенадцать своих созвездий...*— Прошел год.
- 135 *Эзоп*.— Безобразие Эзопа, легендарного греческого баснописца, стало нарицательным.
- 145 *Стен Ардженты над Сантернской пастью...*— Замок Арджента (см.: III, 41, прим.) на правом берегу По ди Примаро, в 18 милях от Феррары, в месте впадения в По реки Сантерно.
- 146 *Бастия...*— См.: III, 53—54, прим.; XLII, 3—5 *...по мертвой протоке...*— Рукав По, пролежавший в заболоченной местности, ныне не существует.
- 147 *Хоть Ринальд и привык бывать безденежен...*— Традиционная черта. Мятаж Рено против императора был переосмыслен в дальнейшей традиции в качестве разбоя из-за денег: в «Моргайте» Пульчи Ринальд прямо выходит на большую дорогу. О бедности Ринальда сохранились воспоминания даже во «Влюбленном Роланде». *Аримин*.— Римини. *Монтефлор*.— Монтефиорито, к югу от Римини.
- 148** *Не было тогда в Урбине...*— Называются современные и близкие ко времени Ариосто правители Урбино и их жены: Федерико III ди Монтефельтро, герцог Урбино (1474.—1482); Элизабетта Гонзага (см.: XLII, 86, прим.); ее муж, Гвидобальдо I ди Монтефельтро, сын Федерико, герцог Урбино (1482—1508); Франческо' Мариа делла Ровере (см.: XXVI, 49, прим.); его жена, Леонора Гонзага (см.: XLII, 86, прим.).
- 149 *...в Калью...*— Ринальд от Урбино через Кальи выходит на прямую дорогу к Риму («виа Фламминиа»). *Через Апеннины...*— Ринальд переваливает через Апеннины по проходу, проложенному при императоре Веспасиане; Метавр (Метауро), однако, здесь не протекает, а река Гави просто не существует. Ошибка Ариосто имеет литературный характер (и восходит к Клавдиану). Гави, видимо, результат неточной латинизации, которой подверглось название реки Кандильяно, притока Метауро.
- ...к городу, где сокрыл...Анхизовы кости...*— К городу Трапани на Сицилии, где Эней похоронил своего отца Анхиза (*Вергилий*. Энеида, III, 707—713).
- 151 *Он доспел лишь когда Англандский граф...*— См.: XLII, 23.
- 163 *Дамогира*.— Согласно «Влюбленному Роланду» (II, XIII, 31), Дамогира— столица царства Дальних Островов, где царствует Монодант.
- 165 *К той горе, которая пламенем...*— К Этне.
- 166 *... девственница ночи...*— Луна. *Быть о полночь погребальному чину*.— Похороны Брандмарта строятся по образцу похорон Палланта в «Энеиде» (XI, 21—99).
- 174 *Курций*.— Марк Курций, в 362 г. до н. э. бросился в пропасть, открывшуюся на Форуме, чтобы отвести от Рима гнев богов *...три Деция...*— Публий Деций Мус, консул, в 340 г. до н. э. во время первой войны Рима с самнитами пошел на смерть, исполняя волю богов, явленную ему в сновидении; его сын повторил тот же подвиг в 295 г. до н. э. во время II Самнитской войны; его внук, погибший в войне с Пирром (279 г. до н. э.) *...аргивский Кодр...*— Согласно легендарной традиции, последний царь Афин (XI в. до н. э.). Пошел на смерть в битве с дорийцами, узнав, что оракул предсказал победу той стороне, чей царь погибнет.
- 181 *...«кирие»...*— Купе eleison (Господи, помилуй)— католическое церковное песнопение.
- 184 *Галерана*.— Традиционный персонаж Каролингова цикла, сестра Марсилия и жена Карла. *Ницца*.— См.: XVIII, 74, прим. В Лице, согласно «Влюбленному Роланду», царствовал Долистон, отец Флорделизы.
- 185 *Недолго она продлилась...*— Смерть Флорделизы имеет значительное сходство со смертью дочери короля Нортумберленда («Роман о Паламеди»), которая уже послужила Ариосто моделью для Лидии (см.: XXXIV, 11, прим.). См.: Райна. С. 489. *Циклопического древнего острова...*— По античному поверью, в кузнице Вулкана под Этной трудились циклопы.
- 189 *0?1 чьих рук приял крещенье Руджьер...*— См.: XLI, 55—67.

ПЕСНЬ XLIV

- 7 *Оберег Руджьер Рикардета...*— См.: XXV, 7 слл. *Коих, сказано, отбил он у мавров...*— См.: XXV, 74 слл; XXVI, 2 слл.
- 12 *Константину, кесарю греческому...*— Не исключено, что Ариосто имел в виду конкретных исторических лиц. Константин V Копроним, император Византии (741—775), вел победоносную войну с болгарами (см. ниже) и имел намерение женить своего сына, Льва IV Хазара (император в 775—780), на принцессе французского двора (а вдова Льва IV, Ирина, собиралась заключить брак с Карлом Великим).
- 6 *И того, что прежде было оно Руджьеровым...*— См.: XLI, 25, 29.
- 17 *Из ужасного исхищеный сада...*— См.: XLI, 26, прим.
- Ни Елена троянскому своему похитчику...*— Похищение Елены стало причиной Троянской войны, в которой погиб похититель Парис и весь род Приама. Пирифой спустился в Аид, чтобы похитить супругу владыки подземного царства, и был в наказание прикован к камню у входа в царство мертвых.
- 77 *...единого:Щветом снежный...*— Старинный герб д'Эсте.
- 79 *Взять свой город из бухарского плена...*— Современный исторический фон для эпизода греко-болгарской войны — наступление турок на Балканах (Белград был ими взят в 1529 г.)

ПЕСНЬ XLV

- 1 *Поликрат*.—Тиран Самоса (535—522 г. до н. э.), при его правлении остров достиг апогея могущества и доминировал в Эгейском море. Обманутый сатрапом Сард, Поликрат был схвачен и казнен. ...*лидийский 11Государь*—Крез (см.: XXXVIII, 2, прим.), побежденный Киром и взведенный на костер, вспомнил слова Солона о том, что никто не может считать себя счастливым прежде смерти. Кир его помиловал. *Дионисий*.—Дионисий Младший, тиран Сиракуз (367—344 г. до н. э.), был свергнут и стал школьным учителем. (Крез и Дионисий в качестве примеров непостоянства фортуны упоминаются Овидием: Письма с Понта, IV, III, 35—38).
- 2 *Сервий*.—Сервий Туллий, царь Рима (578—534 г. до н. э.). Легенда приписывает ему низкое происхождение (сын рабыни, согласно Валерию Максиму). *Марий* - - 1ай Марий (см.: III, 33, прим.) выдвинулся из простых солдат. Изгнанный Суллой и внесенный в проскрипционные списки, вернулся в Рим и в седьмой раз был избран консулом. *Вентидий*.—Публий Вентидий Басе, из низкого звания стал консулом (43 г. до н. э.), победителем парфян (38 г. до н. э.) и был удостоен триумфа. *Людвик*.—Людвик XII (см.: XIV, 8, прим.), будучи еще Людовиком Орлеанским возглавил мятеж французских феодалов против Анны, регентши при несовершеннолетнем Карле VIII. Разбитый в 1488 г. при Сент-Обене-дю-Кормье (см. ниже: «при святом Альбине»), был взят в плен.
- 3 ...*чья дочь за сыном моегоЦ Государя*...—Рената Французская (см.: XIII, 72, прим.). *Матвей Корвин*.—Король Венгрии Матяш - (1458—1490), при своем предшественнике Владиславе V был в заключении и получил свободу после его смерти.
- ю ...*Новенградское узилище*... — Новиград, в Хорватии.
- п *Белтика*.—Идентификации не поддается. Высказывалось предположение, что речь идет о Белчине (Болгария).
- 39 *Как Прокна, как Филомела*... — См.: X, 113, прим.; XXXIX, 31, прим.
- 71 *Как арабский конь*... — Ср.: *Вергилий*. Георгики, III, 83—85.
- 75 *Кто в осаде*... — Ср.: *Вергилий*. Энеида, V, 439—442.
- 78 ...*за Алкидовыми столпами*...—За геркулесовыми.
- 92 *Сам крылатый конь, что меж горних звезд*... —Пегас, превращенный в созвездие.
- 93 *Арион*.—Конь, подаренный Посейдоном Адрасту и владевший человеческой речью. *Киллар*.—Конь Полидевка.
- 102 *Но когда тенистый Ноктурн*... — Бог ночи (Ноктурн) обитал, согласно античной мифологии, у киммерийцев (сказочный народ, живущий у Азовского моря). Ср.: *Овидий*. Метаморфозы, XI, 592—593.
- 104 *Что своими ушами слышала*...—Руджьер и Брадаманта обменялись брачным обещанием (XXII, 34—35), но Марфиза при этом не присутствовала. О своем обручении с Брадамантой Марфизе рассказывал Руджьер (XXXVI, 68).
- 112 *Как в порыве Австра или Борей*...—Ср.: *Вергилий*. Коргики, IV, 261—262; Энеида. X, 97—99; *Данте*. Чистилище, XXVIII, 19—21.

ПЕСНЬ XLVI

- 1 *Если плавателю не лгут чертежи*...—Ср.: *Вергилий*. Георгики, II, 41; IV, 116—117; *Данте*. Чистилище, I, 1—2; Рай, II, 1—9 (отождествление поэтического творчества с мореплаванием).
- 3 *Мамма*.—Прозвище Беатриче, дочери Никколо да Корреджо (см.: XLII, 92, прим.) и жены Никола Квирико Санвитале. *Джиневра*.—Либо дочь Никколо Рангони и жена сына Никколо да Корреджо, Джангалеаццо, либо дочь Гвидо да Корреджо и жена (в первом браке) Джованни Бентивольо, синьора Болоньи. ...*все Корреджи*... —Сестры Беатриче, Изотта и Элеонора. *Вероника Гамбара* (1485—1550).—Известная поэтесса, жена графа Джильберто X да Корреджо.
- 4 ...*вторая Джиневра*... —Вероятно, дочь Вероники гамбара и жена Паоло Фрегозо. *Юлия*.—Неизвестное лицо. *Ипполита Сфорца* (1481 — ок. 1520).—Дочь Карло Сфорца и жена феррарца Алессандро Бентивольо (Банделло посвятил ей первую новеллу своего сборника). *Тривульция Домицилла*.—Домитилла, дочь миланца Джованни Тривульцио и жена Франческо Торелло, графа Монтекаручоло, отличалась образованностью, красотой и прекрасным голосом; родители (как писали современники) с детства посвятили ее музам («священным недрам» дельфийского оракула Аполлона). *Эмилия Пия*.—Эмилия (ум. 1528), из семейства Пио ди Карпи, жена Антонио да Монтефельтро. *Маргарита*.—Маргарита Гонзага, внебрачная дочь Франческо Гонзага, фрейлина герцогини Элизабетты (см.: XLII, 86). *Грациола*.—Грациола Маджи, жена Энеа Пио ди Карпи, придворная дама герцогов д'Эсте, отличалась прекрасным голосом и игрой на лютне. *Анджела Борджия*.—Фрейлина (и двоюродная сестра) Лукреция Борджа (см.: XIII, 69). предмет соперничества братьев Ипполита и Джулио д'Эсте. *Риккарда Эсте*.—Единственная известная представительница рода Эсте, носившая имя Ричарда—это супруга Никколо III и мать Эрколе I (см.: XLII, 90, прим). *Бланка Диана*.—Бьянка, дочь Сиджисмондо д'Эсте (и внучка Ричарды), жена Альберико Сансеверино; Диана, сестра Бьянки (см.: XLII, 90, прим).

- Известна еще только одна дочь Сиджисмондо по имени Лукреция (см.: XIII, 65, прим).
- 5 *Турка Барбара*. — Либо дочь герцога Бранденбургского и супруга Лодовико Гонзага по прозвищу Турк, либо (что более вероятно, учитывая положение в списке имен) одна из представительниц знатного феррарского рода Турки. *Лаура*. — Лаура или Эустокия Дианты (ум. 1573), фаворитка, затем третья жена Альфонса I; от союза с ней пошла моденская ветвь Эсте. *Джиневра третья*. — Джиневра д'Эсте, сестра Эрколе II и супруга Сиджисмондо Малатеста, синьора Римини.
  - 6 *Колембалса на краю Рубикона*. — Рубикон — река, служившая в древности границей между цизальпинской Галлией и Италией, без разрешения сената войскам переходить за эту границу было запрещено. Двинув войска через Рубикон (17 декабря 50 г. до н. э.), Юлий Цезарь начал гражданскую войну.
  - 7 *Вот жена, вот мать*. — Боццоло — замок на левом берегу Ольо; синьором его был Федерико Гонзага, его жена — Джованна Орсини, его мать — Антония дель Бальцо. *Торелли*. — Знатный род. Известна Барбара Торелли (1475—1533), вдова Эрколе Бентивольо, затем — Эрколе Строцци, хозяйка литературного салона в Ферраре, автор, по крайней мере, одного (и незаурядного) стихотворения. *Бентивольи*. — Род властителей Болоньи (1401—1506); одна из встречающихся, скорее всего, Костанца Бентивольо, жена Лоренцо Строцци (брата Эрколе Строцци). *Висконти*. — Род властителей Милана (до 1447). *Паллавичини*. — Знатный миланский род.
  - 8 *Юлия Гонзага*. — Джулия Гонзага (1513—1556), дочь Лудовико Гонзага (из саббонетской ветви), супруга Веспасиано Колонна Младшего, сына Просперо Колонна (см.: XV, 28, прим.). Славилась красотой. В 1534 г. ее пытался похитить знаменитый пират Барбаросса. *С нею свойственница*. — Изабелла Колонна (см. о ней и ее «верности»: XXXVI, 9, прим.). *...арагонская Анна*. — Женой Альфонсо д'Авалос, маркиза дель Васто (см.: XV, 28, прим.), была Мария (род. после 1503—1568), дочь Фердинанда, графа ди Каstellана, внучка Фердинанда I Арагонского (см.: XXXIII, 23, прим.).
  - 9 *И с сестрою*. — Джованна Арагонская (1502—1575), супруга Асканно Колонна. Поэты превозносили ее как образец женской красоты. Портрет кисти Рафаэля в Лувре. *Виктория*. — Виттория Колонна (см.: XXXVII, 18, прим.).
  - ю *Аскольт Единственный!* — Франческо Аскольти (1485—1535), аретинец, поэт-импровизатор, прозванный за свое мастерство «единственным».
  - 11 *Бенедикт*. — Бенедетто Аскольти (ум. 1548), кардинал Равенны, секретарь папы Климента VII. *С кардиналами из Болоньи и Мантуи*. — Первый — это Лоренцо Кампеджи (1474—1539), болонский правовед, епископ Болоньи, кардинал (1517), один из крупнейших церковных дипломатов своего поколения; Ариосто имел с ним дела, когда решил (в 1530) узаконить своего сына Вирджинио. Второй — Эрколе Гонзага (см.: XXVI, 51, прим.).
  - 12 *Лактанций*. — Латтанцио Толомеи, из Сиены, литератор. *Клавдий Птолемей*. — Клаудио Толомеи (1492—1555 или 57), его родственник, известен работами об итальянском языке, автор сочинений по истории, поэт. *Павел Панса*. — Пауло Панса, из Генуи, латинист, кардинал. *Триест*. — Джанджорджо Триссино (1478—1550), известный литератор, один из ранних теоретиков и практиков классицизма, автор, среди прочего, первой «правильной» трагедии «Софонисба» и героической поэмы «Италия, освобожденная от готов». Будучи изгнан из Венеции, несколько лет (до 1514) прожил в Ферраре. *Латинский Ювенал*. — Латино Джовенале деи Манетти, из Пармы, литератор, в 1534 г. стал папским антиквариусом. *Капилупи*. — Восемь братьев Капилупи из знатного мантуанского рода, наиболее известны: Лелио (1497—1560), Камилло (1504—1547), Ипполито (1511—1580). Прославились как дипломаты на службе маркизов и герцогов Гонзага, занимались и литературой. *Сакс*. — Панфило Сасси (ок. 1455—1527), из Модены, латинский и итальянский поэт (в том числе известный и как импровизатор). *Мольца*. — Франческо Мариа Мольца (см.: XXXVII, 12, прим.). *Флориан Монтин*. — Флориано Флориани да Монтаньяна (женился на фрейлине Катерины Корнаро — с этим браком соотнесено действие «Азоланских бесед» Бембо). *Юлий Камилл*. — Джулио Камилло Дельминнио (1479—1544), латинский и итальянский поэт, автор сочинений по риторике и «Театра наук» (так и не увидевшего свет и вряд ли написанного), универсального пособия для овладения всеми областями знания, в первую очередь красноречием и поэзией («проторивший тропу к аонийской влаге»). *Марк Антоний Фламиний* (1498—1550). — Известный латинский поэт, в почете при дворе Льва X. *Санга*. — Джованбаттиста Санга (ум. 1532), из Рима, латинский поэт, секретарь Климента VII. *Берна*. — Франческо Берни (ок. 1497—1535), один из самых известных авторов бурлескных стихов, переделал, тосканизировав, «Влюбленного Роланда», надолго вытеснив из литературного обихода оригинал, служил у крупных итальянских прелатов и у Климента VII.
  - 13 *Александр Фарнезский*. — Алессандро Фарнезе (1468—1549), папа под именем Павла III (1534); литератор и меценат, инициатор католической Контрреформации. *Федр*. — Томмазо Ингирами (ок. 1470—1516), из Вольтерры, префект Ватиканской библиотеки, профессор риторики (прозванный Федром или Федрой после исполнения в Риме заглавной партии в «Федре» Сенеки). *Капелла*. — Бернардино Капелла (ок. 1460—1524), римлянин, латинский поэт, оратор, активный член римских литературных академий, начиная с академии Помпония Лета. *Порций*. — Камилло Поркари, римлянин, поэт, профессор риторики, епископ

- в понтификат Льва X. ... *Филипп 11 Из Болоньи*.— Филиппо Бераальди (1472—1511) — ватиканский поэт, префект Ватиканской библиотеки, доверенное лицо Льва X, издатель Тапийта. *Вольтерран*.— Марио Маффеи, из Вольтерры, латинский поэт. *Магдалин*.— Эванжелиста Паоло Маддалени, римлянин, латинский поэт. *Пиерий*.— Джампьетро Валернаво Больцани (1477—1558), из Беллуно, поэт, прозаик, археолог, наставник Ипполита и Алессандро Медичи (прозванный Пиерием как ревнитель муз—Пизрид). *Блоссий*.— Бьязьяш Паллаи (ум. 1550), из Сабини, секретарь Климента VII и Павла III. *Вида*.— Марко Джжж* ламо Вида (1485—1566), епископ, участник Тридентского собора, известный латинский поэт («Христиада») и теоретик поэзии («Поэтическое искусство»). *Ласкарь*.— Иоанн Ласпис (ок. 1445—1534), из Константинополя, один из виднейших пропагандистов эллинистической культуры в Западной Европе (во Флоренции при Лоренцо Великолепном, в Риме при Льве X, во Франции при Франциске I). *Музура*.— Марк Музура (ум. 1517), с Крита, ученик Ласкариса, профессор греческой грамматики в Падуанском университете, кардинал. *Нжжгерий*.— Андреа Наваджеро (1483—1529), из Венеции, ученик Музуры, латинский поэт, библиотекарь и историк Венецианской республики. *Андрей Марон*.— См.: III, 56, прим.*. ... *чернец Север*. — Северо, из Вольтерры, поэт, монах камальдильского монастыря.
- 14 *Орологий*.— Алессандро дельи Оролоджи, падуанский литератор. *Гварин*.— Алессандро Гварино, поэт, секретарь Альфонса I, профессор Феррарского университета (внук Гварини да Верона и дядя автора «Верного пастуха»). *Марий Ольвит*.— Марио Эквиола (1470—1525), секретарь Изабеллы д'Эсте, историк Мантуи, автор «Книги о природе любви?» (прозванный Ольвитом как уроженец Альвиты в Кампании). *Аретин*.— Пьетро Арет (1492—1556), одна из самых ярких фигур XVI в., разносторонний и одаренный писатель, беззащитно использовавший свое перо и свою славу в целях саморекламы и шантажа («божественный» и «бич владык» — это его самохарактеристики). *Двое Иеронимов*.— Джироламо Верита (по-итальянски его фамилия значит «истина»), из Вероны, поэт. Джироламо Читтадини (его фамилия переводится как «гражданин»), ломбардец, латинский поэт. *Майнард*.— Джованни Майнарди (1462—1536), придворный врач Ипполита д'Эсте, лечил Ариосто во время его предсмертной болезни. *Теокрен*.— Бенедетто Тальяка (ок. 1480—1536), из Сарзаны, секретарь Генуэзской республики (1514), воспитатель детей Франциска I, латинский поэт. *Целий*.— Челио Кальканьини (см.: XLII, 90, прим. V *Паниццат*.— Никколо Марио Паниццато, латинский поэт, профессор риторики в Феррарском университете. *Леоничен*.— Никколо Леоничено (1428—1524), из Виченцы, врач и литератор, служил в Ферраре (при Эрколе I и Альфонсе I).
- 15 *Бернард Капелл*.— См.: XXXVII, 8, прим. *Петр Бембо*.— См.: XXXVII, 8, прим. Злее* Бембо упомянут как автор «Рассуждений в прозе о народном языке» (1525), где излагает идею наддиалектного литературного языка, ориентированного на грамматику и словарь итальянской литературной классики. *Гаспар Обицци*.— Гаспаре Обицци, из Падуи, последователь Бембо. Ариосто гостил у Обицци в ноябре 1521 г. *Фракастор*.— Джироламо Фракасторо (1478—1553), знаменитый астроном, географ, геолог (заложивший основы палеонтологии), врач (автор поэмы «О французской болезни»), философ (диалог «Навагерий или О поэтике»). *Беваццан*.— Агостино Беваццано (был жив в 1549), латинский поэт при дворе Льва X и Климента VII. Родом из Тревизо. *Трифон Гавриил*.— Венецианский патриций и эрудит, своего рода арбитр в вопросах поэзии, пользовавшийся всеобщим признанием, но ничего не опубликовавший. Был жив в 1549 г. *Бернард Тассо*.— Бернарде Тассо (1493—1569), из Бергамо, лирический и эпический поэт (поэма «Амадиджн секретарь герцогини Ренаты, князя Сансеверино. Отец Торквато Тассо.
- 16 *Николай Аманий*.— Никколо Аманий (ок. 1468—до 1528), из Кремы, поэт. *Николай Тьепол*.— Никколо Тьепол, венецианский патриций, латинский поэт, реформатор Паладианского университета. *Антон Фульгоз*.— Антониотто Фрегозо (ум. 1532), из миланского Фрегозо, придворный Лодовико Моро, автор аллегорических и бурлескных стихов. *Варий*.— Джанфранческо Валерио (см.: XXVII, 137, прим). *Бариньян*.— Пьетро Бариньяно (не было в живых в 1549), из Пезаро (или из Брешии), поэт, придворный Льва X.
- 17 *Пико*.— Джанфранческо Пико делла Мирандола (1470—1533), племянник знаменитого гуманиста и философа Джованни Пико, эрудит, автор работ по разным областям знания, полемизировал с Бембо по вопросу о подражании. *Пио*.— Альберто III Пио ди Карт (1475—1531), двоюродный брат Пико, соученик Ариосто в школе Григориио да Сполет; адресат нескольких его стихотворений. Заметная фигура в политической жизни Италии эпохи итальянских войн. *Яков Саннадзар*.— Якопо Саннадзаро (1458—1530), знаменитый неаполитанский писатель, автор «Аркадии», положивший начало жанру пасторали в новоевропейской литературе. Здесь упомянут как автор «Рыбачьих эклог».
- 18 *Пистольф*.— Бонавентура Пистофило, из Понтремоли, канцлер и нотариус Альфонса I (его рукой написан указ о зачислении Ариосто в штат герцогского двора), адресат одной из сатир Ариосто и нескольких писем. *Ангиар*.— Либо Пьетро Мартине д'Англаре, поэт и путешественник, либо Джироламо Анджелиано (1470—1535), эрудит. ... *три Аччайоли*.— Пьетро Антонио, его сын Якопо, его племянник Аркелао — флорентийцы, на службе при феррарском дворе. *Аннибал Малагуцци*.— Аннибале Малагуцци (1482—1545), из Реджо, двоюродный брат Ариосто, адресат двух его сатир. *Одоард*.— Из Реджо, поэт, сведений о нем почти нет.

- 19 *Виктор Фавст*.—Профессор греческого в Венеции, автор небольшого трактата «О комедии». Заведовал строительством судов в Венецианском арсенале., *Танкред*.—Анджело Танкреди, профессор Падуанского университета.
- 59 *Как седой Эгей*...—Медея подговорила Эгея, царя Афин, отравить его сына Тесея, росшего на стороне и пришедшего в Афины неузнанным., Эгей узнал сына по оставленному ему мечу и успел отшвырнуть чашу с ядом.
- 67 *А не рад Гапелон, не рад*...—И далее называются второстепенные персонажи Каролингова цикла из майнцского рода: граф Ансельм—отец Пинабеля (см.: II, 58); Фалькон—упомянут во «Влюбленном Роланде» (I, II, 51); Гинам Байонский—известен «Историям Ринальда» и «Влюбленному Роланду» (I, III, 43); Гин—сын Гинама.
- 81 *Лучший и вожественнейший рыцарь*...—Иполит д'Эсте.
- 82 *Но когда в измене нашел он смерть*...—Ариосто придерживается не гомеровской версии, согласно которой Ахилл убил Гектора в честном бою (хотя и в «Илиаде» Гектор обманут Афиной), а традиции, восходящей к апокрифу Диктиса Критянина и изображающей смерть Гектора результатом предательской ловушки. *Синон*.—Мнимый перебежчик, убедивший троянцев ввести в город оставленного греками деревянного коня и ночью выпустивший прятавшихся в коне греческих воинов. *Менелая, который его оставил*...—Согласно варианту мифа, в Трое с Парисом находился призрак Елены, а сама Елена все время Троянской войны провела в Египте, пользуясь гостеприимством царя Протея. Обмен Елены на шатер—вымысел Ариосто.
- 83 *Птолеми*.—Династия, царствовавшая в Египте с 323 по 30 г. до н. э. *А от Клеопатры в Левкадском море*...—Марк Агриппа (63—12 г. до н. э.), ближайший сподвижник Октавиана Августа, одержал в 31 г. до н. э. решительную победу над флотом Марка Антония и Клеопатры (битва при Акции). Левкадское море—Ионическое.
- 84 *Ибо стал ему Тибр постыл*...—Имеется в виду перенос столицы из Рима в Константинополь (330). *Апеллес*.—См.: XXVIII, 4, прим.
- 85 *Вспомогали рождающей королеве*...—Элеоноре Арагонской (см.: XIII, 68, прим.). *Здесь Юпитер и речистый Меркурий*...—Античные божества символизируют телесные и духовные совершенства, которыми одарен Ипполит: Юпитер—величие, Меркурий—красноречие, Венера—красоту, Марс—мужество.
- 87 *И как он пришел на Дунай*...—Семи лет Ипполит получил епископство Эстергомское (см. след. окт.) и отправился в Венгрию, где правил Матвей Корвин (см.: XLV, 3, прим.) и Беатриче Арагонская, тетка Ипполита.
- 88 *Вот на турков, вот на немцев*...—Ипполит застал конец царствования Корвина и не был свидетелем его побед над турками (завоевание Боснии—1463, Молдавии и Валахии—1467) и германцами (подчинение Богемии—1468—1479, Силезии и Моравии—1478).
- 89 *Фуск*.—Томмазо Фуско (ум. до 1517), наставник, затем секретарь Ипполита д'Эсте.
- 90 *Вот он юный*...—Кардиналом Ипполит стал в 14 лет.
Если сей примет плащ Петра Апостола!—Т. е. если станет папой.
- 93 *И ту пятаю*...—Щедрость, которую Ариосто добавляет к естественным добродетелям.
- 94 *С бездоленным князем инсубрийским*...—С Лодовико Моро (см.: XIII, 62, прим.). Об «инсубрийском» крае см.: III, 62, прим. О «змеях» см.: там же.
- 95 *Заговор, II От любимейших умышленный родичей*...—Заговор Джулио и Ферранте д'Эсте (см.: III, 60—62, прим.). Роль Ипполита в раскрытии заговора исторически достоверна. *И за то зовется званьем*...—Звание отца отечества, присвоенное Цицерону сенатом за подавление заговора Каталины (63 г. до н. э.).
- 96 *Зрится он в сияющих латах*...—Имеется в виду вклад Ипполита в подавление попытки Бентивольо вернуть Болонью (1507), перешедшую под власть папы Юлия II. *Он пришел, увидел, победил*.—Слова Юлия Цезаря после победы при Зеле (47 г. до н. э.) над царем Боспора Фарнаком II.
- 97 *Зрится он у отчего берега*...—Битва при Полеселле (см.: III, 57; XV, 2; XXXVI, 2; XL, 2—4). В письме кардиналу Ипполиту от 25 декабря 1509 г. Ариосто писал: «Сего дня дошло до нас известие, что Ваше Высокопреосвященство вместе с герцогом разбило на По венецианский флот... Сердечно тому радуюсь, ибо, не говоря об общем благе, и моей музе будет что прибавать к историям, украшающим шатер Руджьера».
- 102 *Это был король Алджерский, который*...—См.: XXXV, 48—52.
- 108 *Тут маркграф с черным сыном и белым сыном*...—Оливьер с Аквилантом и Грифоном, по *Датский сын*...—Дудон.
- III *Трепетны, как горлинки*...—Ср.: *Вергилий*. Энеида, II, 515—517.
- 119 *Уж не та драконова чешуя*...—См.: XIV, 118. *Как об этом, помнится, я уж сказывал*.—См.: XXXV, 52.
- 136 *Как паннонская или как иберская*...—Венгерская и испанская.
- 140 *Дважды, трижды*...—Последняя октава строится по образцу заключительных строк «Энеиды» (XII, 950—952).
Pro bono talit—Злом за добро. Сентенция общего порядка, не имеющая прямого отношения к судьбе поэмы. Здесь не может иметься в виду неблагодарность Ипполита д'Эсте, поскольку сентенция была помещена уже в первом издании.

ЛУДОВИКО АРИОСТО

НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД

Песни XXVI—XLVI

Утверждено к печати

Редакционной коллегией серии "Литературные памятники" Российской Академии наук

Редакторы издательства О.К. Логинова, Л.М. Стенина. Художник В.Г. Виноградов.

Художественный редактор Н.Н. Михайлова. Технический редактор Н.Н. Кокина.

Корректоры Н.П. Гаврикова, Ф.И. Грушковская

ИБ № 47495

Сдано в набор 08.01.92. Подписано к печати 20.11.92. Формат 70х100V16- Гарнитура тайме.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 43,86. Усл.кр.отт. 45,15. Уч.-изд.л. 38,9. Тираж 20000 экз. Тип. зак. № 4086

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства "Наука" 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6